

**ПАЛЕОРОСИЯ. ДРЕВНЯЯ РУСЬ:
во времени, в личностях, в идеях**

Παλαίωρωςία
εν χρόνω, εν προσωπω, εν ειδει

Научный журнал

2018
№2 (10)

Материалы научной конференции
«Властные, социальные и религиозные
институты Древней Руси:
история взаимовлияния и взаимодействия»
Санкт-Петербург, 21-22 и 25-26 июня 2018 года



Санкт-Петербург
Издательство СПбЦДА
2018 год

УДК 94(47)(051)

ББК 63.3(2)4я5

П 14

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-903-0071

Редакционная коллегия:

Гайдено П. И., д.и.н. (Казань) (председатель);
Костромин К. А., прот., к.и.н., к.б. (Санкт-Петербург) (секретарь);
Гладков А. К., к.и.н. (Москва); Громов М. Н., д.филол.н. (Москва);
Мильков В. В., д.филол.н. (Москва); Петров А. В., д.и.н. (Санкт-Петербург);
Петров Н. И., к.и.н. (Санкт-Петербург);
Почекаев Р. Ю., к.ю.н. (Санкт-Петербург); Симонов Р. А., д.и.н. (Москва);
Успенский Ф. Б., д.филол.н. (Москва);
Шапошник В. В., д.и.н. (Санкт-Петербург)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
и в Электронную библиотеку («КиберЛенинка»)

Главный редактор: к.и.н., к.б. прот. К. А. Костромин

П 14 Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : научный журнал / Санкт-Петербургская Духовная Академия. — СПб. : Изд-во СПбПДА, 2014 — .

Выпуск № 2 (10) : Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21-22 и 25-26 июня 2018 года. — 2018. — 248 с.

ISSN 2618-9674

Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви «Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях» посвящен проблемам изучения древнерусского прошлого: истории государственных и общественных институтов, богословско-философской проблематики древнерусской книжности, различных аспектов устройства и деятельности Русской Церкви, жизни и творчества выдающихся деятелей отечественного Средневековья, истории идей и повседневности. Ранее журнал издавался как альманах, основанный независимыми исследователями. В данном номере размещены материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», которая прошла в Санкт-Петербургской Духовной Академии 21-22 и 25-26 июня 2018 года.

Журнал рассчитан на специалистов в области истории, права, богословия, филологии, а также студентов и всех интересующихся историей Отечества.

УДК 94(47)(051)

ББК 63.3(2)4я5

ISSN 2618-9674

© авторы статей, 2018

© Издательство Санкт-Петербургской
Православной Духовной Академии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	5
<i>Дворниченко А. Ю.</i> Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения.....	6
<i>Котышев Д. М.</i> Русская земля в среднем Поднепровье: от потестарных структур к раннему государству.....	24
<i>Петров Н. И.</i> Микулица из «Повести об убиении Андрея Боголюбского».....	48
<i>Кузнецов А. А.</i> Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо и иерархи Православной церкви на Руси.....	55
<i>Гайденко П. И.</i> О некоторых причинах и обстоятельствах выхода или ухода иноков из монастырей в Древней Руси (XI–XIII вв.).....	61
<i>Фомина Т. Ю.</i> Епископские центры на Руси (X–XIII вв.): дооктябрьская историография.....	74
<i>Пономарев Д., свящ.</i> Малые монастыри Русского Севера: к постановке проблемы.....	80
<i>Почекаев Р. Ю.</i> Суд над благоверным князем Михаилом Тверским в 1318 г.: процессуальные аспекты.....	92
<i>Грузнова Е. Б.</i> Отечественные традиции законотворчества от Закона Русского до Уложения 1649 г.....	103
<i>Мининкова Л. В.</i> Великокняжеские репрессии в русской средневековой литературе.....	125
<i>Петрушко В. И.</i> Проект поставления архиепископа Дионисия Суздальского на Киевскую митрополию в контексте московско-литовских отношений.....	131
<i>Булагин Д. М.</i> К изучению механизмов «второго южнославянского влияния» на русскую письменность.....	141

Алексеев А. И.

Преподобный Иосиф Волоцкий в отношении
к власти великого князя и митрополита в конце XV — начале XVI вв. 167

Морозова Л. Е.

Тема праведного суда в сочинениях церковного публициста XVI в.
Зиновия Отенского.....180

Подберёзкин Ф. Д.

Священники латинского обряда в Новгороде (XV — начало XVI веков):
основные вехи духовной карьеры185

Костромин К., прот.

Прославление священномученика Исидора в XVI веке 192

Белов Н. В.

Оставление митрополитом Афанасием
первосвятительской кафедры 19 мая 1566 г.201

Список сокращений.....215

Аннотации и ключевые слова216

Сведения об авторах228

Алфавитный указатель авторов «Палеоросии» за последние 5 лет230

Перечень статей, опубликованных в «Палеоросии»
за последние 5 лет, с индексами DOI232

Правила оформления статей246

ОТ РЕДАКЦИИ

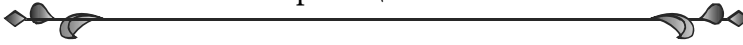
Дорогие друзья!

Журнал «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях в идеях» выходит в десятый раз, что говорит о том, что проект уже можно считать состоявшимся. Свое круглое пятилетие «Палеоросия» встречает публикацией конференции, которая и была изначально задумана как конференция журнала «Палеоросия».

Снова, как и во 2, 3 и 8 выпусках, на наших страницах публикуются материалы конференции, которая прошла при поддержке «Палеоросии» и организована ее редколлегией. Обычно раньше мы всегда рассказывали на страницах предисловия о том, как прошла очередная конференция, однако в этот раз делать этого не будем, так как подробная статья с большим фотоотчетом опубликована в дружественном издании.

Нельзя не упомянуть о том, как был встречен прошлый номер «Палеоросии», с рубрикой, посвященной памяти А. Г. Кузьмина. 11 декабря 2018 г. в Московском государственном педагогическом университете прошла Всероссийская научная конференция памяти профессоров А. Г. Кузьмина, В. Г. Тюкавкина и Э. М. Щагина «Земля и Власть в истории России». Один из учеников Аполлона Григорьевича, А. С. Королев, участвовавший в работе этой конференции, познакомил коллег с нашей инициативой. По иронии судьбы практически одновременно с этим мероприятием в Рязанском государственном университете им. С. Есенина состоялся вечер памяти А. Г. Кузьмина, поводом к проведению которого стало то, что в Рязань был привезен 9-й номер «Палеоросии», и его презентация в Рязанском историческом обществе переросла в вечер памяти, где выступали коллеги и ученики замечательного ученого.

Отчасти подводя итоги существования журнала за предыдущие пять лет, в приложении мы публикуем перечень авторов, печатавшихся в «Палеоросии», а также постатейный перечень с номерами DOI, по которым статьи легко найти в сети Интернет. Мечтаем, что наш проект будет востребован специалистами по Древней Руси и читателями, и конечно же авторами, как постоянными, так и новыми.



DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10022

Дворниченко А. Ю.

**Города-государства Древней Руси: старые истины,
«новые подходы» и некоторые перспективы изучения**

История полнится круглыми датами. Иногда их хорошо помнят, порой забывают. Помню, как в забывчивые 90-е фактически в одиночестве праздновал такую дату, как 350-летие Соборного Уложения 1649 г. Государственная и общественная конъюнктура были тогда такие, что о нашем памятнике права на все времена помнить никто не хотел. Ещё драматичнее бывает ситуация в истории науки. Сейчас конъюнктура другая, но вряд ли кто, кроме автора этих строк, вспомнит юбилей, который представляет значительный интерес для отечественной историографии.

Тридцать лет назад увидела свет книга, посвященная городам-государствам Древней (Киевской) Руси.¹ Писать об обстоятельствах рождения сего труда — написании, обсуждении, издании — я не буду, приберегая этот материал для (надеюсь на это) переиздания книги. Здесь важно отметить, что рождение книги отнюдь не было временем появления концепции городов-государств: до этого была книга И. Я. Фроянова². В 1983 г. защитил диссертацию, посвященную городам-государствам Верхнего Поднепровья и Подвинья автор этих строк. Диссертация была издана через тридцать лет, но, судя по тому, как разошлась книга — тема актуальна и сейчас!³ В 1986 г. авторами будущей книги о городах-государствах Древней Руси был написан соответствующий раздел в коллективной монографии⁴.

Но все-таки значение 1988 года в становлении и развитии концепции не стоит преуменьшать. В этом году состоялась и последняя в советской исторической науке (да, похоже, и в отечественной науке в целом) дискуссия о «генезисе феодализма в Древней Руси», в которую были каким-то образом допущены ученики И. Я. Фроянова: Ю. В. Кривошеев и автор этих строк, который и здесь увязывал феодализм, вернее, его отсутствие, с городами-государствами⁵. Дискуссия получила освещение в зарубежной прессе. Автор статьи не только глубоко вошёл в тему и изложил наши взгляды, но и обратил внимание на то, что те, кто поддерживает И. Я. Фроянова, принадлежат к тому самому факультету, деканом которого он является, что показывает: его взгляды поддерживаются ограниченным кругом специалистов⁶.

Одним из важнейших открытий тех лет было обнаружение историографических предпосылок концепции городов-государств уже в «дореволюционной» российской исторической науке, откуда представления о них попали и в зарубежную (прежде

¹ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

³ Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М., 2013.

⁴ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство / Под. ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986.

⁵ Дворниченко А. Ю. Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73.

⁶ Kuryuzawa T. The Debate on the Genesis of Russian Feudalism in Recent Soviet Historiography Facing, *Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika*. Sapporo, 1989, p. 143.



всего, эмигрантскую историографию). Наблюдение это в конечном итоге вылилось в целую книгу, где странствия идеи о демократическом устройстве Киевской Руси⁷ прослежены подробно во времени и в пространстве⁸. Таким образом, ситуация с городами-государствами в историографии до 1988 г. вполне ясна. Понятна она и для последних тридцати лет. Наличие книги 2014 г. позволяет мне избежать подробного изложения историографических событий. Подведению итогов посвящена и целая серия статей, опубликованных в «Вестнике Санкт-Петербургского университета»⁹. Вот почему можем дать сугубо общий абрис.

«Демократическая» концепция стала своего рода брендом школы И. Я. Фроянова, которая развернула свою деятельность в эти десятилетия. Она нашла достойное отражение в том концептуальном эпическом полотне древнерусской истории, которое нарисовал сам мастер. Одна из новейших работ: фундаментальные лекции по истории Киевской Руси, которые будят ассоциации с работой А. Е. Преснякова, но явно превосходят её по масштабу и по количеству мобилизованного материала¹⁰.

Исследования осуществлялись в двух направлениях: последователи школы И. Я. Фроянова, с одной стороны, углубленно рассматривали историю Древней Руси (прежде всего, в региональном аспекте), а, с другой стороны — изучали более поздние периоды отечественной истории — точнее, судьбы исторического наследия Киевской Руси¹¹. Достигнуты весьма серьёзные результаты. Да и наблюдение исследователя из Японии стало достоянием истории: теперь сторонники такого подхода к Древней Руси служат далеко не только на историческом факультете (за это время превратился в Институт истории) Петербургского университета — они проживают в разных городах нашей необъятной Родины¹².

Важны достижения и в теоретическом плане: было примерно определено место городов-государств в общем ходе российской истории¹³. На мой взгляд, целостная историческая концепция, охватывающая несколько веков нашей истории и построенная на конкретном материале исторических источников, важнее, чем многотомные теоретизирования. Впрочем, по части теории «демократическую концепцию» Древней Руси можно ещё и углубить. Хотя сразу надо оговориться, что недостаточное пока восприятие данной концепции связано в первую очередь не с теорией, к которой мы ещё вернёмся, а продолжающимся, к сожалению, противостоянием цеховых и групповых интересов в науке. Но это тема отдельных рассуждений¹⁴, да и не хочется сейчас о грустном...

⁷ В работах, которые печатались в перестроечный период, «вечевая демократия» вполне справедливо считалась именно *демократией*, хотя и делалась оговорка, что «применение самого термина “демократия” к доклассовому обществу весьма условно» (Ковлер А. И. Исторические формы демократии: проблемы политико-правовой теории. М., 1990. С. 93). При этом вполне возможным считалось говорить о «протодемократии» и «потестарной демократии» (Там же. С. 94). К сожалению, в настоящее время такого рода исследования не проводятся.

⁸ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб., 2014.

⁹ См. статьи А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеева, А. В. Майорова, А. В. Петрова, В. В. Пузанова: Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 5–68.

¹⁰ Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015 — 1044 с.

¹¹ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры... С. 287–301.

¹² Там же.

¹³ Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М., 2010.

¹⁴ См., напр.: Дворниченко А. Ю. К вопросу о зеркалах и химерах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 627–637.

Итак, судьба концепции внутри того профессионального сообщества, члены которого относят себя к сторонникам И. Я. Фроянова (в области изучения Киевской Руси) понятна. Они продолжают изучать город-государство, находя и освещая те или иные грани этого феномена. Это, конечно, не значит, что между ними не могут возникать споры¹⁵. Но они понимают, о чем идет речь, и осознают важность изучения этой проблемы. По-иному обстоит дело, когда тема попадает в руки других историков...

Но, прежде чем говорить об этом, вспомним, что же такое город-государство. Кстати говоря, этот кабинетный термин (в Древней Руси называли «волостями», «землями»), видимо, не самый удачный. Например, возможны сильные сомнения в том, что это уже *государство*, о чём мне уже не раз приходилось рассуждать¹⁶. А если это так, то термин как бы повисает в воздухе. Допустимы и другие термины, например, «система соподчиненных городских общин». В недавней диссертации, посвященной истории майя предлагается понятие «городская агломерация»¹⁷. К нему тоже можно придраться, но дело-то ведь не в определениях как таковых, а в том, что понятие отражает определенный процесс. И очень важно, что процесс этот непосредственно связан с полито- и государствогенезом. Так что смею утверждать, что термин прижился, и при всех его недостатках адекватной замены ему пока нет. На русской почве мы постарались дать определение. *Это система соподчиненных городских и сельских общин во главе с главным городом, основанная на архаической непосредственной демократии, проявляющейся в вечевой активности.* Конечно, это определение можно увеличивать, детализировать и т. д. Уже в работах 80-х годов мы сравнивали такой социальный организм с греческим полисом. Естественно, не классическим, до которого наши полисы не доросли, а с архаическим. И уже тогда привлечение работ коллег востоковедов, этнологов и, прежде всего, социальных антропологов показало, что подобного рода социальные организмы — частые акторы в политическом спектакле человеческой истории.

Но и антропологи продолжали свои труды, в чем уже отталкиваясь и от наших наблюдений. Было, в частности, установлено удивительное сходство с архаическими политиями многих горских сообществ, разделенных многими тысячами километров пространства и веками времени, принадлежащими к разным цивилизациям. Сравнение проводилось не с «горсткой наиболее известных эгейских полисов (типа Афин или Милета), а с более “дикими” (и более многочисленными) полисами Аркадии, Фокеи, Локриды, Ахейского союза и т. п.»¹⁸. Обильный материал позволил сделать предположение, что античный вариант социально-политической эволюции не является аномальным, как представляли некоторые востоковеды. Формированию такого рода ойкосов способствуют природные условия, например,

¹⁵ См., например: *Гайденко П. И.* Охота на химер в зеркалах историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 411–417; *Пузанов В. В.* Химеры в кривом зеркале историографии // Там же. С. 418–432. Мой ответ: см. 13.

¹⁶ Это скорее *civitas*, т. е. безгосударственная политическая форма полисного типа (*Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынина В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 45). См. также: *Берент М.* Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Там же. С. 235–258.

¹⁷ *Савченко И. А.* Город и округа у древних майя I тыс. н. э. (восточные области Мезоамерики). Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 2015. С. 29.

¹⁸ *Коротаев А. В.* Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток, 1995. С. 81 (Впервые опубликовано в журнале «Восток», 1995. № 3. С. 18–26). См. также: *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. Учебное пособие. М., 2001. С. 135.



горы (болота, леса и проч.)¹⁹. Впрочем, речь должна идти о любых, не обязательно природных условиях, препятствующих на протяжении длительных промежутков времени политической централизации, способствующих сохранению (или завоеванию) общинами (в том числе и городскими) своего суверенитета или высокой степени автономии²⁰.

Интенсивность научных исследований явно в последние годы ослабла, но и то, что делается, подтверждает сделанные открытия. Вспомню ещё раз только что упомянутую диссертацию о майя. Ценность её не только в том, что автор владеет навыками иероглифической письменности майя («классического ч' ольт' и»), но и в том, что она написана под руководством В. И. Гуляева в Отделе теории и методики Института археологии РАН. И вот на новом уровне развития исторического знания мы встречаем ту же ситуацию: внутренняя структура города является отражением социальной организации классических майя: большая семья (жилая группа); сельская община (группа домохозяйств, городской район); суперобщина (город). Города Нового Света окончательно встают в один ряд с целым рядом городов-государств Света Старого, в частности с месопотамским городом, считающимся классическим примером раннегородской организации. Майские города являются, по сути дела, объединением в рамках единого городского организма нескольких сельских общин имеющих единого верховного правителя и общих культовый центр, но сохраняющих при этом прежнюю организационную структуру и известную степень автономии. Способ возникновения такого города — общинный синойкизм, столь свойственный Древней Руси. Ещё одна характерная черта: тесная связь с широкой сельскохозяйственной округой²¹. Можно со всей ответственностью заявить, что города-государства (системы общинного типа) стали общим местом в работах востоковедов, африканистов, археологов, этнологов, антропологов²².

Как же встретили эту концепцию русисты? Некоторые приняли. Не сказать, что глубоко поняли и прониклись, но взяли на вооружение²³. Даже попытались положить в основу своего видения всей российской истории. Так, В. В. Еремян пишет, что представители школы Фроянова убедительно доказали, «что поселенская и сельская территориальные общины являлись стержнем всего государственного строя Руси-России», который оформился в домонгольский период и просуществовал вплоть до начала XX в.²⁴ Это, конечно, перегиб, но важно то, что автор силится понять всю глубину нашей концепции. Может быть, лучше других важность концепции о городах-государствах для понимания истории России в целом поняла Л. В. Данилова²⁵. Однако, ряд историков не воспринял эту концепцию и повел с ней борьбу²⁶. Об этой борьбе я уже писал и здесь меня интересует другая сторона проблемы.

¹⁹ Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Географический фактор в социально-политическом развитии Древней Руси // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславской: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. С. 67–68.

²⁰ Кортаев А. В. Горы и демократия... С. 89.

²¹ Савченко И. А. Город и округа у древних майя I тыс. н. э... С. 11, 17, 19.

²² Соответствующая литература получила отражение в наших работах, и повторяться не хочется.

²³ Сахаров А. Н. Соотношение центра и регионов в политическом развитии России // Русь на путях к «Третью Риму». Тула, 2010. С. 133.

²⁴ Еремян В. В. Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2005. С. 373.

²⁵ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

²⁶ См.: Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры...

В последнее время города-государства стали привлекать усиленное внимание! Но это, в основном, Новгород и Псков и в весьма своеобразном аспекте. Я имею в виду попытки сравнить наши города-государства с западноевропейскими реалиями. Этот подход проник уже и в популярную литературу. Автор новейшего труда на эту тему пишет о том, что у таких русских городов, как Новгород и Псков, «было изначально вечевое правление: додумались же они пригласить к себе на княжение варягов». При этом Новгород и Псков для этого автора, без сомнения, «феодалные республики». Но это «вечевая республика — город-государство, все свободные жители которого считались его полноправными гражданами и соучаствовали в управлении им». Устройство вечевых республик, якобы, вполне напоминало итальянские коммуны. Если бы Псков не был присоединен к Московскому княжеству, жившему по закону Орды, если бы псковичам удалось сохранить немецкое правление (? — А. Д.), то, представьте: Псковская судная грамота была бы незаметно заменена на «Саксонское зеркало» и Псков «мог с легкостью вписаться в союз Ганзы, сделавшись второй Венецией, Вероной или Миланом»²⁷.

Конечно, книжка Ю. Андреевой сугубо популярная, вполне сродни тому бреду, которым щедро потчуют сейчас нашего несчастного российского читателя. Но недооценивать такую литературу нельзя: грань между научной и научно-популярной литературой сейчас всё больше стирается. Но всё-таки надеюсь, что по такому опусу она не защитила никакой диссертации. В любом случае научно полемизировать с ней — дело явно неблагодарное. Стоит обратиться к более серьезной литературе, которая отлилась в бронзу монографий и статей в серьезных научных журналах и даже золото диссертационных исследований.

Первой по времени оказывается работа О. В. Севастьяновой. Она скептически высказалась по поводу «особого общинно-вечевого периода русской истории». Зато она оказалась под «скромным обаянием» древнерусских княжеских ветвей. Собственно, свою противоречивую концепцию она и вывела из анализа характера взаимоотношений этих самых княжеских групп. Выяснилось, что Новгород нельзя называть республикой — он являлся неким «вольным городом», вполне напоминавшим средневековые европейские города²⁸. Её вполне устраивает идея некоторых германских историков о том, что Новгород — это локальный вариант городов западноевропейского типа, признающий над собой власть императора или короля, а лучше его рассматривать в контексте развития северогерманских городов²⁹. При этом исследовательница смело и убедительно (правда, не всегда вспоминая о предшественниках) разгромила мифы о «Совете господ» и «трехстах золотых поясах».

Новгородскому вечу посвятил свою докторскую диссертацию П. В. Лукин³⁰. Эту диссертацию можно критиковать, причем, как сам автор выразился по поводу другого историка, «по всем пунктам», но в мою задачу это не входит, да и места не хватит. Как же определяет В. П. Лукин социально-политический строй этого «северно-русского народоправства»? Забавно, что рассуждения, имеющие первостепенное значение для работы, вынесены в приложение к диссертации³¹. Рассуждения эти — своего рода

²⁷ Андреева Ю. И. Псковская земля. Русь или Европа? М., 2018. С. 169, 172-173, 177.

²⁸ Севастьянова О. В. 1) Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011. С. 369 и др.; 2) Новгородское вече: отход от республиканской теории // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.), 2012. С. 208.

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. Дисс. ... д. и. н. М., 2014.

³¹ Там же. С. 548–564.



квинтэссенция своеобразных рассуждений историка, поэтому на них придётся остановиться подробнее.

Острые критики (и позитивный настрой одновременно) историка направлены на то, чтобы доказать, что Новгород был республикой — он против тех, кто это отрицает, в частности, против концепции вышеназванной О. В. Севастьяновой. Достаётся и ревизионистам типа Т. Л. Вилкул. Что ж, ревизионизм нам всем не по сердцу — мне приходилось критиковать украинский скептицизм в её лице³². В результате тщательного исследования Лукина оказалось, что «...новгородская специфика, республиканский строй, автономия Новгорода по отношению к князьям, даже его фактическая независимость — всё это не выдумки составителей “нарративов”, а вполне реальное положение дел». Однако, в смелом утверждении П. В. Лукина: «Новгород — республика!» столько истины, столько и тривиальности³³. А главное, это утверждение ничего за собой не несёт. Ну, республика... Так мало ли их было и есть. Вот и сейчас у нас Российская Федеративная. Сказать так («Новгород — республика!») — ничего, по сути, не сказать. Тем более, что приведенные здесь «доказательства» этого республиканизма по меньшей мере банальны. Это ж всем известно! Нельзя называть «боярской», потому что правящий класс был шире, чем сословие бояр... Нельзя величать «феодальной», поскольку никто теперь не понимает, что такое «феодализм»... Ну, и что? Культурные люди давно уже не называют ни «боярской», ни тем более «феодальной».

Как будто понимая это, историк развивает свои «наблюдения». С чем сравнить Новгород? Ганзейские купцы (как, впрочем, и современные немецкие историки) сравнивают Новгород со своими городами, а вот Ульрих Рихенталь, хоть и немец, но сравнил Новгород с Венецией. А почему бы и нет? Почему бы не итальянские республики, хоть ни у них, ни в Новгороде не было разработанной концепции политической свободы. И вывод: «Стоит ли поэтому так уж решительно отказываться от интерпретации средневекового Новгорода в контексте “республиканской теории”, или однозначно отрицать коммунальный характер его политических институтов?». Но, может, всё-таки коммуна, хотя изрядно поспорив с Л. Штайндорфом, Лукин признаёт, что тот «совершенно прав в том отношении, что Новгород по своему устройству сильно отличался от западноевропейских городских коммун».

Но «не стоит ли всё-таки рассматривать политические структуры Новгорода как структуры коммунальные, но при этом развившиеся не на базе античной традиции или “немецкого права”³⁴, а на базе собственно древнерусских политико-правовых отношений, породивших в схожих хозяйственно-культурных условиях схожие в определённой степени с западными организационные формы?». Но, если «сильно отличался», то какова «определенность» этой степени? Не запутался ли почтенный автор?

³² Дворниченко А. Ю. «Нарративы, нарративы! До чего ж вы довели...» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.2. История. Вып. 4. 2011. С. 152–157.

³³ П. В. Лукин с видом первооткрывателя привлекает материалы по Полоцку (Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода... С. 563), дескать, и там могла быть республика, совершенно игнорируя изыскания целого направления отечественной историографии (включая работы автора этих строк), утверждавшего демократический характер устройства Полоцка. С сожалением приходится отметить, что П. В. Лукин тут не одинок. В «исследовательской» (как она названа в оглавлении) статье, сопровождающей новейшее издание полоцких грамот мои диссертации, посвященные русским землям ВКЛ также не упомянуты (Воронин В. А., Полехов С. В. Полоцк и Полоцкая земля эпохи позднего Средневековья в исследованиях 1985 — 2014 гг. // Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. II. М., 2015. С. 327–330). Правда, вся «исследовательская» статья занимает четыре страницы, но всё-таки свидетельствует о том, что некоторые московские историки продолжают играть в некий «научный междусобойчик».

³⁴ Наверное, имеются в виду швейцарские кантоны...

Так, что же такое Новгород: республика или коммуна? Если брать славянский мир, то Новгород (на раннем этапе больше всего напоминал Щецин или Волин, но, увы, это сходство быстро сошло на «нет»). Так что же всё-таки он напоминал? В общем, вот такие амбивалентные, бесполезные для науки выводы. Задача Лукина ясна. Собственно, она двуединая: надо написать и защитить докторскую диссертацию, а заодно нанести удар по школе Фроянова. Как решается первая задача, уже отчасти ясно (при благоприятных обстоятельствах можно будет ещё и прояснить)³⁵. Что касается второй, то тут выбран весьма сомнительный путь. Прогивнику приписывается некая точка зрения, а потом она на протяжении всей диссертации подвергается критике, что и составляет ту самую «красную нить» работы. Это мысль о том, что главная идея фрояновцев — утверждение о том, что Новгород (как и другие города-государства Древней Руси) был античным полисом. При этом автор даже не пытается разобраться в том, что в современной науке подразумевается под «античным полисом», роняя неопределённую фразу: «как он воспринимается ныне в науке»... Да, дело ведь и не в этом — Лукин не смог (или не захотел) понять, что ключевое слово здесь не «полис», а «община». Именно общинный характер древнерусского городского строя несомненен для школы Фроянова, как наследницы лучших традиций отечественной исторической науки. А уж то, что древнерусская община могла быть во многом схожа с архаическим греческим полисом — это фактор уже вторичный. Диссертация, значит, защищена, но какова польза для науки?

Ещё один современный историк действует более решительно, может быть потому, что защитить ему надо было не докторскую, а кандидатскую диссертацию. Здесь такие туманные мудрствования, как у Лукина уже неприемлемы, здесь надо выражаться яснее и чётче, хотя диссертация историка явно несет на себе влияние надуманных «концепций» Лукина. Впрочем, здесь я не буду разбираться в том, что нового привносит эта диссертация в изучение Пскова. Для нашей темы важно другое: в своей диссертации А. А. Вовин поставил задачу «...выявить особенности стадийного развития Пскова как варианта средневековой городской коммуны, сравнив ее с соответствующими западноевропейскими моделями»³⁶. И какими же средствами эта задача решается? Здесь он, несмотря на стремление «освободить научные представления о Пскове от господства новгородских реалий, перенесенных на его почву», обращается к западной литературе, поддерживает тех, кто считал Новгород коммуной, спорит с противниками такого утверждения³⁷. Тут ему помогает и наш М. Н. Тихомиров, который искал хронологическое соответствие между русским городом и западным и... не нашел. Тогда, значит (рассуждает диссертант), надо сравнивать Псков XIV–XV вв. с европейским городом раннекоммунального периода — конца XI — первой половины XIII вв.³⁸ Однако, его попытки сравнить Псков с европейскими коммунами и в диссертации, и в специальной статье³⁹ оказываются просто курьезными. В диссертации они сводятся к тому, что и там, и здесь горожане собирались на площади перед кафедральным собором; что население Пскова и «количественно соответствовало населению среднего европейского раннекоммунального города». И там, и здесь появляются магистраты — ну, а то, что они совершенно не похожи — так они нигде не похожи!

³⁵ См. также: *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры...

³⁶ *Вовин А. А.* Эволюция политических институтов Пскова в XIV–XV вв. Автореф. дисс. ... к. и. н. СПб., 2014. С. 4.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 27.

³⁹ *Вовин А. А.* Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV – XV вв. // *Петербургский исторический журнал.* 2017. № 1.

Но зато и там, и здесь кодифицировалось обычное право и появилось местное городское самосознание.

В статье — ещё курьёзнее! Оказывается, эпоха ранней коммуны характеризовалась «взрывом количества источников» (хотя в Пскове и не было образованных мирян, способных составлять документы). Правда, если в итальянских коммунах счёт документов идёт на сотни и тысячи, то в Пскове: за XIII век сохранилась одна (sic!) грамота, за следующий век — 7, а за XV — 46. Что скажешь — сопоставимые величины!⁴⁰

Дальше в ход идёт сравнение кодификации обычного права, которое не доказывает ничего⁴¹, и, наконец, на десерт — ещё и сравнение нарративов, благо у Вовина есть и образец — толстое исследование Т. В. Гимона⁴². Вовин извлёк из этого исследования мысль о том, что между хрониками и анналами существует определённое различие, а древнерусские летописи скорее надо сопоставлять с анналами, хотя они имеют и ряд черт, характерных для хроник. Оказывается, это характерно и для «пизанской летописи» (*Annales Pisani*). Впрочем, всё это «сравнение» письменной культуры нужно только для того, чтобы показать, что в итальянских документах появляется понятие *populus pisanis*, а в псковских — мужи псковичи, весь Псков⁴³.

Можно сколько угодно брать не главные, вторичные черты того или иного общества и сравнивать их с чертами других обществ. И это мало что даст, разве что позволит написать не очень полезную для науки диссертацию. Компаративистика, вообще, вещь сложная. Перефразируя известную одесскую поговорку, прежде чем сравнивать, надо договориться, что сравнивать. Вот пример: все попытки сравнить «нашу» революцию с другими, прежде всего, западными революциями успехом не увенчались⁴⁴. Можно ли сравнивать восточнославянский город-государство с западной коммуной?

Надо иметь в виду, что западные историки и исторические политологи ещё далеки от понимания своих собственных городов-государств, хотя историография вопроса чрезвычайно богата, есть и чисто компаративистские работы⁴⁵. Правда, по Руси обычно привлекается только лишь Новгород⁴⁶, о других городах-государствах западные историки не пишут, хотя упомянутая в начале статьи работа и включена в контекст западной историографии⁴⁷. При этом симптоматично, что именно на Новгороде (впрочем, и на Священной Римской империи) «сломалась» стройная на вид концепция классика исторической политологии Чарльза Тилли. Он нарисовал

⁴⁰ Там же. С. 183.

⁴¹ Сравнить западное и восточнославянское право надо очень осторожно, поскольку они могут принадлежать к разным правовым семьям (Дворниченко А. Ю. Русская история с древнейших времён... С. 33 — 34). Вопрос требует дополнительного изучения, но неподвинутое изучение древнерусского права уже показало его глубокие отличия от западных правовых систем (Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, New Jersey, 1980).

⁴² Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.

⁴³ Там же. С. 191.

⁴⁴ Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. М., 2018. С. 169–185 и др.

⁴⁵ Hansen M. H. (ed.) 1) *A comparative Study of Six City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 27; Copenhagen, 2002); 2) *A comparative Study of Thirty City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 21; Copenhagen, 2000).

⁴⁶ Birnbaum H. Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic City Republics and their Civilization, *Održana u Jugoslavenskoj Akademije Znanosti I Umjetnosti*, Svezak 62, Zagreb, 1989.

⁴⁷ Главы из неё были опубликованы известным американским русистом Даниэлем Кайзером (Froianov I. Ia. and Dvornichenko A. Iu. *The City-State in Kievan Rus' (Eleventh-Twelfth Centuries)*, *Reinterpreting Russian History. Readings 860–1960-s*, Compiled and ed. by Daniel H. Kaiser & Gary Marker. New York, Oxford, 1994, p. 30–37. Однако целиком работа на Западе не издавалась.

богатую картину соотношения городов-государств и других типов государственности в Европе в рамках взаимодействия капитала и принуждения, ответил, вроде бы, на все вопросы, которые себе в связи с этим задавал. Но потом заметил пару загадок: «...Почему так долго существовала раздробленная Священная Римская империя посреди увеличивавшихся и крепнувших воинственных монархий? Почему она не исчезла в утробе больших и сильных монархий? И ещё, согласно какой логике коммерческий, торговый город Новгород, аристократия которого контролировала громадные земельные владения, уступил княжеской Москве?»⁴⁸. Загадка сия легче разрешилась бы — знай и понимай Ч. Тилли русскую историю. Впрочем, в его схеме сомневаются знатоки западных городов-государств и касательно Западной Европы⁴⁹. Нас, однако, интересует не столько классификация западных городов-государств, их роль в становлении европейской государственности, восприятие которой меняется в историографическом пространстве, сколько ответ на выше обозначенный вопрос. И тут можно ответить так: сравнивать-то можно, но это сравнение покажет всю степень различия между этими социальными организмами. Дело в том, что для сравнения надо брать не «вторичные признаки», а сущностные явления, да ещё и в широком историческом контексте. А вот про этот контекст наши новые отечественные авторы почему-то совершенно забывают.

Древнерусские и западные города-государства возникают в совсем разных средах. Наши — в условиях общества, переживавшего переход от родовых отношений к территориальным связям⁵⁰, когда еще не развито ни землевладение, ни крупные капиталы⁵¹. Города Западной Европы могли возникать по-разному, но первоначальный их статус проистекал из привилегии, которую давал им сюзерен. И без этой привилегии коммуна, фактически, не возникала. Такие коммуны появлялись не только в городах, но и в сельской местности. И именно появление такого рода коммун создавало контекст для становления городов-государств⁵². По точному замечанию С. Эпстейна, «города-государства (в Западной Европе — А. Д.) были просто институциональным вариантом родовых привилегий»⁵³ Как в рекламе: почувствуйте разницу!

Города отнюдь не были «нефеодальными островками в феодальном море». С самого начала в этих коммунах переплетались интересы землевладельческой знати и купцов, и устанавливавшаяся связь между городом и его хинтерландом — это связь посредством привилегированной аристократии, которая эксплуатировала там своих зависимых крестьян.⁵⁴ В городах Италии шла ожесточенная борьба между аристократическими кланами, символом которой были башни — каждая башня выражала величие загородных замков её владельца. Между 1088 и 1092 гг. жители, например, Пизы, во главе с епископом, вынуждены были лимитировать высоту башен. К 1200 г. во Флоренции было 150 таких башен⁵⁵. К тому же здесь были совершенно другие

⁴⁸ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009. С. 108.

⁴⁹ Scott T. *The City-State in Europe, 1000–1600. Hinterland — Territory — Region*. New York, 2014, p. 228–230. В твёрдом переплёте книга издана в 2012 г.

⁵⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси...

⁵¹ Том Скотт упрекает Чарльза Тилли в том, что он упор в анализе городов-государств делает на экономические факторы, в то время, как главным был политический момент (Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 230). Это явный перебор в критике — учитывать надо и экономические, и политические, и все другие факторы.

⁵² Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 9–10.

⁵³ Epstein S. R. *The Rise and Fall of Italian City-States, A comparative Study of Thirty City-State Cultures...*, p. 277.

⁵⁴ Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 11.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 19.



отношения с властью, по сравнению с остальными городами Западной Европы. Западные города вели постоянную борьбу с сеньором, в роли которого часто выступал епископ или граф (count) или какой другой «феодал»⁵⁶. Это была принципиальная борьба, в ходе которой, собственно, коммуна, и возникала. На Руси народ мог и епископа изгнать из города, и «нелюбого» князя, но в результате обстоятельств текущей неблагоприятной жизни: языческое сознание приписывало представителям власти вину в неурожае или каких-либо стихийных бедствиях и т. д. Никогда, заметьте, *никогда* — народ не выступал против власти князя и епископа как таковых! Когда Л. Штайндорф отказывается считать Новгород коммуной, он, конечно, прав, но и он обращает внимание на сугубо «вторичные признаки» (название, формирование совета, особое городское право и некоторые другие)⁵⁷.

Специфика западных городов-государств определялась явлением континуитета, преемственностью с античностью, даже в том случае, если это была «смутная память о римском прошлом»⁵⁸. Но ведь эта память в большинстве случаев отнюдь не была «смутной». Автор этих строк был в своё время впечатлён зданием на территории археологического музея в Милане: христианская церковь, созданная на основе античной башни. Церковь как бы вырастает из древней античной постройки. Только на античном фундаменте и могли возникнуть коммуны. К стати и судьба у городов государств на западе и востоке Европы была другая: от коммуны они двигались к деспотии, сиречь тирании.⁵⁹ Не случайно московскому князю так понравилась архитектура замка Сфорца в том же Милане, так понравилась, что, подходя к замку, поражаешься внешнему сходству с московским Кремлём. А наши города-государства (там, где им это удалось) постепенно разлагались, так до конца и оставаясь общинами⁶⁰. Лишь в западнорусских землях в процесс естественного распада социальной структуры вмешалось немецкое право, которое, с одной стороны, сделало этот распад особенно болезненным, а с другой, придало на каком-то этапе этим городам некое подобие западному коммунальному устройству⁶¹.

Итак, вот перед нами реальная антиномия: городская община и коммуна. В советской историографии было вполне ясное осознание кардинальных различий между этими социальными организациями. Вполне справедливо считалось, что община могла

⁵⁶ Jones Ph. *The Italian City-State: From Commune to Signoria*. Oxford, 1997.

⁵⁷ Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог... С. 228–241. Некоторые авторы упор делают не на то, что Новгород не был коммуной, а на то, что он лишь слабо напоминал «настоящие» города-государства европейского трансальпийского пояса (Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 9; Halperin Ch. J. Novgorod and the “Novgorodian Land”, *Cahiers du Monde Russe*, No 40, 1999, p. 351), что он был скорее колониальной империей, чем городом-государством. С этим трудно согласиться. Новгород был именно городом-государством, но не западным, а восточнославянским, со всеми вытекающими отсюда характерными для него чертами. «Город-империя» — это разновидность европейского города-государства. «Имперскую преференцию» города получали в определенных условиях, и затрачивая немалые усилия. В процессе такого возвышения менялось и самоназвание: «от коммуны, совместно пользовавшейся домашней лагуной, до Signoria, Serenissima, Dominante — суверенного государства, власть которого чувствовалась, согласно гордому утверждению венецианцев, везде, “где течет вода”» (Кроули Р. Венецианская республика. Расцвет и упадок великой морской империи. 1000 — 1503. М., 2015. С. 143).

⁵⁸ Scott T. *The City-State in Europe...*, p. 7.

⁵⁹ Jones Ph. *The Italian City-State: From Commune to Signoria...*

⁶⁰ См. Петров А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 297; Алексеев Ю. Г. 1) Псковская Судная грамота и её время. Л., 1980; 2) «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. 1979. Т. 103.

⁶¹ Дворниченко А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья...

быть и на Западе, где предшествовала появлению коммуны⁶². Теперь такое осознание в российской русистике и медиевистике, к сожалению, утрачивается: коммуна и община употребляются как синонимы⁶³. Путаницу в этом вопросе по-своему пытается устранить Л. Штайндорф. С одной стороны, он употребляет эти термины как синонимы, но, с другой стороны, в другом месте пишет следующее: «Исследование исторической терминологии латинских и славянских источников с Адриатического побережья позволяет говорить и о западноевропейской общине. Но независимо от терминологии в древнерусских источниках это слово было введено в русскую историографию в XIX в. для обозначения “организованной общности населения в древнерусских городах со слабым положением князя”, как это принято и в современном русском языке. Поэтому я предпочитаю говорить о коммуне в Центральной и Западной Европе»⁶⁴. Что ж, германский учёный проявляет гораздо большее понимание русской истории, чем некоторые его российские коллеги. Только дело тут не в терминах, а в сущности явлений.

Городская (как, впрочем, и сельская) община — один из важнейших акторов российской истории с древнейших до очень поздних времён. Посадскую общину не разрушили даже реформы Петра I⁶⁵, но, конечно же, поздняя городская община имеет определённые и характерные отличия от ранней. Эта последняя, условно называемая «городом-государством», оказывается разновидностью ранней городской общины. В любом случае, центр тяжести лежит в плоскости понятия *общины*, наличие хоры, зависимой от города территории — явление обычное, но не обязательное. И в этом смысле П. В. Лукин, сделав основным объектом своей критики именно хору, сражается с ветряными мельницами. Констатация такого печального факта не снимает, однако, вопроса о методологической, так сказать, роли древнерусских городов-государств. Мы должны найти им место в общем ходе исторического процесса. Впрочем, об этом у нас уже отчасти шла речь, необходим только больший градус теоретизирования.

К сожалению, нынешние философы, которые избрали себе стезём философию истории, вряд ли могут нам помочь. Между ними и историками возникло непонимание: «С точки зрения философов историки не делают из своих работ выводов, необходимых для всего человечества. С точки зрения историков выводы, которые делают философы — не имеют отношения к реальной истории»⁶⁶. Философы понимают, что философия истории без одобрения и поддержки историков-профессионалов малоинтересна и хотят находить проблемы, для решения которых необходима философская рефлексия в самой исторической науке⁶⁷. Беда в том, что когда философы обращаются к конкретному историческому процессу, в частности к Древней Руси, то их выводы не имеют уже отношения не только к реальной истории, но и к здравому смыслу⁶⁸. Приходится рассчитывать на свои силы, да на пришедшую с запада

⁶² Дворниченко А. Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Л., 1985. Вып. III. С. 117–124.

⁶³ См.: Селунская Н. А. Современные перспективы изучения средневековой общины, или «как это не было» // Историческая наука сегодня. Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2. М., 2012. С. 355 — 367

⁶⁴ Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог... С. 235, 239.

⁶⁵ Дворниченко А. Ю. Российская история... С. 660.

⁶⁶ Блюхер Ф. Н. Философские проблемы исторической науки. М., 2004. С. 3.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 172–187. См. также: Блюхер Ф. Н. Возникновение «Древнерусского государства» и проблемы историографии. // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011. С. 209–225.



социальную антропологию. Это и есть одна из перспектив дальнейшего изучения древнерусских городов-государств. Надо-таки найти им место в мировой истории. Пока возможна такая рабочая концепция (собственно, она уже и высказывалась в работе 1988 г.). Если европейские города-государства — явление уже развитого классового общества, проявление уникальной европейской цивилизации, основанной на античном наследии, то древнерусские города-государства относятся к широко распространенным в мире системам общинного свойства, которые характерны для обществ переходного типа⁶⁹. Стоит ещё раз повторить, что к таким общинным системам относится и ранний полис. Можно было бы даже поставить знак равенства между ранним полисом и вышеназванной системой, но, судя по всему, полис не исчерпывает всю палитру подобных социальных организмов.

А они — эти социальные организмы — должны окончательно занять своё место в процессе политогенеза. В современной антропологии приняты следующие уровни политической организации: общество бэндов, племенные общества, вождества и государства⁷⁰. Полагаю, что место города-государства, как системы общинного типа, находится *между* вождеством и государством. Собственно, в этом и есть некая новизна моего утверждения. В настоящее время «полисный вариант развития» антропологами, в том числе и славными российскими неэволюционистами⁷¹ рассматривается как своего рода «альтернатива вождества»⁷², «аналог вождества», причём появление и того, и другого считается одним из самых важных макроэволюционных изменений⁷³. Учитывая многолинейность развития человеческого общества, а именно так мы теперь только и можем подходить к истории, можно с уверенностью говорить о том, что в ряде регионов на смену вождествам приходят «полисные структуры», города-государства.

Они ещё явно недотягивают до уровня государства как такового. Сейчас нет возможности погружаться в теоретические дискуссии по поводу возникновения раннего государства, но возьмем одну из самых популярных сейчас схем и посмотрим, насколько у городов-государств наличествуют «государственные качества»⁷⁴. В основе экономики — интенсивное сельское хозяйство и часто развитые рыночные системы. Плотность населения достаточно высока. Широкая сеть торгового обмена, как внутреннего, так и внешнего. Мощная военная организация, предназначенная для того, чтобы контролировать своё население и/или держать в подчинении население зависимых от данного государства областей. Социальная стратификация по классовому или кастовому принципу. Потомственные или избираемые лидеры. Лидеры выполняют обязанности священнослужителей, существует вера в их сверхъестественные силы.

Ясно, что большинство из этих признаков трудно соотнести с древнерусскими городами-государствами. Естественно, в это время уже появились существенные

⁶⁹ В книге 1988 г. мы, естественно, упор делали на переходе от «доклассовой к классовой общественно-экономической формации» (Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси... С. 19. Теперь же речь должна идти о переходе от догосударственного уровня развития к государственному. Впрочем, многие теоретические соображения того времени, по моему убеждению, сохраняют своё научное значение.

⁷⁰ Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М., 2009. С. 95–98.

⁷¹ Скальчик П. Концепт раннего государства и антропологическая теория // Ранние формы потестарных систем. СПб., 2013. С. 13.

⁷² Крадин Н. Н. Политическая антропология... С. 133–137.

⁷³ Гринин Л. Е., Кортаев А. В. Эпоха первичного политогенеза // Ранние формы потестарных систем. С. 32.

⁷⁴ Барнард А. Социальная антропология... С. 97–98.

черты цивилизации: письменность, монументальная архитектура, Русь была крещена. Но такие факторы, как письменность и архитектура вполне могут ужиться с вождеством. Более того, согласно теории вождества, необходимо наличие монументальных общественно-культурных зданий, как это и получилось в Британии в ходе христианизации острова⁷⁵. Конечно, христианская церковь — не потестарный институт по определению и своим характеристикам, хотя в нём сохраняется много архаики. Но как точно заметил К. А. Костромин, «различные общественные институты и аспекты развиваются неравномерно. Именно поэтому нельзя сказать, что с принятием христианства потестарность была полностью преодолена»⁷⁶. Христианская церковь продвигала Русь к государственности, но сыграть тут решающую роль не могла. Государственность в Восточной Европе возникла скорее на обломках городов-государств в форме архаических военно-служилых государств⁷⁷. Ряд городов-государств (Новгород, Псков, Вятка, Полоцк, Смоленск) дольше других продолжал прежний ход своего развития. Можно фантазировать по поводу того, что было бы в них, если бы они не оказались в составе молодых восточноевропейских государств или если бы Новгород вошёл в состав Великого княжества Литовского⁷⁸. Но фантазии и остаются фантазиями. А историческая реальность такова, что эти задержавшиеся на авансцене истории социальные организмы, как уже отмечалось, были подвержены процессам распада, который, в случае Великого княжества Литовского, ускорялся влиянием немецкого права. Тем не менее, они долго сохраняли свои общинные традиции...

Завершить данную статью хотелось бы обозначением ещё одного перспективного, сравнительно-исторического направления изучения городов-государств. Речь идёт о сравнении восточнославянских городов-государств с подобными явлениями у других славян. В условиях, когда самая близкая нам Украина стремится в НАТО, рассуждать о славянском единстве становится всё более «не модно». Но это самое славянское единство никак не проигнорировать — оно было в истории!⁷⁹

Славянская общность — отнюдь не единственная предпосылка изучения городов-государств у славян. Есть вполне убедительные историографические и исторические предпосылки. Конечно, объективно говоря, и в отечественной историографии до 1917 г. историки спорили по поводу славянского единства и отличия славянства от романо-германского мира. И. М. Собестианский считал, например, что «ни о каких *коренных* (курсив автора — А. Д.) отличиях древнеславянского характера и юридического быта не может быть и речи»⁸⁰. Под «древнеславянским характером» харьковский историк понимал «кроткий пассивный характер древних славян и господство у них «общины»». Что касается «пассивного характера», то пусть это будет достоянием беллетристики, а вот касательно общины почтенный историк явно ошибался. Традиция изучения южнославянской и западнославянской общин развилась в нашей

⁷⁵ Перцев Д. М. Полития англосаксонской Британии (V — IX вв.) // Ранние формы потестарной организации. СПб., 2016. С. 141.

⁷⁶ Костромин К. А. Потестарность и христианизация Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωσικα: εν χρόνω, εν προσώπω, εν ιδεί. Альманах, вып. 7: К 60-летию профессора Андрея Юрьевича Дворниченко / Под ред. д. и. н. А. В. Петрова. СПб., 2017. С. 99.

⁷⁷ Дворниченко А. Ю. Российская история...

⁷⁸ Лукин П. В. Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода... С. 564; Андреева Ю. И. Псковская земля. Русь или Европа?...

⁷⁹ Дворниченко А. Ю. Славянская общность: альтернативы и мифы // Родина. 2007. № 6. С. 87 — 89.

⁸⁰ Собестианский И. М. Учения о национальных особенностях характер и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Издание второе. М., 2011. С. 205. (Репринт работы 1893 г.)



историографии до 1917 г. и была поддержана советскими историками. Отсутствие места не позволяет мне приводить соответствующую литературу вопроса⁸¹, но академик Н. С. Державин в более свободной идеологической обстановке 1945 года, опираясь на всё богатство отечественного и зарубежного славяноведения, писал о сходстве у древних славян таких явлений, как город, civitas, волость, жупа⁸². Замечательно, что советские историки, будучи адептами феодализма применительно к Киевской Руси, взахлёб писали о вечевых городах-государствах у славян южных⁸³. Тут города-государства не менее ярко (зачастую более ярко) проступают сквозь пелену истории, чем в Древней Руси.

Но нельзя забывать и славян западных. Западные историки часто включают города западных славян и венгров в «коммунальный пояс». «Коммуна также получила распространение в молодых западнославянских государствах, примером могут служить Краков, Прага и Познань, и в Венгерском государстве», — пишет Л. Штайндорф⁸⁴. Однако, при ближайшем рассмотрении всё оказывается не столь однозначным. Изучение истории западнославянских городов показывает, что они жили своеобразной, отличной от западноевропейской традиции жизнью, построенной на началах общинного самоуправления⁸⁵. Городское общинное самоуправление было известно и полякам. Один из авторов современного учебника по истории южных и западных славян пишет: «Для установления контроля над удельным князем феодалы использовали традицию вечевых собраний — прообраз будущих сеймов. Вече, в котором принимали участие и мелкие рыцари, и иногда и крестьяне, решали обширный круг вопросов... Благодаря вечевым институтам удельные княжества становились похожи на небольшие сословные государства»⁸⁶. Конечно, в этих рассуждениях сокрыта ошибка, которую допускали некоторые историки уже в «дореволюционные времена»: вече — народное собрание — никогда не может перерасти в сословно-представительное учреждение, скажем, в сейм⁸⁷. Но сам по себе институт, обозначаемый в источниках как «вече» (при всей полисемантической этого термина), может быть своего рода индикатором общинного политического быта славян. К тому же, учитываемая неравномерность исторического развития, разные внешние условия и влияния,

⁸¹ Не могу не вспомнить блестящую работу А. Н. Ясинского (*Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.)* Киев, 1895). Для знакомства с историографией рекомендовать обстоятельные работы Л. П. Лаптевой (*Лаптева Л. П. 1) История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; 2) История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012*).

⁸² *Державин Н. С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., б/г. С. 115.*

⁸³ *Греков Б. Д. Полица // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. I. М., 1957. С. 111–263. «Это, конечно, вече. Оно — высший орган народовластия» (Пашуто В. Т., Шталь И. В. Корчула. М., 1976. С. 66). Красноречиво, если учесть, что в древнерусских землях В. Т. Пашуто никакого «народовластия» не наблюдал.*

⁸⁴ *Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной?... С. 233. Впрочем, он и города Киевской Руси вдоль пути «из варяг в греки» и Москву относит к «раннесредневековому пласту зарождения европейского урбанизма».*

⁸⁵ См.: *Галямичев А. Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X–XIII века). Саратов, 1995. См. также рецензию: Дворниченко А. Ю. Рецензия на монографию А. Н. Галямичева... // Клио. Журнал для ученых. № 2 (5). 1998. С. 287–289.*

⁸⁶ *История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и новое время. М., 1998. С. 157.*

⁸⁷ Можно, например, вспомнить полемику между М. В. Довнар-Запольским и М. С. Грушевским. Первый находил истоки сейма в вечевой традиции, а второй резонно указывал, что сеймы не являлись прямым продолжением вечевой традиции, но заменили вече, когда произошел упадок политической деятельности общины и одновременный рост влияния местного боярства (*Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т. IV. Нью-Йорк, 1995. С. 16*).

нужно иметь в виду, что процесс формирования «систем общинного типа» не везде и не всегда должен достигать каких-то сверх чётких форм. И в этом смысле не меньшее наше внимание должны привлечь общинные порядки балтийских славян⁸⁸. Впрочем, тут даже и П. В. Лукин, как мы видели, согласен...

Л. П. Лашук ещё во второй половине 70-х годов прошлого века, опираясь на богатую историческую и этнографическую традицию, писал о «койнониях»⁸⁹ южных и западных славян, о возможности параллелей между восточнославянскими «землями» («градскими мирами») и югославянскими «общинами»⁹⁰. Дело, собственно, не в количестве научных «прорывов» к светлой цели, обозначаемых историографическими вехами-статьями (их, кстати, можно и умножать), а в том, что назрела необходимость системного и полновесного труда, посвященного данной тематике. В своё время М. Б. Свердлов написал спорную книгу, посвящённую генезису феодализма у славян. Он рассмотрел материал по таким странам, как Болгария, Сербия, Хорватия, Польша, Великоморавское государство, Русь⁹¹. На мой взгляд, уже назрела необходимость написания другой книги, с более широким географическим охватом, которую, конечно, не назовешь «История не-феодализма в славянских странах», но можно было бы назвать, подражая, например, А. Н. Ясинскому: «Расцвет и падение земского строя у славян»⁹². Кто её напишет? Найдётся ли такой историк, любящий истину, смелый, усидчивый и широко эрудированный человек?!

Источники и литература

1. *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и её время. Л.: Наука, 1980. 242 с.
2. *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 242–274.
3. *Андреева Ю. И.* Псковская земля. Русь или Европа? М.: Родина, 2018. 400 с.
4. *Барнард А.* Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей. М.: ИЭА РАН, 2009.
5. *Берент М.* Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. Монография / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши, М.: Логос, 2000. С. 235–258.
6. *Блюхер Ф. Н.* Философские проблемы исторической науки. М.: ИФРАН, 2004. 197 с.
7. *Блюхер Ф. Н.* Возникновение «Древнерусского государства» и проблемы историографии // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М. А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 209–225.
8. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 5–68.
9. *Вовин А. А.* Эволюция политических институтов Пскова в XIV–XV вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. СПб., 2014. 30 с.

⁸⁸ *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. В тех частях с приложениями. М., 2013. С. 157–160 и др. (первое издание – 1874).

⁸⁹ Термин «койнония» взят у Аристотеля и означает социальный организм во многом близкий полису.

⁹⁰ *Лашук Л. П.* Введение в историческую социологию. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. М., 1977. С. 76–83, 85.

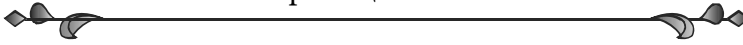
⁹¹ *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

⁹² Это достаточно сложное понятие применялось «дореволюционными» учёными для обозначения общественного строя, в котором господствуют общинные отношения и «горизонтальные связи».

10. *Вовин А. А.* Сравнительный анализ источников по ранним итальянским коммунам и Пскову XIV–XV вв. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 180–195.
11. *Воронин В. А., Полехов С. В.* Полоцк и Полоцкая земля эпохи позднего Средневековья в исследованиях 1985–2014 гг. // Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Т. II. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2015. С. 327–330.
12. *Гайденко П. И.* Охота на химер в зеркалах историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 411–417.
13. *Галямичев А. Н.* Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X–XIII века). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. 166 с.
14. *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. В трех частях с приложениями. М.: «Русская панорама»; СПб.: РБИЦ «Блиц», 2013. 704 с.
15. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. 696 с.
16. *Греков Б. Д.* Полица // Греков Б. Д. Избранные труды. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 451 с.
17. *Гринин Л. Е., Кортаев А. В.* Эпоха первичного политогенеза // Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 31–64.
18. *Грушевский М. С.* История Украины-Руси. Т. IV. Нью-Йорк, 1995. 535 с.
19. *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука, 1994. 318 с.
20. *Дворниченко А. Ю.* Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Л., 1985. Вып. III. С. 117–124.
21. *Дворниченко А. Ю.* Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 58–73.
22. *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* Географический фактор в социально-политическом развитии Древней Руси // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславской: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. С. 67–68.
23. *Дворниченко А. Ю.* Рецензия на монографию А. Н. Галямичева... // Клио. Журнал для ученых. № 2 (5). 1998. С. 287–289.
24. *Дворниченко А. Ю.* Славянская общность: альтернативы и мифы // Родина. 2007. № 6. С. 87–89.
25. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времён до падения самодержавия. М.: Изд-во «Весь Мир», 2010. 944 с.
26. *Дворниченко А. Ю.* «Нарративы, нарративы! До чего ж вы довели...» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. 2011. С. 152–157.
27. *Дворниченко А. Ю.* Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Изд-во «Весь Мир», 2013. 232 с.
28. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2014. 560 с.
29. *Дворниченко А. Ю.* К вопросу о зеркалах и химерах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 627–637.
30. *Державин Н. С.* Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М.: Изд-во Академии Наук, 1945. 215 с.
31. *Еремян В. В.* Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академический проект, 2005. 960 с.
32. *История южных и западных славян.* Т. 1. Средние века и новое время. М.: Изд-во МГУ, 1998. 226 с.

33. *Коротаев А. В.* Горы и демократия: к постановке проблемы // *Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 77–93.*
34. *Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынши В. А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши, М.: Логос, 2000. 368 с.*
35. *Костромин К. А.* Потестарность и христианизация Руси // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλιγορσσία: εν χρόνω, εν προσωλω, εν ειδει. Альманах, вып. 7: К 60-летию профессора Андрея Юрьевича Дворниченко / Под ред. д. и. н. А. В. Петрова. СПб., 2017. С. 93–101.*
36. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология. Учебное пособие. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 272 с.
37. *Кроули Роджер.* Венецианская республика. Расцвет и упадок великой морской империи. 1000–1503. М.: ЗАО Издательство Центр-полиграф, 2015. 448 с.
38. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 847 с.
39. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.
40. *Лашук Л. П.* Введение в историческую социологию. Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. 148 с.
41. *Лукин П. В.* Вече в социально-политической системе Средневекового Новгорода. Дисс. ... д. и. н. М., 2014. 635 с.
42. *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. М.: Наука, 1976. 206 с.
43. *Перцев Д. М.* Политии англосаксонской Британии (V–IX вв.) // *Ранние формы потестарной организации. СПб.: СПбНЦ РАН; АНО «КИО», 2016. С. 68–77.*
44. *Петров А. В.* От язычества к святой Руси. Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 352 с.
45. *Пузанов В. В.* Химеры в кривом зеркале историографии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 418–432.*
46. *Савченко И. А.* Город и округа у древних майя I тыс. н. э. (восточные области Мезоамерики). Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 2015. 33 с.
47. *Сахаров А. Н.* Соотношение центра и регионов в политическом развитии России // *Русь на путях к «Третьему Риму». Тула: Гиф и К, 2010. С. 93–103.*
48. *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 321 с.
49. *Севастьянова О. В.* Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII–первой половине XV в. М.; СПб.: Альянс-Архео. 2011. 408 с.
50. *Севастьянова О. В.* Новгородское вече: отход от республиканской теории // *Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) / Отв. ред. М. М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.*
51. *Селунская Н. А.* Современные перспективы изучения средневековой общины, или «как это не было» // *Историческая наука сегодня. Теория, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 355–367.*
52. *Скальник П.* Концепт раннего государства и антропологическая теория // *Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 9–29.*
53. *Собестянский И. М.* Учения о национальных особенностях характер и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. Изд. 2-е. М.: URSS, 2011. (Репринт работы 1893 г.).
54. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009. 328 с.

55. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
56. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1044 с.
57. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство / Под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 198–311.
58. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
59. Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог... С. 228–241.
60. Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.) Киев, 1895. 86 с.
61. Birnbaum H. Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic City Republics and their Civilization, *Održana u Jugoslavenskoj Akademije Znanosti I Umjetnosti*, Svezak 62, Zagreb, 1989.
62. Froianov I. Ia. and Dvornichenko A. Iu. The City-State in Kievan Rus' (Eleventh-Twelfth Centuries), *Reinterpreting Russian History. Readings 860–1960-s*, Compiled and ed. by Daniel H. Kaiser & Gary Marker. New York, Oxford: Oxford University Press, 1994, p. 30–37.
63. Epstein S. R. The Rise and Fall of Italian City-States, *A comparative Study of Thirty City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 21; Copenhagen, 2000).
64. Halperin Ch. J. Novgorod and the “Novgorodian Land”, *Cahiers du Monde Russe*. No 40, 1999, p. 345–363.
65. Hansen M. H. (ed.) *A comparative Study of Thirty City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 21; Copenhagen, 2000).
66. Hansen M. H. (ed.) *A comparative Study of Six City-State Cultures* (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, *Historisk-filosofiske Skrifter*, 27; Copenhagen), 2002.
67. Jones Ph. *The Italian City-State: From Commune to Signoria*. Oxford, 1997. 712 p.
68. Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1980. 308 p.
69. Kuryuzawa T. The Debate on the Genesis of Russian Feudalism in Recent Soviet Historiography, *Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika*. Ed. by Takayuki Ito. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1989.
70. Scott T. *The City-State in Europe, 1000–1600. Hinterland — Territory — Region*. New York, Oxford University Press, 2014.



DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10023

Котышев Д. М.

**Русская земля в среднем Поднепровье:
от потестарных структур к раннему государству**

На территории Среднего Поднепровья с конца IX — начала X в. выделяется несколько первичных объединений восточнославянских племен — «славинии». Это первый уровень межплеменной интеграции, позволяющий говорить о существовании вождейских структур. Указанные славинии в период 910-920-х гг. оказываются в подчинении у росов и их архонтов, взимавших со славян дань. После событий 945 г. росы от прямого сбора дани, который мало чем отличался от обычного грабежа (а иногда и являлся таковым), переходят к контролю подвластных земель при помощи системы полюдья, опирающейся на развитленную сеть погостов и становищ.

Основная задача системы полюдья состояла в изъятии и накоплении прибавочного продукта в виде даней и поборов. Накопленные ценности реализовывались росами на международных рынках (как правило, константинопольских или багдадских). Вырученные от этой реализации доходы распределялись между членами корпорации росов-руси.

Следовательно, Русская земля в Среднем Поднепровье вплоть до конца X в. может рассматриваться как потестарная структура с двухуровневой системой принятия решений — то, что в литературе называют сложным вожеством. Русская земля как вожество представляла собой редистрибутивную систему, построенную на ксенократической основе — господстве росов-Руси над славянами-пактиотами. Следы этой двухуровневой структуры прослеживаются в сообщении Константина Багрянородного о «внутренней» и «внешней» Росии. Это упоминание породило обширную историографическую традицию. Авторы комментариев к трактату «Об управлении империей» склонны соглашаться с высказанной в свое время А. Поппэ точкой зрения о том, что «внутренняя Росия» — это земли в Среднем Поднепровье, ближайшие к империи; соответственно, под «внешней Росией» понималась отдаленная от византийских пределов Новгородская земля¹. Такой принцип выстраивания описания свидетельствует, по мнению исследователей, о следовании Константином античного принципа стратификации внутренней и внешней части описываемого региона².

Не так давно А. В. Назаренко, характеризуя термин ἡ ἔξω Ῥωσία, предположил, что оппозиционная пара «внешняя/внутренняя» (ἔξω/ἔσω), использованная Константином, обозначала не традицию античной хорографии, а местную действительность, отделяя «внутренних» росов, постоянно проживавших в Киеве, от «внешних росов», сидевших по перечисленному в трактате «крепостям»-κάστρων³.

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Глава 9. Комментарии // Константин Багрянородный Об управлении империей. М., 1991. С. 308-310.

² См.: Петрухин В. Я., Шелов-Коведяев Ф. В. К методике исторической географии. «Внешняя Росия» Константина Багрянородного и античная географическая традиция // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 184-190.

³ См.: Назаренко А. В. Η ΕΞΩ ῬΩΣΙΑ: к политической географии Древнерусского государства середины X века // Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010. С. 294-301.

Насколько справедливо такое предположение? Если попытаться локализовать указанные Константином крепости, то получается следующая картина:

Νεμογαρδάς	Новгород
Μιλίνισκα	Смоленск
Τελιούτζα	Любеч
Τζερνιῶγα	Чернигов
Βουσεγραδέ	Вышгород
Κιοάβα	Киев

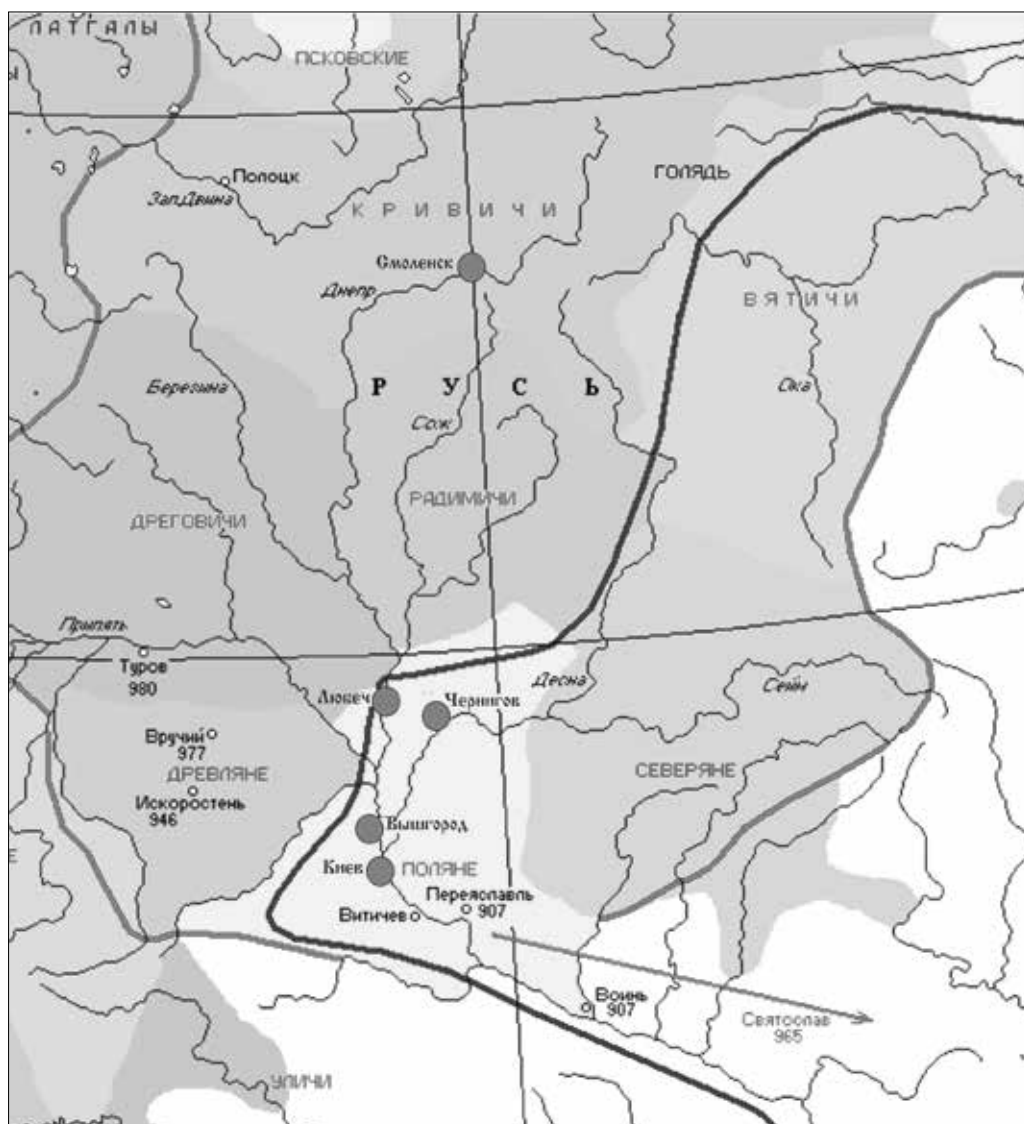


Рис. 1. Размещение крепостей росов по данным Константина Багрянородного

Картографирование этих названий дает следующую картину — все указанные города, включая Киев-Самватас, контролируют речные магистрали, сходящиеся к Киеву. Соотнесение этих данных с ареалами славянских объединений к концу IX в., очерчиваемых по распространению археологических памятников⁴, дает весьма интересный результат. Границы «внешней» Руси, очерчиваемые вышеуказанными крепостями, в целом (хотя и не полностью) совпадают с т. н. «серой зоной» вдоль Днепра, на стыке границ славянских союзов.

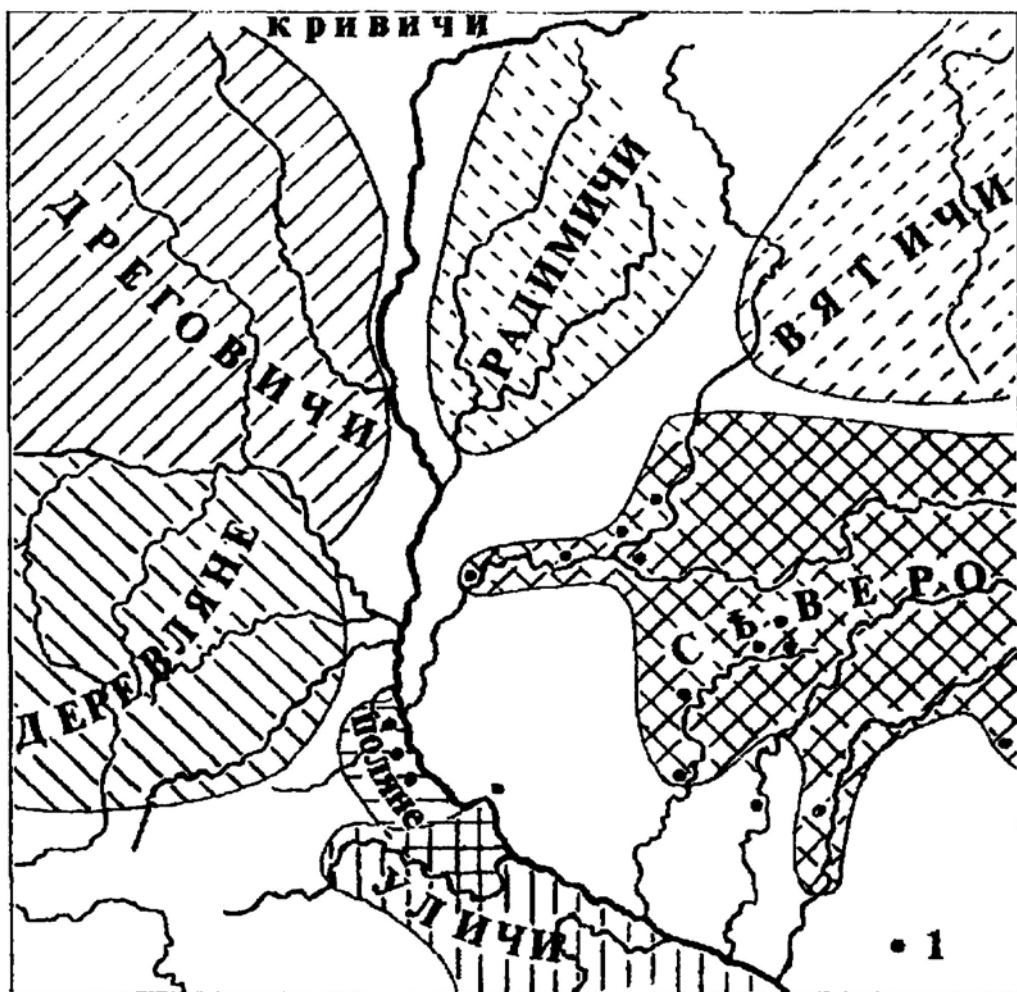


Рис. 2. Границы племенных союзов славян в конце IX в. (по А. В. Григорьеву)

Следовательно, Ρωσία середины X в. представляет собой территориальную общность, консолидировавшуюся вокруг транзитных торговых путей и имевшую двухуровневую структуру — собственно росы и славяне, их «пактиоты» (οἱ δὲ Σκλάβοι,

⁴ Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000. С. 185.



οί λακτιῶται)⁵. Определять такую конструкцию как государство, пусть даже раннее, на мой взгляд, неправомерно.

С какого момента вожжество начинает трансформироваться в раннее государство? Данный вопрос в специальной (политантропологической) литературе уже много лет является предметом активной дискуссии. Ряд исследователей в ходе данной дискуссии выразил сомнение в самой возможности фиксации момента превращения вожества в раннее государство.

На мой взгляд, поводов для пессимистических выводов в этом вопросе нет, это доказали многолетние исследования археолога Г. Джонсона, изучавшего становление раннего государства на Древнем Востоке (на примере Сузианы)⁶. В ходе своих разысканий Джонсон разработал методику определения уровня сложности социума. Одноили двухуровневая структура определяются исследователем как простое и сложное вожжество. На первом уровне речь идет о группе сельских поселений с одним укрепленным центром; второй уровень представлен группой первичных укрепленных центров, консолидирующихся вокруг центра регионального. Третий же уровень, когда возникает общий для ряда регионов политический центр (столица), означает, по мнению Г. Джонсона, возникновение государства⁷.

Таким образом, появление столицы является одним из определяющих маркеров государственности. Но этот маркер не единственный. К числу прочих относятся усложнение внутренней политической и территориальной структуры, а также определение государственных границ. Каков же будет результат, если эти критерии применить к анализу развития Русской земли на рубеже во второй половине X и начале XI веков?

Остановлюсь на первом маркере — появлении столицы. Когда говорится о возникновении столичного центра, то речь идет не сколько о возникновении Киева, сколько о превращении существовавшей на Подоле и киевских горах группы поселений в единый комплекс. Вплоть до конца X в. киевские поселения существовали как автономные единицы. Современные исследования показывают, что поселение на Подоле, возникшее в самом начале X в., динамично развивалось. Об этом говорит содержание выявленных в ходе исследований Подола строительных горизонтов⁸. Это вполне

⁵ См.: *Константин Багрянородный* Об управлении империей. С. 44-45.

⁶ Johnson G. A. Spatial organization of Early Uruk Settlement. *L'Archeologue de l'Iraq. Colloquess Internationale des Centre de la Recherche Scientifique*, Paris. 1980, p. 233-263.

⁷ Johnson G. A. The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain. *From Prehistory to the Islamic Conquest*, Washington. 1987, p. 107-140.

⁸ Для сравнения — если древнейший горизонт, датируемый концом IX в., выявлен только на одном участке (сруб № 21 — Житный рынок, см.: *Гупало К. М., Толочко П. П.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22а. ед. хр. 7473. С. 29-30), в то время как первая половина X в. представлена девятью постройками (сруб № 7 — Красная (ныне Контрактовая) площадь (*Гупало К. М.* Звіт про розкопки на трасі Подольської лінії Київського метрополітену в 1971-1972 рр. // НА ІА НАНУ. Ф. 1971-1972/34д. ед. хр. 6421. С. 7); сруб № 20 — Житный рынок (*Гупало К. М., Толочко П. П.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році, С. 30); срубы №№ 1-4 — ул. Верхний Вал (*Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1975/25а. ед. хр. 7571. С. 5-7); срубы №№ 2-3 — ул. Нижний Вал (*Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А.* Археологические исследования Подола в 1974 году // НА ІА НАНУ. Ф. 1974/28. ед. хр. 7485. С. 6-11)). О выделении хронологических ярусов Подола на основе дендродат см.: *Сагайдак М. А.* 1) Хронология археологических комплексов Киевского Подола // НА ІА НАНУ. II. т. № 149. С. 90-91; 2) Давньокиївський Поділ: проблемі топографії, стратиграфії, хронології. Київ. 1991. С. 82-83.

объяснимо, потому что главным объектом киевской инфраструктуры X в. была гавань в Почайне⁹, где формировались торговые караваны для отправки в Византию.

Первоначальная резиденция киевских князей располагалась, вероятно, на Замковой горе¹⁰, а не на Старокиевской, как это пытались представить в большинстве исследований 1970-1980-х гг. Исследования, проведенные вокруг Десятинной церкви в 2005-2010 гг., показали, что древнейшие укрепления, возведенные на рубеже IX-X вв., прекратили свое функционирование и были разобраны в первой половине X в.¹¹. Вместо них на большей части территории Старокиевского плато располагается курганный могильник¹². Эта ситуация продолжает сохраняться до конца X в.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что вывод М. К. Каргера, к которому исследователь пришел в 1940 г.¹³, выдержал проверку временем. Попытки ряда советских и украинских историков опровергнуть это утверждение¹⁴, на сегодняшний день нельзя до конца признать убедительными. Так, П. П. Толочко, стремясь поставить под сомнение сам факт консолидации нескольких поселений, предшествовавших Киеву, писал: «О каком слиянии идет речь? О структурно-градостроительном? Но такого в силу топографических особенностей киевской территории не произошло и позднее. О политическом? Но к указанному времени Киев уже более 150 лет

⁹ См.: *Сагайдак М. А.* 1) К истории градообразования на территории Древней Руси (VI – первая половина XI века) // История русского искусства (в 22-х тт.). Т. 1. Искусство Киевской Руси IX – первая четверть XII в. М., 2007. С. 102-104; 2) Про деякі спірні питання історичної топографії ранньосередньовічного Києва // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16. С. 94-104.

¹⁰ См.: *Сагайдак М. А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва // Магістеріум: Археологічні студії. Київ, 2001. Вип. 6. С. 1-16.

¹¹ См.: *Козюба В. К.* Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004. С. 139-152; *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок городища: итоги и перспективы // У истоков древнерусской государственности. СПб., 2007. С. 35-36; *Михайлов К. А.* Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археология і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 314.

¹² По современной классификации, погребальные памятники Верхнего города, занимающие территорию от Старокиевской горы до Золотых ворот, объединяются под общим определением Некрополя I. Погребения, расположенные на плато Старокиевской горы, включены в курганную группу № 1, условно разделяемую на две части: часть А, занимающую территорию, прилегающую к Десятинной церкви, и часть Б, которая охватывает территорию, очерченную улицами Владимирской, Десятинной и Большой Житомирской. На сегодняшний день в группе А насчитывается 78 захоронений (7 трупосожжений, 5 захоронений в камерах, одно в большой могильной яме, 65 рядовых ингумаций). Группа Б включает в себя 24 погребения (1 кремация, 23 ингумации, из них 11 элитных). Совокупная датировка позволяет прийти к выводу, что сооружение могильных памятников начинается примерно во второй трети X в. и наиболее активно протекает в середине – второй половине X в. (*Ивакин В. Г.* Киевские погребения X в. // *Stratum plus*. 2001. № 5. С. 245, 249).

¹³ См.: *Каргер М. К.* 1) К вопросу о Киеве в VIII-IX вв. // КСИИМК. 1940. Вып. VI. С. 61-63; 2) Древний Киев. Т. 1. М.:Л., 1958. С. 112. Позднее выводы М. К. Каргера поддержал М. Ю. Брайчевский, а также В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов, усматривавшие в слиянии предшествовавших Киеву городищ проявление общинного синойкизма, свойственного большинству раннеклассовых обществ (см.: *Брайчевский М. Ю.* Когда и как возник Киев. К., 1964. С. 119-120; *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных итогах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. № 20, Серия: История, язык, литература, 1970. Вып. 4. С. 13-14).

¹⁴ См.: *Рыбаков Б. А.* Город Кия // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 47; *Толочко П. П.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. К., 1981. С. 59.



являлся столицей Киевской Руси, объединяя все восточнославянские земли в единой государственной системе»¹⁵.

Приведенная аргументация, на мой взгляд, более чем сомнительная. Апелляция к тезису о Киеве как столице Киевской Руси еще с середины IX в. не может быть признана удачной. Само удревление восточнославянской государственности является априорным посылом, не получившим сегодня подтверждения в системе научных взглядов, а следовательно, лежит в плоскости не научных, а публицистических аргументов¹⁶.

Рассуждая о политическом центре в Среднем Поднепровье в X в., во всяком случае, во второй половине столетия, следует принимать во внимание, что это понятие связывалось с местопребыванием князя (данное положение хорошо иллюстрируется сюжетом о попытке Святослава перенести свою резиденцию из Киева на Дунай¹⁷). Подобная практика была характерна для Восточнофранкского, а затем Германского королевства X–XII вв., когда управление страной принимало форму объезда монархом своих резиденций, разбросанных по территории королевства. Эта система управления в современной европейской медиевистике получила определение *Reisekönigtum* или *Wanderkönigtum* («разъезжающая королевская власть»)¹⁸.

В условиях подобной «сецентричности» власти отпадала необходимость в политическом центре классического типа. Поэтому преобладающее значение Киева заключалось в другом: комплекс поселений на Подоле и окрестных горах располагался в ключевой точке днепровской магистрали, запирая собой весь верхнеднепровский бассейн. Это удачное положение Киева определило его значение как редиистрибутивного центра — средоточия, где концентрировалась и перераспределялась собираемая росами славянская дань.

Редиистрибутивные и военно-административные функции обусловили возвышение Киева над остальными территориями. Это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что сыновья Святослава — вначале Ярополк, затем Владимир — выбирают Киев местом своего пребывания. За прошедшие с 945 г. тридцать лет система эксплуатации русами славян обновилась и окрепла. Концентрация в Киеве всех основных доходов, получаемых как от славянско-земледельческой, так и от военно-дружинной экономики, дала киевским правителям в руки значительные средства. Их можно было

¹⁵ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. С. 148.

¹⁶ О степени аргументированности построений относительно существования Киева в эпоху VI–VIII вв. мне уже приходилось высказываться ранее, сравнение полевой археологической документации с опубликованными выводами заставляет думать о целенаправленных манипуляциях с полученными в ходе раскопок данными (см.: Котышев Д. М. Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII–X вв. // Труды Института Российской истории РАН. Т. 12. С. 13–28).

¹⁷ См. известие под 6477 (969): Реѣ Сѣославѣ къ мѣри своени и къ боларомъ своимъ не любо ми естъ в Киевѣ быти хочю жити с Переяславци в Дунаи ꙗко то естъ середѣ в земли моеи ꙗко ту всѣ бѣгаѣ сходитсѣ ѿ Грекъ злато паволоки вина [и] вшошеве разноличныѣ и Щехъ же из Урогъ сребро и комони из Руси же скоро и воскъ медь и чедѣд (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67).

¹⁸ См.: Berges W. Das Reich ohne Hauptstadt. *Das Hauptstadtproblem in der Geschichte*. Tübingen, 1952. S. 1–29; Peyer H. C. *Das Reisekönigtum des Mittelalters Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Wiesbaden, 1964. S. 1–21; Назаренко А. В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. С. 103. Схожие практики были выявлены Н. Ф. Котляром на галицких материалах (см.: Котляр Н. Ф. 1) Странствующие дворы галицких князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: XX Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 16–18 апр. 2008 г. М., 2008. С. 110–115; 2) Странствующие дворы галицких князей // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2001. С. 445–462.

вкладывать не только во внешнеторговую деятельность, но и в развитие собственно славяно-русского социума, его экономики и инфраструктуры.

Можно сказать, что с этого момента существовавшая в Среднем Поднепровье политическая структура начинает превращаться в мультиполитическую. Происходит переход от подчинения, основанного на взимании дани, к интеграции восточнославянских общностей в эту новую мультиполитическую структуру управления.

Немаловажную роль в деле консолидации Русской земли, превращения ее из вожества в раннее государство сыграло принятие Русью христианства. Крещение Руси, осуществленное по инициативе Владимира Святославича, на мой взгляд, следует рассматривать гораздо шире рамок религиозных и конфессиональных взаимодействий. По меткому выражению известного византиста Д. Оболенского, принятие христианства по восточному (византийскому) обряду означало включение Руси в состав «византийского содружества наций»¹⁹. Принимая крещение, Владимир не просто укреплял свою власть посредством новой религии, но и конструировал «Русскую землю» подобно Византии как христианскую державу со всеми ее атрибутами: церковной организацией, законодательством, налоговой системой и т. д.

Созданная в конце X — начале XI в. административно-территориальная структура древнерусской митрополии²⁰ стала одной из цементирующих основ «Русской земли». Мне уже приходилось писать о том, что столичный статус Киева сформировался как статус центра религиозного, а не политического²¹. Как столица Киев в эпоху Владимира Святославича формировался вокруг нового сакрального центра — возведенной посреди плато Старокиевской горы церкви Богородицы Десятинной.

Сама топография строительства была далеко не случайна — Десятинная церковь была преднамеренно построена над компактно расположенной группой знатных захоронений; при этом сами захоронения были сохранены в процессе строительства. По вполне обоснованному предположению К. А. Михайлова, «на месте строительства храма Богородицы Десятинной мог находиться родовой погребальный участок представителей киевского княжеского дома или членов рода Рюриковичей, умерших до официального принятия христианства в 988 г.»²². Все остальные постройки Старокиевской горы были возведены вокруг Десятинной церкви как планировочного центра²³. По времени своего возведения они не выходят за нижние границы сооружения храма; новейшие исследования исторического ядра «города Владимира»

¹⁹ См.: *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 211-214.

²⁰ См.: *Шапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989. С. 34-44.

²¹ См.: *Котышев Д. М.* «Се буди мать градомъ русскимъ»: проблема столичного статуса Киева середины XI — начала XII вв. // *Русские древности. Сб. научных статей к 75-летию проф. И. Я. Фроянова.* СПб., 2011. С. 153-163.

²² *Михайлов К. А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // *Российская археология.* 2004. № 1. С. 42. Подобному прецеденту автор статьи находит весьма убедительные параллели из погребальной практики Северной Европы в X-XI вв.

²³ Три сооружения, возведенные близ Десятинной церкви (юго-западный, юго-восточный и северо-восточный дворцы) образовывали собой определенную планировочную структуру: юго-западный дворец был своей продольной осью ориентирован параллельно поперечной оси храма, а продольные оси юго-восточного и северо-восточного дворцов пересекаются под прямым углом. По мнению Д. Д. Ёлшина, между юго-западным дворцом и западной стеной храма оставалось обширное пространство, которое может быть интерпретировано как площадь (это пространство в свое время В. А. Богусевич интерпретировал как летописный «Бабин торжок») (см.: *Ёлшин Д. Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 154, 230, рис. 1.8; *Красовский И. С.* О плане Десятинной церкви



показали, что о монументальной архитектуре довлдимирового периода на сегодняшний день говорить не приходится²⁴.

Планировка сооружений и одновременность их возведения (во всяком случае, в пределах конца X — начала XI в.) позволяет согласиться с мнением, что «размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра»²⁵. «Город Владимира», как новый градостроительный центр, с одной стороны, отчетливо противопоставляется Подолу²⁶, а с другой стороны — объединяет существующие поселения в одну коммуникативную структуру.

Строительная деятельность Владимира Святославича обозначила превращение Киева из редистрибутивного центра в центр религиозный и административно-политический не только для ближайшей округи, но и для всей Русской земли.

Появление столицы как административного и политического центра означало и изменение в территориальной структуре Русской земли. В первую очередь это касается процессов консолидации власти на подконтрольных столице территориях. В эпоху Владимира особенно отчетливо наблюдается процесс, получивший в науке несколько определений. Речь идет о так называемом «окняжении территории» — термине, рожденном советской исторической наукой, и «переносе городов» — характеристике, возникшей в начале 1980-х гг.²⁷. Указанные понятия под разными углами зрения описывают одно

в Киеве // Российская археология. 1998. № 3. С. 153, рис. 1.7; *Богусевич В. А.* Про феодальні двори Києва XI-XIII ст. // Археологія. 1957. Т. XI. С. 16).

²⁴ Когда говорят о постройках довлдимировой эпохи, обычно ссылаются на летописную статью 6453 (945) г.: «и бѣ внѣ градъ дворъ другъи идѣже еѣ дворъ Деместиковъ за стою Бѣю надъ гороу дворъ теремныи бѣ бо ту теремъ камень» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55). Степень достоверности этих топографических вставок продолжает оставаться дискуссионной, см.: *Комар А. В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. С. 131. Однако это обстоятельство не помешало исследователям ввести в научный оборот три постройки якобы довлдимирового времени — «капище», (открытое В. В. Хвойкой в 1908 г., см.: *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 108-110; *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982. С. 35; *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 29; *Харламов В. А.* Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X-XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. Киев, 1985. С. 110) а также «терем Ольги в граде» и «пантеон» (два последних памятника были открыты в 1970-е годы, см.: *Толочко П. П.* Нове у вивчені Києва // Археологія. 1978. Т. 26. С. 93; *Толочко П. П., Боровський Я. Є.* Язичницьке капище в городі Володимира // Археологія Києва. Київ, 1979. С. 3-10). Сомнения в ранней датировке указанных сооружений в литературе высказывались неоднократно (см.: *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 9; *Мюле Э.* К вопросу о начале Киева // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 120-122; *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. СПб., 2004. С. 151-170); мне тоже довелось высказаться по этому поводу (см.: *Котышев Д. М.* К вопросу об интерпретации «языческого капища» в Киеве // Вестник церковной истории. 1-2 (45-46). 2017. С. 117-126). Новейшие исследования, посвященные анализу строительных материалов указанных сооружений, позволяют говорить о достаточно позднем их возведении, поскольку при сооружении выявлен ряд строительных материалов, синхронных постройке Десятинной церкви, но уже во вторичном использовании (см.: *Елшин Д. Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 178-180).

²⁵ *Елшин Д. Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 178-180.

²⁶ См.: *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1985. С. 15.

²⁷ Впервые о «переносе городов» высказался В. В. Мавродин, противопоставляя старые большесемейные городища новым, феодальным (*Мавродин В. В.* Древняя и средневековая Русь. С. 128). В качестве частного случая «перенос городов» был рассмотрен Л. В. Алексеевым на примере ранней истории Полоцка и Смоленска, см.: *Алексеев Л. В.* 1) Полоцкая земля:

и то же явление — появление в землях, находившихся в сфере влияния Киева новых крепостей-поселений, являвшихся опорой киевской власти на местах.

Наглядным примером является история летописных древлян и Погорины — основной территории днепровского Правобережья, входившей в состав Русской земли. Анализ результатов многолетних исследований данных районов позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, структура расселения IX—X вв. представляет собой систему «гнезд поселений», расположенных в бассейнах Случи, Гуйвы, Горыни и Тетерева. Сплошное картографирование памятников, осуществленное Б. А. Звиздецким и Б. А. Прищепой, позволяет локализовать от пяти до семи таких «гнезд», отождествляемых с первичными потестарными структурами древлян и волянян²⁸. Во-вторых, на рубеже X—XI вв. возникают городища, которые являются уже не «племенными» центрами, а опорными пунктами киевской власти. Показательно, что большая часть «племенных градов» в то же самое время приходит в упадок либо прекращает свое существование²⁹. Рядом с этими городищами возникают новые центры, которые уже представляют собой не поселения, предназначенные для функционирования системы полюдья (определяемые в науке как «дружинные лагеря» или «укрепленные центры начального этапа становления Древнерусского государства»³⁰), административно-политические центры раннего государства.

Показательно, что «дружинные лагеря» на протяжении своего существования претерпевают определенные изменения. Если в первой половине X в. для этого типа поселений были характерны легкие укрепления, то во второй половине столетия ситуация меняется. На смену легким укреплениям приходят совершенно иные конструкции. Если для раннеславянских городищ VIII—X вв. и дружинных лагерей раннего времени был характерен насыпной вал и сооружение на его краю укрепления в виде частокола³¹, то сооружения дружинных лагерей отличались более сложной

Очерки истории Северной Белоруссии. М., 1966. С. 134-136; 2) Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 136. Специальную работу посвятил проблеме «переноса» города И. В. Дубов (см.: *Дубов И. В. К проблеме “переноса” городов Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 70-82).*

²⁸ *Звиздецький Б. А. Городища IX-XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008. С. 134-135; Прищепя Б. А. Погоринські міста в X-XIII ст. Рівне, 2016. С. 144.*

²⁹ По наблюдениям Б. А. Звиздецкого, на территории Древлянской земли выделяется 20 городищ, содержащих культурный слой IX-X вв.: Бараша, Бежов, Городец, городище на р. Церен, Грубское, Гульск, Житомир, Иванков, Коростень, Малин, Маренин, Мирополь, Новоград-Волынский, Несолонь, Овруч, Олевск, Пилиповичи, Райки, Фрузиновка (см.: *Звиздецький Б. А. Про деякі особливості древлянських городищ VIII-X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. С. 41-50, рис. 1, С. 42).* Из перечисленных городищ в конце X—XI в. продолжают существовать только 5: Грубское, Иванков, Овруч, Фрузиновка и Яроповичи (см.: *Звиздецький Б. А. Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. С. 6).* Б. А. Звиздецкий, исходя из совпадения количества древлянских градов с числом «лучших» мужей в древлянском посольстве к Ольге, высказывал предположение, что «каждый из них (послов — Д. К.) представлял отдельный окольный град, которым владел местный князь. ... Древлянская земля являлась политическим образованием 20 отдельных племен-федератов» (*Звиздецький Б. А. Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. С. 10).*

³⁰ См.: *Бондарь А. Н. Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX — X вв. С. 305.*

³¹ Наиболее детально в Среднем Поднепровье раннеславянские оборонительные сооружения изучены раскопками городища Монастырек; конструкции рва и вала были раскрыты во время исследований 1982-1984 гг. (см.: *Максимов Е. В., Петрашенко В. А., Зеленецкая І. Б. Отчет Каневской экспедиции о раскопках городища Монастырек в 1982г // НА ІА НАНУ.*

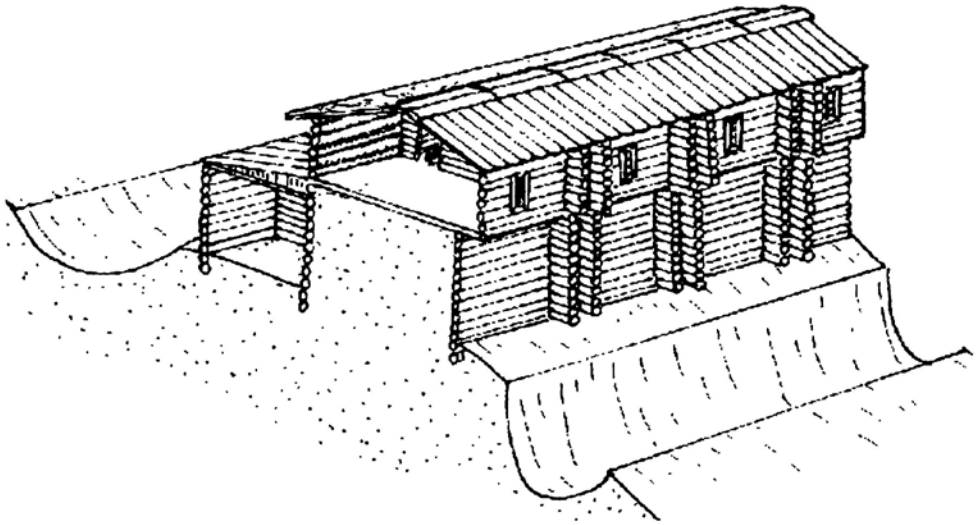


Рис. 3. Реконструкция укреплений городища Оргощ (по А. Н. Бондарю)

конструкцией. Они представляли из себя, как правило, незамкнутые трехстенные срубы (иногда встречались и полноценные бревенчатые клетки), засыпанные грунтом. Сооружения могли возводиться в несколько ярусов. Подобные конструкции прослежены при раскопках Старокиевского городища в 1908-1911 г.³², городищ Оргощ и Звеничево конца 1970 — начала 1980-х гг.³³, а также в Новгородском Рюриковом городище в 1998-2000 гг.³⁴.

Ф.е. 1982/12; *Петрашенко В. А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днепровской древнерусской экспедиции о раскопках на городище Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. в 1983 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1983/16а; *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днестровской древнерусской экспедиции о раскопках городища у с. Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1984/15). Предварительные итоги были опубликованы годом позже (см.: *Петрашенко В. А.* Городище Монастырек VIII-X вв. в свете новых исследований // *Земли Южной Руси в IX-XIV вв.* Киев, 1985. С. 71-73).

³² См.: *Козюба В. К.* Городище на Старокиевській горі. С. 141-144, рис. 4. С. 145.

³³ См.: *Коваленко В. П.* Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1980/52; *Коваленко В. П.* Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1981/31. Результаты исследований были опубликованы в начале 1990-х гг., см.: *Коваленко В. П., Моця О. П.* Летописний Оргощ // *Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі.* Суми, 1993; *Коваленко В. П., Шкун О. В., Фомін О. В.* Давньоруський Звеничів и скарб арабських дирхемів // *Археологія.* 1992. № 1. С. 60-71. А. Н. Бондарь находит определенные параллели между укреплениями Оргоща и Звеничева с планировкой и обустройством таких датских крепостей X в., как Ангерсборг, Фюркат, Треллеборг и Ноннебакен (см.: *Бондарь А. Н.* Крепости правильной геометрической формы в Дании и Южной Руси в период становления государственности // *Древняя Русь и средневековая Европа. Возникновение государств.* М., 2012. С. 19-26).

³⁴ См.: *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок городища: итоги и перспективы // *У истоков русской государственности.* СПб., 2007. С. 32-34., рис. 6-7.

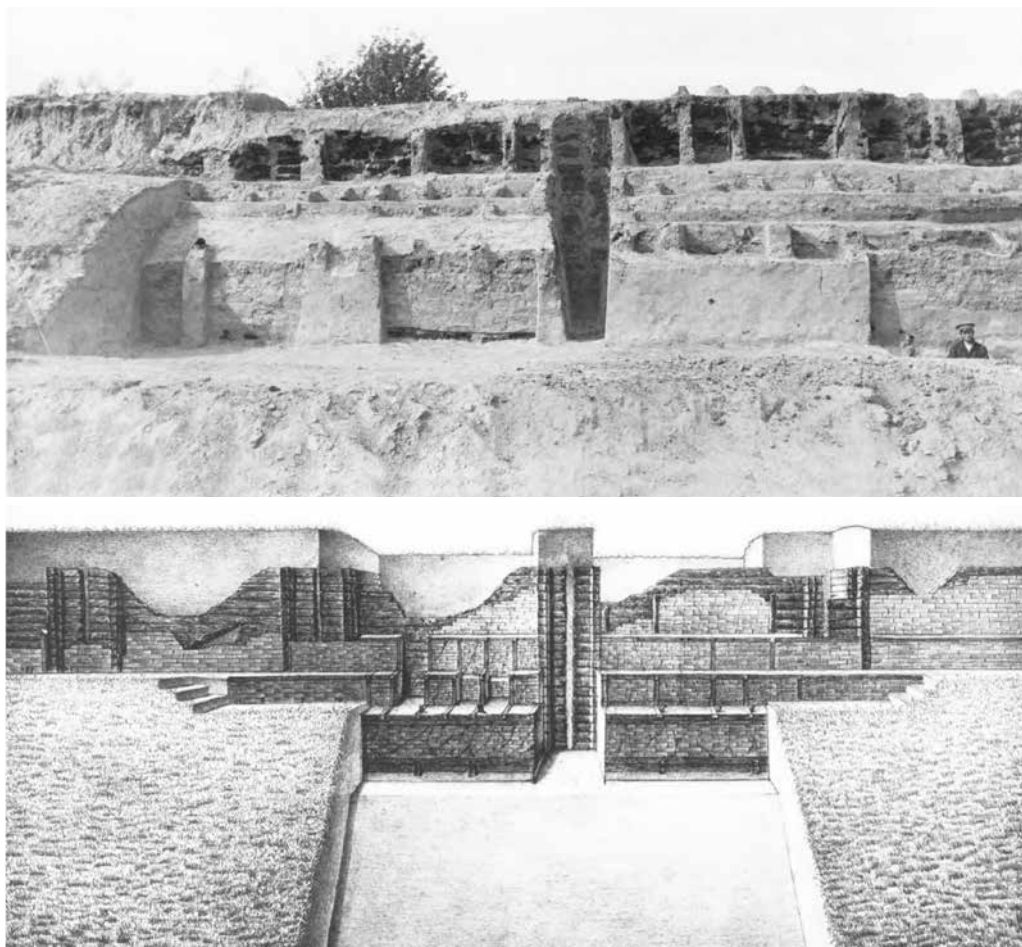


Рис. 4. Фото и графическое изображение внутренней конструкции стен валов посада Белгорода (раскопки В. В. Хвойко 1909-1910 гг.)

В последние десятилетия X в. в Среднем Поднепровье распространяется новый тип укреплений, представленных городищами Белгорода³⁵, Василева³⁶, Заречья, Переяславля Южного³⁷, Воиня³⁸, а также, предположительно, Киева³⁹. Эти укрепления

³⁵ См.: Полонская Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909-1910 гг. в м. Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда. М., 1911. С. 51-53.

³⁶ См.: Малеев Ю. М. Охоронні розкопки м. Василева: (до 1000-річчя пам'ятки) // Археологія. 1984. Т. 48. С. 106-107.

³⁷ О исследованиях Заречья и Переяславля Южного см.: Ранняпорт П. А. 1) Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовых кладки // КСИИМК. 1953. Вып. 52. С. 21-23; 2) Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. V. С. 142.

³⁸ Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966. С. 26.

³⁹ Впервые о находке развалов сырцовых блоков на склонах «города Владимира» было сообщено в 1909 г. (см.: Милеев Д. В. Раскопки в Киеве в 1909 г. // Известия Археологической

представляли собой конструкцию валов в виде ряда клеток-городней, забутованных материковым суглинком; с наружной стороны клетки были укреплены мощным панцирем из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей, плотно прилежавших к стенам клеток.

Указанная техника не имеет аналогов в оборонительных сооружениях Восточной и Северной Европы; по справедливому замечанию Ю. Ю. Моргунова, она восходит к фортификации болгаро-византийского круга⁴⁰. Узкий хронологический период бытования подобной строительной техники на Руси (конец X — начало XI в.) позволяет утверждать, что эта техника напрямую связана с активной строительной деятельностью Владимира⁴¹. Таким образом, совокупный анализ данных позволяет говорить о том, что новые строительные приемы были связаны с активной деятельностью византийских инженеров, широко привлекавшихся Владимиром Святославичем в рамках обширной программы государственного строительства.

Такой подробный экскурс в разновидности оборонительного зодчества далеко не случаен. Именно оно (наряду с другими признаками) является одним из определяющих характеристик укрепленных поселений. А на пространстве Среднего Поднепровья (в пределах Русской земли) на отрезке IX—X вв. подобных поселений существует три типа. Тип первый — раннеславянские укрепленные центры. Тип второй — центры сбора дани и полюдьа («дружинные лагеря»), и наконец, тип третий — укрепленные центры эпохи ранней государственности.

Примечательный факт — если городские центры первого и второго типа на определенном хронологическом отрезке сосуществовали, то возведение «владимировых

комиссии. Приб. к вып. 32. СПб., 1909. С. 132). Более детальных публикаций не последовало, вся информация хранится в рукописных дневниках Д. В. Милеева. В свое время П. А. Раппопорт предположил, что «эти куски сырцовых кладки, на которые тогда не обратили внимания, представляли собой остатки оборонительного вала Киева конца X в.» (*Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв.* С. 91). Частично опубликовавший дневниковые материалы Д. В. Милеева В. К. Козюба предположил, что сырцовая вымостка является частью упавшей стеновой кладки северо-восточного дворца (см.: *Козюба В. К. Доследствия садиби Десятинної церкви у Києві в 1908-1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Милеева) // Ruthenica. Т. IV. 2005. С. 212-213*). Эту точку зрения поставил под сомнение Д. Д. Ёлшин, указав на схожесть размеров сырцового кирпича со склонов Старокиевской горы с размерами сырца из валов городищ конца X века (см.: *Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе. С. 155-160*).

⁴⁰ См.: *Моргунов Ю. Ю. 1) Фортификация Южной Руси X-XIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 19-20; 2) Дерево-земляные укрепления Южной Руси X-XIII вв. М., 2009. С. 75-77.*

⁴¹ Исследователи обращают внимание на ряд датирующих особенностей указанной выше техники. Практически во всех случаях под сырцовой кладкой использовался фундаментообразный каркас, закрепленный вкопанными в землю столбами. Кроме того, при связывании срубов использовались крупные гвозди-костыли (см.: *Малеев Ю. Н. Применение сырцовой кладки в древнерусском военном зодчестве // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. Чернигов, 1990. С. 52; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. С. 75, 80, 87-88, 90*). Использование кольев для уплотнения фундаментов характерно для церковных и гражданских построек эпохи Владимира Святославича — Десятинной церкви, княжеских дворцов. Исследователи архитектуры полагают, что это сугубо византийская по происхождению техника (см.: *Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X-XIII вв.). СПб., 1994. С. 60; Оустерхаут Р. Византийские строители. М.; Киев, 2005. С. 174-175*). То же касается и использования гвоздей (гвозди, аналогичные использованным в оборонительном строительстве, встречены при раскопках северо-восточного дворца близ Десятинной церкви). Ю. Ю. Моргунов отмечает, что «скрепление срубов крупными гвоздями показывает, что руководившие стройками иноземные инженеры не владели исконно русской техникой шипового соединения венцов» (*Моргунов Ю. Ю. Дерево-земляные укрепления Южной Руси. С. 76*).

крепостей» приводит к тому, что большинство славянских племенных центров и «дружинных лагерей» перестают существовать. Как показывают археологические обследования этих городищ, в целом ряде случаев их финал был далеко не мирный⁴².

Таким образом, налицо еще один признак складывания ранней государственности, наряду с возникновением столицы — формирование новых центров власти, отражавших изменение политической и территориальной структуры. Происходит окончательный распад родовых отношений и выстраивание территориальных связей. Идет выстраивание мультиполитийной структуры — полития, выдвинувшаяся на первое место, подчиняет себе окрестные. Это находит выражение в ликвидации автономности локальных племенных союзов и подчинение их власти главной политии. Это подчинение и олицетворяли возводившиеся вблизи разрушенных племенных центров новые города, в которых пребывали представители киевской администрации. Не случайно именно в это время возникает посадничество — новый институт, не существовавший ранее конца X в.

Следует отметить, что большинство городов древнерусского времени вырастает из крепостей, основанных как раз на рубеже X—XI вв. В связи с этим нельзя пройти мимо вопроса о преемственности между древнерусскими поселениями XI—XIII вв. и предшествовавшими им славянскими городищами VIII—X вв. Одна из попыток развернуто ответить на данный вопрос была предпринята в начале 1990-х гг. И. Б. Михайловой. Развивая точку зрения, выдвинутую И. Я. Фрояновым в работе 1991 года⁴³, исследовательница решила рассматривать поселения Южной Руси как «полифункциональные средоточия жизни», т. е., административно-политические и сакральные центры⁴⁴. В Среднем Поднепровье И. Б. Михайлова выделила четыре района «гнезд поселений», отождествив их с малыми племенами. Центрами этих образований, по мнению исследовательницы, являлись Белгород, Вышгород, Витичев, Китаево, Василев⁴⁵. Дальнейшая история региона представлялась И. Б. Михайловой следующим образом: «до середины IX в. кияне добились победы в полянском племенном союзе и их город стал центром правобережного региона, ограниченного Ирпенем, Тетеревом и Росью. Укрепленные поселения других славянских племен превратились в его (т. е. Киева — Д. К.) пригороды»⁴⁶.

Достоинство подобной концепции в том, что в ней сделана попытка представить непрерывными процессы политического развития Русской земли от конца IX до начала XI в. и представить древнерусскую политию как логическое развитие славянских племенных союзов; древнерусское вече — как законного преемника славянских племенных собраний. Недостатком же этой схемы является несоответствие имеющимся фактам. Ни одно из указанных И. Б. Михайловой поселений в Среднем Поднепровье не являлось славянским племенным центром. Китаево представляло собой поселение, возведенное как «дружинный лагерь» в рамках установления росами/русами Олега и Игоря контроля за примыкавшими к Киеву территориями. Витачев как крепость был основан, вероятнее всего, во второй четверти X в. как центр, контролировавший Днепровскую

⁴² См.: Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6-39; Тимошук Б. А. 1) Древнерусские города Северной Буковины // Там же. С. 116-136; 2) Восточнославянская община VI-X вв. М., 1990. С. 121-123; Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII вв. на территории летописных древлян. С. 6.

⁴³ См.: Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57-93.

⁴⁴ См.: Михайлова И. Б. Племенные центры Киевского Поднепровья // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 1993. № 1. С. 19.

⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁶ Там же. С. 18.



магистраль и переправу через неё после разрушения Пересечена (отождествляемого с городищем у с. Монастырек). Культурный слой Вышгорода относится к X в.; предположение В. И. Довженка о его существовании в IX веке, на которое ссылается И. Б. Михайлова, на сегодняшний день археологически не подтвердилось⁴⁷. Белгород же и Переяславль представляют собой крепости, возведенные по инициативе Владимира в конце X века⁴⁸.

⁴⁷ На сегодняшний день тезис о возникновении Вышгорода в последней четверти IX — начале X в. (см.: *Довженко В. Й.* Про дофеодалний період в історії Русі // *Археологія.* 1952. Т. VI. С. 11), базируется на факте находок отдельных фрагментов горшков культур Лука-Райковецкая и роменская (эти фрагменты были встречены на восточном склоне центрального плато городища и на т. н. Ольжиной горе; см.: *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. // *Археологія.* 1950. Т. III. С. 68, 69, табл. I, рис. 1-2, 5). Древнейшее городище занимало площадь ок. 9 га (350×250 м), прослежены остатки валов, сохранившихся местами в высоту до 10 м. Датировать начальный момент существования городища достаточно сложно, однако есть некоторая уточняющая информация: во время раскопок юго-западного вала вышгородского городища выявлены остатки деревянных конструкций в виде засыпанных землей срубов. Находок, которые помогли бы уточнить датировку постройки, в засыпке срубов не выявлено (см.: *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. С. 80-81). Сама техника фортификации аналогична той, которая использовалась в оборонительных сооружениях Белгорода и Переяславля, что позволяет датировать ее концом X в. Материалы раскопок 1934-1937 г. на территории городища маловыразительны и дают основание говорить о существовании здесь ремесленно-жилого участка (см.: *Голубева Л. А.* «Квартал металлургов» в Вышгороде // *Славяне и Русь.* М., 1968. С. 26-30). Самая достоверно ранняя находка на городище — это исследованный в 1981 г. железодетельный горн. Материалы из его заполнения, включая фрагмент стеатитового котла типа Resi 1979, Abb. 5:7 норвежского или западно-шведского изготовления (см.: *Зоценко В. Н., Пекарская Л. В.* Отчет о раскопках Вышгородского городища в 1981 г. // *НА ІА НАНУ.* Ф.е. 1981/15 (результаты частично опубликованы в: *Пекарская Л. В., Зоценко В. Н.* Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979-1981 гг. // *Археологические исследования Киева 1978-1983 гг.* Киев, 1985. С. 129); *Зоценко В. Н.* Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // *Борисо-Глебский сборник.* Paris, 2009. С. 24). Материалы могильника Вышгорода указывают на середину — вторую половину X в. как на его нижнюю дату; при этом по материалам могильника прослеживается значительное скандинавское влияние (см.: *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. С. 90; *Зоценко В. Н.* Скандинавські старожитності Вишгороду // *Старожитності Вишгородщини. Збірка тез доповідей і повідомлень 13-ої науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого», 24-25 травня 2007 р.* Вишгород, 2009. С. 58-59).

⁴⁸ В ходе исследований 1966-1975 гг. на белгородском городище удалось проследить очертания древнейшего поселения мысовой формы, ограниченного с запада р. Ирпень, а с юга — оврагом. По мнению Г. Г. Мезенцевой, это городище предшествовало крепости эпохи Владимира. Во время раскопок 1970 г. были обнаружены фрагменты лепной посуды (горшки, сковородки), которые, по мнению Г. Г. Мезенцевой, схожи с лепными сковородками Каневского поселения, Райковецкого и Новотроицкого городищ VII-IX вв. (*Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1970 році // *НА ІА НАНУ.* Ф.е. 1970/68. е. х. 5832. С. 16). Примечательно, что следы древнейшего городища были прослежены два года спустя — в 1972 г. Предположение Г. Г. Мезенцевой о его первоначальном характере основывалось на изучении вала на территории детинца — он не имел никаких дополнительных укреплений в виде деревянных конструкций. При этом никаких признаков культурного слоя раннеславянской эпохи на самом валу и вблизи его выявлено не было (*Мезенцева Г. Г.* Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1972 році // *НА ІА НАНУ.* Ф.е. 1972/89. е. х. 0277. С. 14-15). В ранних публикациях мною также было высказано предположение о том, что это следы городища — общинного центра (см.: *Котышев Д. М.* 1) Белгород Киевский в XI-XII вв. // *Вестник СПбГУ.* Серия 2. 1998. Вып. 3(16). С. 23-24; 2) Киев — Белгород — Вышгород: из истории взаимоотношений города и пригородов Киевской земли // *Слов'янські обрії.* 2006. Вип. 1. С. 120). Однако

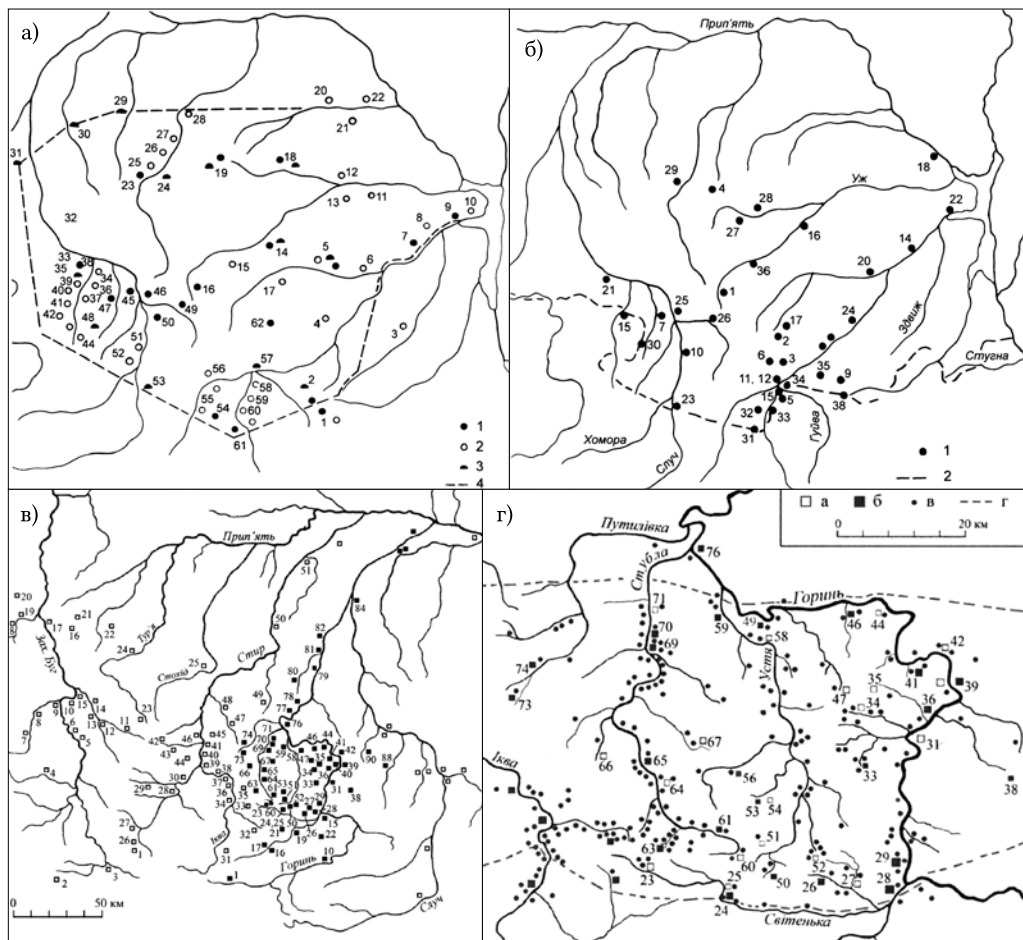


Рис. 5. Славянские памятники Правобережья Среднего Поднепровья VIII-X вв.
 а — племенная территория древлян по археологическим данным (Б. А. Звиздецкий);
 б — городища древлян IX-XIII вв. (Б. А. Звиздецкий);
 в — городища IX-X вв. в междуречье Западного Буга и Горыни (Б. А. Прищеп);
 г — поселения X в. в среднем течении р. Горынь (Б. А. Прищеп)

новейшие археологические исследования и внимательный анализ уже имеющегося вещевого материала ставит под сомнение эти предположения. Тщательный анализ керамического материала, произведенный В. Ю. Непомящих, привел исследователя к выводу, что реально материал ранее конца X века с раскопок белгородского городища отсутствует (см.: *Непомящих В. Ю. Білгород Київський (X — перша половина XIII ст.)*. Дисс. ... канд. ист. наук. Київ, 2017. С. 59-60). Выявленный с напольной стороны вал, который Г. Г. Мезенцева приписывала древнейшему славянскому городищу, не содержит никаких находок ни в насыпи, ни у основания. Материалы с его поверхности относятся к XI-XIII и XVI-XVII вв. Сам вал возведен на материковом основании, а не на поверхности культурного слоя (см.: *Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу ... 1972 році*. С. 14.). Стоит согласиться с мнением В. Ю. Непомящих, что остатки укрепленного вала следует отнести ко времени возведения белгородской крепости довлдимирова времени, т. е. ко второй половине X в. (*Непомящих В. Ю. Білгород Київський*. С. 60-61).

Таковы реальные факты, касающиеся поселений Среднего Поднепровья на Правобережье. Аналогичная картина вырисовывается и на Левобережье, где к числу славянских племенных центров И. Б. Михайлова отнесла городища, имеющие иное происхождение и социальный статус. Есть претензии и к самому способу картографирования, когда единым рядом представляются памятники VIII—X вв.⁴⁹ Выбранный хронологический отрезок, на мой взгляд, слишком велик, чтобы в этом диапазоне можно было составить адекватную картину о возникновении и эволюции «гнезд поселений». Вероятнее всего, такой подход был обусловлен использованием материалов сводного каталога древнерусских поселений Среднего Поднепровья, где на главной карте отмечены все памятники в диапазоне от IX до XIII вв.⁵⁰ Однако в тексте каталога при этом четко указывается, к каким периодам относится то или иное городище (IX—X, X—XII или XII—XIII вв., либо является многослойным). Эту особенность учли в своих работах Б. А. Звиздецкий и Б. А. Прищепца, представив городища, датированные указанными периодами, в качестве отдельных планов⁵¹. Представленные данные, особенно по составу и размерам «гнезд поселений», значительно отличаются от той картины, которая предстает со страниц работ И. Б. Михайловой.

Проведенный разбор аргументов позволяет утверждать, что никакой генетической связи у древнерусской политической структуры со структурой потестарной (родовой эпохи) не наблюдается, во всяком случае, в пределах Русской земли.

Значительную роль в становлении Русской земли как раннего государства сыграл внешнеполитический фактор — печенежская опасность. Наличие постоянной кочевой угрозы ускорило размежевание «сфер влияния» на южных рубежах Русской земли и наметило границу, которую необходимо было укреплять. Эта необходимость нашла свое выражение в масштабном строительстве пограничных оборонительных сооружений, также затеяном Владимиром. На южном пограничье Русской земли, которое на левобережье Днепра проходило по Суле, а на правобережье — по Стугне, были возведены оборонительные линии из валов и городищ. На Левобережье была возведена одна, Посульская линия⁵²; на правобережье таких было три — Витяньско-Бобринская, Стугнинско-Ирпенская и Ирпенско-Тетеревская⁵³.

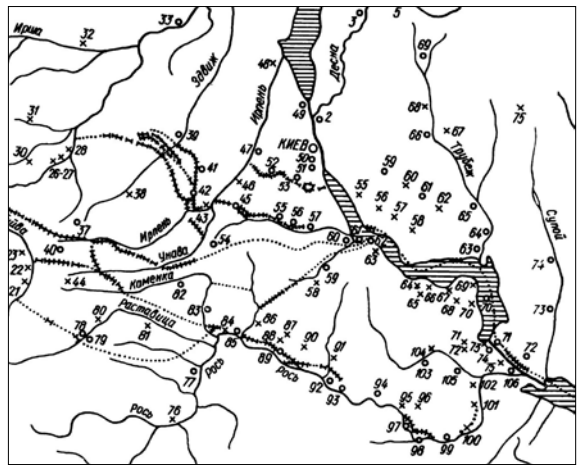


Рис. 6. Карта Змиевых валов (по М. П. Кучере)

⁴⁹ См. карту: Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века. СПб., 2010. С. 46-47.

⁵⁰ См.: Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. С. 14, рис. 2 (Карта городищ Среднего Поднепровья).

⁵¹ См.: Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII ст. на території літописних древлян. С. 134, рис. 1; С. 235, рис. 2; Прищепца Б. А. Погориньські міста в X-XIII ст. Рівне, 2016. С. 144, рис. 97; С. 172, рис. 117; С. 174, рис. 118.

⁵² См.: Моргунов Ю. Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // Российская археология. 1999. № 3. С. 69-78.

⁵³ См.: Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987. С. 78-79, 177.

Такое масштабное строительство с использованием новых приемов фортификации потребовало мобилизации значительных людских сил и материальных ресурсов. Это обстоятельство говорит о возникновении раннего государства, которое оказалось в состоянии реализовать крупные инфраструктурные проекты для защиты собственных границ и развития своей территории. Следовательно, третий признак ранней государственности — определение границ, отделяющих территорию родившегося государства от всего остального мира — также подтверждается имеющимися фактами.

Значение эпохи Владимира Святославича в становлении восточнославянской/древнерусской государственности трудно переоценить. Если в середине X в. Русская земля представляла собой территориальный анклав, консолидированный вокруг южного отрезка торгового пути «из варяг в греки», то к концу столетия она превращается в раннегосударственное образование, контролирующее континентальный торговый маршрут от низовьев Днепра до Волхова. Наиболее отчетливо рост территориальной структуры Русской земли отразился в летописном рассказе о посадении Владимиром сыновей в разных городах. Представление этой информации в табличном виде дает следующие результаты.

Новгород	Вышеслав / Ярослав
Полоцк	Изяслав
Туров	Святополк
Овруч	Святослав
Владимир (Волынский)	Всеволод
Тмутаракань	Мстислав
Ростов	Ярослав / Борис
Муром	Глеб

Географическое размещение указанных городов приводит к интересным выводам. Распределяя своих сыновей по городам, Владимир стремился упрочить контроль Киева за территориями, расположенными по оси Киев — Новгород, т. е. вдоль торгового пути из варяг в греки.

Другая ось контролируемых территорий может быть условно прочерчена направлением Волынь — Киев — Ростов. Здесь напрашиваются следующие предположения. С одной стороны, это направление условно совпадает с древнерусским отрезком торгового пути Регенсбург — Киев — Булгар. С другой стороны, посадение Владимиром сыновей в Ростове и Муроме может свидетельствовать о стремлении взять под контроль и часть Волжского пути.

На примере очерченных территорий можно видеть отличие раннего государства эпохи Владимира от предшествующего времени. Если полития начала — середины X в. В Среднем Поднепровье может быть с полным основанием охарактеризована как сегментарная полития⁵⁴, то на исходе столетия нашим глазам предстает иная картина.

Четко вырисовывается ядро нового государственного образования — та самая Русская земля в Среднем Поднепровье. Опираясь на военную силу и формирующийся институт князей-наместников, киевская администрация подчиняет Русской земле

⁵⁴ Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 131. Более подробно о сегментарных политиях см.: Southall A. The Segmentary State in Africa and Asia. *Comparative Studies in Society and History*, 1988, vol. 30, № 1, pp. 52-82.

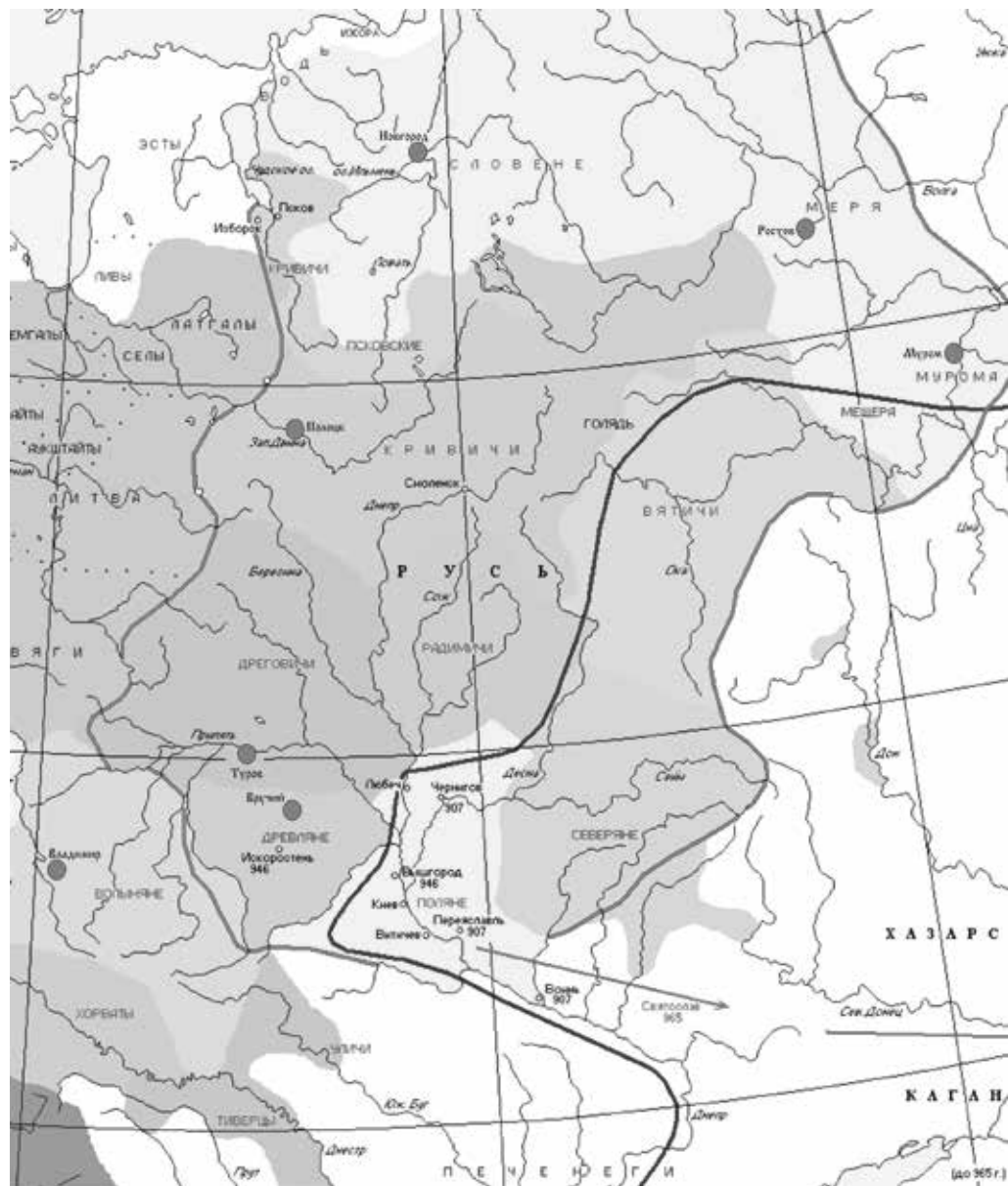


Рис. 7. Географическое размещение наследников Владимира Святославича

политии, расположенные с ней по соседству. Сама структура раннего государства эпохи Владимира состоит из двух компонентов — четко оформленного среднеднепровского ядра, очерченного несколькими оборонительными линиями, и подконтрольной этому ядру периферии. Периферия эта уже не является текучей и изменяющейся, поскольку имеет свои локальные центры власти и подчиненную этим центрам территорию.

Такую конструкцию Н. Н. Крадин определяет как мультиполитию⁵⁵, что, в принципе, довольно точно отражает ситуацию. Этот этап в развитии Русской земли можно для удобства определить как «державу Владимира» (по аналогии с определением «Державы Рюриковичей», предложенной С. В. Бахрушиным).

Особенностью возникновения «державы Владимира», на мой взгляд, является ее синтезный характер. С одной стороны, основу для формирования раннегосударственных отношений в рамках Русской земли составили политические институты и практики, характерные для государств Северной и Центральной Европы. С другой же, конструирование государственных отношений в рамках «державы Владимира» шло по византийским образцам. Используя определение П. В. Шувалова, можно сказать, что имел место своеобразный «импорт политтехнологий»⁵⁶ — усвоение восточнославянским обществом идеи и государственной модели от римско-христианского мира (в данном конкретном случае — от Византии). Наиболее показательным примером такого усвоения являются те новации в области права, которые внедрил Владимир Святославич во время своего правления.

В свое время Л. В. Милов, изучая историю древнерусского перевода Эклоги, пришел к выводу, что этот перевод был выполнен не в Болгарии, а на Руси⁵⁷. Более того, этот перевод был приурочен к деятельности Владимира по реформированию законодательства, которая отразилась в статье ПВЛ под 6504 (996) г.: «Живаше же Володимерь в страсъ Бжьи и оумножишаса [зело] разбоеве и рѣша епѣпи Володимеру се оумножишаса разбоиници почто не казниши ихъ ѡн же ре^ѣ имь боюса грѣха ѡни же рѣша юму ты поставленъ еси ѡ Ба на казнь злымъ а добрымъ на милованье достоинъ ти казнити разбоиника но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбоиницы»⁵⁸.

Согласно этому сообщению, вскоре после крещения Владимир Святославич при непосредственном участии епископов-греков отменяет систему судебных штрафов в виде вирных платежей. Вместо этого вводится система физических наказаний за преступления, позаимствованная из Византии. Древнерусский перевод Эклоги стал юридическим основанием этой реформы⁵⁹.

Однако, как явствует из текста статьи 6504 (996) г., отмена вир нанесла сокрушительный урон бюджету новообразованного государства: «и рѣша епѣпи и старци рать многа ѡже вира то на ѡружьи и на кони буди и ре^ѣ Володимеръ [та^ѣ боу^д и жива^ѣ Володимеръ] по ѡстроенью ѡтню и дѣдно»⁶⁰. В создавшихся условиях Владимиру Святославичу и его окружению пришлось отказаться от столь радикальных преобразований и вернуться к системе штрафов-вир. Возврат к традиционным правовым практикам вызвал появление на свет Правды Ярослава как результат кодификации обычного права⁶¹. Одновременно, по мнению Л. В. Милова, происходит определенная

⁵⁵ См.: Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2000. С. 146.

⁵⁶ См.: Шувалов П. В. Импорт политтехнологий и варварские государства // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2012. С. 276-281.

⁵⁷ См.: Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142-163.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 126-127; Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / Ius Antiquum. 1996. № 1. С. 201-218.

⁵⁹ См.: Милов Л. В. Некоторые вопросы истории Культуры Древней Руси // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 1986. С. 37-38.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127.

⁶¹ См.: Милов Л. В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси) // GENNADIOS. К 79-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 137-138.

переработка основных положений Эклоги и её адаптация к системе вир-штрафов. Итогом этой адаптации стало появление церковного Устава Владимира⁶².

Таким образом, импорт правовых (а не только политических) технологий из Византии, несмотря на всю кажущуюся неудачу, на самом деле стимулировал развитие собственного древнерусского законодательства. Появление Правды Ярослава (Древнейшей Правды) и церковного устава Владимира говорит о том, что нормы византийского права были использованы в качестве образца для кодификации обычноправовых норм, бытовавших в восточнославянской среде.

Появление писаного права — завершающий штрих к картине становления ранней государственности (вместе с возникновением письменности как таковой). К концу первого десятилетия XI в. «держава Владимира» уверенно контролировала подчиненные территории, одновременно отразив и в значительной мере нейтрализовав печенежский натиск. Дальнейшее развитие Русской земли будет определяться несколькими факторами. Среди них наиболее значимыми являются эволюция отношений внутри княжеской корпорации Рюриковичей и возрастание роли населения политий во внутривластической жизни. Однако рассмотрение этих факторов является предметом отдельного изучения.

Источники и литература

1. Алексеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии. М., 1966.
2. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
3. Богусевич В. А. Про феодальні двори Києва XI-XIII ст. // Археологія. 1957. Т. XI. С. 14-20.
4. Бондарь А. Н. Крепости правильной геометрической формы в Дании и Южной Руси в период становления государственности // Древняя Русь и средневековая Европа. Возникновение государств. М., 2012. С. 19-26.
5. Бондарь А. Н. Укрепленные пункты на территории междуречья Днестра и нижнего течения Десны в конце IX-X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 300-327.
6. Брайчевский М. Ю. Когда и как возник Киев. К., 1964.
7. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л., 1985.
8. Голубева Л. А. «Квартал металлургов» в Вышгороде // Славяне и Русь. М., 1968. С. 25-33.
9. Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
10. Гупало К. М. Звіт про розкопки на траси Подольської лінії Київського метрополітену в 1971-1972 рр. // НА ІА НАНУ. Ф. 1971-1972/34д.
11. Гупало К. М., Толочко П. П. Звіт про археологічні дослідження на Подолі в 1973 році // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22а.
12. Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Археологические исследования Подола в 1974 году // НА ІА НАНУ. Ф. 1974/28.
13. Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1975/25а.

⁶² См.: Милов Л. В. К вопросу об истории церковного устава Владимира // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 244-246.

14. Довженко В. Й. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934-1937 рр. // Археологія. 1950. Т. III. С. 64-92.
15. Довженко В. Й. Про дофеодалний період в історії Русі // Археологія. 1952. Т. VI. С. 9-32.
16. Довженко В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древноруське місто Воїнь. Київ, 1966.
17. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Археологическая карта. Киев, 1984.
18. Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дисс. ... канд. ист. наук (рукопись). СПб., 2008.
19. Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII вв. на территории летописных древлян. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1990.
20. Звиздецкий Б. А. Про деякі особливості древлянських городищ VIII-X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004. С. 41-50.
21. Звиздецкий Б. А. Городища IX-XIII ст. на території літописних древлян. Київ, 2008.
22. Зоценко В. Н. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. Paris, 2009. С. 15-56.
23. Зоценко В. Н. Скандинавські старожитності Вишгороду // Старожитності Вишгородщини. Збірка тез доповідей і повідомлень 13-ої науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого» 24-25 травня 2007 р. Вишгород, 2009. С. 41-70.
24. Зоценко В. Н., Пекарская Л. В. Отчет о раскопках Вышгородского городища в 1981 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1981/15.
25. Ивакин В. Г. Киевские погребения X в. // Stratum plus. 2001. № 5. С. 244-287.
26. Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
27. Каргер М. К. К вопросу о Киеве в VIII-IX вв. // КСИИМК. 1940. Вып. VI.
28. Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982.
29. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. СПб., 2004.
30. Коваленко В. П. Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1981/31.
31. Коваленко В. П. Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1980 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1980/52.
32. Коваленко В. П., Моця О. П. Літописний Оргощ // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Суми, 1993
33. Коваленко В. П., Шекун О. В., Фомін О. В. Давньоруський Звеничів и скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. С. 60-71.
34. Козюба В. К. Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. Київ, 2004. С. 139-152.
35. Козюба В. К. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908-1914 рр. (за матеріалами щоденника Д. В. Мілеєва) // Ruthenica. Т. IV. 2005. С. 115-137.
36. Комар А. В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. Т. IV. С. 169-214.
37. Константин Багрянородный Об управлении империей. М., 1991.
38. Котляр Н. Ф. Странствующие дворы галицких князей // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: XX Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 16-18 апр. 2008 г. М., 2008. С. 110-115.
39. Котляр Н. Ф. Странствующие дворы галицких князей // Древнейшие государства Восточной Европы: 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2001. С. 445-462.
40. Котышев Д. М. «Се буди мать градомъ русьскимъ»: проблема столичного статуса Киева середины XI — начала XII вв. // Русские древности. Сб. научных статей к 75-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 153-163.

41. Котышев Д. М. Белгород Киевский в XI-XII вв. // Вестник СПбГУ. Серия 2. 1998. Вып. 3(16). С. 23-31.
42. Котышев Д. М. К вопросу об интерпретации «языческого капища» в Киеве // Вестник церковной истории. № 1-2 (45-46). 2017. С. 117-126.
43. Котышев Д. М. Киев — Белгород — Вышгород: из истории взаимоотношений города и пригородов Киевской земли // Слов'янські обрії. 2006. Вип. 1. С. 118-150.
44. Котышев Д. М. Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII-X вв. // Труды Института Российской истории РАН. Т. 12. М., 2014. С. 13-28.
45. Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., 2000.
46. Красовский И. С. О плане Десятинной церкви в Киеве // Российская археология. 1998. № 3. С. 149-156.
47. Куза А. В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 6-39.
48. Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.
49. Мавродин В. В. Древняя и средневековая Русь. СПб., 2009.
50. Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных итогах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. № 20. Серия: История, язык, литература. 1970. Вып. 4. С. 7-15.
51. Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Отчет Зарубинецкого отряда Днестровской древнерусской экспедиции о раскопках городища у с. Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1984/15.
52. Максимов Е. В., Петрашенко В. А., Зеленецкая И. Б. Отчет Каневской экспедиции о раскопках городища Монастырек в 1982 г // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1982/12.
53. Малеев Ю. Н. Применение сырцово-глиняной кладки в древнерусском военном зодчестве // Чернигов и его округа в IX-XIII вв. Чернигов, 1990. С. 51-53.
54. Малеев Ю. М. Охоронні розкопки м. Василева: (до 1000-річчя пам'ятки) // Археологія. 1984. Т. 48. С. 106-107.
55. Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1970 році // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1970/68.
56. Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Белгородської археологічної експедиції в 1972 році // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1972/89.
57. Милеев Д. В. Раскопки в Киеве в 1909 г. // Известия Археологической комиссии. Приб. к вып. 32. СПб., 1909. С. 122-134.
58. Милов Л. В. Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси) // ГЕНΝΑΔΙΟΣ. К 79-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999. С. 129-142.
59. Милов Л. В. К вопросу об истории церковного устава Владимира // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 244-246.
60. Милов Л. В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Древнее право / Ius Antiquum. 1996. № 1. С. 201-218.
61. Милов Л. В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси // Вестник Московского университета. Серия 8: история. 1986. С. 37-38.
62. Милов Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142-163.
63. Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004. № 1. С. 35-45.
64. Михайлов К. А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища // Археологія і давня історія України. Київ, 2010. Вип. 1. С. 308-315.
65. Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века. СПб., 2010.
66. Михайлова И. Б. Племенные центры Киевского Поднепровья // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 1993. № 1. С. 11-18.
67. Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X-XIII вв. М., 2009.

68. *Моргунов Ю. Ю.* О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // *Российская археология.* 1999. № 3. С. 69-78.
69. *Моргунов Ю. Ю.* Фортификация Южной Руси X-XIII вв.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007.
70. *Мюле Э.* К вопросу о начале Киева // *Вопросы истории.* 1989. № 4. С. 118-127.
71. *Назаренко А. В.* Η ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ: к политической географии Древнерусского государства середины X века // *Gaudeamus igitur: Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова.* М., 2010. С. 294-301.
72. *Назаренко А. В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне. Историко-филологические исследования. М., 2009. С. 103-113.
73. *Непомящих В. Ю.* Білгород Київський (X — перша половина XIII ст.). Дисс. ... канд. ист. наук. Київ, 2017.
74. *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок городища: итоги и перспективы // *У истоков древнерусской государственности (К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика городища и Новгородской областной археологической экспедиции).* СПб., 2007. С. 23-58.
75. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
76. *Оустерхаут Р.* Византийские строители. М.; Киев, 2005.
77. *Пекарская Л. В., Зоценко В. Н.* Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979-1981 гг. // *Археологические исследования Киева 1978-1983 гг.* Киев, 1985.
78. *Петрашенко В. А.* Городище Монастырек VIII-X вв. в свете новых исследований // *Земли Южной Руси в IX-XIV вв.* Киев, 1985. С. 71-84.
79. *Петрашенко В. А.* Отчет Зарубинецкого отряда Днепровской древнерусской экспедиции о раскопках на городище Монастырек Каневского р-на Черкасской обл. в 1983 г. // *НА ІА НАНУ.* Ф.е. 1983/16а.
80. *Петрухин В. Я., Шелов-Коведяев Ф. В.* К методике исторической географии. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного и античная географическая традиция // *Византийский временник.* 1988. Т. 49. С. 184-190.
81. *Полонская Н. Д.* Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909-1910 гг. в м. Белгородке // *Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда.* М., 1911. С. 51-53.
82. *Прищепя Б. А.* Погоринські міста в X-XIII ст. Рівне, 2016.
83. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
84. *Раппопорт П. А.* Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцово-кладки // *КСИИМК.* 1953. Вып. 52. С. 17-24.
85. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов.* Т. V. М.; Л., 1956.
86. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X-XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
87. *Раппопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси (X-XIII вв.). СПб., 1994.
88. *Рыбаков Б. А.* Город Кия // *Вопросы истории.* 1980. № 5. С. 31-47.
89. *Сагайдак М. А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва // *Магістеріум: Археологічні студії.* Київ, 2001. Вип. 6. С. 1-16.
90. *Сагайдак М. А.* Давньокіївський Поділ: проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991.
91. *Сагайдак М. А.* К истории градообразования на территории Древней Руси (VI — первая половина XI века) // *История русского искусства (в 22-х тт.).* Т. 1. Искусство Киевской Руси IX — первая четверть XII в. М., 2007.

92. Сагайдак М. А. Про деякі спірні питання історичної топографії ранньосередньовічного Києва // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2005. Вип. 16. С. 94-104.
93. Сагайдак М. А. Хронология археологических комплексов Киевского Подола // НА ІА НАНУ. П. т. № 149.
94. Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 131-136.
95. Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI-X вв. М., 1990.
96. Тимощук Б. А. Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. М., 1981. С. 116-136.
97. Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989.
98. Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983.
99. Толочко П. П. Нове у вивчені Києва // Археологія. 1978. Т. 26. С. 84-100.
100. Толочко П. П. Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. К., 1981. С. 38-78.
101. Толочко П. П., Боровський Я. Є. Язичницьке капище в городі Володимира // Археологія Києва. Київ, 1979. С. 3-10.
102. Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 57-93.
103. Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X-XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. Киев, 1985. С. 106-120.
104. Шувалов П. В. Импорт политтехнологий и варварские государства // Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2012. С. 276-281.
105. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989.
106. Berges W. Das Reich ohne Hauptstadt. *Das Hauptstadtproblem in der Geschichte*. Tübingen. 1952. S. 1-29.
107. Johnson G. A. Spatial organization of Early Uruk Settlement. *L'Archeologue de l'Iraq. Colloquess Internationale des Centre de la Recherche Scientifique*. Paris, 1980, p. 233-263.
108. Johnson G. A. The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain. *From Prehistory to the Islamic Conquest*. Washington. 1987, p. 107-140.
109. Peyer H. C. *Das Reisekönigtum des Mittelalters Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Wiesbaden. 1964. S. 1-21.
110. Southall A. The Segmentary State in Africa and Asia. *Comparative Studies in Society and History*, 1988, vol. 30, № 1, pp. 52-82.

Петров Н. И.

Микулица из «Повести об убиении Андрея Боголюбского»¹

Духовные лица домонгольской Руси, носившие имя *Николай*, как правило, упоминаются в источниках в форме *Никола* (шесть монахов Николаев, в том числе, четыре епископа).² Показательно, что Микулой именуется только Николай из числа белого — коль скоро нам известна «Микулиная попадьа» — духовенства той поры; Николай он оказывается лишь в летописях XVI в. Речь идет о вышгородском священнике из статьи 1155 г., находящейся в рукописи Археографической комиссии перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи: «Приде из Киева смиренныи и христоролюбивыи на великое княжение въ град Володимирь князь великыи Андреи Юрьевичъ безъ отча повеления, егоже лестию подьяща Кучковичи, и поставиша град Боголюбныи, а обещался святеи Богородици животворной, юже ему о неи сказаша в Вышегороде въ женскомъ манастыри, что крилошяне входятъ в церковь, а та чуднаа икона из места своего вышедъ стоить и особе среде церкви своеи. И помолися князь Андреи тои чудней иконе матери божи, и взя ношцию святую ту икону безъ отча повеления, и поеха на Русскую землю съ своею княгинею и съ своимъ дворомъ, и поять съ собою крилошяны вышегородскыя: попа Микулу и зятя его Нестера диакона, и съ ихъ попадьями; и многа чудеса быша, идущемъ имъ до Володимеря, от чудныи иконы матери божи; и постави еи храмъ на реце Клязме, 2 церкви каменныи во имя святыя Богородица, и сътвори град и нарече ему имя: се есть место Боголюбимое».³

Этого «попа Микулу» мы встречаем также во втором чуде «Сказания о чудесах Владимирской иконы Богородицы»⁴ (1163–1164 гг.⁵). Описываемый здесь несчастный

¹ Данная статья содержит ряд дополнительных соображений о наличествующей в ее названии древнерусской форме имени *Николай*, не нашедших отражения в находящейся в данное время в печати монографии автора «Николай домонгольской Руси».

² См. об этом подробнее в: *Петров Н. И.* Николаи и Микулы домонгольской Руси // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии. Сб. ст. по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. Старая Ладога, 20–21 декабря 2014 г.; Старая Ладога, 26–27 декабря 2015 г. СПб., 2016. С. 142.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.:Л., 1950. С. 467 (об отражении именно в Новгородской первой летописи первоначального текста данного сообщения см.: *Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XIII в. // Византийский временник. Т. XXVI. М., 1965. С. 200). В более поздних версиях этого известия «поп Микула» становится «ереем Николой»: «...Взя же съ собою и Вышеградскыя презвитеры, ерея Николу и зятя его, диакона Нестера...»: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (VIII) / ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 244–245; Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 / ПСРЛ. Т. XXI. 1 пол. СПб., 1908. С. 232–233; Книга Степенная царского родословия. Ч. 2 / ПСРЛ. Т. XXI. 2 пол. СПб., 1913. С. 427.

⁴ Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 220. Более поздние версии этого текста упоминают вместо «попа Микулы» «презвитера Николу» и сообщают также не о «повознике» «попадьи Микулиной», а о «рабе» священника: «...Вышереченнаго презвитера Николы жена сниде съ колесницы; диаволимъ же действомъ неистово сверепьствуя конь, и сверже съ себя раба ерева...» — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (VIII) / ПСРЛ. Т. XI. С. 245; Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 / ПСРЛ. Т. XXI. 1 пол. С. 233. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2 / ПСРЛ. Т. XXI. 2 пол. С. 427.

⁵ О данной датировке памятника см.: *Кучкин В. А., Сумникова Т. А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 487.



случай, произошедший с «Микулиной попадьей», непосредственно связывается с присутствием Андрея Боголюбского на северо-востоке Руси — «Кн(я)зю же суццо на Рогожских полах, се же микулиная попадьа еха на колехъ съ снохою своею» — и может быть соотнесен с маршрутом продвижения князя из Вышгорода во Владимир в 1155 г.⁶ По молитве священника Богородица избавляет попадью от смерти: «Мнеша бо ю м(е)ртву суццо и възвестиша попу Микули, яко: “Попадья твоя м(е)ртва есть”. Он же възревъ на икону пр(е)с(вя)тыя Б(огороди)ца, и реч(е): “Г(о)д(по)же пр(е)ч(и)стая вл(а)д(ы)ч(и)це, аще ты не избавиши ея *от см(е)рти*, се уже м(е)ртва есть”».⁷

Необычная для священника гипокористическая форма имени этого «попа Микулы» — *Микулица* — обнаруживается в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» (1174 г.); здесь он упоминается при описании беспорядков, начавшихся во Владимире после убийства Андрея Боголюбского: «Грабители же и ись сель приходяче *грабяху*. Тако же и Володимири, оли же поча ходити Микулица со святою Богородицею в ризахъ по городу, тожь почаша не грабити». И далее: «Въ 6 день, въ пятницу, рекоша володимерце игумену Феодулови и Луце демествянику святое Богородице: “Нарядита носилице, ать поедомъ возьмемъ князя, а господина своего Андрея”. А Микулице рекоша: “Събери попы, вси, оболоکشе в ризы, выйдете же передъ Серебряная ворота съ святою Богородицею — ту князя дождеши”».⁸ Микулица совершенно особенным образом выделяется в «Повести об убиении...» среди прочего владимирского духовенства, что находит себе соответствие в предпочтении, оказанном князем Андреем Юрьевичем летописному «попу Микуле» в 1155 г. В пользу тождественности Микулицы и «попа Микулы» свидетельствует не только единство времени и места, к которым относятся указанные известия источников, но и единство отраженного в них социального контекста.

Суффикс *-иц-а* придает словам диминутивное значение. Ныне подобную функцию в восточно- и западнославянских языках, как правило, выполняет суффикс *-к-а*, однако, диминутивный суффикс *-иц-а* функционирует в южнославянских языках,⁹ где он может появляться в соответствующей форме личного — причем, именно мужского — имени.¹⁰ Аналогичный суффикс известен и в греческом языке (*-ίτσα*), ныне его использование при образовании диминутивных форм ограничено женскими именами¹¹ (*Ελένη* > *Ελενίτσα*). Однако в византийском именовании X–XI вв.

⁶ Там же. С. 483–485.

⁷ Там же. С. 504–505.

⁸ Повесть об убиении Андрея Боголюбского // БЛДР. Т. 4. С. 214, 216. См. также: Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. М., 1962. С. 592–593.

⁹ Ковалик І. І. Категорія слов'янських диминутивів з суфіксом *-иц-а* (*-ic-a*) // Доповіді та повідомлення Львівського державного університету імені Івана Франка. Вип. 8, ч. 1. Львів, 1957. С. 56. Ср.: Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977. С. 99–101, 117–121, см. также с. 124–126.

¹⁰ В сербском языке диминутивной форме мужского имени *Николица* противостоит женское имя *Николија* — Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима / Скупио га и на свијет издао В. С. Караџић. Беч, 1852. С. 421. В южнославянских документах XIII в. обнаруживается как «Никулица Пичинеж(и)къ», так и «Микулица Печенежикъ», а также «Никулица Марьгинужикъ» (но здесь же — «Никула Церьевикъ»); см.: *Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii*, Edidit Fr. Miklosich. Viennae, 1858, p. 39–40, 43.

¹¹ Асимопулос П. Уменьшительные суффиксы: сопоставительный анализ морфосемантических особенностей в современном греческом, русском и сербском языках // Прва меѓународна научна конференција ФИЛКО (филологија, култура и образование). 18–19 март 2016, Штип. Зборник на трудови. Штип, 2016. С. 28–29.

обнаруживается форма Νικουλιτζᾶς.¹² Диминутивный характер подобной формы косвенно подтверждается сведениями о фаворите византийского императора Михаила VII Дуки — «евнух Никифор, называемый уменьшительным именем Никифорица» (Νικηφορίτζης), по свидетельству Иоанна Зонары,¹³ был «назван так в юных летах при дворе Мономаха, и назван за свою молодость».¹⁴

Известно, что даже при заимствовании гипокористических форм иноэтничных имен они не воспринимаются этносом-реципиентом в качестве таковых и, как правило, представители последнего дополняют их при необходимости собственными диминутивными суффиксами: «Среди заимствованных русских имен у якутов бытуют их уменьшительные формы, также подвергшиеся звуковым преобразованиям, например: *Баанья* — Ваня, *Баанка* — Ванька... Однако в силу иного языкового сознания они могут не восприниматься как таковые. Поэтому для выражения уменьшительно-ласкательного значения якуты используют свои соответствующие аффиксы, прибавляя их к русским именам. Так получаются гибридные имена: *Дьаакыпчаан* (от *Дьаакып* — Яков)...».¹⁵ Присутствие же в Византии X–XI вв. Никулиц и Никифориц, в греческих именах которых суффикс явно славянского происхождения сохраняет свое диминутивное значение, следует, видимо, объяснить в целом существованием балканского языкового союза.

В древнерусских источниках мужские личные имена с суффиксом *-иц-а* известны, конечно же, помимо «Повести об убиении...»¹⁶. Например, подобная форма имени обнаруживается в новгородской берестяной грамоте № 54 первой половины XIV в.: «...а оу Микулицы соколо оу... стую соколь оу Микифорця...». «Перед нами, очевидно, отрывок расписания соколиной охоты. Поименованы, по-видимому, сокольники (отроки? *Н. П.*) новгородского боярина».¹⁷ В грамоте великого князя Ивана

¹² См. например: *Васильевский В.* Советы и рассказы византийского боярина XI века. По неизданной греческой рукописи XV века // ЖМНП. СПб., 1881. Ч. ССХV. Июнь. С. 250, 276–277; Ч. ССХVI. Июль. С. 103, 122–126, 131–132, 143; Ч. ССХVI. Август. С. 319–320, 323–326, 341; *Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus, Ediderunt W. Wassiliewsky, V. Jernstedt* // Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета. Ч. XXXVIII. СПб., 1896. С. 65–68, 96; *Кекавмен* Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. СПб., 2003. С. 266–285, 296–297.

¹³ *Ioannis Zonarae Epitome historiarum. Cum Caroli Ducangii suisque annotationibus edidit Ludovicus Dindorfus*, vol. IV, Lipsiae, 1871, p. 219.

¹⁴ *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексия I Комнина. СПб., 1884. С. 110 (прим. 4). См. Также: Brand Ch. M. Nikephoritzes, *The Oxford Dictionary of Byzantium*, Prepared at Dumbarton Oaks Kazhdan A. P., editor in chief, vol. 3, New York; Oxford, 1991, p. 1475.

¹⁵ *Гриценко К. Ф.* Личные имена и прозвища у якутов // Антропонимика. М., 1970. С. 160.

¹⁶ О славянском суффиксе *-иц-а* в древнерусских именах греческого происхождения см.: *Толкачев А. И.* К истории... С. 109–112. Показательно, что в исследовании А. И. Толкачева 7 подобным формам мужских имен противостоит 37 форм женских русских имен XIV–XV вв. с суффиксом *-иц-а*.

¹⁷ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 57–58; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 565. См. также: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 403 (прим. 126).

Протоиереем Александром Балыбердиным была предложена гипотеза об отражении имени одного из божеств удмуртов (*Му-Кылчин*) в топониме *Микулицын* (*Микулицыно*); именно в такой форме упоминается в источниках конца XVI — XVII вв. название села Никульчино близ Вятки (впервые — в документе 1595 г., нет никаких данных о существовании этого топонима в домонгольское время); см.: *Балыбердин А., прот.* Град Болван. 24 июля 1181 года. Битва за Вятку // Обретение святых. Сб. материалов V Межрегиональной церковно-научной



Даниловича печерским сокольником (1328-1341 гг.) в схожей форме представлено имя *Никита*, что, возможно, также свидетельствует о юности его носителя — показательно, что только этот человек упоминается здесь среди 19 сокольников вместе с именем отца: «...Микитица Ивановъ сынъ...»¹⁸

Возвращаясь к Микулице из «Повести об убиении...» следует вновь подчеркнуть некоторую необычность использования уменьшительной формы имени применительно к священнику.¹⁹ Думается, что использование диминутивного суффикса в данном случае подчеркивает какую-то существенную особенность настоящего или прошлого социального положения этого выходца из Вышгорода. Согласно летописной статье 1155 г. Андрей Юрьевич не только отправляется на княжение во Владимир вопреки воле отца, но так же — «безъ отча повеления» — забирает с собой икону Богородицы из вышгородского женского монастыря («взя нощию святую ту икону»). Указание на сопровождение Андрея Юрьевича в подобных условиях двумя вышгородскими клириками («пять съ собою крилошаны вышгородскыя: попа Микулу и зятя его Нестера диакона, и съ ихъ попадьями») ставит вопрос о церковном статусе последних и, в частности, о степени их подчиненности киевскому митрополиту — даже с учетом того, что киевская кафедра в то время, очевидно, вдовствовала (Клим Смолятич оставляет Киев после смерти Изяслава Мстиславича в конце 1154 г., Константин I прибывает в Киев в 1156 г.²⁰). Андрей Юрьевич распоряжается и священником, и диаконом вполне самостоятельно («пять съ собою»), и это обстоятельство (в сочетании со свидетельствами особенной близости «попа Микулы» Андрею Боголюбскому впоследствии²¹) обращает нас к проблеме существования в домонгольской Руси особой иерархии княжеского духовенства, фиксируемой прежде всего уникальным известием о венчании Святослава Ольговича в 1136 г. в Новгороде — при отказе местного архиепископа — «своими попы»: «Въ то же лето оженися Святославъ Олговиць Новегороде, и венцяся своими попы у святого Николы; а Нифонт его не венця, ни попомъ

конференции, посвященной 150-летию прославления чудеса иконы Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение», г. Киров (Вятка), 13 октября 2013 года. Киров, 2014. С. 41. Представляется, однако, что для интерпретации антропонима *Микулицыно* гораздо большее значение имеет очевидное его соответствие форме имени *Николай*, рассматриваемой в настоящей статье.

¹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 142 (№ 84).

¹⁹ Ср. отмечаемую И. А. Кюршуновой в карельских документах XVI-XVII вв. сопряженность исключительно со священниками личных имен с аугментативным суффиксом *-ище*: «...Формант *-ище* имеет сословную маркированность. Мы находим его только в именовании церковнослужителей, зафиксированных в частно-деловых документах, причем в финальной части формулы: “Шуеретские волости поп *Еуфимьище* Максимов руку приложил...”» (*Кюршунва И. А.* Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). Екатеринбург, 2013. С. 121). Б. А. и Ф. Б. Успенские настаивают на уничижительном характере форм, оканчивающихся на *-ище* и использовавшихся духовными лицами при эпистолярном именовании себя в качестве адресантов (*Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 157-158). Однако, как показала В. И. Тагунова, присоединение суффикса *-ище* духовными лицами XVI-XVII вв. к своим именам наоборот, «скорее, означало стремление подчеркнуть свое привилегированное общественное положение» (*Тагунова В. И.* Из истории суффикса *-ище* в личных собственных именах // Ученые записки Муромского государственного педагогического института. Вып. 6, филологический. Муром, 1963. С. 166-167. См. также: *Толкачев А. И.* К истории... С. 113-115).

²⁰ *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси. X-XIII вв. М., 1989. С. 196-197.

²¹ Н. Н. Воронин характеризовал «попа Микулу» как «старого друга Андрея», «княжеского духовника и советника», «главу капитула (!? *Н. П.*) владимирского Успенского собора» (*Воронин Н. Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор // История СССР. 3 (май-июнь). М., 1963; *Воронин Н. Н.* Из истории...).

на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: “не достоить ея пояти”». ²² Отказ архиепископа был, очевидно, мотивирован некими каноническими препятствиями к данному браку: «Слова Нифонта... представляют собой не что иное, как... слова Иоанна Предтечи, обращенные к царю Ироду (Мф. XIV, 4). Самая цитатность этого текста... демонстрирует, что на этот раз епископ лично принялся за исполнение своих непосредственных функций — надзора за соответствием брака церковным установлениям. Нам остается лишь гадать, какое именно из канонических правил или обычаев преступил Святослав Ольгович». ²³ А. Е. Мусин, обративший особенное внимание на данное летописное известие, свидетельствующее о «дискретности церковной юрисдикции» в Новгороде, затруднился «определить подчиненность этих священнослужителей — в смысле их подчинения митрополиту Киевскому или епископу родного князю города», но счел второй вариант более предпочтительным. ²⁴

Представляется, что охарактеризованные выше указания источников на переезд «попа Микулы» из Вышгорода во Владимир в качестве священника, подчиняющегося непосредственно Андрею Боголюбскому, позволяют нам сопоставить социально-церковный статус этого человека с положением «личных» клириков Святослава Ольговича в Новгороде ²⁵ (здесь важно подчеркнуть предельную самостоятельность Андрея Боголюбского в его отношениях и с местными епископами, и с киевским митрополитом, и с константинопольским патриархом; ²⁶ с другой стороны, Ю. А. Лимонов пишет о враждебном отношении владимирского духовенства к Андрею Юрьевичу; ²⁷ подобная церковно-политическая обстановка не могла не повлиять на закрепление особого статуса вышгородского «попа Микулы» как княжеского священника). Кажется очевидным, что гибель князя лишает Микулу патрона, определявшего социальное благополучие «собственного» клирика в течение довольно длительного времени своего владимирского княжения (1157-1174 гг.), превращает Микулу в своего рода церковного «изгоя». Думается, что именно это изменение статуса, состояние некоего церковно-политического «сиротства» и выражает форма *Микулица*, носящая отчетливо выраженный диминутивный (пейоративный?) характер. ²⁸ И, конечно же, она должна

²² Новгородская первая летопись. С. 24, 209.

²³ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 43.

²⁴ Мусин А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI-XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18): 800-летию Нередицы посвящается. СПб., 2000. С. 217-219. См. также: Мусин А. Е. *Milites Christi Древней Руси*. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 52-54.

²⁵ Стоит заметить, что и в синодальной России близость священника к императору влияла на его неформальное положение в рамках собственно церковной иерархии: «Царские духовники пользовались определенной независимостью от Святейшего Синода и зачастую даже вмешивались в его дела» (Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 1. М., 1996. С. 385). Митрополитом Антонием (Храповицким) придворное духовенство вообще было охарактеризовано как «своего рода беглопоповщина»! (Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е. М., 2015. С. 511 (деяние № 26, 18 октября 1917 г.)).

²⁶ См. например: *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. С. 217-222.

²⁷ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 64 (прим. 38), 79 (прим. 39), 87-88, 128.

²⁸ Ср. использование в летописях формы *Федорец* для именованя казненного киевским митрополитом Константином II в 1169 г. ростовского владыки Феодора, отражающее, по всей видимости, лжеепископство последнего (*Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена... С. 154-155, 195).

была бы обладать совершенно особенным, так сказать, «интимным» значением в том случае, если, как считал Н. Н. Воронин, автором «Повести об убиении...» являлся сам «поп Микула».²⁹

Источники и литература

1. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
2. *Асимопулос П.* Уменьшительные суффиксы: сопоставительный анализ морфосемантических особенностей в современном греческом, русском и сербском языках // Прва меѓународна научна конференција ФИЛКО (филологија, култура и образование). 18-19 март 2016, Штип. Зборник на трудови. Штип, 2016.
3. *Балыбердин А, прот.* Град Болван. 24 июля 1181 года. Битва за Вятку // Обретение святых. Сборник материалов V Межрегиональной церковно-научной конференции, посвященной 150-летию прославления чудесами иконы Божией Матери «В скорбех и печалех Утешение», г. Киров (Вятка), 13 октября 2013 года. Киров, 2014.
4. *Васильевский В.* Советы и рассказы византийского боярина XI века. По неизданной греческой рукописи XV века // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1881. Ч. ССХV. Июнь; Ч. ССХVI. Июль; Ч. ССХVI. Август.
5. *Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. Т. XXVI. М., 1965.
6. *Воронин Н. Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор // История СССР. 3 (май-июнь). М., 1963.
7. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.;Л., 1949.
8. *Гриценко К. Ф.* Личные имена и прозвища у якутов // Антропонимика. М., 1970.
9. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е. М., 2015.
10. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995-2003 гг. М., 2004.
11. Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962.
12. *Кекавмен* Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб., 2003.
13. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1 // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. 1 пол. СПб., 1908.
14. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2 // Полное собрание русских летописей. Т. XXI. 2 пол. СПб., 1913.
15. *Ковалик І. І.* Категорія слов'янських демінутивів з суфіксом -иц-а (-іс-а) // Доповіді та повідомлення Львівського державного університету імені Івана Франка. Вип. 8, ч. 1. Львів, 1957.
16. *Кучкин В. А., Сумникова Т. А.* Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
17. *Кюршунова И. А.* Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопросы ономастики. 2013. № 2 (15). Екатеринбург, 2013.
18. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью (VIII) // Полное собрание русских летописей. Т. XI. СПб., 1897.
19. *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.

²⁹ *Воронин Н. Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»...

20. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010.
21. Мусин А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI-XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18): 800-летию Нередицы посвящается. СПб., 2000.
22. Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. (*Militaria Antiqua*, VIII)
23. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.;Л., 1950.
24. Петров Н. И. Николы и Микулы домонгольской Руси // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии. Сборник статей по материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. Старая Ладога, 20-21 декабря 2014 г.; Старая Ладога, 26-27 декабря 2015 г. СПб., 2016.
25. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997.
26. Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
27. Скабланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексия I Комнина. СПб., 1884.
28. Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1997.
29. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700-1917. Ч. 1. М., 1996.
30. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима / Скупио га и на свијет издао В. С. Караџић. Беч, 1852.
31. Тагунова В. И. Из истории суффикса -ище в личных собственных именах // Ученые записки Муромского государственного педагогического института. Вып. 6, филологический. Муром, 1963.
32. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI-XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977.
33. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.;СПб., 2017.
34. Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
35. Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. X–XIII вв. М., 1989.
36. Brand Ch. M. Nikephoritizes, *The Oxford Dictionary of Byzantium*, Prepared at Dumbarton Oaks Kazhdan A. P., editor in chief, vol. 3, New York; Oxford, 1991, p. 1475.
37. Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt W. Wassiliewsky, V. Jernstedt // Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета. Ч. XXXVIII. СПб., 1896.
38. Ioannis Zonarae *Epitome historiarum. Cum Caroli Ducangii suisque annotationibus edidit Ludovicus Dindorfius*, vol. IV, Lipsiae, 1871.
39. *Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii*, edidit Fr. Miklosich. Vienna, 1858.

**Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо
и иерархи Православной церкви на Руси**

Всеволод (Дмитрий) Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212) оказался в 1176 г. на владимирском престоле по воле случайности. В трёхлетнем возрасте лишился отца — Юрия Владимировича (Долгорукого). Наверное, он даже и не помнил его. Потом, будучи изгнан старшим сводным братом Андреем Боголюбским в 1162 г. из Залесской земли, Всеволод побывал в Византии и вернулся на Русь. Находился на её юге, в основном, на степном пограничье, среди кочевников-«конфедератов», и выполнял поручения великих киевских князей, иногда следуя в фарватере державной политики своего сводного брата Андрея Боголюбского. Среди Рюриковичей Всеволод особого веса не имел. Неслучайно южнорусский летописец в перечне князей под 1168 г. называет будущего владимирского правителя на последнем месте, называет крестильным именем с добавлением уничижительно-уменьшительного суффикса — Дмитрок¹. Всеволод-Дмитрий до 1174 г. не покушался на владимирский престол и, видимо, не помышлял о нём. Позиции Андрея Юрьевича казались незыблемыми: походы на Волжскую Булгарию, разгром Киева, попытка сделать то же самое с Новгородом, масштабное храмостроительство, державные хлопоты о своей митрополии...

Всё изменилось 15 июня 1174 г. В результате заговора Андрей Юрьевич трагически погиб. Достоверно о его гибели сообщают лишь Лаврентьевская (Радзивилловская), Летописец Переяславля Суздальского), Ипатьевская и Новгородская первая летописи. Сведения этих источников весьма лаконичны и не дают оснований ни для «булгарской», ни для «боярской», ни для иной какой-то версии. Возможность для подобных рассуждений дают лишь тексты, созданные в XVI–XVII вв. В части об убийстве Андрея Боголюбского они не являются историческими источниками, но исключительно литературным произведением с большой долей додумывания². По достоверным летописям известны только имена убийц, но об их мотивации ничего не говорится. Тем более, выведение догадки о причастности Всеволода Большое Гнездо к убийству старшего брата из домыслов В. Н. Татищева не выдерживает источниковедческой критики³. Этот экскурс важен для изучения отношений Всеволода Юрьевича, ставшего владимирским князем, с ростовским епископом Леоном. Если бы Всеволод был братоубийцей, то выстраивание «диалога» с духовным владыкой Залесской земли сделало бы личными хладнокровными политиками обоих (если Леон знал) или одного Всеволода (если скрывал).

Анализируя сведения о епископах ростовских — Леон (ум. в 1183 г.) — Лука (1184–1189) — Иоанн (1190 — отказался от кафедры в 1214 г.) в связи с владимирским правлением Всеволода Большое Гнездо, надо отметить, что обе стороны были взаимно

¹ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 354, а также прим. 22.

² Кузнецов А. А. Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. Сб. статей. М., 2012. С. 23–32.

³ Кузнецов А. А. Жена Всеволода Большое Гнездо: яское (аланское) или чешское происхождение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 19–20.

лояльны и бесконфликтны. Леон никак не проявился в борьбе Юрьевичей и их племянников Ростиславичей за власть в Северо-Восточной Руси в 1174–1180/81 гг., не пытался заступиться за пленённых Мстислава и Ярополка Ростиславичей (их ослепили (не убили!), весьма вероятно, по приказу Всеволода Юрьевича⁴) и пр. Такая отстранённость епископа контрастирует с соперничеством между Ростовом и Владимиром за столичность. Видимо, политическое первенство «старого» Ростова и «молодого» Владимира не проецировалось тогда на локализацию и номинацию епископа. И эта тема не была актуальной во владимирское княжение Всеволода Юрьевича. Идея о локальной тождественности духовного и государственного центра Северо-Восточной Руси стала злободневной после смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г., когда в борьбе власть и властный порядок сошлись Георгий (Юрий) и Константин Всеволодовичи, правившие во владимирской и ростовской частях соответственно. Характерен для этой ситуации добровольный уход с кафедры в 1214 г. епископа Иоанна, после чего произошло её разделение. Добровольная отставка епископа, который до этого почти четверть века был пастырем, показывает, что он оказался не готовым к усобице Всеволодовичей, что именно в ходе усобицы обе стороны пытались его перетянуть на себя (хотя об этом в летописях не сообщается).

При самом Всеволоде Юрьевиче единственный конфликт, сопряжённый с ростовским епископом, оказался связан с внешними обстоятельствами. Князь в 1184 г. просил митрополита поставить епископом кроткого игумена Спаса на Берестове Луку. Митрополит Никифор же за мзду, как написано в Лаврентьевской летописи, стремился утвердить на ростовской кафедр Николу Гречина. Всеволод, видимо, ссылаясь на мнение народа, всё же убедил Никифора сменить Николу Гречина на Луку⁵. В Ипатьевской летописи о мзде не упоминается, но Всеволод Владимирский вместе с киевским князем Святославом уговорили митрополита поставить на ростовскую кафедру Луку⁶. Так или иначе, в данном случае недавно утвердившийся на владимирском столе Всеволод Юрьевич не согласовал, а убедил главу Церкви на Руси направить в Залескую землю того, кого считал необходимым и удобным для себя.

Общение владимирского князя Всеволода Юрьевича с ростовскими епископами создаёт впечатление симфонии. Князь и владыка присутствовали на значимых друг для друга мероприятиях: на освящениях храмов, крещениях княжичей... Очевидно, что одной из причин такого положения было не всегда устойчивое положение самого Всеволода Юрьевича. Сначала он доказывал внутри княжества, что он настоящий, законный правитель, затем это пришлось делать вовне. Ему постоянно надо было подчёркивать свою легитимность как князя Залесской земли среди многолюдного семейства Рюриковичей. И в этом видится отличие княжения Всеволода Большое Гнездо от Андрея Боголюбского. Учитывая ряд летописных сообщений, у Андрея Юрьевича было ещё меньше законных оснований великое княжение в Северо-Восточной Руси (если доверять сведениям о том, что Юрий Владимирович планировал передать престол младшим сыновьям). И князь Андрей утверждал своё державное положение жёсткими средствами и внутри, и вне княжества⁷. Внутриполитический курс на упрочение своего положения, кроме прочего, выразился в споре Андрея Юрьевича

⁴ См. подробнее: Кузнецов А. А. О происхождении даты «прозрения» Мстислава и Ярополка в русском летописании // Вестник Удмуртского университета. 2008. Серия 5: История и филология. Вып. 2. С. 33–46.

⁵ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 390–392.

⁶ Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 629–630.

⁷ Кузнецов А. А. Князя Северо-Восточной Руси: тенденция сильной власти? (к постановке проблемы) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 272–285.



с епископом, что, в свою очередь, оказалось сопряжённым с вопросом об учреждении митрополии. Эта ситуация накладывалась на стремление князя добиться фактического и формального признания доминирования Владимирского княжества в общерусском масштабе. Не зная конкретики, можно сказать, что противодействие давлению владимирского князя породило конфликтогенный фон его правления, и любой импульс сопротивления мог привести к заговору.

Всеволод Юрьевич, извлекая уроки из печального опыта старшего брата, минимизировал риски порождения подобных конфликтов. Правда, ко времени владимирского княжения Всеволода из его братьев, т. е. детей Юрия Долгорукого, уже никого не оставалось в живых, племянники оказались вне княжества и даже вне Руси (Юрий Андреевич попал в Грузию). Надо было добиваться признания власти со стороны Рюриковичей из других княжеств. И поэтому конфликт с ростовским епископом Всеволоду-Дмитрию был не нужен (равно как и конфликт с митрополитом), если князь хотел иметь прочный тыл в своём княжестве. А вот вне Владимирского княжества наблюдается более активное и богатое коллизиями общение Всеволода Юрьевича с епископами, чьи кафедры были в иных княжествах.

На рубеже 1185–1186 гг. среди рязанских князей — Глебовичей — произошёл разлад. Всеволод Глебович устремился во Владимир, ища поддержки у могущественного тезки⁸. Всеволод Юрьевич стал готовить поход. Он намечался, вероятно, на лето 1186 г. О нем стало известно в Чернигове, и во Владимир явился черниговский епископ Перфурий (Порфирий), чтобы примирить Всеволода Юрьевича с Рязанью. Лаврентьевская летопись, где отразился великокняжеский владимирский свод, объясняет мотивы владыки тем, что Рязань входила в Черниговскую епископию. Перфурий вместе с ростовским епископом Лукой убедили Всеволода пойти на мировую. Тот затем отпустил Перфурия в Рязань, дав ему в сопровождение своих послов, а также людей Ярослава Владимировича, внука Всеволода Ольговича (из черниговских князей). Одновременно с визитом Перфурия во Владимир там находилась делегация князя Ярослава. 11 июля 1186 г. за Ярослава Всеволод Юрьевич выдал свою дочь Всеславу. Людей Ярослава тоже послали сопровождать Перфурия в Рязань⁹. Поэтомu прибытие Перфурия во Владимир можно объяснить и участием в свадебной церемонии. Для владимирского летописца важным оказался другой, возможно, попутный аспект его миссии — миротворческий. Выпячивание его летописцем на первый план объясняется дальнейшим поведением Перфурия.

Черниговский владыка, прибыв в Рязань, повёл там не те речи, какие от него ожидал услышать Всеволод Юрьевич. Владыка отнюдь не согласовывал их с людьми, прибывшими с ним из Владимира. Суть речей Перфурия в летописи не раскрыта, но, как явствует из его обличения с помощью библейских сентенций, он не призывал Глебовичей прислушиваться к владимирскому князю. Затем епископ бежал в Чернигов¹⁰. Поэтомu Всеволод Юрьевич опять засобирался и двинулся в поход на Рязань. В нем участвовали его свояк Ярослав Владимирович, муромский князь Владимир Юрьевич, рязанский сателлит Всеволод Глебович присоединился к ним у Коломны. Войска переправились через Оку и по направлению к Попову (к Понову — в Радзивилловской летописи) разорили села, взяв полон¹¹. Но, вероятно, поход не достиг своих политических целей.

Сложные отношения владимирского князя с Перфурием могут объясняться и тем, что тот, вероятнее всего, был тем самым черниговским епископом, который скрепил

⁸ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 400–403.

⁹ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 404–405.

¹⁰ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 405.

¹¹ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 406.

целование креста Михалком и Всеволодом Юрьевичами, их племянниками Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, отправлявшимися в Залесскую землю на правление в 1175/1176 гг.¹². Тогда Всеволод был ещё Дмитроком. Быть может, Перфурий так и повёл себя в 1186 г., что ещё помнил ничего не значившего младшего сына Юрия Долгорукого, помнил, что крест целовали дядья и племянники, а победителем оказался только один Всеволод, ослепивший вторых (детей своего старшего брата). Кроме всего прочего, Перфурий мог быть озабочен и перспективой выделения из Черниговской епархии самостоятельной Рязанской. Если так, то Перфирий не смог предотвратить выделения Рязанской епархии.

В 1207–1208 гг., согласно Лаврентьевской летописи, рязанский епископ Арсений сначала сумел упросить Всеволода Большое Гнездо отказаться от штурма Рязани и уйти обратно, удовлетвовавшись лишь «интернированием» попавших ему в руки рязанских князей. В следующем году, когда рязанцы замыслили извести сына владимирского князя Ярослава Всеволодовича, посаженного на рязанский стол, Всеволод Большое Гнездо увёл рязанцев вместе с епископом Арсением¹³. К сожалению, более об Арсении в летописях не сообщается. Поскольку пленённые князья вернулись домой лишь в 1212 г., то можно предположить, что Рязанская земля до того времени была обезглавлена и духовно. Хотя можно допустить и то, что Всеволод не пошёл на риск портить отношения с митрополитом и поступать с церковным владыкой сообразно нравам позднего Средневековья.

К середине 1190-х гг. владимирский князь Всеволод «вспомнил» о доле князя Залесской земли в Южной Руси и о Переяславле-Русском, который ещё и при его отце Юрии Долгоруком мыслился как неотъемлемая часть Залесской земли. В 1194 г. по указанию Всеволода Большое Гнездо был возобновлен Остерский Городец, а в 1197 г. владимирский князь направил в Переяславль епископа Павла¹⁴. В 1198 г. состоялся поход Всеволода и его старшего сына Константина на половцев, а в Переяславле умер Ярослав Мстиславич, ставленник владимирского князя. В 1200 г. Всеволод Юрьевич утвердил в Переяславле сына Ярослава, в 1205 г. женившегося на внучке Кончака — хана донских половцев, часто нападавших на Переяславль. Посылка епископа Павла в Переяславль находится в череде мероприятий, свидетельствующих о том, что после Юрия Долгорукого правитель Северо-Восточной Руси возвращал реальные позиции на юге Руси. Эти позиции были отодвинуты на задний план Андреем Боголюбским, воплощавшим другую стратегию достижения политического доминирования на Руси. Однако направление Всеволодом Владимирским епископа в Переяславль является значительно большим делом, нежели указанные военно-политические акции.

Переяславль был одним из древнейших церковных центров. Первые епископы появились там, возможно, еще около середины XI века¹⁵. После Василия, ставшего епископом в Переяславле в 1156 г. ещё при Юрии Долгоруком, до Павла в 1198 г. источники не сообщают о епископах Переяславля. Видимо, военно-политические вибрации и нахождение на острие половецких набегов 1160–1180-х гг. привели к тому, что роль Переяславля снизилась, а епископы попросту не посылались туда. И вот

¹² Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 372–374; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 210.

¹³ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 432, 434.

¹⁴ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I. Стб. 412–414; *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 86.

¹⁵ *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 443; *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 181–192, 207–239.



Всеволод Юрьевич, утверждая Переяславль за собой, «посла» туда епископа Павла. Примечательно здесь и то, что на этот раз в своём владении князь Всеволод никого не спрашивал и ни с кем не согласовал своего решения.

В Новгороде архиепископ долгое время не затрагивался политикой Всеволода Большое Гнездо. А политика была крайней жёсткой, доходящей до откровенного силового прессинга. Только под 1200 г. в Новгородской первой летописи сообщается: «Приславъ Всеволодъ, выведе Ярослава из Новагорода и веде и къ собе; а из Новагорода позва владыку посадника Мирошку и вячшии мужи по сыне. И яко быша на озере Серегери, преставися рабъ божию архепископъ новгородскыи Мартурии месяца августа въ 24, на святого апостола Варфоломея; и привезоша и, положиша и въ притворе святыя София. Идоша людье с посадникомъ и съ Михалкомъ къ Всеволоду; и пррия е съ великою честью и вда имъ сынъ Святославъ; а въ Новегороде, съдумавъ съ посадникомъ и съ Михалкомъ и съ новгородци, и въведе въ епискупию Митрофана, мужа богоизбрана»¹⁶.

После того, как Мстислав Мстиславич Удатный захватил в Новгороде Святослава Всеволодовича (потом его отпустили во Владимир) и сам утвердился на новгородском столе, произошла замена архиепископа. Митрофан уступил кафедру Антонию¹⁷. Затем Антоний будет сопровождать Мстислава в его акциях. Вероятно, как когда-то Всеволод Юрьевич, утвердившись во Владимире, сумел обеспечить ростовское епископство за своей креатурой, то и Мстислав руководствовался подобной практикой.

* * *

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо по отношению к своему епископу проявлял максимум корректности, но заботился, чтобы это был его ставленник. С епископами других княжеств владимирский князь не был деликатен: иерархов он использовал как средство в политической борьбе. Особенно остро это проявилось в отношениях с черниговским епископом. Причины этого крылись, вероятно, в споре из-за Рязани и в личных отношениях епископа и владимирского князя. Кроме того, объективно черниговский и владимирский князья должны были столкнуться. Черниговский князь претендовал на киевский престол, а владимирский князь по мере упрочения своего положения в Северо-Восточной Руси фактически становился одной из главных сил Древнерусского государства и не собирався подчиняться киевскому князю. Не случайно в 1210 г. во Владимир приедет митрополит Матфей, чтобы мирить Всеволода Чермного (киевского князя из Ольговичей) и Всеволода Большое Гнездо¹⁸. Всеволод Владимирский охотно откликнулся на это предложение, поскольку как и его черниговский тезка, оказался в весьма трудной ситуации изоляции на Руси.

С митрополитами, чья деятельность пришлась на время княжения Всеволода, у него конфликтов не возникало. Вероятно, по негласной договорённости, ни они, ни владимирский князь не затрагивали сферу суверенитета контрагента. Более того, митрополиту Никифору¹⁹ не могло не понравиться восстановление фактического пребывания епископа в Переяславле ставшим к тому времени могущественным владимирским князем. Может быть, поэтому Никифор сквозь пальцы взирал на жёсткое обращение Всеволода Юрьевича с рязанским владыкой Арсением.

¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 44, 238.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. Т. III. С. 52, 249–250.

¹⁸ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. I.

¹⁹ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 200–201.

Источники и литература

1. *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963.
2. *Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998.*
3. *Кузнецов А. А.* Жена Всеволода Большое Гнездо: яское (аланское) или чешское происхождение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 17–27.
4. *Кузнецов А. А.* Князя Северо-Восточной Руси: тенденция сильной власти? (к постановке проблемы) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород: Кварц, 2011. С. 272–285.
5. *Кузнецов А. А.* О происхождении даты «прозрения» Мстислава и Ярополка в русском летописании // Вестник Удмуртского университета. 2008. Серия 5: История и филология. Вып. 2. С. 33–46.
6. *Кузнецов А. А.* Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2012. С. 23–32.
7. *Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997.*
8. *Назаренко А. В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
9. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000.*
10. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко. Под ред. К. К. Акентьева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Византинороссика, 1996.
11. *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989.

О некоторых причинах и обстоятельствах выхода или ухода иноков из монастырей в Древней Руси (XI–XIII вв.)

Феномен странствующего иночества на Руси и иноков, проживавших вне стен обителей, кажется, не подвергался специальному исследованию. Это особенно примечательно, если принять во внимание значительное число сообщений о черноризцах, волею судьбы вынужденных на какое-то время или навсегда оставлять стены своих обителей. Очевидно и то, что данный феномен был широко распространен в раннесредневековой Европе. Пример этого — история странствующих священников и епископов Ирландии¹. Влияние данной группы иноков (странствующих монахов) на умонастроения и систему христианских идеалов жителей, а также на формирование древнерусского монашества не вызывает сомнения. Большая часть лиц, причастных к книжной культуре, воспринимала религиозные странствия как нечто высокое. С не меньшим пиететом она оценивала и путешествующих иноков. Однако отношение епископата к инокам, проживавшим вне стен монастырей, и чернецам, выходявшим за стены обителей, чаще всего оказывалось более сдержанным, настороженным и даже отрицательным². Описанная в житии Антония Римлянина доверительность, присутствовавшая в отношениях новгородского епископа Никиты и прибывшего к берегам Волхова странствующего монаха-ирландца³,

¹ Глазырина Г. В. Странствующие миссионеры // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной. М., 2018. С. 231–238.

² Так, митрополит Иоанн крайне неприязненно оценивал уход иноков из обители и призывал накладывать на таковых епитимию: «Мнихы, иже кроме монастыря пребываютъ, иже в Халкидоне совокупися святых отецъ соборъ 4 и взбранение вводить всякое, въ епитимью накладываютъ не причащаются» [Иоанн. 25] (Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 14). Между тем, необходимо принять во внимание, что ссылка митрополита Иоанна на 4 правило Халкидонского собора некорректна и ошибочна. Ни одно из древних церковных правил не предполагает жестких церковных наказаний для иноков, оставивших свой монастырь и проживавших вне стен обители, однако продолжавших соблюдать свои обеты. Строгие прецеденты налагались только в случае, если иноки вступали в брак. Что же касается 4 правила Халкидонского Собора, то оно действительно предполагало отчуждение от церковного общения монахов. Однако это была крайняя мера, извинявшаяся обстоятельствами времени. Она связана с тем, что евтихианские монахи и их архимандрит позволяли себе не только высказываться о церковных и государственных делах, но и, посещая иные монастыри и города, поддерживали внутрицерковные споры. Итогом такой активности стали городские и монашеские волнения. Вина чернецов состояла не в том, что они оставили монастыри (что было далеко не так), а в том, что вместо иноческого смирения, монахи проявляли церковно-политическую активность. Правда, и в этом случае правило обязывало епископов беспокоиться о таковых монашествующих: «Впрочем, епископу града надлежит имети о монастырях должное попечение» (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа дальмагиско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 337–342). В данном случае имелись ввиду евтихианские монастыри и их беспокойные насельники. Таким образом, ссылка митрополита Иоанна на Халкидонский собор имела спекулятивный характер и искажала норму древнего правила.

³ Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне Антоний римлянин и Меркурий Смоленский. СПб., 2005. С. 258–259, 262–264; Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 24.

видится явлением исключительным. Скорее всего, Никите, имевшему продолжительный опыт уединения и затвора, одинокий монах, живший подаянием приходивших к нему лиц, был близок по духу и образу мысли. С позиции некоторых святых отцов оставление монастыря оценивалось как тяжелейший проступок и даже преступление, сопоставимое с дезертирством⁴. Однако ни церковные правила, ни сам образ иноческого существования, предполагавший множественность форм своего проявления, не допускали категорично негативной оценки монашеской жизни вне стен общежительной обители.

В итоге, как бы ни были строги святительские предписания, призванные если не искоренить, то, по меньшей мере, существенно ограничить свободу перемещения иноков в условиях древнерусской действительности, реализовать таковое намерение даже архиереям оказалось делом крайне трудным и даже непосильным. В силу множества причин, часть которых объяснялась в том числе и волей епископата, монахи были вынуждены если и не навсегда, то хотя бы на какое-то время покидать пределы родных своих обителей⁵. Летописание и иная литература приводит множество свидетельств появления черноризцев за пределами монастырских стен. Отмеченное составителем Повести временных лет суеверие о том, что встреча по дороге монаха сулит неприятностями⁶, вполне убедительно указывает на привычность такого положения дел. В условиях Древней Руси монахи действительно встречались всюду: за столами князей Владимира и Ростислава Мстиславича, в княжеских светлицах⁷ за обедами и на пирах иных князей⁸, во время похорон, торжественных процессий и за соборными службами⁹, при княжеском дворе и во время

⁴ Ванькова А. Б. Дезертирство с воинской службы и дезертирство из «ангельского воинства» в Византии // Византийские очерки. Труды российских учёных к XXIII Международному конгрессу византинистов. СПб., 2017. С. 26-41.

⁵ В качестве таких примеров могут служить призвания иноков к епископскому служению. В большинстве случаев летопись сообщает, что монахов на кафедру выводили князья. Однако такие шаги, несомненно, происходили при согласии епископата, которому надлежало совершать возложение рук на ставленников.

⁶ «аще оусрящет чернорисца . то възращаеться» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 159).

⁷ О присутствии монахов в лице рядовых иноков, игуменов или же святителей за пиры столы князей упоминает мних Иаков и житие преп. Феодосия (Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост, автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 285; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 529-530; Житие Феодосия Печерского // ПЛДР: XI — начало XII века. М., 1978. С. 380-381).

⁸ Так, например, летописание упоминает о поминальном обеде, устроенном Олегом Черниговским во время торжеств перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г. Не менее интересно упоминание о пирах с участием духовенства в Смоленске. Именно на них не желал присутствовать преп. Авраамий (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 280; Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 40, 41).

⁹ Примеры участия монашествующих в торжественных процессиях, связанных со встречами и погребениями князей, а также с соборными службами многочисленны. Пожалуй, одно из первых подобных упоминаний известие об обстоятельствах смерти и погребения князя Ростислава, в похоронах которого участвовали «чернорисцы» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 211-212). Не менее впечатляющим видится въезд в 1151 г. в Киев князей Ростислава, Изяслава и Вячеслава, торжественно встреченных митрополитом Климентом Смолятичем «съ кресты» в окружении игуменов, попов и «многого множества» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 441). В данном отношении не менее примечателен запрет митрополита Георгия на пение монахов в мирских церквах. Появление такого строгого требования можно объяснить одним — частым присутствием иноков на службах в городских храмах: «Калугеру не достоитъ пети в соборе, но токмо в монастыри» [Георг. 107] (Неведомы(х) словесъ изложено Георгиемъ митрополито(м) Киевскимъ Герману игумену

переговоров¹⁰, на рынках¹¹, за работой в монастырских сёлах и лесах¹², в миссионерстве¹³ и в паломническом хождении¹⁴ и в княжеском окружении. Кроме того, монахи разных монастырей посещали друг друга¹⁵. Иноки по-прежнему выходили за стены обителей, а странствующее монашество ещё долгие столетия оставалось привычным элементом «религиозного ландшафта» и «социального пейзажа» Руси. Очевидно, что на временное оставление обители или же полный уход из неё иноков толкало множество причин и обстоятельств. В рамках представленной статьи принята попытка рассмотреть лишь некоторые из них.

Среди поводов, толкавших чернецов к уходу из обители или к странствиям и воспринимавшихся в кругу иноков в качестве «уважительных», особый интерес представляют экстраординарные *обстоятельства, связанные с влиянием внешних сил и с внутренними конфликтами*. Несомненно, что все эти случаи более всего привлекали внимание современников и агиографов. Оставление обители, сакральной семьи, братства и священного дома, в условиях средневекового общества лишало чернориза защиты и рассматривалось в качестве болезненного и крайне сурового испытания. Несколько историй, запечатлевших подобные тягостные шаги, сохранились

въпрашающу оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 254).

¹⁰ В данном отношении показателен приход игуменов к князю Святополку после ареста Василька Тербовльского (1097) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 234). Что же касается участия иноков в переговорах, то такая практика также не была редкостью. Например, преп. Никон Печерский в период своего игуменства в Тмутаракани по просьбе горожан ездил в Киев к князю Святославу с дипломатической миссией (Житие Феодосия Печерского... С. 342, 343). Любопытны также переговоры князей с участием игуменов и епископов. Однако в данном случае интерес представляют именно те события, во время которых иночествующие находились вне стен своего монастыря.

¹¹ О периодическом присутствии монахов на рынке, по крайней мере, в лице эконома обители, сообщает Печерский Патерик, рассказывающий о трудностях, переживавшихся братией в первые десятилетия. Именно в этот период монахи были вынуждены закупать продукты на рынке (С. 348-351).

¹² Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век. СПб., 2004. С. 450-453.

¹³ Примеры такого миссионерства немногочисленны, однако присутствуют. Прежде всего, это преп. Кукша (проповедовал среди Вятичей) и преп. Никон-Черноризец (обратил в христианство половецкую семью) (Киево-Печерский Патерик... С. 368-373). Отчасти к числу миссионеров может быть причислен выходец из Печерской обители, ростовский еп. Леонтий (Киево-Печерский Патерик... С. 360, 361; *Раймер И.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Berlin, 1996. С. 99-100).

¹⁴ Число монашествующих, совершавших паломнические странствия и путешествия, предполагавшие в себе элемент поклонения святым местам, значительно. О них можно судить не только по числу Хожений, а также летописных и агиографических упоминаний о странствиях иночествующих к святыням христианского мира, но и по существованию по меньшей мере двух крупных русских монашеских центров на Афоне, обитель Ксилургу, и в Иерусалиме, монастырь Пресвятой Богородицы (*Шумило С. В.* Перший давньоруський монашук на Афоні та його зв'язки з Київською Руссю: 1000 років // Афонське насліддя: Научний альманах. Вып. 5-6. Киев; Чернігів, 2017. С. 66-67).

¹⁵ Данное обстоятельство в жизни древнерусских обителей было подмечено Ю. А. Артамоновым. Действительно, о присутствии широкой практики подобных посещений свидетельствует не только житийное сказание преп. Феодосия, сообщающее о посещении братией Печерского монастыря Дмитриевской обители, но и канонический запрет митрополита Иоанна на монашеские пиры с приглашением инокинь (Канонические ответы митрополита Иоанна II... Стб. 16-17 [Иоанн. 29]; Житие Феодосия Печерского... С. 364, 365; *Артамонов Ю. А.* Древнерусское иночество и первые монастыри на Руси. <http://www.n-jerusalem.ru/monashestvo/text/308786.html> Дата доступа: 22.04. 2016).

в сказаниях, связанных с историей Печерского монастыря (патерик и Житие Феодосия Печерского), а также в довольно поздней по своему происхождению (XVII–XVIII вв.) историей Антония Дымского¹⁶. При том, что в историографии продолжительное время в отношении преп. Антония Дымского господствовали мнения, либо допускавшие отрицание самого факта существования этого святого, либо отождествлявшие Антония Дымского с архиеп. Антонием (Добрыней Ядрейковичем)¹⁷, на сегодня историчность личности Антония можно считать вполне доказанной¹⁸. Кроме этого древнерусское летописание зафиксировало два случая осознанного расстрижения князей Рюрика Ростиславича¹⁹ и оказавшегося в заложниках у Даниила князя Войшелка, старшего сына Миндовга²⁰, покинувших стены монастырей, служивших им если и не тюрьмой, то, по меньшей мере, местом ссылки.

Первой из перечисленных причин удаления иноков с места их подвига можно считать нежелание родственников или влиятельных покровителей согласиться или смириться с выбором близких им лиц в пользу принятия иноческих обетов. Именно так развивались события вокруг Феодосия и будущего игумена Варлаама, сына боярина Иоанна. Первого из них неоднократно возвращала домой мать²¹. Второй был силой выведен из монастыря отцом. Правда, во время первых уводов Феодосия домой юноша, скорее всего, еще не был пострижен. Судя по всему, он принял обеты несколько позже. Что же касается Варлаама, сына боярина Иоанна, то здесь ситуация оказалась иной. Молодой человек принял иночество, ещё не успев уйти с княжеской службы. Только после этого оставил свой дом и супругу²². Ф. Б. Успенский совершенно резонно заметил, что иноческие одежды были возложены игуменом Никоном на боярского сына, скорее всего, с вполне определенной целью: помочь тому преодолеть родительское сопротивление²³. Составитель жития Феодосия Печерского при описании произошедшего не поскупился на слова, создав яркие, наглядные и убедительные образы подвижников. Столь же показательна история пострига скопца Ефрема, любимца князя Изяслава. Уход этого дружинника в монастырь едва не завершился разрушением обители и исходом иноков²⁴.

¹⁶ Лебедева Т. Е. Языковые особенности Жития Антония Дымского (по списку из архива П. И. Мордвинова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 119.

¹⁷ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 121-123; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 142; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904. С. 596.

¹⁸ Пономарев Д., свящ. Житие преподобного Антония Дымского и созданного им монастыря. СПб., 2015; Пономарев Д., свящ. О начале Антониево-Дымского монастыря // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 39-58.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425-426.

²⁰ Прямолинейное повторение летописных сообщений о неожиданном и добровольном постриге князя Войшелка (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 859; Т. 3. С. 313-314), оказавшегося заложником гостеприимства Даниила Романовича, в современной историографии видится делом бесперспективным, не позволяющим реконструировать и понять события того времени (Галицко-Волинский літопис. Дослідження. Текст. Коментар / за ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 127, 310-311). Галицко-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / за ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 127, 310-311.

²¹ Житие Феодосия Печерского... С. 316-323.

²² Житие Феодосия Печерского... С. 322-329.

²³ Успенский Б. А. Антоний Печерский и начальная история русского монашества (Рясофор в Древней Руси) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2016. Vol. V/1. С. 87-90, 100-101; Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 55.

²⁴ Житие Феодосия Печерского... 326, 327.



Оставление обители могло объясняться и иными, не менее драматическими обстоятельствами, например, *угрозой расправы над насельниками со стороны властей или городской толпы*. Именно эти обстоятельства вынудили игумена и насельников Феодоровского монастыря покинуть свою обитель, оставив в ней беззащитным князя-инока Игоря. Убийство Игоря, вывощенного на киевские улицы и растерзанного толпой, примечательно не только тем, что оно стало результатом расправы, санкционированной вечами нормами, и отражало судебные возможности веча и права горожан в отношении ненавистных им правителей²⁵. Рассказ о смерти князя-инока показательно рисует поведение самих монашествующих, бежавших из своего дома. Судя по летописному сообщению, игумен обители прятался у митрополита Климента. Совершенно очевидно, что Феодоровская обитель не сумела обеспечить своему князю и патрону защиту и убежище, оставив того на растерзание разгневанных киевлян²⁶. Если принять во внимание то, что Феодоровский монастырь, в котором пробовал укрыться князь-инок, относился к числу трёх крупнейших и наиболее значимых обителей Киева²⁷ ситуация 1147 г. видится крайне тяжелой.

Не менее интересными видятся примеры *изгнания иноков из монастырей*. При том, что монашеское долготерпение предполагало прощение провинившихся собратьев, пожалевших по каким-то причинам оставить свою обитель, жизнь, как это часто случается, была сложнее. В то время как преп. Феодосий Печерский призывал к прощению даже тех из своих насельников, кто намеренно уходил за стены родного монашеского дома²⁸, а насельники и насельницы собранных Евфросинией Полоцкой общин с горестью расставались со своей игуменьей, уходившей в своё паломническое странствие к Гробу Господню²⁹, история древнерусского монашества позволяет говорить о том, что христианское милосердие в монашеской среде в отношении некоторых братьев порой приобретало специфические формы

²⁵ О судебных полномочиях веча и расправах горожан над представителями правящего рода Рюриковичей в Киевской, Владимиро-Суздальской и Галицкой земле см.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 401-405; *Чебаненко С. Б.* Основные черты веча-вото правосудия в Древней Руси // *Rossica Antiqua*. 2013. № 2. С. 64-104; *Лукин П. В.* Вечевые расправы в домонгольской Руси // *Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 16-18 апреля 2007 г.: материалы конференции*. М., 2007. С. 141-147; *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 383-444.

²⁶ Во-первых, монастырь даже не попытался обеспечить князю безопасность на основании византийских норм права, что само по себе можно было бы рассматривать в качестве преступления не только со стороны горожан, но и со стороны самих клириков и насельников святого Феодора. Во-вторых, очевидно, что горожане пришли в пустующую обитель. Очевидно, что приход толпы не был неожиданностью ни для настоятеля монастыря, ни для насельников. Следуя за сообщениями, оставленными летописцем, можно заключить, что игумен заблаговременно покинул обитель и укрылся на митрополичьем дворе. Во всяком случае, именно оттуда он прибыл по прошествии времени для отпевания Игоря. В-третьих, и после перенесения тела убитого князя-инока в монастырский собор летописание не упоминает ни одного монашеского образа. Это позволяет заключить, что тело Игоря находилось в пустующем и брошенном монастырском храме (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 347-354).

²⁷ *Толочко А. П.* О судьбе Феодоровского монастыря в Киеве в послемонгольское время // *Ruthenica*. 2009. Т. 8. С. 223.

²⁸ *Житие Феодосия Печерского...* С. 360, 361.

²⁹ Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери нашея Евфросинии // *Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой*. М., 2002. С. 164.

и иное звучание. Так, например, игумен Стефан был фактически изгнан братией³⁰. Судя по всему, нечто подобное произошло с преп. Антонием, преемником Варлаама Хутынского. Не найдя понимания и поддержки среди братии Хутынского монастыря, он ушёл на Дыму, где в дальнейшем основал собственную иноческую общину и монастырь³¹. Кроме того, новгородские Юрьевские архимандриты избирались с участием новгородцев. В некоторых случаях это приводило к изгнанию настоятелей или их «выведению»³². Примечательно, что изгнание инока могло быть и посмертным. Патериковый рассказ о некоем нерадивом насельнике обители, лицемерно скрывавшем свои грехи от других, завершается назидательным сообщением о том, что, узнав после смерти инока о его тайне, преп. Онисифор получил в видении повеление от преп. Антония выбросить смердящее тело монаха «на съедение псам» и таким образом не только не допустить его погребения в монастыре, но и уничтожить всякую телесную память о грешнике³³.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство, извинявшее жизнь монаха вне обители, — плен. В таком случае его жизнь уже оценивалась в категориях мученичества. Именно так описана жизнь иноков Евстратия Постника³⁴ и Никона-Черноризца³⁵. При том, что страдания преподобномученика Евстратия отразили не столько исторические реалии времени, сколько антииудейскую полемику внутри христианской общины Киева, несомненным фактом видится то, что монах оказался в плену, был продан в рабство и в нарушение византийских правовых норм при попустительстве местного епископа и городского управления оставался в таком положении даже в Херсонесе.

Не менее интересны уже упоминавшиеся случаи ухода князей-иноков из обителей и даже снятие ими с себя чернических одежд в случаях, когда принятые ими обеты были даны под принуждением или даже насильственно. Подобных примеров не много, но они достаточно яркие. Во-первых, это насильственный постриг в монашество князя Рюрика, его супруги и дочери (жены Романа Галицкого)³⁶. Во-вторых, это постриг князя Войшелка, также принявшего иночество, скорее всего, по принуж-

³⁰ Киево-Печерский Патерик... С. 310-311.

³¹ Пономарёв Д., свящ. Житие преподобного Антония Дымского и созданного им монастыря... С. 33-34.

³² Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 165-166.

³³ «И явился святой Антоний пресвитеру Онисифору, с гневом говоря ему: «Что это ты сделал? Такого скверного, и порочного, и лживого, и многогрешного здесь положил, какого ещё никогда не было положено, так что осквернил он святое место сие». Очнувшись от видения и пав ниц, Онисифор взмолился Богу, говоря: «Господи, зачем скрыл ты от меня дела человека этого?» И приступил к нему ангел, и сказал: «В назидание всем согрешающим и не покаявшимся было это, чтобы, видевше, покаялись». И сказав сие, сделался невидим. Тогда пресвитер пошёл и возвестил всё это игумену Пимену. Потом в другую ночь то же увидел Онисифор: «Выбрось его скорее вон на съедение псам, — сказал Антоний, — недостоин он пребывать здесь»» (Киево-Печерский Патерик... С. 362-365).

³⁴ Киево-Печерский Патерик... С. 366-369; Литаврин Г. Г. Киево-Печерский патерик о работорговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века — новое время М., 1994. С. 66-82; Карпов А. Ю. Несколько замечаний к Слову о преп. Евстратии Постнике // Россия и христианский Восток / Отв. ред. Б. Л. Фонкич. Вып. 1. М., 1997. С. 7-16; Петрухин В. Я. Евстратий Постник и Вильям из Норвича — две «пасхальные» жертвы // Праздник — обряд — ритуал в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей. М., 2004. Вып. 15. С. 84-103.

³⁵ Киево-Печерский Патерик... С. 368-373.

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 420.



дению. Первый из них, Рюрик, после смерти своего обидчика, Романа Мстиславича, решительно отверг иноческие ризы. Краткое, но убедительное своей образностью летописное сообщение доносит, что, узнав о гибели галицкого князя, князь Рюрик, «смета с себе чернечьские порты и суде Кыеве и хотяшеть и жену свою ростричи». В отличие от супруга жена Рюрика, Анна, поступила иначе. Она не только не отказалась от насильственно принятых иноческих обетов, но и усугубила их, «пострижесе в скыму»³⁷. Описанный эпизод нашёл отражение в целом ряде исследований П. П. Толочко, А. В. Майорова, С. В. Шумило, А. Ф. Литвиной, Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского³⁸. Затронутая история действительно интересна не только в контексте политических реалий времени и внутрдинастических отношений, но и по иным обстоятельствам.

Борис Андреевич и Федор Борисович Успенские предложили рассмотреть описанную историю в том числе с позиции истории монашеских институтов, обратив внимание не только на внешние обстоятельства пострижения княжеской семьи, но и на церковную сторону совершенного. Так, например, исследователи совершенно верно отметили то, что сначала княжеская семья была пострижена в малую схиму, в мантию. Что же касается поступка княгини Анны, то принятая ею великая схима, лишала мужа права расстричь свою супругу и вернуть её домой. Однако в данной ситуации возникают и иные вопросы. Почему сын Рюрика, Владимир, выступая против Даниила Романовича, вменял тому в вину постриг своего отца³⁹? Почему усугубила свои обеты княгиня Анна? Наконец, какова была судьба Переяславского епископа, решившегося в нарушение церковных канонов постричь киевского князя насильственно?

Очевидно, что постриг и совершавшееся во время него имянаречение воспринимались в среде монашества и в кругу лиц, знакомых с церковными традициями, в качестве своего рода таинства, подобного крещению⁴⁰. Правила св. Никифора Исповедника (†828) устанавливают между крещением и постригом несомненное тождество: «Кто болен и желает принять святое крещение или же святыи образ (монашеский), тому надлежит тотчас дать просимое, и не прелягствовать благодати»⁴¹. Принятие обетов и иноческих одежд, подобно крещению⁴² являло собой не только

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425-426.

³⁸ Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 198-206; Шумило С. В. Святогорский след в судьбе вольнского православного монаха и великого князя Литовского Войшелка // Труды Київської Духовної Академії 2016. № 24 С. 236-243; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. М., 2012. С. 135-169; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. С. 135-169; Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. С. 226, 237.

³⁹ «яко бо бе . от[е]ць его постригль отца моего» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 753).

⁴⁰ Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси... С. 78-81.

⁴¹ Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 587 [Никифор. 26].

⁴² Идея крещения предельно ясно выражена в апостольском послании: «Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем? Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже

возрождение для нового существования, но и предшествующую этому смерть. С принятием монашеских обетов и возложением на себя чернических одежд человек становился мертв для мира. В условиях средневекового сознания, в котором культура жеста играла грандиозное значение, пострижение обладало колоссальной силой воздействия. Такая трансформация имела для инока не только духовные, но далеко идущие социально-правовые последствия. В условиях Византии иночество не приводило к полной потере чернецом своих прежних возможностей в области наследования и распоряжения имуществом иными родовыми правами. Однако оно, безусловно, способствовало наложению на калугера существенных ограничений в социальной, экономической и политической сферах⁴³. Во всяком случае, на Руси имущественные и иные права инока, какими он обладал до того как принимал ангельский образ, становились крайне уязвимыми. В социальном и мистическом отношении инок уподоблялся мертвецу. Если принять во внимание последнее обстоятельство, то долгая память Владимира Рюриковича о совершённом в отношении его отца становится понятной объяснимой: Роман Мстиславич совершил в отношении Рюрика коварное убийство. Впрочем, снятие князем с себя иноческих обетов не виделось чем-то противозаконным. В данном отношении показательны беседы друзей и родственников с князем-иноком Николаем Святошей. Ему предлагалось отказаться от принятых обетов и вернуться к прежней жизни⁴⁴. Если всё же принять эти сообщения не только в качестве агиографического штампа, но и как вполне реальное свидетельство о происходивших событиях, то причины такого отношения представителей знати в лице членов княжеской семьи и дружины к монашеским обетам не вполне понятны. Вероятно, их следует искать в аналогиях, возникающих при обращении к опыту рыцарских орденов Европы, в которых воин мог принимать монашеские обеты лишь на время.

Исключительный характер могли иметь уходы иноков, обусловленные *намерениями, имевшими символический характер*. Житие преп. Феодосия Печерского рассказывает об очередном конфликте иноков с князем доносит историю, связанную с супругой князя Изяслава. Узнав о намерении Антония уйти из-под Берестова и увести с собой братию, княгиня молила князя не допустить этого⁴⁵. Судя по всему, присутствие монастыря под стенами великокняжеской резиденции рассматривалось в качестве знака благословения этому месту. В целом для церковного самосознания характерно восприятие событий основания храма или обители в качестве благословения. В данном отношении показательны то число летописных и агиографических известий, которые сообщают о посещениях Печерских иноков Ярославичами. Поэтому реакция княгини ожидаема и естественна. Уход Антония ей виделся как лишение этого места и его обитателей в лице великокняжеской семьи благословения, что грозило неминуемыми бедствиями. Правда, описанное обращение княгини едва ли не дословно напоминает евангельский сюжет обращения супруги Понтия Пилата

рабами греху; ибо умерший освободился от греха. Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» [Рим. 6: 1-11].

⁴³ Михаил (Семенов), иером. Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви: (от 313 до 565 г.). Казань, 1901. С. 62-70; Ванькова А. Б. «Мертвый живому не наследует»: монахи, правовая реальность и действительность в Византии. <http://www.n-jerusalem.ru/doklady/text/355009.html>, Дата доступа 29.03.2017.

⁴⁴ Киево-Печерский Патерик... С. 378, 379.

⁴⁵ Житие Феодосия Печерского... С. 326, 327.

к мужу. Подобно евангельской героине заступавшейся за Христа, супруга Изяслава вступилась за иноков [Мф. 27, 19].

Монастырь мог быть оставлен и *по благословению*. Пример этого — уход с Афона на Русь Антония, в последствии Антония Печерского. Наиболее вероятно, что местом пребывания Антония на Афоне была русская иноческая община «Ксилургу». При том, что многие стороны жизни Антония и ранней истории русского Афона представляют предмет научной полемики⁴⁶, очевидным остается тот факт, что преподобный Антоний оставил свою святогорскую обитель не своевольно, а исключительно по благословению постригшего его игумена, как об этом и сообщает легендарная летописная и патериковая запись⁴⁷. Подобные шаги воспринимались и рассматривались современниками и составителями текста как результат деятельности Божественного Промысла, призывавшего инока к особому служению. В исключительных случаях монах мог покинуть родную обитель ради того, чтобы усугубить свой духовный подвиг, как, например, это сделал преп. Лаврентий, будущий епископ Туровский⁴⁸. Кроме этого по воле настоятелей иноки могли покидать обители, выполняя какие-либо хозяйственные и иные миссии: от банальных покупок на рынке до поездок в Константинополь за книгами, разнообразными святынями и церковной утварью. Не менее интересным видится выведение монахов из монастырей не только для епископского служения, но и для *выполнения каких-либо обязанностей* при епископском дворе, как это было в случае Кирика Новгородца⁴⁹. Более того, отмеченная в источниках практика устройства монашеских пиров в домонгольской Руси вполне определённо указывает на то, что чернецы могли ходить в гости в другие монастыри⁵⁰.

* * *

Всё изложенное выше позволяет высказать несколько суждений. Очевидно, монастырь Руси XI–XIII вв., а именно ему посвящён данный очерк, не был закрыт и изолирован от мира. Иноки по тем или иным причинам покидали стены обители. Такие выходы в мир совершенно не означали решительного и однозначного намерения покинуть монашескую общину, а тем более снять с себя иноческие обеты. При том, что уход из монастыря по каким-то принципиальным причинам, объясняемым несовершенствами внутренней жизни монашеской общины или же психологическим и духовным состоянием монаха, решившегося на такой радикальный шаг,

⁴⁶ Алексей (Корсак), иером. Преподобный Антоний Печерский и древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне // Афонское наследие: Научный альманах. Вып. 3-4. Киев; Чернигов, 2016. С. 20-54; Шумило С. В. Перший давньоруський монастир на Афоні та його зв'язки з Київською Руссю: 1000 років // Афонское наследие: Научный альманах. Вып. 5-6. Киев; Чернигов, 2017. С. 46-82.

⁴⁷ «и онъ же послушавъ его . постриже его . и наоучивъ его чернецкому образу и рекъ ему . да иди опять на Русь и буди бл[а]г[ослов]ение от С[вя]тыя Горы и мнози от тебе чернорисци будутъ. и бл[а]г[ослов]и его отпусти рекъ ему иди съ миромъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 144; Киево-Печерский Патерик // ВЛДР: Т. 4: XII век. С. 316, 317).

⁴⁸ Киево-Печерский Патерик... С. 396-399.

⁴⁹ Гайдено П. И., Фомина Т. Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83-92; Симонов Р. А. Кирик Новгородец (1110 — после 1156/1158) как хартофилак // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2015. № 4. С. 102-107.

⁵⁰ Канонические ответы митрополита Иоанна II... Стб. 16-17 [Иоанн. 29]; Житие Феодосия Печерского... С. 364, 365; Артамонов Ю. А. Древнерусское иночество и первые монастыри на Руси.

не были редкостью, рассматривать такие случаи в качестве общепринятой нормы также нельзя. Однако среди причин, приводивших к присутствию на Руси странствующих монахов, также можно назвать и совершаемые ими иноческие постриги, как это было в случае Моисея Угрина и Варлаама Хутынского. Приобретя ангельский образ вне стен какой-либо обители, монах, пожелавший всё же найти себе пристанище в чьей-нибудь общине, неминуемо сталкивался с массой ограничений. До конца своих дней он оставался чужим для местных постриженников, своего рода приёмным сиротой в новообретённой духовной семье. К тому же, пройдя своё становление вне монастыря, чернец обычно сохранял свою внутреннюю независимость и с трудом усваивал общинные формы жизни. Примечательно, что даже Антоний Печерский, имевший богатый опыт странствий, на определённом этапе предпочел вновь расстаться с собранной им же самим братией и проживать отдельно от созданного им же самим монастыря.

Выход, уход из монастыря, а также проживание инока вне стен обители не поощрялись ни церковными правилами, ни монашеством, ни епископатом. Правда, причины такой отрицательной оценки оставления обители в кругу монашескующих и у святителей всё же различались. Для епископата странствующие монахи, скорее всего, оставались источниками церковных разногласий, роста или, по меньшей мере, поддержания иноческой независимости, ограничения архиерейской власти. Для иноков, как, например, для преп. Феодосия Печерского или для собранных Евфросинией Полоцкой братии и сестёр, уход насельника или насельницы из обители внушал страх потери близкого человека. В отличие от святителей иноки были больше обеспокоены заботами о спасении души своего собрата или сестры. Вне стен монашеского дома чернеца окружали соблазны мира, а дорога внушала небезосновательное беспокойство за жизнь странника. Впрочем, в ряде случаев это не мешало тем же самым братьям изгонять провинившихся собратьев из своих рядов.

При том, что выход за пределы монастыря в целом не поощрялся, поскольку грозил телесными и духовными опасностями для инока, странствующие или находящиеся в дороге иноки не представляли из себя нечто необычное. Иноки стали настолько привычными участниками городской жизни, что встреча с ними стала восприниматься как суеверная примета. Столь же спокойно воспринималось не только принятие монашеских обетов, но и свержение с себя иноческих одежд, если дело касалось княжеских особ.

Очевидно, что единственным лицом, обладавшим несомненным правом выхода из обители, был игумен. Однако это не являлось непреодолимым препятствием для того, чтобы при определённых обстоятельствах монах вышел за пределы поселения иноческой общины. В конце концов, чернецы могли переписываться. В данном отношении заслуживают внимания 605 и 717 новгородские берестяные грамоты, написанные в мужском и женском монастырях соответственно, а также «запись эпистолярного характера» в одном из новгородский Евангелий конца XIII — начала XIV в.⁵¹ При этом особенно примечательным видится первое письмо, передающее повседневный ритм жизни монашеской общины, обременённой заботами и одновременно совершенно открытой для внешнего мир. Данное послание, полное трогательных чувств, которые испытывал монах Ефремом из-за невозможности встретиться со своим другом-иноком Исухием⁵², демонстрирует пример искренней взаимной привязанности и дружбы двух чернецов, проживавших в разных обителях, но регулярно

⁵¹ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997-2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 183-232.

⁵² Скорее всего, в правильной форме имя инока — Исихий.

встречавшихся друг с другом: «Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал [меня] с Асафом к посаднику за мёдом. А пришли мы (двое), когда [уже] звонили. И [всё же] кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говорил. Ты мой, а я твой».

Источники и литература

1. Алексей (Корсак), иером. Преподобный Антоний Печерский и древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне // Афонское наследие: Научный альманах («The Athonite Heritage», a Scholar's Anthology). Вып. 3-4. Киев; Чернигов: Издание Международного института афонского наследия в Украине, 2016. С. 20-54.
2. Артамонов Ю. А. Древнерусское иночество и первые монастыри на Руси // <http://www.n-jerusalem.ru/monashestvo/text/308786.html> Дата доступа — 22.04.2016.
3. Ванькова А. Б. Дезертирство с воинской службы и дезертирство из «ангельского воинства» в Византии // Византийские очерки. Труды российских учёных к XXIII Международному конгрессу византистов. СПб.: Алетейя, 2017. С. 26-41.
4. Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83-92.
5. Галицко-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / за ред. М. Ф. Котляра; коорд. В. А. Смолій. Київ: Наукова думка, 2002.
6. Глазырина Г. В. Странствующие миссионеры // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной / отв. ред. тома Т. В. Гимон, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, А. С. Щавелев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. С. 231-238.
7. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903.
8. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904.
9. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30-65, 456-459.
10. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305-392, 456-458.
11. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 1-20.
12. Карпов А. Ю. Несколько замечаний к Слову о преп. Евстратии Постнике // Россия и христианский Восток / Отв. ред. Б. Л. Фонкич; ред. кол. С. Н. Кистерев, И. А. Тихонюк, Д. А. Яламас. Вып. 1. М.: Индрик, 1997. С. 7-16.
13. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296-489, 641-667.
14. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Изд-во Астрель; Изд-во АСТ, 2003.
15. Кривошеев Ю. В. Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб.: СПбГУ, 2003.

16. *Лебедева Т. Е.* Языковые особенности Жития Антония Дымского (по списку из архива П. И. Мордвинова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 118-127.

17. *Литаврин Г. Г.* Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Славяне и их соседи. Вып. 5: Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века — новое время. М., 1994. С. 66-82.

18. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. М.: Индрик, 2012. С. 135-169.

19. *Лукин П. В.* Вечевые расправы в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 16-18 апреля 2007 г.: материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 141-147.

20. *Лукин П. В.* Новгородское вече / ИРИ РАН. М.: Индрик, 2014.

21. *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001.

22. *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.

23. Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери наша Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Круговой. М.: ПСТБИ, 2002. С. 153-169.

24. Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игоумену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: Индрик, 2004. Вып. 11. С. 233-255.

25. Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 282-288.

26. *Петрухин В. Я.* Евстратий Постник и Вильям из Норвича — две «пасхальные» жертвы // Праздник — обряд — ритуал в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей. М.: Сэфэр, ИНСЛАВ РАН, 2004. Вып. 15. С. 84-103.

27. *Пономарев Д. И.* Житие преподобного Антония Дымского и созданного им монастыря. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2015.

28. *Пономарев Д. И.* О начале Антониево-Дымского монастыря // Христианское чтение. 2015. № 6. С. 39-58.

29. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1.

30. *Раймер И.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Berlin: Logos Verlag, 1996.

31. *Симонов Р. А.* Кирик Новгородец (1110 — после 1156/1158) как хартофилак // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2015. № 4. С. 102-107.

32. *Толочко А. П.* О судьбе Феодоровского монастыря в Киеве в послемонгольское время // Ruthenica. 2009. Т. 8. С. 223-226.

33. *Толочко П. П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб.: Алетейя, 2003.

34. *Успенский Б. А.* Антоний Печерский и начальная история русского монашества (Рясофор в Древней Руси) // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2016. Vol. V/1. С. 70-113.

35. *Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф.* «Как князь Роман жену терял...»: родство и власть в истории насильственного пострижения Рюрика Ростиславича и его семьи // Электронный



научно-образовательный журнал «История», 2013. Т. 4. Вып. 6 (22) <http://history.jes.su/s207987840000588-5-1> Дата обращения: 09.05.2016.

36. Шумило С. В. Перший давньоруський монастир на Афоні та його зв'язки з Київською Руссю: 1000 років // Афонское наследие: Научный альманах («The Athonite Heritage», a Scholar`s Anthology). Вып. 5-6. Киев; Чернигов: Издание Международного института афонского наследия, 2017. С. 46-82.

37. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008.

38. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997-2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. Т. 11.

**Епископские центры на Руси (X–XIII вв.):
дооктябрьская историография**

История епископских центров с конца X по XIII вв. составляет существенную часть истории христианской церкви на Руси. В исследованиях по истории древнерусской церкви рассматривались проблемы становления и развития русских епископий и архиерейской власти. Внимание, которое уделялось этим вопросам научным сообществом, было не одинаковым. В историографии, посвященной древнерусским епископским центрам, выделяются три группы работ. В общих исследованиях, относящихся к истории раннесредневековой Руси, имеются лишь отдельные упоминания о епископах и епископских центрах. Труды, темой которых были различные стороны церковной истории, содержат более полные сведения по данному вопросу. Наконец, имеются специальные исследования, посвященные епископским кафедрам и отдельным аспектам поставления и деятельности древнерусских епископов.

В отечественной историографии XVIII в. тема епископской власти и древнерусских епископских центров была затронута В. Н. Татищевым. Исследователь в ходе анализа закономерностей государственного развития Руси рассматривал церковную иерархию как опору государственной власти, т. к. согласно христианскому учению архипастыри призваны наставлять и вести за собой мирян¹. В. Н. Татищев полагал, что русская митрополия была создана сразу после крещения Руси в 988 г., а с 991 г. были учреждены 13 русских епископий. Четыре епископа, прибывших из «Булгарии и Константинополя» были определены в Великую Русь, Новгород, Белую Русь — Ростов, Червонную Русь — Владимир, в 992 г. в Чернигов, Белгород, Переяславль, Юрьев, затем в Смоленск (1137), Полоцк (1145), Туров (1146), Галич Червонной Руси (1165), Рязань (1192), Суздаль (1214)².

М. В. Ломоносов в «Древней российской истории» принятие христианства Владимиром Святославичем, крещение первым киевским митрополитом Михаилом окружения князя, насильственное свержение идолов в Новгороде, рассматривал как необходимые шаги по укреплению княжеской власти. По мнению Ломоносова, восточное христианство широко распространилось и твердо «вкоренилось» в России после того как митрополитом Леонтием были поставлены епископы — Иоаким в Новгород и Псков, в Чернигов Неофит, в Ростов Федор³. В работе М. М. Щербатова ярко отразились черты эпохи просвещения, исторические события рассматривались как отражение идей и нравов, господствовавших в обществе. Становление церковной организации и учреждение русских епископий анализировались ученым лишь в контексте деятельности Владимира Святославича⁴.

Епископская власть Н. М. Карамзиным представлена с позиции морально-нравственной оценки событий. Он отмечал, что духовенство «участвовало в делах

¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 565.

² Там же. С. 572.

³ Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. СПб., 1766. С. 118–122.

⁴ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 271–276, 279.



правления», «владело селами», пользовалось «исключительным правом судебным без сношения с гражданской властью; под главным ведомством Митрополита судили Иереев, Монахов и все церковные преступления, наказывая виновных эпитимиями». В XIII веке на Руси пользовались переводом греческого Номоканона. Архиепископам, отмечал Карамзин, «были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры». Епископы, избираемые «князем и народом, в случае неудовольствия могли ими быть изгнаны»⁵.

Один из основателей государственной школы в российской историографии С. М. Соловьев обращал внимание на подвижнический характер деятельности епископата и его влияние на нравы славяноруссов⁶, Характеристика древнерусской церковной организации в работах В. О. Ключевского осуществлялась на основе княжеских уставов⁷. Таким образом, в указанных сочинениях формирование древнерусской церковной организации рассматривалось в контексте исторического развития русского государства, а деятельность архиепископов освещалась с позиции церковно-государственных отношений и пастырского служения.

Архиепископ Филарет (Гумилевский)⁸ и митрополит Макарий (Булгаков)⁹ попытались сформулировать позицию официальной церкви в отношении ее истории и сформировать в обществе единый взгляд на церковно-исторические процессы. Так, Макарий стремился систематизировать сведения об избрании и поставлении новгородских архиепископов, их взаимоотношениях с киевскими митрополитами, подвластным духовенством и паствой, определить роль владыки в политической жизни Новгородской земли и выявить источники церковных доходов¹⁰. Он отмечал, что избрание новгородских архиепископов в середине XII–XV вв. осуществлялось не киевским митрополитом с собором епископов, а зависело от воли «самых новгородцев и от их веча», кандидатуры подбирались из игуменов, иеромонахов, «простых чернецов» и белого духовенства¹¹. В то же время нельзя полностью согласиться с утверждением автора, что в целом управление русскими епархиями осуществлялось «без сомнения, по общим законам отечественной церкви»¹².

Аналогичные подходы к оценке деятельности древнерусского епископата преобладали в учебниках по церковной истории П. В. Знаменского, П. И. Малицкого, А. П. Доброклонского¹³. В них представлено в общих чертах развитие русской церкви, обоснована святость церковных институтов и их соответствие каноническим традициям, а также содержатся важные замечания относительно условий возникновения епископских центров Руси X–XIII вв. По мнению П. В. Знаменского, «епархиальное деление русской церкви большей частью совпадало с удельным делением Руси. Всех епархий к половине XIII в. было 15... Новый удел, выделившись из старого, стремился сделаться самостоятельным и в церковном отношении, завести у себя особую епархию, потому что гражданская самостоятельность без церковной была

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского СПб., 1818. Т. 3. С. 159-160.

⁶ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Т. 1. Гл. 8.

⁷ Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. М., 1987. Т. 1. С. 255-274.

⁸ Филарет (Гумилевский), еп. История Русской Церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия Монголов (988–1237). Харьков, 1849. 270 с.

⁹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. СПб., 1866. Т. 5. Кн. 2.

¹⁰ Там же. С. 101-117.

¹¹ Там же. С. 101, 104.

¹² Там же. С. 118.

¹³ Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Минск, 2006. 575 с.; Малицкий П. И. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000. 464 с.; Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. 936 с.

неполной»¹⁴. Однако спорным представляется целый ряд утверждений, например, то, что «первые епископы не только поставлялись, но и избирались в Греции»¹⁵, само «епархиальное управление» было «вполне организовано» уже при митрополите Леонтии¹⁶, «учреждение епископских кафедр Переяславской, Белгородской и Юрьевской неподалеку от Киева, вероятно, допущено в тех видах, чтобы митрополит по важным вопросам мог без замедления совещаться с епископами, собирая их в Киев»¹⁷, а новгородские архиереи Илья и Гавриил были поставлены из белого духовенства, без предварительного пострижения в монашество¹⁸. Данные положения не находят убедительного подтверждения в исторических источниках.

Одним из первых исследований, в котором были систематизированы сведения о русских епископиях и известия о деятельности правивших архиереев, стала «История российской иерархии» епископа Амвросия (Орнатского)¹⁹. К сожалению, представленные автором материалы основывались на некритическом пересказе содержания письменных источников, содержали многочисленные неточности, а порой и откровенные домыслы исследователя. Так, сведения о поставлении на русские кафедры епископов Амвросием автоматически интерпретировались как дата их хиротонии, хотя известно, что в древнерусской практике рукоположения могли совершаться позднее избрания, как, например, в случае с новгородскими владыками Аркадием, Ильей, Гавриилом и др. Нередко исследователем приводились необоснованные реконструкции, например, сведения о Переяславских архиереях. В летописании под 1072 г. епископ Петр указан в числе участников процедуры перенесения мощей Бориса и Глеба, к этому же году Амвросий (Орнатский) автоматически относит его возведение в сан, а предполагаемой датой кончины Петра называет 1092 г., т. е. под этим годом при перенесении мощей Феодосия Печерского впервые упоминается следующий архиерей Ефрем Переяславский²⁰. К числу домыслов Амвросия следует отнести и сведения о том, что первый ростовский епископ Феодор был поставлен на кафедру в 992 г., но в том же году возвратился в Грецию²¹. Кропотливая работа Амвросия (Орнатского) по систематизации сведений о русских кафедрах и епископате была продолжена П. М. Строевым, Н. Н. Дурново²². Однако, издания указанных авторов также содержат многочисленные неточности, несут на себе печать религиозного сознания и идеализации процессов раннего периода истории русской церкви.

В разделе многотомного исследования по истории русской церкви Е. Е. Голубинского, посвященного епископам и епархиальному управлению, справедливо отмечается, что на этапе становления церковной организации Русь «не могла быть разделена на епархии в том смысле и таким образом, как это было в Греции»²³. Точную численность русских епископий во время княжения Владимира Святославича и последующий исторический период на основании летописных источников определить

¹⁴ Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. С. 29-30.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Малицкий П. И. Руководство по истории Русской Церкви. С. 40.

¹⁷ Там же. С. 41.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Амвросий (Орнатский), еп. История российской иерархии. М., 1807. Ч. 1. 677 с.

²⁰ Там же. С. 209.

²¹ Там же. С. 114.

²² Строев П. М. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. 1136 с.; Н. Д[Дурново Н. Н]. Девятисотлетие русской иерархии 988-1888. Епархии и архиереи. М., 1888. 378 с.

²³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 2002. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. С. 332.



не представляется возможным²⁴, первые епископы «сполна все или же почти все были из Греков», позднее архиереи поставлялись из монашествующих «аристократического» и «невысокого происхождения и наделенных особенно ловкостью»²⁵. Е. Е. Голубинским были систематизированы сведения о времени основания древнерусских кафедр и правящих архиереях, «записи о которых читаются в летописях и в других источниках более или менее достоверных, а в примечаниях помещаем епископов, известных по позднейшим каталогам и по другим позднейшим источникам или прямо недостоверным или ненадежным»²⁶.

Вопросы поставления русских епископов в сан и реализации ими канонической власти в пределах своего округа были подняты П. П. Соколовым²⁷, который отмечал, что на Руси традиции избрания и рукоположения епископата были восприняты из Византии, однако это произошло в то время, когда «закон Юстиниана и право Василия оставались уже лишь на бумаге. Оно уже не удовлетворяло ни требованиям византийского клира, ни требованиям византийского правительства», т. к. императоры напрямую диктовали решение соборов о кандидатуре будущих архиереев²⁸. Данная практика вмешательства политической власти в избрание епископов на кафедру, а в некоторых случаях их непосредственное назначение имела место и на Руси²⁹.

В исследованиях второй половины XIX — начала XX века была сформулирована важная для изучения епископской власти проблема распространения и влияния христианских канонов и богослужебных традиций на церковную жизнь Руси X–XIII вв. Один из основателей науки истории церковного права в России Н. С. Суворов, признавая влияние Византии на формирование древнерусских церковных институтов, тем не менее полагал, что «начала, которых держались архиерейские чиновники в управлении и суде над церковными людьми, были, конечно, те же самые, каким следовали княжеские и царские чиновники»³⁰. А. П. Голубцов справедливо отмечал, что «полученный нами из Греции вместе с верою богослужебный обряд, оставаясь всегда верным своей первооснове, должен был так или иначе перерабатываться и изменяться, как и все, что живет исторической жизнью, принимать в себя новые формы и осложнения, оставлять подробности, не отвечавшие местным и новым церковно-религиозным потребностям»³¹. Данная точка зрения была поддержана В. Ф. Владимирским-Будановым, по мнению которого, «состав наших кормчих не вполне тождествен с греческими номоканонами», так как они были переработаны и приспособлены к «русскому праву»³². Неоднозначно решался вопрос о времени и обстоятельствах появления на Руси Номоканона (Кормчих)³³. Один из лучших знатоков канонического права того времени А. С. Павлов рассматривал три гипотезы появления Кормчих на Руси. 1. до середины XIII века «все епископы из русских пользовались греческим номоканоном в подлиннике»; 2. «архиереи управляли своими епархиями без всякого

²⁴ Там же. С. 333-342.

²⁵ Там же. С. 344-353.

²⁶ Там же. С. 664-700.

²⁷ Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. 577 с.

²⁸ Там же. С. 9.

²⁹ Там же. С. 12.

³⁰ Суворов Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 126.

³¹ Голубцов А. П. Соборные Чиновники и особенности службы по ним. М., 1907. С. II.

³² Владимирский-Буданов В. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 114.

³³ См. дискуссию Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869. С. 1-15.

номоканона, в полном неведении законов церковного управления»; 3. русское духовенство изначально имело в своем распоряжении Славянскую Кормчую³⁴. Сам автор придерживался последнего положения. По его мнению, ссылки на церковные правила при поставлении на митрополичий престол Илариона и Климента Смолятича, а также необходимость принесения клятвы при вступлении в архиерейский сан о соблюдении постановлений Вселенской церкви позволяют говорить о распространении Славянской кормчей как минимум в среде русского епископата³⁵. Тогда возникает закономерный вопрос о ее использовании в различных аспектах пастырского служения.

Историк русского права В. И. Сергеевич, признавая что «церковные суды руководились кормчей»³⁶, подчеркивал, что «церковные уставы, во-1-х, не перечисляют всех дел, которые подлежали суду церкви. Так они ничего не говорят о суде церкви. Во-2-х, к исключительно церковной подсудности уставы относят и такие дела, которые едва ли церковь ведала без содействия, а некоторые без конкуренции светских судов»³⁷. Следовательно, по мнению автора, епископ «ведал церковным судом вместе с князем». Вместе с тем, Сергеевич считал, что «в древнее время подсудность княжеских и епископских судов едва ли могла быть строго разграничена»³⁸.

Несмотря на то, что в исследованиях до 1917 г. вопросы церковного права в контексте архиерейского служения епископов Древней Руси занимали значительное место, в указанных трудах не нашли отражения проблемы причастности русского епископата к формированию корпуса канонической литературы, составлению уставов, подбору служебников, регулированию богослужебной сферы, контролю за соблюдением чистоты совершения обрядов.

М. Д. Приселковым была предпринята попытка «пересмотра некоторых сторон церковно-политической жизни Киевской Руси X–XII вв.» с учетом «новых и важных результатов», сделанных в области летописания А. А. Шахматовым³⁹. В «Очерках по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.» обосновывается гипотеза об изначальном подчинении церковной организации Руси Охридской епископии и ее переходе в 1037 г в состав Константинопольского патриархата⁴⁰. Отмечается «разница воззрений греков и русских на отношение Киевской митрополии к патриарху. Первые видели в русской церкви обычную митрополию и желали уравнять ее в церковных порядках с другими митрополиями патриархата; последние же считали свою церковь особой церковью лишь во временной опеке церкви-матери и дорожили всеми мелочами церковного обихода, как чертами индивидуального характера»⁴¹

Подводя итог анализу историографии дооктябрьского периода необходимо отметить, что проблема архиерейского управления X–XIII вв. рассматривалась в работах общего характера, представлявших собой либо пространные обзоры описательного характера, либо курсы лекций. В отношении епископской власти материалы крайне ограничены. Проблема распределения и организации митрополичьих и епископских округов в качестве таковой не была сформулирована. Работы, посвященные истории отдельных епископских центров и деятельности правивших архиереев, носят описательный характер и систематизируют сведения исторических источников

³⁴ Павлов А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. С. 7-9.

³⁵ Там же. С. 8-9.

³⁶ Сергеевич В. И. Лекции по истории русского права. СПб., 1889-1890. С. 674.

³⁷ Там же. С. 671.

³⁸ Там же. С. 672, 674.

³⁹ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. XIV.

⁴⁰ Там же. С. 77.

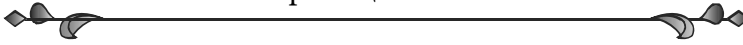
⁴¹ Там же. С. 405.



и церковных преданий. В работах, как правило, отсутствует проблемный характер изложения материала, что связано с сформировавшейся традицией описания церковной истории, уровнем научного знания и методикой исторического исследования, особенностями религиозного сознания того времени, наличием государственной и церковной цензурной политики.

Источники и литература

1. *Амвросий (Орнатский), еп.* История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807.
2. *Владимирский-Буданов В. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
3. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 2002.
4. *Голубцов А. П.* Соборные Чиновники и особенности службы по ним. М., 1907.
5. *Добрюклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001.
6. *Знаменский П. В.* Руководство к русской церковной истории. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского СПб., 1818. Т. 3.
8. *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 томах. Т. 1 / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1987.
9. *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. СПб., 1766.
10. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. СПб., 1866. Т. 5 Кн. 2.
11. *Малицкий П. И.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000.
12. *Н. Д. [Дурново Н. Н].* Девятисотлетие русской иерархии 988-1888. Епархии и архиереи. М., 1888.
13. *Павлов А. С.* Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869.
14. *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.
15. *Сергеевич В. И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1889-1890.
16. *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.
17. *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 1. Гл. 8.
18. *Строев П. М.* Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.
19. *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876.
20. *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2.
21. *Филарет (Гумилевский), еп.* История Русской Церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия Монголов (988–1237). Харьков, 1849.
22. *Щербатов М. М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1.



DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10028

Пономарев Д., свящ.

**Малые монастыри Русского Севера:
к постановке проблемы**

В отечественной историографии существует давняя традиция изучения монастырей. Еще на заре изучения монашеского делания П. С. Казанский писал, что «история монашества отличается от всякой другой истории... Она должна представлять не внешние события..., но внутреннюю жизнь души — подвиги самоотвержения, совершаемые в уединении пустыни, в тишине келлии...». Однако следует констатировать тот факт, что чаще всего исследователи уделяли внимание социально-политической роли и экономической стороне жизни обитателей, когда, по справедливому замечанию Н. В. Сеницыной, «неизменный интерес вызывали монастырские имуществы, история монастырского землевладения», а не собственно духовность, внутренняя жизнь монастырей и их организация, «не имеющие прямой связи с размерами земельных владений»¹.

В наше время произошли значительные изменения в спектре научных интересов исследователей. Теперь история монашествующих все чаще рассматривается в контексте их повседневной жизни, истории отдельных персоналий. При этом подавляющее число существующих на сегодняшний день исследований посвящено крупным православным обителям, тогда как большинство монастырей в России были и остаются до сих пор малыми, располагаются чаще всего на периферии, а потому многие стороны их деятельности в регионах до сих пор не изучены и требуют конкретно-исторических исследований.

Впервые проблемой типологизации русских монастырей занимался П. С. Казанский². В частности ученик А. В. Горского профессор МДА П. С. Казанский писал, что «в половине XIII века... жизнь иноческая заметно начала ослабевать не столько числом иноков, но сколько духом иночества»³. Одной из причин он видел «приближение обителей иноческих к городам или лучше мирских селений к иноческим обителям»⁴. Можно согласиться с общей отрицательной характеристикой русских монашествующих Е. Е. Голубинского, если таковые проживали в городских монастырях и при приходах, который отмечал: «Монастырь, стоящий в миру, никакие стены не разобщат с миром, и единственное возможное средство этого разобщения есть удаление монастырей из мира в пустыни...»⁵. По его мнению все монастыри домонгольского периода были построены: ктиторские княжеские в городах или ближайших пригородах, а основанные самими монахами — в пригородах, и ни одного в пустыне.

¹ Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / Под ред. Н. В. Сеницыной. М., 2002. С. 8.

² Гайденоко П. И. К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, Вып. 5: К 80-летию Игоря Яковлевича Фроянова / Под. ред. д. и. н., проф. А. В. Петрова. СПб, 2016. С. 158.

³ Казанский П. С. История православного русского монашества от основания Печерской обители до основания Лавры Св. Троицы преподобным Сергием. М., 1855. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1881. Т. I: Период первый. Киевский или домонгольский. 2-я половина тома. С. 464.



Единственным исключением он называет Хутынский монастырь прп. Варлаама, расположенный в пустыне в 10 верстах от Новгорода⁶.

Зародившись в пустынях, если мы считаем началом русского монашества деятельность постриженника Афона прп. Антония Киево-Печерского⁷, который и сам избрал для себя отшельнический образ жизни⁸, русское монашество к XIII веку пришло в духовном смысле в упадок, и только лишь когда новая волна массовой монастырской колонизации на Севере Руси устремилась основывать обители в глуши лесов, вдали от крупных селений, удалось вернуть истинный дух иночества православным русским обителям. Тогда подвижники устремлялись в безлюдные пустыни, глушь лесов, чтобы оградить себя от искушений мира, так как в миру «непрестанно рассеиваются мысли, порабощаются желания, возмущаются душа и совесть»⁹.

Еще один из основателей вселенского монашества прп. Антоний Великий, подвизавшийся вначале вместе со своим старцем порядка 15 лет вблизи города, впоследствии также вынужден был уйти подальше от селения. «Кто живет в пустыне, — говорил прп. Антоний, — тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора: одно только у него искушение — в сердце»¹⁰. Впоследствии, отсылая своих учеников жить в уединении для приобретения духовного совершенства прп. Антоний Великий говорил им: «Вот ты уже стал монахом; живи теперь один, чтобы испытать искушение и от демонов»¹¹.

В одной из своих ранних работ В. О. Ключевский отмечал, что со второй половины XIV века происходит быстрое умножение монастырей, которое обусловлено не покровительством московских князей, а именно тем, что малый, как Ключевский называет его, «пустынный» (не городской, «мирской»¹² монастырь), а именно пустынный, который в меньшей мере зависел от покровительства мирских сил и, как правило, развивался самостоятельно, играл главную роль в монастырской колонизации земель Русского Севера¹³.

Как уже было отмечено, до XIV века такой пустынный монастырь был редким явлением, преобладали городские или пригородные монастыри¹⁴, связанные

⁶ Там же. С. 467.

⁷ Конечно, первые иноки на Руси появились с началом у нас христианства. «Предание говорит, что еще первый Киевский митрополит Михаил основал в Киеве монастырь на крутой горе против холма Перунова...» Притом первые наши монастыри были основаны греческими монахами, однако «только в Киево-Печерской обители иноческая жизнь привита была к народной стихии. Печерская обитель основана и устроена русскими, и оттого сделалась рассадником русского иночества». «Много монастырей... поставлено от князей, от бояр, и от богатства; но не таковы они, каковы поставленные слезами, пощением и молитвой. Антоний не имел ни золота, ни серебра, но стяжал слезами и постом» (*Казанский П. С. Начало монашества в России // Прибавления к Творениям св. отцов. 1850. Ч. 9. Кн. 4. С. 567–268*).

⁸ *Макарий (Булгаков), еп. История русской церкви. СПб., 1857. Т. II. С. 31.*

⁹ *Казанский П. С. История православного русского монашества... С. 9, 32.*

¹⁰ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 2014. С. 12.

¹¹ *Казанский П. С. История православного монашества на Востоке: В 2 т. М., 1854. Т. I. С. 156.*

¹² *Ключевский В. О. Новые исследования по истории древнерусских монастырей // Православие в России: сборник. М., 2000. С. 425.*

¹³ Там же. С. 419.

¹⁴ То, что монастыри располагались только в городах было обусловлено тем, что ни на юге (нападали степняки), ни в северных пространствах (Чудь еще недостаточно слилась с русскими людьми и вела против них борьбу) монахам нельзя было далеко удаляться от населенных мест. К середине XIII столетия благодаря успехам русской колонизации, когда инородцы сблизались с русскими колонистами и создались спокойные условия возникли пустынные обители. Кроме того, по мнению М. К. Любавского, бедствия, обрушившиеся на Русь,

мирскими интересами. Их строили для определенных своих целей либо епископ, либо князь, либо бояре и горожане. Но уже в XIV веке, как писал В. О. Ключевский, пустынные составляют половину от общего числа всех обитателей, а в XV веке из всего количества новых на Севере городских монастырей остается лишь треть. И только с окончательным становлением нового типа пустынного монастыря «монастырская колонизация принимает характер стройного непрерывного и самостоятельного движения»¹⁵.

Преимник Е. Е. Голубинского на кафедре церковной истории МДА С. И. Смирнов отмечал, что с половины XIV в. наступает перелом в жизни русского монашества, когда в период с 1340 по 1440 г. г. появилось до 150 новых обитателей. В предыдущее столетие их было основано не более 30. До этого времени практически все монастыри были ктиторскими и городскими, теперь же они гораздо чаще строятся самими иноками вне городов¹⁶. Всего же, по данным М. К. Любавского, в течение XIII–XVI вв. вне городов и селений возникло порядка 440 монастырей¹⁷. Например, по росписи 1661 года, взятой из Монастырского приказа, по Новгороду из 77 монастырей 34 имели до 10 дворов, а у 21 из них мы находим до 25 дворов землевладений. Вероятно, они относились к типу малого монастыря¹⁸. Даже в 1941 году профессор МГУ С. Б. Веселовский писал: «Приблизительно с середины XIV в. ...Господствующим типом множества возникавших вновь монастырей становятся так называемые пустынножитные и общежитные монастыри с самым строгим уставом восточного образца. Монастыри основываются вдали от городов, ...действительно в “пустынях”, т. е. в ненаселенных местах»¹⁹.

Но вернемся к работам В. О. Ключевского. По мнению Ключевского до XIV века «только в монастыре Варлаама Хутынского и немногих других... заметно некоторое стремление к выделению колоний»²⁰. Такой «колонией», выделившейся из Хутынского монастыря является, например, Антониево-Дымский монастырь. Говоря о выборе места для пустынного монастыря Ключевский считал, что они обычно возникали на нетронутых или брошенных землях, не являвшихся ничьей частной собственностью, которыми была богата Северо-Восточная Русь²¹. Подобный взгляд на устройство монастырей возобладал в нашей исторической науке. Однако примеры из тех же рукописей житий русских святых, тексты которых изучал Ключевский, часто опровергают подобную точку зрения. Крестьянская колонизация всегда шла опережая монастырскую. Сам Ключевский позднее отмечал, что на Соловки неоднократно вместе с корельскими людьми на рыбные ловли приезжали боярские рабы, и, стараясь выжить с архипелага поселившихся там иноков, говорили им: «Остров по отчеству — наследие наших бояр... Около половины XV века многие имели там отчины;

порождали в обществе мысль о тщетности мирского жития (Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией: курс, читанный в Московском университете в 1908–1909 акад. г. М., [1909]. С. 165).

¹⁵ Ключевский В. О. Новые исследования по истории древнерусских монастырей. С. 426.

¹⁶ Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси? (Историческая справка к полемике о монашестве) // Богословский вестник. 1903. Т. 1. № 3. С. 537.

¹⁷ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. С. 179.

¹⁸ Роспись 170 (1661) году, какова взята из Монастырского приказа за дьячьёю приписью, сколько за всеми монастырями крестьянских дворов // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. С. 410–412.

¹⁹ Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 95.

²⁰ Ключевский В. О. Новые исследования по истории древнерусских монастырей. С. 427.

²¹ Там же. С. 435.



у некоторых были уже отчины и дедины»²². В свою очередь, бояре, как правило, приобретали эти земли у колонистов, значительно ранее освоивших их.

На самом деле, несмотря на точечный характер колонизации, когда границы освоенных земельных участков могли не соприкасаться друг с другом, монастырям не было необходимости осваивать пустующие, неудобные для поселения земли, они были заинтересованы в пожертвованиях им или в приобретении вотчин, способных «работать» на обеспечение жизнедеятельности обитателей.

Направление монастырской колонизации именно на север в XIV–XVI вв. было обусловлено формированием единого русского государства и переходом от вотчинной (с полной частной собственностью) к поместной системе землевладения. Возможность пожертвовать или продать монастырю вотчину сохранялась лишь на Севере, так как Новгород был присоединен к Московскому государству лишь в 1471–1478 г. Примерно тогда же произошло окончательное присоединение к Москве и Белоозера. Кроме того, основатели монастырей вполне могли выступать на северных территориях агентами влияния Москвы и финансово поддерживаться московскими князьями в деле приобретения землевладений.

После присоединения северных территорий к московскому государству со второй половины XVI века, несмотря на приговор Стоглавого собора 1551 года²³ и грамоту духовенству 1580 года²⁴, в связи с безразличным отношением Ивана IV к продаже земель монастырям как разоряющимися вотчинниками, так и служивыми землевладельцами, передача земли монастырям активно стала осуществляться и в центральных районах России. Именно в это время монастырская колонизация на Севере резко пошла на убыль, хотя и продолжалась и в XVII–XVIII веках. Более того, по мнению М. К. Любавского, когда правительственная и земская колонизация с конца XVI века уже были заняты освоением других территорий Московского государства, монастыри на Севере своими льготами и привилегиями смогли не только удерживать, но и увеличить здесь местное население²⁵.

Кстати, М. К. Любавский также считал, что монастырская колонизация шла вслед за крестьянской колонизацией. Кроме того, он обратил внимание на то, что один из ее потоков шел со стороны Новгорода, а другой из Ростово-Суздальской земли. Оба эти потока встречались в Вологодском крае, где в XIV–XVI вв. возникло около 30 монастырей²⁶. «Старые монастыри при этом служили

²² Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Православие в России. С. 465.

²³ В 1551 году, вместе с митрополитом Макарием, царь Иван Васильевич приговорил, чтобы впредь, без ведома государя, ни один монастырь не имел права приобретать земли, а князьям, боярам и лицам других сословий запрещалось продавать им свои вотчины. Если же кто-нибудь и дерзал продать имение монастырю, то лишался денег и оно переходило во владение государя (См.: Соборный приговор, о запрещении духовенству приобретать отчины без царского доклада, и об уничтожении руг и милостынь, присвоенных по кончине великого князя Василия Иоанновича монастырям и церквам. Лета 7059 (1551). Мая в 11 день) // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи: В 4-х т. СПб., 1836. Т. 1. № 227. С. 218; Лакиер А. Б. О вотчинах и поместьях. СПб., 1848. С. 84).

²⁴ По «приговорной грамоте духовенства от 15 января 1580 года было постановлено, что монастыри должны довольствоваться теми землями, которыми они владели до времени издания сего закона, разве только за монастырем будет «место убогое, земли будет мало или не будет: и он бьет челом государю, и государь с митрополитом соборне и с бояры приговора, и устроит тот монастырь землю, как будет пригоже, как бы ему точно прожить»» (Лакиер А. Б. О вотчинах и поместьях. С. 82).

²⁵ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. С. 187.

²⁶ Там же. С. 176.

как бы рассадниками новых, ибо основатели монастырей обыкновенно начинали свое подвижничество в уже существовавших обителях и потом уже удалялись из них в пустыню и основывали там свои обители»²⁷. Тот поток, который шел со стороны Новгорода, на наш взгляд, действовал в середине XIII века, а поток из центра Руси был инициирован учениками и собеседниками прп. Сергия Радонежского несколько позже.

Итак, начало монастырской колонизации на Русском Севере, если брать во внимание подвиг ученика прп. Варлаама Хутынского прп. Антония, который еще в 1243 году на Дымском озере основал свой собственный монастырь, существование в середине XIII столетия (около 1260 года) Спасо-Преображенского монастыря на Кубенском озере, возможное основание в 1247 г. прп. Герасимом Вологодским Троицкого монастыря на р. Вологде, можно отнести к середине XIII века. Еще П. С. Казанский высказывал предположение, что прп. Герасим Вологодский не в 1147 году, а скорее всего после разорения в 1240 г. Киева татарами, пришел в 1247 г. на реку Вологду близ впадения в нее Кайсарова ручья, где ныне стоит город Вологда, и основал Троицкую Кайсарову пустынь²⁸. Он обосновывал свое мнение тем, что Вологда (так считал и В. Н. Татищев²⁹) ранее XIII столетия нигде в источниках не упоминается. О существовании в XIII веке Спасо-Преображенского монастыря на Кубенском озере говорил и М. К. Любавский³⁰. Из Летописи по Воскресенскому списку мы знаем, что Белоозерский князь Глеб Василькович³¹, который по обету за спасение во время бури на озере выстроил на Спасокаменном острове первый деревянный храм во имя Спаса-Преображения, застав там 23 пустынножителя, которые не имели церкви, умер в возрасте 42 лет 13 декабря 1278 года³². Стремление в пустыню, в малый монастырь для русских иноков явилось возвращением к истинно-монашескому деланию. Здесь необходимо поставить главный акцент при изучении развития русского монашества в целом, его духа, сути монашеской колонизации.

Единой классификации, что можно назвать крупным, средним или малым монастырем, не существует. В современных исследованиях мы встречаем несколько классификаций обителей. Е. И. Колычева предлагает считать крупными монастыри, имеющие десятки тысяч десятин земли в разных уездах и губерниях, средними она называет обители имеющие землевладения в одном уезде. К третьей группе она относит малоземельные и безземельные монастыри³³. В. С. Румянцева говорит, что можно выделить четыре группы монастырей в зависимости от числа крестьянских дворов в вотчине: наиболее крупные (свыше 1000 дворов); крупные (от 100 до 1000); средние (от 10 до 100); мелкие (от 1 до 10 дворов)³⁴. Классификация В. С. Румянцевой незначительно расходится с градацией, предложенной Я. Е. Водарским. Он полагает, что крупнейшие монастыри имели (свыше

²⁷ Там же. С. 166–167.

²⁸ Казанский П. С. История православного монашества. М., 1855. С. 167.

²⁹ Щекатов А. М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде. М., 1801. Ч. 1: А–Г. стб. 979.

³⁰ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. С. 168.

³¹ Согласно Никоновской летописи князь Глеб Василькович сел на Белоозере в 1238 году (ПСРЛ. Т. X.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью. СПб., 1885. С. 113).

³² ПСРЛ. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 174.

³³ Колычева Е. И. Православные монастыри второй половины XV–XVI века // Монашество и монастыри в России XI–XX века. С. 100–101.

³⁴ Румянцева В. С. Монастыри и монашество в XVII веке // Монашество и монастыри в России XI–XX века. С. 173.

1250 дворов), крупные (от 126 до 1250), средние (от 26 до 125) и мелкие (от 1 до 25 дворов)³⁵.

На наш взгляд, все эти предложенные классификации несовершенно и неприемлемы хотя бы потому, что в разное время у монастырей могли быть земельные владения разной величины. Под малым я понимаю такой монастырь, который со времени своего основания, являлся малоземельным, имел небольшое число насельников и обычно располагался не в городе и его ближайших пригородах, а в сельской местности. Таким образом под малым нужно прежде всего понимать сельский, удаленный от населенных мест монастырь.

Каково было внутреннее устройство малых монастырей? В свое время преосвященный Макарий (Булгаков), рассуждая об устройстве наших обителей домонгольского времени, отмечает различие между монастырями, разделяя их «на общежительные, в которых одежда, пища, жилище и прочее для всех братьев были общие, и пустынные, где каждый имел все свое, и общение между братиею происходило только во время церковного служения»³⁶. Впрочем подобное устройство в XIII веке имели и многие городские монастыри³⁷.

На наш взгляд данная точка зрения сегодня может быть обоснованно подвергнута сомнению. При изучении одного из малых монастырей Русского Севера, а именно Антониево-Дымского монастыря, удалось установить, что основатель обители преподобный Антоний Дымский ушел из Хутынского монастыря именно потому, что он был по своему устройству своежитным, и братия монастыря, многие из которых были состоятельными вкладчиками Хутынской обители, не хотела примириться с волей почившего преподобного Варлаама Хутынского³⁸, который на смертном одре в ноябре 1242 года назначил своим преемником вернувшегося из Византии Антония, который ранее подстригся в 1227 году на Хутыни у Варлаама «Бога ради», т. е. без внесения при пострижении какого-либо вклада. Антоний по всей вероятности убежал в пустыню именно от своежития, имея у себя перед глазами образ пустынноческого жития, с которым он познакомился находясь с посольством в Византию в период с 1238 по 1242 год. Его более устраивала келлиотская форма организации монастыря.

П. С. Казанский писал об этом типе монашеских учреждений, что монахи жили в келиях по одному, двое, трое и более монашествующих, образуя значительные по числу

³⁵ Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России: XII — начало XX в.: Сб. ст. к 70-летию Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 76.

³⁶ Макарий (Булгаков), архим. Очерк истории русской церкви в период до татарский: (Статья из «Христианск. чтения»). СПб., 1847. С. 179; Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: В 9 т. М., 1995. Кн. 3.: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отд. первый. С. 136.

³⁷ Л. А. Секретарь отмечает: «В монастырях Новгорода, основанных в домонгольский период, по примеру Киево-Печерской обители был принят Студийский Устав... В XIII–XV вв. в Новгороде наблюдается отказ от строгих правил общежития и переход к правилам особножитных монастырей» (Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011. С. 27–28). По словам О. В. Кузьминой «подавляющее большинство монастырей в Новгородской земле устраивало свой обиход на основе своеобразной интерпретации византийской традиции: сохранив форму «особного жития», ее лишили аскетического содержания. Монахи жили отдельно, по своим келиям, имели содержание в зависимости от своего достатка. Удалившийся от дел новгородский боярин или богатый гражданин мог устроиться в монастыре с привычными удобствами, окружить себя многочисленной прислугой» (Кузьмина О. В. Республика Святой Софии. М., 2008. С. 86).

³⁸ Пономарев Д., свящ. Антониево-Дымский монастырь (Опыт комплексного церковно-исторического исследования): Дис. канд. богословия. СПб., 2017. С. 154–155.

сообщества, управляемые начальником, которое можно назвать монастырем. Некоторые из них, как анахореты, поселялись вдали от келий в пустыне и даже в пещерах. Общим правилом для жизни для них было то, что «до девятого часа или до трех часов пополудни иноки проводили время в молчании, прилежа богомыслию, молитве и чтению св. отцов Церкви. Никто не мог ходить в келию другого кроме начальника»³⁹. Затем они собирались, пели «псалмы в молельнях, которые были при каждом монастыре». После пения, предлагалось чтение из Св. Писания, за ним следовало поучение от настоятеля, которое объясняло прочитанное. Трапеза одна в день и была общей, за которой каждый из братии служил по очереди другим. Пищей были только хлеб, овощи и травы. Из приправ только соль. Во время Великого поста они вкушали только хлеб и воду. Большую часть ночи монахи проводили в своих кельях в молитве. Кроме молитвенных подвигов каждый должен был заниматься рукоделием. Праздность воспринималась как самый опасный порок. Всякое стяжание считалось тяжким грехом. П. С. Казанский приводит пример, когда после смерти у одного из монахов нашли некоторую сумму денег от продажи льна. По совету старцев этот монах был лишен погребения⁴⁰. Совершенная нищета, как избавляющая от всех земных забот, считалась высшим благом. «Изображение жизни древних подвижников иночества», — писал П. С. Казанский, имеет для русского монашества особенную важность, так как «иноческая жизнь в России основана и утверждена иноками восточными»⁴¹.

В диссертации В. С. Иконникова, которую он защитил в 1869 году в Новороссийском университете, также обращалось внимание на то, что из анализа тех книг, которые переписывались русскими монахами в Византии и проникали на Русь, начиная с XIII века, можно было сделать вывод, что для русского человека прежде всего, как основной, воспринимался преобладающий на Востоке тип монашеского делания, образ монаха-пустынника. А школой русского иночества постоянно служил Восток, куда совершали путешествия русские люди, начиная с XI–XII вв.⁴². М. К. Любавский также отмечает: на возникновение пустынных монастырей повлияло то обстоятельство, что «в XIV–XV вв. у русских людей установилось живое общение с монастырями Афона, которые были образцами монастырского пустынножительства. Некоторые русские монахи, побывав на Афоне, уходили оттуда со страстным желанием устроить у себя на родине пустыни наподобие афонских. С другой стороны, и с Афона прибывали иногда на Русь монахи и становились учредителями пустынножительных обителей на Севере»⁴³. Трудно не согласиться с подобной точкой зрения. Подобные примеры история Русской Церкви знает. На Востоке побывали прп. Антоний Дымский, преподобные Евфросин Псковский и Арсений Коневский, прп. Нил Сорский. В XIV в. при Дмитрие Донском игуменом Спасо-Каменного монастыря становится выходец с Афона Дионисий Святогорец, который ввел в обители святогорский устав⁴⁴. Данное обстоятельство привлекло к нему большое число учеников, многие из которых сами стали основателями монастырей⁴⁵.

³⁹ Казанский П. С. Пустынножительство в горе Нитрийской и ее окрестностях // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1854. Ч. 13. Кн. 2. С. 209.

⁴⁰ Там же. С. 212.

⁴¹ Казанский П. С. История православного монашества на Востоке. Т. I. С. 57.

⁴² Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. Ч. I: Влияние византийской и южнорусской образованности. Реформа. С. 68.

⁴³ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. С. 165.

⁴⁴ Там же. С. 168–169.

⁴⁵ Так прп. Александр основал Успенский монастырь на р. Куште в 4-х верстах к юго-востоку от Кубенского озера; прп. Дионисий Глушицкий основал свою обитель на р. Глушице к востоку от Кубенского озера.



По мнению Е. Е. Голубинского, в отличие от сурового общежития, келлиотское и особножитное — это как бы облегченные формы организации монашества. Студийский общежительный Устав, введенный прп. Феодосием Киево-Печерским, он называл единственным истинным монашеским уставом, отказывая в состоятельности другим формам монашеской организации⁴⁶. Впрочем, он же и отметил, что после смерти прп. Феодосия общежитие быстро исчезает и в самом Киево-Печерском монастыре⁴⁷. Окончательный вывод, который он делает касательно общежития: «После нашествия монголов общинножитие постепенно исчезло из наших монастырей и затем речи о нем и попытки возратить его начаты были только в XVI веке»⁴⁸. Следует отметить, что попытки ввести общежитие в наших монастырях продолжались и в XVIII и в XIX веках⁴⁹.

Еще П. С. Казанский говорил о том, что не все обители могли быть общежительными, так как при малом числе братии Студийский общежительный Устав не мог быть введен⁵⁰. Необходимость принятия Устава диктовалась в большей степени не для определения порядка церковной службы, а для регламентации внутренней жизни монастыря, порядка монастырского благочиния, так как все службы и работы монастырская братия, согласно Студийскому уставу, должна была исправлять сама⁵¹, а всяческая прислуга из монастыря изгонялась. Следовательно, при малом числе братии, даже при значительном совмещении должностей, практически иметь их все в наличии не представлялось возможным. Что касалось работ вне территории обители: надзора за скотом, работ на огородах и в поле — только здесь могли привлекаться наемные работники. Выйти из монастыря насельнику можно было только по благословению игумена. Присутствие на территории монастыря животных (коров, лошадей и т. д.) по Студийскому уставу не допускалось, поэтому уже Киево-Печерская обитель имела села, жители которых обязаны были трудиться для обители, владела недвижимым имуществом. Е. Е. Голубинский писал, что устав впервые введенный прп. Феодосием Печерским «вовсе не стал ни обычным, ни преобладающим уставом наших монастырей..., а был содержим, и притом весьма не строго и далеко не вполне, разве только некоторыми из них, в виде весьма редкого исключения»⁵².

Эти проблемы, как известно, получили отражение в церковной полемике начала XVI века. Именно поэтому С. И. Смирнов указывал, что, в отличие от прп. Иосифа

⁴⁶ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I: 2-я половина тома. С. 501–502.

⁴⁷ Там же. С. 522.

⁴⁸ Там же. С. 526.

⁴⁹ Архимандрит Макарий (Миролюбов) писал об этом так: «В 1795 году митрополит Гавриил [Митрополит Новгородский и Старорусский Гавриил (Петров) — *Прим. авт.*] составил правила общежития из 20 пунктов и 11 октября предписал Новгородской консистории в копиях послать их при указах в Иверский, Тихвин Большой, Вяжицкий, Клопский, Отенский, Моденский, Кириллов Новоезерский и Дымский монастыри и в Филиппо-Ирапскую пустынь, для должного исполнения». Этот устав был опубликован архимандритом Макарием (Миролюбовым) в качестве приложения № 13 в книге «Сказание о жизни и трудах преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского» (СПб., 1857. С. 135–138).

⁵⁰ Казанский П. С. История православного монашества. С. 183.

⁵¹ Введение Студийского Устава, по мнению митрополита Макария (Булгакова), привело к появлению многочисленных монастырских должностей: domestik или уставщик распоряжался и управлял пением и чтением в церкви; церковные строители (пономари) заведовали церковным вином, маслом для освящения церкви и церковным звоном; эконому поручались монастырская казна и вообще все имущество монастыря; келарь заведовал братской трапезой, просфорней и съестными припасами; ключник (помощник кельяря) хранил у себя все ключи; вратарь постоянно находился у ворот обители и т. д. (Макарий (Булгаков), *еп.* История русской церкви. Т. II. С. 46). Иметь все эти должности в малом монастыре не представлялось возможным.

⁵² Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I: 2-я половина тома. С. 464.

Волоцкого, прп. Нил Сорский не считал монаха обязанным принимать участие в мирской жизни⁵³. Свобода от забот, отсутствие попечений, свобода от житейской суеты и людских бесед — вот идеал монаха. Преподобный, предписывая ученикам страннолюбие, вообще не признавал развитую благотворительность обязательной монашеской обязанностью, считая нестяжание выше любых подаяний. Жить по-монашески значит жить в нищете, не связывая себя с мирскими попечениями.

Однако, соглашаясь, что безмолвие — удел совершенных, а общежитие — не очень удобная форма организации для безмолвия, прп. Нил Сорский предложил средний, «царский» путь⁵⁴ — скит, где малочисленная монашеская община имеет «все общее — пищу, одеяние и труд и повинуются друг другу»⁵⁵. Нил Сорский, по мнению М. К. Любавского, «главным требованием монастырской жизни выставлял “внутреннее делание”, т. е. совершенствование чувств и помыслов, благочестивую созерцательность. Он полагал, что это требование лучше всего выполняется в немногочисленном сожительстве и потому ратовал за скитское житие, и советовал избегать людных и богатых монастырей»⁵⁶. По словам ученика Нила старца Артемия, приложение монашеского богатства, стяжание сел и многих служб — окаянный обычай, дело свойственное царской, паче же мучительской власти. Общежитие, говорил старец Артемий, в монастырях давно разрушилось. «Похвальнее общего... житие: со едином или много с двема безмолствовати». Это средний путь, скитской образ⁵⁷. С. И. Смирнов в своей работе «Как служили миру подвижники Древней Руси?» приводит несколько высказываний постриженника прп. Корнилия Комельского прп. Филиппа Ирапского, ушедшего из монастыря «безмолствовати» и считавшего тремя главными добродетелями монаха нищету, пост и молитву: «Погубили мы ангельское житие; много ясти и пити или одеятися можем, поститися же не можем и смиренно мудрствовати». «Отцы наши искаху пустыни и скорби, мы же ищем градов и покоя и пищи многия». «Монастырь — постник, а не купец»⁵⁸.

Однако эта сторона дела в целом игнорируется исследователями, хотя в последнее время исследователи все чаще обращают внимание на монастыри малых и средних размеров. В 2011 году в Санкт-Петербургском институте истории РАН Н. В. Башниным была защищена диссертация, посвященная небольшому, среднему по своим размерам, с точки зрения наличия земельных владений, основанному в 1420 г., Дионисиево-Глушицкому (Сосновецкому) монастырю, но эта работа опять же в большей степени посвящена экономическим и политическим проблемам, землевладениям обители, а не внутренней жизни, келейному быту ее обитателей⁵⁹, богослужению в монастыре, его уставу, духовному общению с внешним миром. Можно отметить также работу Т. В. Сазоновой «Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв.»⁶⁰. Но и здесь нет ничего, кроме попытки описать содержание деятельности основных монастырских должностей

⁵³ См.: Смирнов С. И. Древне-русский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913.

⁵⁴ Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском. М., 1849. С. XXI.

⁵⁵ Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси? С. 560.

⁵⁶ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. С. 176.

⁵⁷ Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси? С. 562.

⁵⁸ Там же. С. 579.

⁵⁹ Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь — центр социально-экономической и духовной жизни Кубено-Заозерского края в XV–XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2011.

⁶⁰ Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. — М.; СПб., 2001.



и опять же экономики монастыря. Пожалуй, только в исследованиях последнего времени И. Н. Шаминой⁶¹, Т. В. Сазоновой⁶², О. Н. Адаменко⁶³ уже больше внимания уделяется человеку и делаются попытки изучать монастырскую повседневную жизнь. По справедливому замечанию Т. В. Сазоновой, «характерной особенностью как отечественной, так и зарубежной историографии является использование в основном материалов наиболее крупных монастырей. В то же время мелкие и средние монастыри остались практически вне сферы научного интереса историков...»⁶⁴

И в заключение сформулируем рабочие гипотезы, которые могут рассматриваться при изучении малых монастырей:

1. Время начала монастырской колонизации на Русском Севере может быть отодвинуто с середины XIV в. на середину XIII в.

2. Направление монастырской колонизации именно на север обусловлено формированием единого русского государства и переходом от вотчинной (с полной частной собственностью) к поместной системе землевладения, когда только на севере, до присоединения в 1470-х г. Новгорода и несколько позднее Белоозера к Московскому государству основатели монастырей могли рассчитывать на пожертвования вотчин для созидания монастырей. Кроме того, основатели монастырей вполне могли выступать на северных территориях агентами влияния Москвы и финансово поддерживать московскими князьями в деле приобретения вотчин.

3. Положение, что основатели обителей на севере спешили занять пустующие земли, является ошибочным, так как монастырская колонизация шла вслед за крестьянской.

4. Общежитие в русских монастырях вплоть до начала XX в. существовало скорее в виде исключения, чем правила (данное положение было предложено еще Е. Е. Голубинским).

5. Малые монастыри имели скитскую форму организации с элементами общежития, когда монашествующие объединялись по принципу духовной семьи, где проживал учитель и ближайшие, избранные и угодные ему ученики⁶⁵. Причем учитель, после того как монастырь утрачивал форму малого монастыря и нарушался принцип духовной семьи, мог покинуть основанную им общину и вновь уйти в пустыню⁶⁶. Богослужения в малых монастырях часто осуществлялось, даже при наличии церкви, приглашенными священниками. В общем и целом монашество было ориентировано на идеал анахорета-пустынника, принесенный из Византии, со святой Горы Афон.

⁶¹ Шамина И. Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁶² Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь как социокультурное явление средневековой жизни Московского государства (1540-е — 1660-е гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

⁶³ Адаменко О. Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII веках: Дисс. ... канд. истор. наук. Череповец, 2008.

⁶⁴ Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. С. 7.

⁶⁵ По мнению И. И. Соколова «келлиотское подвижничество было как бы *семейной* жизнью в монашеском мире, второй — после анахоретства — стадией в развитии византийской иноческой системы. Третью стадию в этом развитии составляет жизнь *скитская*. Скитом (σκήτη) называлась совокупность нескольких келлий. Келлиоты, сгруппировавшись в каком-нибудь месте в числе нескольких человек, вверяли руководство и наблюдение над собой и своими келлиями одному опытному в созерцательной жизни подвижнику» (Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с половины IX до начала XIII века (842–1204). СПб., 2003. С. 262–263).

⁶⁶ Так поступил, например, прп. Дионисий Глушицкий (*Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. С. 170–171).

Источники и литература

1. *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 95–116.
2. *Водарский Я. Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России: XII — начало XX в.: Сб. ст. к 70-летию Л. Г. Бескровного. М., 1975.
3. *Гайдено П. И.* К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, Вып. 5: К 80-летию Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д. и. н., проф. А. В. Петрова. СПб., 2016. С. 158–176.
4. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1881. Т. I: Период первый. Киевский или домонгольский. 2-я половина тома.
5. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М.: Благовест, 2014.
6. *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. Ч. I.: Влияние византийской и южнорусской образованности. Реформа.
7. *Казанский П. С.* История православного монашества на Востоке: В 2 т. М., 1854–1856. Т. 1.
8. *Казанский П. С.* История православного монашества. М., 1855.
9. *Казанский П. С.* История православного русского монашества от основания Печерской обители до основания Лавры Св. Троицы преподобным Сергием. М., 1855.
10. *Казанский П. С.* Начало монашества в России // Прибавления к Творениям св. отцов. 1850. Ч. 9. Кн. 4. С. 566–641.
11. *Казанский П. С.* Пустынножителство в горе Нитрийской и ее окрестностях // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1854. Ч. 13. Кн. 2. С. 195–249.
12. *Ключевский В. О.* Новые исследования по истории древнерусских монастырей // Православие в России: сборник. М.: Мысль, 2000. С. 411–461.
13. *Ключевский В. О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Православие в России: сборник. М.: Мысль, 2000. С. 462–488.
14. *Кольчева Е. И.* Православные монастыри второй половины XV–XVI века // Монашество и монастыри в России XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002. С. 81–115.
15. *Кузьмина О. В.* Республика Святой Софии. М.: Вече, 2008.
16. *Лакиер А. Б.* О вотчинах и поместьях. СПб., 1848.
17. *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией: курс, читанный в Московском университете в 1908–1909 acad. г. М., [1909].
18. *Макарий (Булгаков), архим.* Очерк истории русской церкви в период до татарский: (Статья из «Христианск. чтения»). СПб., 1847.
19. *Макарий (Булгаков), еп.* История русской церкви. СПб., 1857. Т. II.
20. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: В 9 т. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 3.: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отд. первый: Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448).
21. *Макарий (Миролюбов), архим.* Сказание о жизни и трудах преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. СПб., 1857.
22. Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / [Отв. ред. Н. В. Синицына]. М.: Наука, 2002.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновскою летописью. СПб., 1885.

24. Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
25. Пономарев Д., свящ. Антониево-Дымский монастырь (Опыт комплексного церковно-исторического исследования): Дис. ...канд. богословия. СПб., 2017.
26. Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском. М., 1849.
27. Роспись 170 (1661) году, какова взята из Монастырского приказу за дьячьею приписью, сколько за всеми монастырями крестьянских дворов // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. С. 401–422.
28. Румянцева В. С. Монастыри и монашество в XVII веке // Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки. М., 2005. С. 163–185.
29. Сазонова Т. В. Кирилло-Новозерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2001.
30. Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: Северный паломник, 2011.
31. Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси? (Историческая справка к полемике о монашестве) // Богословский вестник. 1903. Т. 1. № 3. С. 516–580.
32. Соборный приговор, о запрещении духовенству приобретать отчины без царского доклада, и об уничтожении руг и милостынь, присвоенных по кончине великого князя Василия Иоанновича монастырям и церквам. Лета 7059 (1551). Мая в 11 день // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи: В 4-х т. — СПб., 1836. Т. 1. № 227.
33. Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с половины IX до начала XIII века (842–1204). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
34. Старостин Е. В. Архивное наследие Русской Православной Церкви: пути изучения и развития // ОА. 2005. № 4. С. 31–38.
35. Щекатов А. М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде. М., 1801. Ч. 1: А–Г.

**Суд над благоверным князем Михаилом Тверским в 1318 г.:
процессуальные аспекты¹**

Применение междисциплинарного подхода в изучении истории средневековой Руси и ее соседей позволяет совершенно по-новому использовать источники, которые уже давно введены в оборот, хорошо известны исследователям и, казалось бы, всесторонне изучены. Ярким примером тому является средневековое сочинение, известное под названием «Повесть о Михаиле Тверском» или «Житие Михаила Ярославича» (далее по тексту – «Повесть»)². Безусловно, в первую очередь, оно является агиографическим (житийным) источником, однако исследователи не без оснований рассматривают его и как исторический источник, отражающий реальные политические события в истории отношений Тверского княжества с Москвой и Золотой Ордой. Неслучайно ряд специалистов уже анализировал это произведение именно как источник по истории русско-ордынских отношений и представлению о Золотой Орде и ее правителях в средневековом русском общества³.

По мнению специалистов, автором сочинения мог быть не просто современник, но и очевидец событий (предположительно – спутник князя Михаила Ярославича в роковой для него поездки в Золотую Орду), что нашло отражение в упоминании деталей географического и топографического характера⁴. Считаем возможным полностью согласиться с этим утверждением, добавив, что доказательством составления «Повести» является также упоминание ряда деталей, непосредственно связанных с судом над Михаилом Тверским в Орде, которые никак не связаны с агиографическими канонами, но зато отражают ряд аспектов судебного процесса Золотой Орды. Собственно, именно эти сведения и привлекли наше внимание в рамках настоящего исследования, целью которого является попытка реконструкции золотоордынского судебного процесса на основе сообщения спутника тверского князя.

Нет сомнения, автор сочинения не ставил задачу именно описать процедуру судебного разбирательства, однако нельзя не обратить внимания, насколько детально рассмотрен им суд – начиная с вызова сторон и до конца (вынесения и исполнения приговора) (хотя, конечно, разные стадии процесса охарактеризованы с различной степенью подробности). Если принять версию В. А. Кучкина о том,

¹ Статья представляет собой исправленную и дополненную версию доклада. Автор благодарит А. Ю. Дворниченко, К. А. Костромина и А. В. Сизикова за ценные замечания и рекомендации.

² Для последующего анализа источника нами взяты за основу Пространная редакция «Жития Михаила Ярославича» (по изданию: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI вв. М., 2001. С. 188-201) и Пространная редакция «Повести о Михаиле Тверском» (по изданию: Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 125-163).

³ См., напр.: Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М., 2009. С. 111-121; Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житие Михаила Тверского» // Вестник ВГУ. Сер.: «История. Политология. Социология». 2007. № 2. С. 112-114.

⁴ См., напр.: Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 11; Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington, 2009. P. 88, 90.

что автором «Повести» мог быть игумен Тверского Отроча монастыря Александр⁵, подобный интерес его к процессуальным аспектам становится вполне понятным: священнослужитель такого ранга, скорее всего, должен был хорошо знать каноническое право, осуществлять суд над собственными подчиненными и другими подвластными людьми. Именно это обстоятельство может объяснить причины такого пристального внимания к деталям процесса над Михаилом Тверским, отсутствующим во многих других русских средневековых агиографических памятниках и иных источниках.

Именно это и привлекло наше внимание к данному источнику. Кроме того, привлечение других источников о суде в тюрко-монгольских государствах рассматриваемого периода (XIII–XIV вв.) позволит, с одной стороны, дополнить, с другой — проверить и уточнить некоторые сведения «Повести».

Агиографический и политический характер «Повести», нашедший отражение в формировании из Михаила Ярославича образа святого и в осуждении его недругов — московского князя Юрия Даниловича и золотоордынского сановника («князя») Кавгадия, обусловил длительное существование мнения о том, что суд явился лишь средством для расправы с Михаилом Тверским в пользу Юрия Московского, и что решение об осуждении тверского князя было принято заранее. Лишь отдельные авторы склонны сомневаться в этом, обосновывая, впрочем, свою позицию лишь логическими заключениями⁶.

Между тем, в «Повести» имеются прямые указания на то, что ни о какой «предрешенности» дела Михаила Ярославича и речи не шло — более того, оно являлось не расследованием преступления тверского князя, а рассмотрением его спора с московским соперником. На это указывает, во-первых, сообщение о том, что князья решили отправиться на суд в Орду во время переговоров, причем инициатива передать их спор на решение ордынских властей исходила от самого князя Михаила⁷. Во-вторых, когда он прибыл в Золотую Орду, хан Узбек, назначая судей, произносит следующую фразу: «Что ми есте молвили на князя Михаила, сътворита им суд съ князем Юрьемъ, да котораго сътворите въ правду, того хочю жаловати, а виноватаго казни предати»⁸. Т. е., никакого заранее принятого решения ни у хана, ни у самих судей не было, и Юрий с Михаилом оказались в равных условиях.

Таким образом, процесс, традиционно рассматриваемый как суд (или даже судилище!) над Михаилом Тверским, юридически являлся разбирательством спора между двумя князьями. И это предопределило форму процесса, который, как мы увидим ниже, являлся не обвинительным, характерным для расследования уголовных преступлений, а состязательным, чаще использовавшимся именно при рассмотрении споров равноправных сторон.

Думается, что Михаил Ярославич, несмотря на обострение отношений с ханом Узбеком и вооруженное сопротивление войскам его посла Кавгадия, имел основания считать, что суд может вынести решение в его пользу. Помимо тех доказательств, которыми он надеялся опровергнуть обвинения своего соперника, он уповал также на свое старшинство, делавшее его более легитимным претендентом на власть, а его

⁵ См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 234.

⁶ См., напр.: Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь, 1994. С. 112.

⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 193; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 138.

⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 141.

соперника — соответственно, незаконным⁹. Это обстоятельство прежде скрупулезно учитывалось золотоордынскими монархами, практически всегда поддерживавшими претензии на великое княжение тех членов рода Рюриковичей, кто имел на него право в соответствии с лестничным правом¹⁰. Таким образом, тот факт, что Михаил Ярославич по собственной воле поехал в Орду, несмотря на то, что его, согласно «Повести» отговаривали и члены семьи, и бояре, свидетельствует не столько о его жертвенности и благочестии, сколько об уверенности в том, что суд может вынести решение в его пользу.

Представляет интерес вопрос о так называемых «процессуальных сроках», которые неоднократно фигурируют в исследуемом источнике. Когда Михаил по дороге в Орду остановился во Владимире, местный баскак сообщил ему, что хан ожидает его в течение месяца¹¹. Отметим, что подобный срок для прибытия на суд участников, проживавших вдали от места его проведения, по-видимому, являлся стандартным, в т. ч. и для средневековых русских процессуальных источников¹².

Когда Михаил прибыл в ханскую ставку (согласно источнику, 6 сентября 1318 г.), по указанию Узбека к нему был придан «пристав», которому было поручено «не дадуще его никому же обидети»¹³, что также свидетельствует о том, что Михаил изначально не был «заочно осужден»¹⁴. Впрочем, как нам представляется, фактически задачей этого пристава было не допускать сговора Михаила со своим противником, его представителями или даже с самими судьями: как показывают и последующие события, хан Узбек не вполне доверял им же назначенным судьям и старался принять меры, чтобы другие участники процесса не могли на них повлиять.

Автор «Повести», однозначно осуждающий и Юрия Московского, и Кавгадыя, обвиняет их в том, что они прибыли в ханскую ставку раньше Михаила и успели склонить на свою сторону уговорами и подкупамы многих влиятельных ордынских аристократов-«князей». Однако, как следует из этого же источника, аналогичные возможности были предоставлены и самому Михаилу: по прибытии он посетил многих сановников Узбека, его жен и, наконец, самого хана — всем им также были преподнесены богатые дары.

Процесс начался лишь через полтора месяца после прибытия Михаила. Это время понадобилось на проведение того, что сегодня называется «предварительным

⁹ См.: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 108. В связи с этим весьма важным представляется наблюдение А. А. Горского, что Юрий Московский в «Повести» осуждается не за то, что вместе с ордынцами действовал против Михаила Тверского, а за то, что бросил ему вызов как старшему, т. е. более законному претенденту на великокняжеский стол (*Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 57).

¹⁰ См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 178. Однако, как показали события 1317 г., Узбек не поколебался нарушить этот принцип своих предшественников. Кроме того, как оказалось, за время своего великого княжения (1305-1317) Михаил Тверской сумел восстановить против себя многие удельные княжества, а также Новгород, решительно принявший сторону Юрия Московского в борьбе с его соперником (см., напр.: *Штыков Н. В.* Политика Михаила Ярославича Тверского: новгородский аспект // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2013. № 3 (53). С. 160).

¹¹ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 193; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 139.

¹² Например, земельные споры по Новгородской судной грамоте могли разбираться в течение 20 месяцев, тогда как для остальных дел срок разбирательства не должен был превышать одного месяца: еще один месяц отводился на вызов в суд землевладельцев из отдаленных местностей и их прибытие (Новгородская судная грамота // *Российское законодательство X-XX вв.* Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 307. Ст. 28).

¹³ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 141.

¹⁴ *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 110.

следствием», т. е. на сбор и анализ предоставленных сторонами материалов, а также и для формирования состава суда. Этот аспект представляет большой интерес, поскольку дела вассальных правителей чаще всего разбирали сами ханы¹⁵. Узбек же демонстративно устранился — «взял самоотвод»¹⁶. Полагаем, это могло быть связано с тем, что он в данном деле выступал заинтересованным лицом и даже до некоторой степени «пострадавшей стороной»: ведь одним из обвинений против Михаила Тверского было отравление великой княгини Агафьи — супруги Юрия Московского и родной сестры самого хана Золотой Орды. По-видимому, хан, отказавшись разбирать дело, решил продемонстрировать свою объективность.

Однако при этом он поручил рассматривать дело не членам ханского рода (поскольку подобные дела, согласно еще установлению Чингис-хана, рассматривались «семейным советом» Чингизидов¹⁷), а неким «князьям», т. е. представителям менее родовитой знати Улуса Джучи. На наш взгляд, это может объясняться тем, что как раз в это время хан Узбек предпринял ряд реформ с целью ограничения привилегий Чингизидов и выдвижения на высшие административные посты своих доверенных лиц из числа своих верных сподвижников¹⁸. А поскольку в тот период времени судебная власть от административной не отделялась, вполне логичным представляется, что и рассмотрение спора двух вассальных правителей было поручено высшим представителям исполнительной власти в государстве¹⁹.

В «Повести» упоминается, что суд происходил в специальной юрте («веже») вне ханской ставки²⁰. Однако сколько именно было судей-«князей»? В разных источниках, хронологически близких к исследуемым событиям, называется разное число судей, разбиравших наиболее значительные дела при ханской ставке. Так, Марко Поло упоминает «двенадцать баронов» великого хана Хубилая, обладавших высшей властью (в т. ч. и судебной); персидский историк и государственный деятель Рашид ад-Дин сообщает, что у монгольских ханов было восемь судей²¹.

¹⁵ В древнерусских источниках такими судьями в отношении русских князей выступают, в частности, ханы Менгу-Тимур (в отношении Романа Ольговича Рязанского), Токта (в отношении ряда рязанских князей), сам Узбек (в отношении ряда рязанских и тверских князей), Улуг-Мухаммад (в отношении Василия II Московского и его дяди Юрия Звенигородского)

¹⁶ Ср.: Андреева Е. А. Прямая речь в повести о Михаиле Тверском в Никоновской летописи // Русская речь. 2011. № 2. С. 72.

¹⁷ См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952. С. 263-264. Сам Чингис-хан, равно как и его ближайшие преемники, неоднократно возлагали судебные полномочия на своих родственников, что, впрочем, не носило «массового характера» (Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009. С. 209).

¹⁸ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015. С. 37-43.

¹⁹ На такую мысль наводит и тот факт, что Узбек не поручил рассмотрение специально назначенным для него судьям ad hoc или же курултаю, как это бывало и в Монгольской империи, и в ее улусах (Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи // Altaica. VII. 2002. С. 164-169. См. также: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2000. С. 249).

²⁰ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142.

²¹ Книга Марко Поло / Пер. с фр. И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. С. 120-121; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. С. 178. См. также: Абзалов Л. Ф. Ордынская канцелярия. Казань, 2013. С. 40-42. Примечательно, что и в судебных

Автор «Повести» ничего не сообщает о числе судей, разбивавших дело Михаила Тверского и Юрия Московского, однако мы можем предположительно назвать его на основе косвенных данных. Дело в том, что после того, как суд вынес решение признать князя Михаила Ярославича виновным, но до того, как хан его утвердил, тверской князь был взят под стражу, причем его охраняли «от седми князей семь сторожов»²². Позволим себе предположить, что эти «семь князей» и были семь судей, которые либо по своему усмотрению, либо по ханскому распоряжению назначили собственных охранников, чтобы, опять же, не допустить сговора Михаила с их коллегами. Это — второй показатель того, что хан Узбек не доверял полностью даже своим самым приближенным сановникам!

Еще одним интересным аспектом является институт «судебного представительства», которое фигурирует в деле Михаила Тверского неоднократно. Одним таким представителем являлся Константин — третий сын Михаила Ярославича, которого отец временно послал в Орду, пока сам собирался и готовил необходимые доказательства своей невиновности²³. И хотя исследователи указывают, что Константин являлся, скорее, заложником²⁴, думается, его (несмотря на несовершеннолетний возраст) можно посчитать именно «поверенным» своего отца: по его поручению он взаимодействовал с ордынскими сановниками, вручал дары и т. д.

Еще более противоречив статус ордынского вельможи Кавгадыя, который в «Повести», а также и в других источниках, содержащих сведения о суде над Михаилом Тверским, фигурирует как один из главных «злодеев», оговоривших князя и добившихся его казни. В «промосковских» источниках он даже представлен главным недругом Михаила Ярославича, тогда как роль московского князя Юрия Даниловича менее заметна²⁵. Поначалу Кавгадый предстает своего рода «консультантом» московского правителя, дающим ему рекомендации, как правильно построить обвинение против соперника, к кому из ордынских князей обратиться и пр. А во время суда, как специально подчеркивает автор «Повести», Кавгадый — «сам судия и сутяжей, той же и лжив послух бываше», т. е. одновременно является одним из судей, свидетелем в пользу Юрия и обвинителем²⁶! Это — пожалуй, единственное существенное противоречие выше приведенным доводам в пользу того, что Михаил и Юрий во время суда являлись равноправными участниками процесса.

Какие же обвинения были предъявлены Михаилу Тверскому? Они весьма четко указаны и в анализируемом источнике, и в других средневековых памятниках. Во-первых, это — утайка дани, которую Михаил, будучи великим князем, должен был

традициях монгольских народов упоминается близкое число судей — например, в суде Калмыцкого ханства XVIII в. («дзарго») также было восемь судей (*Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 146).

²² Клосс Б. М. Избранные труды. С. 195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 143-144.

²³ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 193; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 138.

²⁴ См., напр.: Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 108.

²⁵ Ключ Э. Княжество Тверское. С. 109; Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke*, p. 91-92.

²⁶ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142. Нельзя не согласиться с В. С. Борзаковским по поводу такой позиции Кавгадыя, который, казалось бы, не имел никаких причин выступать против Михаила, отнесшегося к нему с почетом и богато одарившего ханского посла: если бы Михаил доказал свою невиновность, это автоматически означало бы, что виновным оказался бы сам Кавгадый (*Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 108-109).



сбирать и передавать в Орду, во-вторых — враждебные действия против хана, выразившиеся в битве с его послом (тем же Кавгадыем) в 1317 г.²⁷

Обвинители Михаила подготовились к процессу весьма основательно: ими были представлены «многы грамоты съ многым замышлениемъ», содержащие «лжа свидетельства» от имени суздальских князей, бояр, новгородцев и пр., которые также лично свидетельствовали в суде. Грамоты и устные показания были представлены судьям, однако Михаил «со всякою правдою обличаше их лживое свидетельство»²⁸. Это — еще одно доказательство применения состязательного процесса в рамках данного дела: Михаил имел возможность ознакомиться с обвинениями и выдвинуть свои возражения против них.

В результате первое заседание закончилось ничем, и соперники Михаила оказались в опасности из-за своих лживых свидетельств, так как могли быть подвергнуты тому же наказанию, к которому, как они надеялись, приговорят Михаила²⁹. Тем не менее, обвинения оказались достаточно серьезными, что заставило ордынские власти (либо судей, либо самого хана) принять дополнительные «меры пресечения»: в «Повести» сообщается, что на второе заседание, состоявшееся через неделю после первого, тверского князя доставили уже связанным³⁰.

На этот раз соперники Михаила Ярославича к своим прежним обвинениям добавили третье — и самое опасное для него: «княгиню Юрьеву повелел еси уморити». Почему же обвинение в отравлении жены Юрия и, соответственно, сестры хана Узбека не прозвучало на первом же заседании? Надо полагать, у Юрия и его сторонников не было никаких доказательств в пользу своего обвинения — в отличие от других, касавшихся утайки Михаилом даней и сопротивления ханской воле, нашедших отражение в «многих грамотах» (пусть даже и сфабрикованных, как утверждает автор «Повести»).

Эта необоснованность «зеркальным образом» нашла отражение и в позиции Михаила Тверского, который на суде стойко отрицал все обвинения³¹. При этом весьма примечательно, что доказательства противоположной стороны он опротестовывал

²⁷ В Никоновской летописи к этому перечню обвинений также добавлено намерение «в немцы с казною бежати» и «казну въ Римъ к папе отпустил еси» (ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 183). Однако, как представляется, подобные обвинения могли быть более актуальны не для описываемых событий, а для времени составления самой летописи. В «Повести» они, во всяком случае не упоминаются (ср.: *Клюг Э.* Княжество Тверское. С. 111; *Монин М. А.* Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247-1485 гг.). М., 2016. С. 105).

²⁸ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 193, 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 142. Любопытно провести параллель между описываемым судом и Переяславским собором 1311 г., на котором сам князь Михаил Тверской выступал судьей митрополита Петра: там также упоминается о предъявлении обвинений епископами (недоброжелателями митрополита) и опровержении им этих обвинений (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Период второй, Московский. Т. 2. От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. 1 пол. тома. М., 1900. С. 106–109; *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 228–233).

²⁹ Подобная норма известна в традиционном праве с глубокой древности — еще в законах Хаммурапи (середина XVIII в. до н. э.) имелась целая группа норм о том, что ложно обвинивший другого должен понести то же наказание, которое понес бы виновный, если бы его вина была доказана (*Волков И. М.* Законы Хаммурапи. М., 1914. С. 20. П. 1-4).

³⁰ *Клосс Б. М.* Избранные труды. С. 194; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 143.

³¹ По мнению Ч. Гальперина, доводы Михаила в свою пользу охарактеризованы автором «Повести» как правдивые и убедительные с целью усилить его образ как святого мученика (*Halperin Ch. J.* *The Tatar Yoke*, p. 92).

с помощью равнозначных доказательств. Так, в ответ на «грамоты» с обвинениями его в утайке дани он заявлял «со многым свидетельствомъ», что «колико сокровищъ своих издаял есмь цареви и княземъ, все бо исписано имяше», т. е. также предоставлял письменные документы в пользу своей невиновности. Исследователи истории русского уголовного процесса отмечают, что именно в XIV в. и в русских судах при рассмотрении дел, связанных с денежными или налоговыми отношениями, стали широко применяться письменные документы, причем именно церковные учреждения использовали их для защиты своих прав наиболее широко³². Нет сомнения, что князю Михаилу подготовить соответствующие документы помогли его советники из числа представителей церковных иерархов — возможно и сам предполагаемый автор «Повести» игумен Александр.

На обвинение в том, что «противу посла бился», Михаил отвечал, что «посла како избави на брани и съ мною честию отпусти», и присутствие на процессе самого Кавгадыя — здорового и деятельного — подтверждала его слова.

Но по поводу обвинения в умерщвлении ханской сестры аналогичных доказательств представить он, естественно, не мог — равно как и его противники не могли представить убедительных доказательств в пользу его вины. Единственное, что было точно известно, что ордынская царевна (она же великая княгиня) попала в плен к тверскому князю и скончалась при невыясненных обстоятельствах именно в Твери. Соответственно, Михаилу оставалось совершить лишь одно действие, которое в соответствии со средневековой процессуальной традицией предусматривалось при отсутствии доказательств — поклясться, т. е. дать присягу в том, что он не виновен. Именно это он и сделал: «Бога послуха призывааше, глаголаше, яко “ни на мысли ми того сътворити”»³³.

Вряд ли можно с достаточной уверенностью утверждать, что именно сыграло решающую роль в признании проигравшим и, соответственно, виновным Михаила Ярославича Тверского, а не Юрия Даниловича Московского — либо необедительность его доводов против последнего обвинения, либо же то, что Юрию и Кавгадыю удалось таки заручиться поддержкой судей. Сам автор «Повести», кажется, также не знает ответа на этот вопрос: обвинительное решение против Михаила Тверского он объясняет приверженностью хана Узбека и его судей к «мерьской вере срацинской», т. е. их мусульманским вероисповеданием, что, по его мнению, и сделало ордынских участников процесса «немилостивыми», «неправосудными» и «законпреступными», «лукавыми» и т. д. в отношении православного князя³⁴. Однако в тексте «Повести» нет ни одного даже косвенного указания на то, что в рамках данного суда применялись какие-либо принципы мусульманского материального или процессуального права, не дано ни одной ссылки на нормы шариата — все упомянутое выше стадии судебного разбирательства, права и возможности участников процесса, представленные доказательства в полной мере отвечают нашим знаниям о процессе в средневековых тюрко-монгольских государствах, почерпнутым

³² Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 648-649.

³³ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 194-195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 13.

³⁴ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 191; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 132-133. См. также: Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 251; Монин М. А. Планета Тверь. С. 105-106; Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников... С. 116-117; Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства... С. 112-113.

из других источников. Более того, взаимоотношения сюзеренов и вассалов в Монгольской империи и государствах Чингизидов (а именно в нарушении вассальных обязательств, по сути, обвинялся Михаил Тверской) регулировались исключительно имперским правом — установлениями Чингис-хана («Великой Ясой») и ярлыками самих ханов³⁵.

Как бы то ни было, судебное решение было не в пользу Михаила Тверского. Однако говорить о том, что он был осужден и приговорен, было все же преждевременно: приговор должен был утвердить хан, который как раз в это время по странному стечению обстоятельств отправился на охоту («пошел на ловы»). Вполне можно согласиться с мнением исследователей, полагающих, что Узбек колебался в своем решении и взял паузу для его обдумывания³⁶. Это заняло у него, согласно «Повести», двадцать шесть дней. Вместе с тем, это сообщение дает основание считать, что даже если вассальных правителей судил не хан, их судьбу в случае признания виновным мог решать исключительно сам монарх³⁷.

В течение этого времени к Михаилу были применены новые, еще более суровые меры пресечения: он был закован в цепи, посажен в колодку, у него были отняты вещи (казна, одежда, еда), его свита была отделена от него³⁸.

Далее описывается, как Кавгадый приказал вывести Михаила Тверского «на торг», т. е. на базарную площадь, где и подверг унижениям, созвав «займодавцев»³⁹. В чем состояло юридическое значение подобных действий, не вполне понятно. Возможно, речь шла о поиске поручителей за князя — коль скоро часть обвинений против него так и не была полностью доказана? Как известно, поручительство, подобно присяге, нередко использовалось в качестве доказательства, если иные средства отвергнуть обвинение отсутствовали. Вероятно, именно с этим были связаны упоминаемые в источнике «вопросы» и «ответы» во время пребывания на «торге». Однако, как следует из «Повести», никаких дальнейших действий со стороны «займодавцев» не последовало, и Михаил был возвращен под стражу.

Весьма показательны высказывание Кавгадыя, обращенное к тверскому князю, подвергнутому унижениям, закованному в цепи и колодки и ждущему смерти: «Ведая буди, Михаиле, таковъ царевъ обычай: аже будетъ ему на кого не любо, хотя от своего племени, то таково древо въскладають на него, егда же гневъ царевъ минеть, то паки въ первую честь введет его. Утро бо въ предъидуции день тягота сии отъидеть от тебе, потомъ в большой чести будещи»⁴⁰. Автор повести (а за ним — и современные исследователи) видит в этом проявление некоего злорадства со стороны ордынского вельможи, однако, как представляется, тот не лукавил: от хана (тем более, такого непредсказуемого и капризного, как Узбек) можно было ждать и смертного приговора, и помилования.

Наконец, после длительного ожидания (22 ноября 1318 г., как указано в «Повести») Кавгадый «въхожааше къ царю и исхожааше съ ответы на убиение блаженааго Михаила», т. е., наконец, получил утверждение смертного приговора. Казнь состоялась

³⁵ Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб., 2012. С. 285.

³⁶ Клюг Э. Княжество Тверское. С. 113.

³⁷ См. также: Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи. С. 169 и след.

³⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 195; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 144.

³⁹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 196-197; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 148-149.

⁴⁰ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 197; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 149.

в тот же день, причем, согласно автору «Повести», она носила публичный, мучительный и, следовательно, устрашающий характер⁴¹.

Несколько выходя за рамки процессуальных действий, мы все же не можем не обратить внимания на одну деталь, связанную уже с исполнительным производством — вопрос о судьбе тела казненного тверского князя. Источники XIII-XIV вв. содержат сведения о казни в чингизидских государствах вельмож и вассальных правителей, обвиненных в неподчинении ханам, измене и пр. Так, например, когда в 1289 г. по приказанию ильхана Аргуна был казнен за измену грузинский царь Деметре II, его тело в течение долгого времени не позволяли похоронить, и царским приверженцам пришлось его выкрасть и тайно доставить в Грузию⁴². Аналогичным образом, когда в 1318 г. был казнен некогда всемогущий персидский везир Рашид ад-Дин, его тело было разрублено на части и разслано по разным областям⁴³. Совершенно иначе поступили с телом казненного Михаила Тверского. Во-первых, сам же Кавгадый, согласно «Повести», упрекнул своего сообщника Юрия Московского в том, что тот допустил поругание трупа казненного «старшего брата» (в некоторых версиях «Повести» он даже назвал Михаила «отцом» Юрия) и заставил одеть его⁴⁴. После этого тело было доставлено в Москву для захоронения, а затем за «множество серебра» передано семейству казненного⁴⁵.

Причины таких действий в отношении тела «предателя и изменника» остаются не до конца понятными. В связи с этим можно лишь вновь отметить вышеприведенное предположение о том, что суд «ордынских князей» представлял собой не расследование преступлений Михаила Тверского против своего сюзерена — хана Узбека, а разбирательство спора двух князей. Да, проигравший суд был приговорен к смерти, но, по-видимому, обвинения в неподчинении хану, нарушении вассальных обязанностей не были доказаны. В пользу этого можно привести наблюдение С. М. Соловьева о том, что «Тверь не теряла ничего от смерти Михаила»⁴⁶. В самом деле, его семейство не только сохранило свои владения (Тверское княжество) и независимость от Москвы до конца XV в.: двое его сыновей и внук занимали великокняжеский стол.

Итак, какие же выводы о суде и процессе Золотой Орды позволяет сделать анализ сведений «Повести о Михаиле Тверском»? Прежде всего, отметим, что этот источник содержит гораздо более подробное описание судебного разбирательства, чем какие-либо другие известные нам источники.

На его основе достаточно четко выделяются основные стадии судопроизводства: возбуждение дела и вызов в суд, исследование судом доказательств, показания сторон и свидетелей, меры пресечения, вынесение решения, его утверждение и вступление в силу. Упоминаются виды доказательств, характерные для суда того времени: устные показания сторон и свидетелей, письменные документы («грамоты»), присяга в случае их отсутствия. Состав суда — группа (предположительно семь) «князей», т. е. представителей высшей администрации Золотой Орды — отражает важность

⁴¹ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 197-198; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 154-155. См. также: Андреева Е. А. Прямая речь... С. 73.

⁴² Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005. С. 129-133.

⁴³ См. подробнее: Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном. С. 285-286.

⁴⁴ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 199; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 155-156. См. также: Андреева Е. А. Прямая речь... С. 74; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков. С. 255.

⁴⁵ Клосс Б. М. Избранные труды. С. 200-201; Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском. С. 159-161.

⁴⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3-4. М., 1988. С. 218.



рассматриваемого дела, которое не могло быть подсудно какому-либо чиновнику, назначавшемуся ханом *ad hoc* и в то же время не могло быть рассмотрено ханом, имевшим, как выяснилось, личную заинтересованность в этом деле. В качестве мер пресечения упоминается пристав при ответчике (обвиняемом), связывание его, а позднее — взятие под стражу, заковывание в цепи и колодку.

Безусловно, мы не можем быть полностью уверены в том, что автор «Повести» описал весь судебный процесс совершенно объективно — ведь перед ним стояла совершенно иная задача. Тем не менее, даже с учетом специфических целей и задач проанализированного источника, как представляется, мы можем сделать выводы о достаточно четкой и жестко регламентированной судебной процедуре в Золотой Орде, использовании состязательного процесса и широкого круга доказательств.

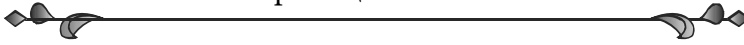
Вместе с тем, в Улусе Джучи, как и в других современных ему странах, по-видимому, не было четкого деления разбирательств на гражданские и уголовные. Это и объясняет противоречивое положение Михаила Тверского, одновременно являвшегося и обвиняемым (тогда как Кавгадый выступал своего рода «государственным обвинителем»), и ответчиком, имеющим возможность на равных с истцом, т. е. князем Юрием Московским, представлять доказательства в свою пользу, опротестовывать доказательства другой стороны и пр.

Наконец, весьма показательно, что окончательное решение по данному делу, связанное со смертной казнью виновного, принял все же хан, который поначалу показательно устранился от его разбирательства. Это лишний раз подтверждает, что монархи в тюрко-монгольских государствах являлись верховными судьями и принимали окончательное решение по наиболее значительным делам, касающимся жизни и смерти подданных или вассалов, даже в тех случаях, если сам суд осуществлялся другими судебными органами.

Источники и литература

1. *Абзалов Л. Ф.* Ордынская канцелярия. Казань: Татарское книжное изд-во, 2013.
2. *Андреева Е. А.* Прямая речь в повести о Михаиле Тверском в Никоновской летописи // Русская речь. 2011. № 2. С. 70-77.
3. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М.: Ин-т этнографии и антропологии РАН, 2005.
4. *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995.
5. *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.
6. *Волков И. М.* Законы Хаммурапи. М., 1914.
7. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Период второй, Московский. Т. 2. От нашего вступления Монголов до митрополита Макария включительно. 1 пол. тома. М., 1900.
8. *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.
9. *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М.: Аспект Пресс, 2000.
10. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.
11. *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI вв. М.: ЯСК, 2001.
12. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247-1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышева. Тверь, 1994.

13. Книга Марко Поло / Пер. с фр. И. П. Минаева; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М.: Государственное изд-во географической литературы, 1956.
14. Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974.
15. Кучкин В. А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 116-163.
16. Монин М. А. Планета Тверь. Культура Тверского княжества периода независимости (1247-1485 гг.). М.: Спутник, 2016.
17. Новгородская судная грамота // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 300-320.
18. Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
19. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.
20. Почакаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009.
21. Почакаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015.
22. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
24. Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М.: Квадрига, 2009.
25. Селезнев Ю. В. Описание своего (русского) и чужого (ордынского) пространства в «Житие Михаила Тверского» // Вестник ВГУ. Сер.: «История. Политология. Социология». 2007. № 2. С. 112-114.
26. Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи // Altaica. VII. 2002. С. 163-174.
27. Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913.
28. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. 3-4. М.: Мысль, 1988.
29. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равенна; Альфа, 1995.
30. Штыков Н. В. Политика Михаила Ярославича Тверского: новгородский аспект // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 159-160.
31. Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012.
32. Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 2009.



DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10030

Грузнова Е. Б.

Отечественные традиции законотворчества от Закона Русского до Уложения 1649 г.

Несмотря на постоянный интерес исследователей к истории создания отдельных правовых актов допетровской России, процедура законотворчества как таковая редко становится предметом специального рассмотрения. Вместе с тем, имеется достаточно свидетельств источников о практике инициирования, обсуждения, утверждения, распространения и популяризации правовых документов практически на всём протяжении русской истории. Их сравнительный анализ позволяет говорить о традиционно соборном характере отечественной законотворческой деятельности, основанной на тесном сотрудничестве княжеской и церковной власти, представителей знати и земства.

До недавнего времени преобладали две точки зрения на источник права в древний период русской истории: это либо вече, если речь идёт о Северо-Западной Руси, либо князья для остальной восточнославянской территории. Однако более взвешенным представляется третье мнение, согласно которому законодательство «возникает в результате коллективной творческой деятельности всего общества. На него влияет активность всех социальных групп, партий, органов власти».¹

Однако творческая деятельность в сфере права возникает не на пустом месте, но прилагается к какой-то уже сложившейся практике, независимо от того, кодифицирована ли она или существует как некая общепризнанная исходная данность, не требующая письменной фиксации. В любом случае реальное изменение этой практики происходит лишь тогда, когда новые правовые нормы становятся частью традиции принимающего их сообщества или его новой традицией, замещающей отвергнутые обычаи.

Правовые традиции Русского государства также первоначально складывались на основе многовековой законодательной практики государствообразующих народов. Ещё в VI в. Прокопий Кесарийский свидетельствовал, что у обитавших к северу от Дуная славян и антов «вся жизнь и законы одинаковы».² А автор недатированной части Повести временных лет утверждал, что, как и у других народов, у которых вместо писаного закона действовали обычаи предков, обитатели Великой Скифии «имяху бо обычаи свои, и законъ отец своих и преданья, кождо свой нрав... не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ».³

Первая из известных ныне письменных фиксаций отечественного закона также упоминается в Повести временных лет в связи с событиями 907–911 гг., когда при заключении международного договора потребовалось сослаться на некоторые положения Русского закона (907 г.) или Закона русского (911 г.).⁴ Не останавливаясь здесь на давней, но бесперспективной, на наш взгляд, дискуссии о том, существовал ли этот закон в письменном виде до переговоров с греками или это была его

¹ Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. М., 2015. С. 3.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 298 (Кн. VII (III), гл. 14, § 22).

³ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 17–18.

первая кодификация, отметим лишь, что необходимость совмещения в тексте договора русских и византийских норм неизбежно обогащала отечественную практику законотворчества новым опытом как с точки зрения содержания правовых актов, так и в отношении процедуры их подготовки, утверждения и использования. Не случайно исследователи обычно связывают появление в так называемых варварских государствах единого писаного закона именно с распространением влияния Римской империи вообще и с процессами христианизации в частности. Но есть и другая точка зрения, согласно которой благодаря христианству «смысл юридического норматива стал дополняться нравственным содержанием», сам же норматив существовал и в дохристианский период, развиваясь от обычного права к писаному праву правителя, впоследствии облагороженному требованиями религии.⁵ Таким путём появилось право Римской империи, ставшее основой законодательства христианских стран, а позже право империи Чингизидов, с той лишь разницей, что там нравственное начало задавало не христианство, а ислам.⁶

В Восточной Европе переход на новый по сравнению с законами отцов этап, судя по всему, был связан с призывом варяжских князей, поскольку именно их летописец представляет в качестве опоры правового устройства общества. Местные жители «почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, к руси... Рѣша русь, чюдъ, словѣни, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами»».⁷ Откликнувшийся на их призыв Рюрик начинает устанавливать «наряд» с рассадки по городам мужей княжего рода, ибо мужи некняжего рода сами по себе управлять не могли, как это следует из заявления Олега Аскольду и Диру под 882 годом. Тем не менее инициаторами то ли формирования, то ли восстановления разрушенной системы, в которой нарядом земли и судом занимается князь, летописец называет ряд племён, призвавших варягов, что само по себе предполагает какой-то обмен мнениями и принятие общего решения (И. Я. Фроянов не случайно полагает, что это происходило на вечевом сходѣ⁸). Таким образом, уже на начальном этапе формирования Русского государства мы обнаруживаем одинаково необходимое участие в конституирующей деятельности как князя, так и общества, на которое распространяются принятые нормы.

Проявление этого правила в отношении основных принципов государственного устройства можно обнаружить и в последующем. В период совместного управления Русской землёй потомки Ярослава в ситуациях, требовавших внесения каких-то изменений в это коллективное управление, собирались на княжеские съезды для принятия совместного решения. В 1096 г. Святополк Изяславич и Владимир Всеволодович предложили Олегу Святославичу прийти в Киев «на столь отец наших и дѣдъ наших, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей», «да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градъскими, да быхом оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ», что вызвало возмущение Олега, полагавшего, что «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игумену, ли смердомъ».⁹ В 1100 г. те же три старших князя, но уже при посредничестве только своих мужей осуществили передел княжеских столов между Давыдом Игоревичем

⁵ Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. С. 9.

⁶ Почekaев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 5–68.

⁷ Повесть временных лет. С. 13

⁸ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 67.

⁹ Повесть временных лет. С. 96–97.



и обиженными им младшими князьями, а в 1102 г. при участии и по настоянию представителей Новгорода и Владимира был изменён договор о распределении этих столов между двумя княжескими ветвями.¹⁰ Когда в 1211 г. на пороге смерти великий князь Всеволод Юрьевич захотел разделить свои владения между сыновьями — великое княжение Владимирское старшему Константину, а Ростов Юрию, — но столкнулся с претензией Константина на оба стола, он созвал на совет своих бояр, иерархов и представителей других сословий (в минималистичном варианте только бояр и епископа) и при всех людях лишил непокорного наследника великого княжения в пользу Юрия.¹¹

Тот же принцип можно наблюдать и на рубеже XVI–XVII в., когда после прекращения династии Рюриковичей приглашение на царский престол родоначальников новых династий — Бориса Годунова, Василия Шуйского, королевича Владислава, Михаила Романова — происходило с реальным или мнимым соблюдением принципа всенародного избрания. Во всяком случае, в выписке из приговора земского собора об избрании Михаила Романова на царский престол в феврале 1613 г. указано, что «Московского государства бояре и воеводы и всяких чинов всякие люди, которые в то время были на Москве, писали во все города всего великаго Российскаго государства к митрополитам, и к архиепископам, и епископам, и к архимаритам, и игуменам, и ко всему освященному собору, и к боярам, и воеводам, и к дворянам, и к гостям, и к посадским, и ко всяким служилым и жилецким людям, чтоб изо всех городов всего великаго Российскаго царствия изо всяких чинов послали к Москве, для земскаго совета и для государскаго обирания, лучших и разумных людей, и с их бы земскаго совета vybrати на Владимирское и на Московское и на Новгородское государства, и на царства Казанское и Астраханское, и Сибирское, и на все великия Российския государства государем царем и великим князем, всея Руси самодержцем, кого Бог даст...», а после избрания «бояре, и окольничие, и чашники, и стольники, и дворяне большие, и дьяки, и всяких чинов люди крест ему, великому государю целовали по записи, какова по совету всей земли уложена; а дворян и детей боярских, и всяких служилых и дворовых людей, и голов стрелецких, и гостей, и атаманов, и стрельцов, и казаков и посадских людей к крестному целованью приводили бояре и диаки, розделясь порознь, по статьям, по тем же записям».¹²

Довольно много информации о законотворческой деятельности в начальный период Русского государства связано с именем князя Олега, который «нача города ставити, и устави дани словѣном, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ».¹³ Если источники не содержат сведений о подробностях уставления Олегом даней, то само слово «устави» указывает скорее на единоличный характер этой деятельности, осуществлявшейся на основе тех полномочий, которые князья получили в момент призвания. Более сложная схема прослеживается в сообщениях Повести временных лет под 907–911 гг.¹⁴ Из них видно, что Олег руководил переговорами о заключении мирного акта — именно он «заповѣда» условия договора с укладами на города, по которым сидели «велиции князи, под Олгом суще». При этом греки со своей стороны выдвинули условие, «да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей». Таким образом, Олег

¹⁰ Там же. С. 116–117.

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 108; Т. 10. СПб., 1885. С. 63–64.

¹² Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 2. М., 2014. С. 233–234.

¹³ Повесть временных лет. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 17–18.

был уполномочен выдвигать требования от имени великих князей Руси, а греки были уверены в том, что он может давать указания своим соотечественникам. Текст договора показывает, что гарантии его соблюдения давал не только Олег за себя и «сущих подъ рукою наших князь свѣтлых», но и посланные на подписание мужи тех самых светлых князей: «по закону и по покону языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашей от уставленных главъ мира и любви». Интересно, что по возвращении эти мужи отчитались о ходе и результатах заключения договора непосредственно перед Олегом, а не перед своими князьями. Таким образом, Олег выступал от имени князей, а мужи — от имени подвластного этим князьям населения. По сути, мы видим здесь работу такого же представительного органа как земские соборы эпохи централизованного государства. Только решения последних скреплялись крестным целованием со стороны гарантов, а в данном случае русская сторона — как Олег, так и «мужи его по Рускому закону, кляшася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ». Когда же потребовалось письменно закрепить проработанные и апробированные за пять лет детали и механизмы реализации утверждённых в 907 г. принципов, это делали уже только мужи, «иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих боярь... похотѣньем наших великих князь и по повелѣнию от всѣх иже суть под рукою его сущих Руси». Таким образом, условия мира подписали представители уже не только князей, но и бояр, причём по решению всего общества.

Такая же общность прослеживается при заключении договора с греками в результате похода 944 г., когда князь Игорь «созва дружину, и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву», а затем «послуша их» и, приняв предложение греков, вернулся домой, после чего стороны направили друг к другу послов. Царь Роман «созва бояре и сановники», перед которыми говорили «от рода рускаго сълы и гостье, Иворъ, соль Игоревъ, великаго князя рускаго, и обѣчи сли..., послани от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжя и от всѣхъ людей Руския земля». Среди этих общих послов летопись перечисляет представителей 24-х конкретных лиц и 26-ти купцов, которые должны были «створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ боярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же съяетъ солнце и весь миръ стоить. И иже помыслить от страны руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да примуть мечь от Бога Вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий».¹⁵ Таким образом, с обеих сторон субъектами договора выступали правители, знать и граждане, а гарантами — божественные силы, тогда как подписанты подтверждали лишь истинность написанного, его соответствие принятым решениям.

Особенно интересно заключение мира в 971 г. также сохранились данные о совещании князя с дружиной. «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи рустѣмъ, и при Свѣнальдѣ», Святослав утвердил на этом совещании свою роту о мире с царями и всеми их людьми «и иже суть подо мною Русь, бояре и прочии, до конца вѣка... Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною бояре и Русь вся, да схранимъ, правая свѣщанья... азъ же и со мною и подо мною...».¹⁶ Таким образом, независимо от круга участвовавших в обсуждении условий мира, эти

¹⁵ Повесть временных лет. С. 23–24, 26.

¹⁶ Там же. С. 34.



условия становились обязательными для всей Руси, но их гарантом в данном случае выступал только князь — возможно, в силу того, что именно он был инициатором нарушения мира.

Из договоров Новгорода с зарубежными государствами конца XII — XV вв. видно, что и в последующий период международные акты заключались князем (или его наместником) совместно с другими гарантами — владыкой, посадником, тысяцким, старостами, купцами и даже всеми новгородцами.¹⁷ Но если князь не участвовал в процедуре, то за весь Новгород обычно целовали крест и прикладывали руку и печать посадник и тысяцкий, как в 1326 г. с Норвегией, или в 1372 г. с немецким купечеством, или в 1436 г. с ганзейскими городами.¹⁸ То есть процедура в целом сохранялась, но её полноправными участниками теперь стали и иерархи русской церкви, а основными подписантами могли выступать выборные лидеры не княжеского достоинства.

Существенно, что в период от призвания варягов до крещения все нормотворческие и управленческие действия, кроме заключения договоров с греками, князья или посланные ими наместники совершают единолично, как княгиня Ольга при установлении уроков и погостов по Мсте и Лузе или Добрыня при установке идола Перуна в Новгороде. Единственное совместное решение, но принятое лишь старцами и боярами, без участия князя, связано с метанием жребия о жертве в 983 г.¹⁹ В законотворчестве же очередным коллективным действием стал выбор веры, когда «созва Володимеръ бояры своя и старци градъскіѣ», которые присоветовали отправить мужей на изучение вер — «и бысть любя рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числом 10». По возвращении посланных князь снова созвал «бояры своя и старца» и приказал: «Скажите пред дружиною». И далее летописец рисует картину, которая хорошо известна по эпохе земских соборов — собравшиеся заслушивают доклад о результатах изучения вер, а одна из групп участников — бояре — ссылаются на уже имевшийся отечественный опыт жизни в христианстве, связанный с именем княгини Ольги, т. е. на прецедент, дополнительно склонивший чашу весов в пользу православия.²⁰

Практика выстраивания различных сфер жизни совместно с дружиной, к которой, согласно сообщению летописи о пирах, принадлежали бояре, гриди, сотские, десятские и нарочитые мужи, была нормой древней Руси на всех этапах её существования, а не только при князе Владимире, который «любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣм...».²¹ Интересно, что попытка единоличного введения князем нового вида наказаний за разбой по совету епископов без привлечения общественности не увенчалась успехом, а решение о возврате к отвергнутому «устроенью отъню и дѣдню» — вирам, принималось уже совместно епископами и старцами, князь же утвердил их предложение («Тако буди») и обеспечил его выполнение.²² Относительного этого летописного сюжета И. П. Медведев, указав, что «исследователи видели в нем попытку греческого духовенства ввести на Руси действие византийского уголовного права», предположил, что «греческое духовенство могло воспользоваться усилением разбойничества как предлогом с целью распространить на ставшую христианской Русь действие «византийского закона»».²³ Однако норма, определявшаяся Кормчей книгой, в тот момент оказалась неприемлемой для реалий

¹⁷ ГВНП. М.; Л., 1949. № 28–78. С. 55–136.

¹⁸ Там же. № 39, 43, 67. С. 69, 76–79, 110–112.

¹⁹ Повесть временных лет. С. 38.

²⁰ Там же. С. 48–49.

²¹ Там же. С. 56.

²² Повесть временных лет. С. 56.

²³ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб, 2001. С. 293.

восточнославянской жизни, поэтому так легко и нашёлся повод, признанный и духовенством, и старцами достаточным для её отмены — возможность использования вир для покрытия военных расходов.

На религиозном направлении после принятия судьбоносного решения о крещении Руси князь Владимир обычно единолично или с привлечением лишь церковных иерархов и своей семьи распоряжается введением новшеств и устройством церкви. Митрополит Иларион в «Слово о Законе и Благодати» прямо указывает на практику совещаний князя с епископами-греками по поводу изменения законодательства: «Ты же съ новыими нашими отъци епископы сънимаіася часто, съ мъногымъ съмѣрениемъ съвѣщаваашеса, како въ чловѣцихъ сихъ, новопознавъшиихъ Господа, законъ оуставити».²⁴ Именно «в совместной законодательной деятельности светской и церковной власти», по наблюдению И. С. Чичурова, Иларион видел сходство правления Владимира и Константина Великого.²⁵

О той же практике говорит и «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных», сохранившийся в списках XIV–XIX вв.²⁶ Судя по информации, содержащейся в первых статьях памятника, десятину на нужды церкви князь Владимир ввёл единолично, одновременно с созданием церкви Богородицы, а инициатором принятия самого Устава был митрополит Киевский (Михаил, либо Леон), который представил князю Номоканон, регулирующий сферу церковного суда. Ознакомившись с этим документом и обнаружив, что «не подобает сих тяж и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его», Владимир «сгадав аз со своею княгиною Анною и со своими детьми, дал есмь святой Богородици и митрополиту и всем епископом. А ты не ступають ни дети мои, ни внуци мои, ни род мои в люди церковныя и во все суды. И по всем городом дал есмь, и по погостом, и по свободам, где крестьяне суть. А кто вступит на мое дание, суд мне с тем пред богом, а митрополиту проклинати его сбором».²⁷

Исследователи напрасно, на наш взгляд, искали причину издания Устава от имени князя и его семьи исключительно в ориентации на византийский образец отношений между царём и церковью и в гипотетичном соглашении с Анной «как представительницей византийского императора — номинального главы восточной православной церкви — о патронате князя над церковной организацией».²⁸ Ведь ещё до принятия христианства суд на Руси был прерогативой князя, который мог делегировать и судебные полномочия, и доходы от судебных пошлин полностью или частично своим представителям. Церковные иерархи в данном случае выступали именно такими представителями в отношении одной из сфер жизни, поэтому князю не требовалось обеспечивать своё решение поддержкой кого-либо кроме своей супруги и своих наследников, которые, вопреки мнению Ю. В. Оспенникова, являлись гарантами этого акта не только после смерти Ярослава, но и при его жизни.²⁹ По той же причине и его сыну Ярославу понадобилось «по данию отца своего» лишь подтвердить вместе с митрополитом Иларионом соответствие этого решения требованиям Номоканона, добавив в число его потенциальных нарушителей наряду с представителями княжеского рода («или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего

²⁴ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 2011. С. 98–99.

²⁵ Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 134.

²⁶ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 12–84.

²⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 140, 148.

²⁸ Там же. С. 144, 153.

²⁹ Памятники российского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права древней Руси: учебно-научное пособие. М., 2013. С. 463.

кто») также бояр, с угрозой, помимо проклятия «от святых отец», «судивше, казнити по закону».³⁰ Добавление, видимо, было связано с выявившимися проблемами, поскольку и в списках Синодальной редакции Устава Владимира дополнительно указано: «И своим тиуну приказываю церковного суда не обидети, ни судити без владычня наместника»³¹. По наблюдению Ю. Г. Алексеева, впоследствии рязанские князя также выдавали свои грамоты церкви по согласованию со своими сородичами, боярами и владыкой (как Олег Иванович Ольгову монастырю в 1371 г.), а тверские — по их «печалованию».³²

Спустя несколько столетий для принятия очередного документа для регулирования церковной жизни (Стоглава) и утверждения новых гражданских установлений царь привлечёт к совместному действию со «всею освященным собором» своих любимых князей и бояр, воинов и всё православное христианство, то есть существенно расширит участие в процессе принятия законов разных слоёв общества. Это отчасти напоминает ситуацию, демонстрируемую Уставом великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, дошедшим в двух изводах второй половины XIV — второй половины XV вв., но датируемым обычно последней четвертью XII в. или первой четвертью XIII в.³³ Согласно тексту акта, он также принимался по решению самого князя, усомнившегося в правильности своих судебных решений по ряду вопросов, относившихся к ведению церкви, и поручившего в дальнейшем заниматься ими своим епископам.³⁴ Но процедура составления части документа, посвящённой распределению доходов от суда и мерил между митрополитом Киевским, Новгородским епископом, старостой церкви Ивана на Опоках и всем Новгородом, потребовала созвать 10 сотских, старосту Болеслава, бирича Мирошку, Иванского старосту Васяту и принять решение лишь после обсуждения «с владыкою, и с своею княгынею, и с своими боляры, и с десятию сочьскими, и с старостами».³⁵ Здесь дело не в «контаминации княжеских и вечевых институтов», как полагал Ю. Г. Алексеев,³⁶ а в том, что решение разных задач достигалось посредством разных процедур.

Совместность действий князя и церкви в области устройства церковной жизни при участии княжих мужей прослеживается в Смоленских уставных грамотах 1136–1150 гг., посвящённых выделению и устройству Смоленской епархии. В данном случае очевидно, что светская и церковная власть утверждают каждая свой правовой акт, которые как бы взаимодополняют друг друга. В грамоте князя Ростислава Мстиславича 1136 г. сказано: «2. Приведох епископа Смоленску, здумав с людьми своими, по повелению отца своего святого, еже хотев при животе своем сътворити, (и)но есть (зд)е первее сего не бывало епископы». Сопровождающая её грамота епископа Маноила подтверждает: «1. Се яз, худый и грешный и недостойный епископ Маноил с благородным и христоролюбивым князем моим Михаилом утвержаеве, еже написана, утвержена и сотворена о благодати и благословением святого духа поставленником моим митрополитом русским кир Михаилом при благоверном и христоролюбивем князи моем кир Михаил(е) и утвердил устав церковный именем Ростислав, по отца своего святого молитвы и по повелению его уставил есть епископью Смоленскую».³⁷ В памятниках эпохи земских соборов XVI–XVII вв. это раздельное участие разных

³⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 168, 170, также 189, 192–193.

³¹ Там же. С. 149.

³² Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: Традиции и реформа. СПб., 2001. С. 91–92.

³³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 254.

³⁴ Там же. С. 159.

³⁵ Там же. С. 250–251.

³⁶ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 81–82.

³⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 213, 216.

сторон в создании новой правовой ситуации будет описываться гораздо подробнее, благодаря чему можно увидеть, что и обсуждение вопроса, требующего законодательного разрешения, и принятие резолюции происходило раздельно, а затем решения всех групп собирались в одном акте, отражавшем их позиции. Это можно наблюдать на примере Судебника 1550 г., Стоглава, утверждённой 15 января 1580 г. грамоты о монастырских землях, выписки из записи о земском соборе по вопросу о закреплении Азова за Россией 1642 г. и Уложения 1649 г.

Неизвестно, каким образом и насколько широко происходило в древности доведение правовых актов до сведения населения или хотя бы тех, кто занимался исполнением административных функций. Судя по всему, на места направлялись грамоты с изложением тех положений, соблюдение которых там предстояло обеспечивать. Во всяком случае, именно такая практика прослеживается в ряде таких распорядительных грамот, как грамота великого князя Андрея Александровича, отправленная в 1294–1304 гг. на Двину с сообщением местным посадникам, скотникам и старостам о договоре с Новгородом о кормах и подводах для великокняжеских ватаг; грамота 1328–1341 гг. «от великого князя от Ивана, от посадника Данила, от тысяцкого Аврама и от всего Новгорода къ двинскому посаднику на Колмогоры и к боярамъ къ двинскимъ» об ответственном за морской промысел в Печерской стороне; грамота великого князя Дмитрия Ивановича 1363–1389 гг. о пожаловании в кормление Андрею Фрязину Печоры с обращением к местным жителям: «а вы, печеряне, слушайте его и чтите, а он вас блюдетъ»; грамота 1471 г. от властей Великого Новгорода «к старостамъ и ко всѣм христіаномъ» ряда великокняжеских земель об отмене неправомерного крестного целования «на новугордское имя». ³⁸

Большое количество списков Устава Владимира (более 200), а также продолжавшееся в XV–XIX вв. переписывание Устава Ярослава говорит об их востребованности в практической деятельности (прежде всего, в деятельности церкви, для которой они исходно издавались) и о периодически возникавшей необходимости изготовления новых списков взамен обветшавших или утраченных. О том, какую роль эти Уставы играли на рубеже XIV–XV вв., свидетельствует рассказ о создании одного из списков содержавшего их «свертка» — он был списан со старого Номоканона по решению великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана: «Се язъ князь велики Василей Дмитриевичъ всея Руси, сѣдъ своимъ отцемъ съ Кипріаном митрополитомъ Кіевскимъ всея Руси, управилъ есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изнашедъ старый Номоканонъ, какъ управилъ прадѣдъ мой святой князь великій Володимеръ и сынъ его князь велики Ярославъ всея Руси. Как управили они, сѣде съ митрополиты, о судѣхъ церковныхъ и исписали Номоканонъ по Гречскому Номоканону, что суды церковныя и вся оправданія церковная какъ пошло издавна, потому же и мы нынѣча управили, оже бы то неподвижно было николи, напередъ въпрокъ ни умножити бы, ни умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, какъ тѣ велиции святии князи вписали и укрьпили. Списан же бысть сій свертокъ изъ великого и старого Номоканона, на Москвѣ, въ лѣто 6911, индикта 11, мѣсяца ноября 11». ³⁹ В 1419 г. аналогичный список с рассказом о его создании на основе Номоканона был подготовлен по совместному решению того же великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Фотия. ⁴⁰ Не исключено, что появление этих списков напрямую связано с изменением общеполитической ситуации после Куликовской битвы, когда потребовалось восстановить и подновить правовую основу деятельности государства

³⁸ ГВНП. № 83, 85, 87, 98. С. 141–143, 154.

³⁹ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 86.

⁴⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 184–185.



и церкви. Не случайно исследователи отмечают процесс пробуждения интереса к правовым текстам в 80–90-е годы XIV в. сразу в Москве, Новгороде и Пскове, с чем связаны Мясниковский, Новгородско-Софийский и Чудовский изводы Русской правды, Двинская, Новгородская и ранняя редакция Псковской Судной грамоты.⁴¹

Такая же тенденция передачи от поколения к поколению прослеживается и в отношении одного из основных памятников древнерусского права — Правды Русской, которая, к тому же, неоднократно пополнялась новыми статьями. Текст этого документа хранит одно из самых ранних свидетельств о порядке работы над созданием и изменением законов на Руси, характерном и для последующих эпох. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения, что «Правда Ярослава и Правда Ярославичей создавались князьями, законодательной властью, а переписчик затем объединил эти законы в один документ, который мы называем Краткой редакцией Русской Правды».⁴² Рассказ о порядке работы над законодательным актом, помещённый в его тексте, можно обнаружить во многих русских правовых документах. Он есть не только во всех Судебниках и в Уложении 1649 г., но и в уставных, судных, губных и земских грамотах. При этом некоторые из них содержат подробную ссылку и на порядок создания предыдущего документа, на положения которого полностью или частично опирался новый акт. Такая форма подачи в наилучшей мере позволяла оценить степень преемственности и новаций нового закона по отношению к прежнему. Судя по всему, в дошедших до нас редакциях Правды русской мы имеем дело с подобной же ситуацией — она изначально представляла собой документ, составленный Ярославичами и включавший текст Правды Ярослава. Хотя в ней отсутствуют данные о том, как именно принимал закон Ярослав, многие исследователи склонны связывать это событие с упоминанием летописи о том, как после утверждения в Киеве в 1019 г. этот князь «правду дал и устав списал» пришедшим с ним новгородцам. Но эта фраза сама по себе означает, что у князя уже был устав, который можно списать. Неслучайно на основании схожей формулировки Новгородской первой летописи Л. В. Черепнин связал создание Пространной Правды с новгородскими событиями 1209 г., когда князь Всеволод после преодоления конфликта с новгородцами, возникшего из-за нарушения ранее действовавших норм, дал им «всю волю и уставы старых князей».⁴³ Для нового же документа в летописях зафиксирована другая формула, как это видно из описания событий 1036 г., когда «самовластец в Руской земли» Ярослав «посади сына своего в Новѣгородѣ Володимера, и епископа постави Жирятоу; и людемъ написавъ грамотоу, рекъ: „по сеи грамоте дайте дань“».⁴⁴

Гораздо лучше обстоит дело с информацией о принятии той части Правды Русской, которая соотносится с Ярославичами. В Краткой редакции она начинается словами: «Правда уставлена руськой земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула», а Пространная редакция содержит несколько более подробное пояснение: «По Ярославле же паки совкупишесе сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша».⁴⁵ Расхождения текста породили немало споров вокруг вопроса о времени и об участниках создания закона, тем более что в одном

⁴¹ Памятники русского права. В 35 т. Т. 2. Памятники права удельной Руси: учебно-научное пособие. М., 2013. С. 97.

⁴² Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 20.

⁴³ Там же. С. 42.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 114; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 177; Т. 7. СПб., 1856. С. 330; Т. 9. СПб., 1882. С. 79–80.

⁴⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 48, 64.

из списков Пространной Правды (Новгородская кормчая 1493 г. из собрания Соловецкой библиотеки РНБ № 968/858) первым в ряду сыновей Ярослава добавлен Владимир, умерший ещё при жизни отца, а после Святослава — Вячеслав.⁴⁶

Оставляя в стороне эти дискуссии, заметим лишь вслед за другими исследователями, что в состав участников съезда входили как князья, так и их мужи, но не упомянуто ни одного представителя духовенства. При этом в гораздо более поздних вечевых судебных грамотах — Новгородской и Псковской — представители церкви присутствуют, но только как давшие благословение на создание этих документов («по благословению нареченного на архиепископство Великого Новгорода и Пскова священноинока Феофила» и «по благословению отец своих попов всех 5 съборов, и священноиноков, и дияконов, и священников и всего Божия священства всем Псковом»).⁴⁷ В следующих же по времени общерусских актах о суде вновь видим порядок, характерный для Правды Русской, поскольку «князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры» уложил Судебник 1497 г., а его внук «царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси с своею братьею и з бояры» — Судебник 1550 г.⁴⁸ И это при том, что Иван III принимал все важные решения совместно с сородичами, боярами и духовенством (о поставлении митрополитов, женитьбе на Зое Палеолог, походе на Новгород), но на совещаниях по поводу Судебника 1497 г. иерархи не упомянуты.⁴⁹ Такая ситуация может быть связана с тем, что эти документы регулировали светский и совместный суд, тогда как вопросам церковной жизни были посвящены специальные церковные уставы, а в эпоху Ивана Грозного — Стоглав, так что они, по наблюдению Ф. Морощкина и Ю. В. Оспенникова, как бы взаимодополняли друг друга.⁵⁰ Однако следует отметить, что Судебник 1550 г. и уставные грамоты о местном самоуправлении по указанию царя рассматривались и были утверждены на Стоглавом соборе, причём на открытии Собора царь упомянул, что «въ предыдущее лето» он получил благословение иерархов «Судебникъ исправити по старине»,⁵¹ так что в работе над этими документами участвовали и церковные деятели, хотя и отдельно от основных разработчиков. Впоследствии же правовые акты практически всегда создавались при непосредственном участии духовенства, хотя оно могло и не упоминаться в числе ответственных за их сотворение институтов. Например, в Судебнике 1589 г. указано, что он подготовлен Федором Ивановичем «со отцем своим духовным потреряхом московским Иевом, да с митрополитом, наогоротцким Александром, и со всеми князми, и бояры, и со вселенским собором, по прежнему уставу, по уложению отца своего благоверного царя Ивана Васильевича всея Руси, и прежних князей, и бояр»⁵² — как видно, ссылки на утверждение предыдущего акта при участии представителей церкви здесь нет.

Что касается степени участия в разработке законов руководителей государства и знати, то, как видно на примере уже рассмотренных актов, великий князь, а затем царь руководил процедурой их создания — он всегда называется на первом месте, даже тогда, когда со-инициатором выступает глава церкви, как при составлении церковных уставов. В случаях, когда заинтересованной стороной выступает правящий род, на втором месте после его главы называются его супруга, дети, братья и другие представители династии — круг соправителей и наследников, от которых зависел

⁴⁶ Там же. С. 74 (комм. 29–30), 82–83.

⁴⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 304, 331.

⁴⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 54, 97.

⁴⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 137–144.

⁵⁰ Памятники российского права. Т. 1. С. 453–454.

⁵¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 267.

⁵² Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 126.

успех реализации акта, как в случаях с русско-греческими договорами или с Правдой Ярославичей. И лишь затем перечисляются представители боярства.

Следует также отметить возможность существования недошедших или невыявленных княжеских актов регионального значения, при составлении которых учитывались правовые традиции отдельных земель, т. е. позиция местных элит. По утверждению В. Н. Татищева, специально изучавшего этот вопрос, «сверх сих были законы по княжениям. Как князь великий Василий Темный ростовским бояром велел судить по их законам, так Иоан Великий по прозьбе резанских бояр позволил судить по их законам. Таковых я у онаго ж князя Голицына видел собрано книга немалая, и оные где либо неизвестном ныне доме хранятся, которое собрать и любопытным открыть не бесполезно».⁵³ Соединение княжеских установлений и местного, обычного права есть и в Псковской судной грамоте, на что указывал Ю. Г. Алексеев,⁵⁴ хотя сами князья к её созданию отношения не имели, использовались лишь прежние княжеские акты.

Участие в законотворчестве разных групп граждан до середины XVI в. наилучшим образом прослеживается в актах местного действия на этапе их инициирования. Так появилось большинство губных и земских грамот и их подтверждений (полностью, либо с ограничениями, проистекавшими из действующего законодательства) следующими правителями — «вследствие ходатайства о том самого населения, знававшего себя мало огражденным от злоупотреблений и угнетений со стороны своих начальников».⁵⁵ Либо по челобитью владельцев земель, на которых проживало жалуемое население — как две грамоты, данные в 1541 г. по просьбе игумена Троице-Сергиева монастыря Алексея с братией «приказщиком, и сотскимъ, и десятскимъ, и всъм крестьяномъ» их сёл, на основе которых в 1586 г. царь Фёдор выдал новый документ, подтверждённый затем Борисом Годуновым, Василием Шуйским и Михаилом Романовым.⁵⁶ Из этих подтверждений видно, что, вопреки мнению С. А. Шумакова, повсеместное введение губных и земских учреждений во второй половине XVI в. не привело к замене этих грамот книгами «соответствующих приказов, имевших уже не местное, а общерусское значение»,⁵⁷ поскольку грамоты, как и указы, сохраняли значение действующего нормативного акта для жителей конкретной территории. Не случайно в земских грамотах крестьянам Переяславского уезда 1556 г., Замосковской волости 1561 г. и посадским и городским людям Устюжны Железнопольской 1614 г. предписывалось судить по этим грамотам, а в делах, которые в них не прописаны — по Судебнику.⁵⁸

Наряду с законотворчеством под эгидой князя в источниках встречаются также упоминания о принятии законодательных решений на вече без участия князя, как в 1385 г., когда «посадницы Новгородстїи сотвориша вѣче по старому обычаю Новгородцкому, посадникъ Феодоръ Тимофѣевичъ и тысяцкїй Богданъ Аввакумовичъ, и крестнымъ цѣлованїемъ укрѣпишася не зватися имъ на Москву къ митрополиту на судъ, но судити ихъ владыцѣ Новгородцкому Алексѣю, или кто по немъ иный владыка будетъ въ Новѣгородѣ; судити же ихъ по закону Гречьскому и въ правдѣ и въ винѣ быти у нихъ по вѣрѣ, по евангелїю закона Гречьскаго, а посаднику и тысяцкому судити свои суды по Рускому обычаю, по цѣлованїю крестному; а на судъ поимати двѣма исцомъ по два боярина и по два житя мужа съ коеяждо страны».⁵⁹ В Новгородской четвёртой

⁵³ Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968. С. 278.

⁵⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 83.

⁵⁵ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 9.

⁵⁶ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 194, 330. С. 170–174, 391–398.

⁵⁷ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. С. 7, 36–38.

⁵⁸ Там же. С. 207–208.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 85–86.

летописи уточняется, что кроме посадника и тысяцкого в этом решении «цѣловаше крестья... на вѣчи на княжи дворѣ и вси бояре и дѣти боярьскіи, и житѣи и черные люди, и вся пять концевѣ».⁶⁰

Большое разнообразие вариантов участия в законоотворчестве наблюдается в период складывания и развития централизованного государства. Проанализировав процедуру принятия законов с 1497 по 1562 г., А. И. Филюшкин обнаружил 12 прямых указов государя, многие из которых, как отмечал ещё М. Ф. Владимирский-Буданов, носят характер распоряжений и посвящены узким вопросам; указы, принимавшиеся «с докладу» боярина или другого работника аппарата управления и адресованные сразу его конкретным исполнителям — дьякам, казначеям или в «боярский приказ»; 6 приговоров царя «со всеми бояры», на основе которых «исполнителям рассылались памяти за дьячими приписями»; 10 приговоров царя «з бояры», среди которых могли быть не только думные чины, но и окольные, постельничие, дьяки; 4 акта, принятых царем совместно с освященным собором (три по делам церкви и Судебник 1550 г.). Кроме того, 7 актов не имеют указания на процедуру оформления, а 2 документа 1558 г. приняты Боярской думой после того, как государь «приказал им бояром своим словом». Из этих наблюдений учёный делает вывод, что «законодательная процедура вплоть до середины XVI в. была неустоявшейся».⁶¹

Однако если расширить хронологические рамки до середины XVII в., то вариантов окажется ещё больше. В уставных книгах разбойного, земского и поместного приказов встречаются следующие: 1) царь «приговорил з бояры» / «со всеми бояры» (1555, 1556, 1597 гг.);⁶² 2) царь «велел указ учинити», выслушав доклад (1555, 1634, 1637 гг.);⁶³ 3) царь с сыном-царевичем «приговорили со всеми бояры» (1603 г.);⁶⁴ 4) царь «указал» (1587, 1607, 1623 гг.);⁶⁵ 5) «бояре слушев статей приговорили. А что в которой статье бояре приговорили, а то писано под статьями» (1608, 1622 гг.);⁶⁶ 6) при царях Федоре Иоанновиче и Борисе Федоровиче «дан в Разбойной приказ боярской приговор» (книга 1616–1617 гг.) или просто боярский приговор (1612 г.);⁶⁷ 7) государев указ дан после слушания доклада «по стайному списку» царем и патриархом «и с того стайного списка послана к вам роспись под сею памятью, за дьячьей приписью» (1628 г.);⁶⁸ 8) царь и его отец патриарх «указали», «да и в книги то написать» велели (1622, 1625, 1629 гг.);⁶⁹ 9) царь и его отец патриарх указали «по прежнему своему государеву указу и по боярскому приговору» (1622 г.);⁷⁰ 10) царь «указал», заслушав челобитье дворян и детей боярских, и «бояре приговорили» (1641 г.);⁷¹ 11) царь, заслушав доклад с боярами, «указал и бояре приговорили» (1646);⁷² 12) царь и его отец патриарх указали «по сему приговору» после совета с боярами (1622 г.).⁷³ В ст. 228 Судебника

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 342.

⁶¹ Филюшкин А. И. Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV — середине XVI в. (к вопросу о процедуре законоотворчества) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 203–205.

⁶² Памятники русского права. Т. 3. Кн. 2. С. 263, 267, 271–272.

⁶³ Там же. С. 266, 291, 298.

⁶⁴ Там же. С. 274.

⁶⁵ Там же. С. 275, 306, 307.

⁶⁶ Там же. С. 276, 293.

⁶⁷ Там же. С. 278–282, ст. 9–10, 16, 19, 30, 44, 46; 310.

⁶⁸ Там же. С. 284, 286.

⁶⁹ Там же. С. 292, 295, 296, 309.

⁷⁰ Там же. С. 296.

⁷¹ Там же. С. 300–304.

⁷² Там же. С. 304

⁷³ Там же. С. 309.

1589 г. содержится также вариант «приговорил царь и великий князь» — сам, без бояр, при наличии в ст. 200 ссылки на введение нового закона в действие: «А впред всякие дела судити по сему Судебнику, и управы чинити по указу, как государь укажет, с котораго дни уложит».⁷⁴

Такое разнообразие на протяжении длительного времени может быть связано не столько с тем, что законодательная процедура была неустоявшейся, сколько с её зависимостью от обстоятельств появления конкретного законопроекта, круга заинтересованных в нём лиц и групп общества и предполагаемых последствий его утверждения. Без проведения глубокого сравнительного анализа этих и других параметров принятия каждого акта любые выводы будут недостаточно обоснованными.

Интересны данные о практике редактирования действующих законов. Последнее зафиксированное источниками дополнение Правды Русской произошло при Владимире Мономахе, по мнению многих исследователей, в том числе Р. Л. Хачатурова, на съезде в Берестове, который князь созвал сразу после занятия Киевского стола в 1113 г.⁷⁵ Действительно, в ст. 53 Пространной Правды сказано, что после смерти Святополка Мономах «созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора киевского тысячьского, Прокопью белгородского тысячьского, Станислава переяславского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и оставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему взяти исто, паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти».⁷⁶ Однако отнесение к деятельности Владимира Всеволодовича других статей Пространной Правды является полем для дискуссий.⁷⁷ Как бы то ни было, но именно на этапе формирования Пространной редакции в акте появился ряд новых разделов и, видимо, тогда же произошло выделение правды Ярослава и Ярославичей специальными заголовками, отделявшими эту часть от вновь введённой. Точно также впоследствии пополнялись и Судебники, и Уложение 1649 г., когда к основному тексту документа приписывались позднейшие установления до тех пор, пока на каком-то этапе весь массив не подвергался переработке с выпуском нового акта, иногда сохранявшего в своём составе полностью или частично текст нескольких предшествующих документов. Именно такую ситуацию можно наблюдать, например, в Стоглаве.

Отдельный блок вопросов связан со сроками действия и полнотой использования тех или иных законов. Исследователи по сей день спорят о том, насколько долго оставалась действующим правовым актом в полном объёме Правда Русская, но само её использование в качестве источника права вплоть до принятия Судебника 1497 г. сомнений не вызывает, поскольку она сохранилась в большом количестве списков, преимущественно в составе Кормчих книг и других сборников юридического содержания, включая и тот, с которого по решению великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана был изготовлен вышеупомянутый список 1402 г.⁷⁸

Гораздо сложнее обстоит дело с Судебником Ивана III, который сохранился в единственном списке, что может объясняться наступившим после смерти Василия III боярским самовластьем, приведшим, по сути, к нарушению централизованного управления страной и к игнорированию общегосударственных законов, в результате чего дела велись «без царева и великого князя ведома», «без государева доклада», как указывалось в ст. 101 Стоглава.⁷⁹ Точно также восстановление

⁷⁴ Там же. С. 142, 144.

⁷⁵ Памятники русского права. Т. 1. С. 6, 55.

⁷⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 67–68.

⁷⁷ Там же. С. 101–107.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 57–86.

⁷⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 376.

и укрепление управляемости в результате возведения Ивана Грозного на царство проявилось в судьбе его Судебника, включившего многие положения предшествующего акта или сохранившего их действие на те дела, которые были завершены до введения нового закона. Не случайно этот документ, несмотря на относительно короткий период своего действия, сохранился в нескольких десятках списков (более 40) XVI–XVIII вв.,⁸⁰ т. е. того времени, когда он оставался действующим правовым актом или использовался при подготовке нового законодательства. И даже Судебник 1589 г., само утверждение которого подвергается сомнению, известен в пяти списках Краткой и Пространной редакции.⁸¹

Исследователи давно обратили внимание, что в Судебнике 1550 г. впервые фиксируется неприменимость нового акта к прежде начатым или уже завершённым делам, которые следует «судити по тому, как те дела преж сего сужены» (ст. 97), и порядок внесения в законы дополнений и изменений на основе решений, принятых по конкретным делам «с государева доклада и со всех боар приговору» (ст. 98).⁸² Несмотря на то, что описанная в ст. 98 кодификационная процедура прослеживается и в предшествующий период, однако, как отмечает А. И. Филюшкин, со времен Правды Русской она носила казусный характер, теперь же была сделана попытка оформить её законодательно для тех случаев, когда государь инициировал обсуждение вопроса в думе, а не принимал решение единолично.⁸³ По наблюдению С. И. Штамм, с этого времени «решения Боярской Думы обычно рассылаются по приказам и областным начальникам и заносятся в указные книги приказов, составляя дополнения к Судебнику».⁸⁴

Нельзя согласиться с авторами, которые видят здесь ограничение власти царя (В. И. Сергеевич, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский) или двойственность законодательной власти, когда царь лишь санкционировал принятые боярами нововведения (М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, М. Ф. Владимирский-Буданов).⁸⁵ Суть разграничения полномочий состояла в усилении персональной ответственности представителей всех ветвей власти за праведность своих действий перед Богом и государем. Не случайны в этот период становятся чуть ли не обязательной та практика, которую можно наблюдать в договорах руси с греками X в. — подтверждение своего знакомства с текстом вводимого закона личной подписью или приложением руки, как в Стоглаве или в приговоре собора о монастырских землях, зафиксированном в грамоте от 15 января 1580 г., к которой «на большое утверждение» приложил свою печать царь.⁸⁶ Подписанты оказывались не просто со-творцами закона, но и его со-гарантами. Кроме того, многие правовые документы царского периода, а точнее, составлявшиеся на их основе грамоты, памяти и выписи сопровождалась крестоцеловальными записями, подтверждавшими, что административное или выборное лицо, которое должно было опираться на данный акт в своей деятельности, с ним ознакомлено, т. е. тоже входит в число гарантов. Не говоря уже о том крестоцеловании, которым в 1613 г. «всяких чинов люди» подтверждали своё согласие со свершившимся избранием на царство Михаила Фёдоровича Романова «по записи, какова по совету всей земли уложена».⁸⁷

⁸⁰ Там же. С. 34.

⁸¹ Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 120–126.

⁸² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 119–120, 170, 172.

⁸³ *Филюшкин А. И.* Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV — середине XVI в. С. 208.

⁸⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 170, 172.

⁸⁵ Там же. С. 160–172

⁸⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 26–28.

⁸⁷ Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 234.



Здесь следует также отметить, что для актов договорного типа между великим князем и землёй, известных из новгородской практики середины XIII – третьей четверти XV вв., характерен принцип взаимной гарантии, который реализовывался посредством скрепления одной или двух встречных грамот не подписями, а печатями и крестоцелованием как князя «къ посаднику, и къ тысяцьскому, и ко всему Новугороду»⁸⁸ (которое, согласно тексту ряда договоров, происходило в присутствии представителей второй стороны — «при наших послехъ»⁸⁹), так и посадника, тысяцкого и всех новгородцев — к князю.⁹⁰ Если такой договор со стороны великого князя заключали сразу два гаранта, как в случае с великим князем Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем в 1371–1372 гг., или с великими князьями Василием Васильевичем и его сыном Иваном Васильевичем в 1456 г., или с великим князем Иваном Васильевичем и его сыном Иваном Ивановичем в 1471 г., то оба должны были целовать крест Новгороду и оба были адресатами ответного крестоцелования.⁹¹ Количество утверждающих печатей на таких грамотах различно, обычно от одной до трёх, но в конфликтных ситуациях их могло быть и больше, как в 1372 г., когда к наказу об условиях заключения мира было приложено «11 печатей всѣхъ посадцких людей» и было указано приложить к договору печати от всех пяти концов.⁹²

Снять с граждан крестное целование на правовом акте и угрозу проклятия, а также отменить акт, неправомерно созданный подчинёнными, могли только иерархи. Об этом свидетельствует послание митрополита Фотия от 24 сентября 1416 г. псковичам, составленное после обращения князя Андрея Александровича, посадника и бояр по поводу «душевредной» новой уставной грамоты, с разрешением «цѣлованіе уряженое княже Костянтиново Дмитріевича сложити... порушити ту новину, нужную грамоту христіаномъ» и вернуться к «своей старине».⁹³ Двумя десятилетиями ранее, в 1395 г. митрополит Киприан также отменил нововведение владыки Суздальского Дионисия, который «списаль грамоту, коли былъ во Пьсковѣ, а приписаль къ грамотѣ Князя Великого Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да выписаль и проклятье, кто иметь не по тому ходити: ино то Денисій Владыка не свое дѣло дѣлать, не по закону и не по правилом... И язъ тую грамоту рушаю. А вы, дѣти мои, Псковици, ажъ будеть преже сего ходили по той грамотѣ Князя Великого Александровѣ, а будеть то у вас старина: и вы по той старинѣ и ходите; а что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да тое я сам подеру: та грамота не въ грамоту. А что вписаль проклятіе и неблагословенъе патриарше, а то язъ съ васъ снимаю и благословляю васъ».⁹⁴

С вопросом о гарантах закона напрямую связана и формула ответственности нарушителя перед высшими силами, которая встречается в русских правовых актах с древности, хотя её нет в Правде Русской; в большей части новгородских актов, включая докончания с князьями и Новгородскую Судную грамоту; в Псковской Судной грамоте, созданной без согласования с князем. Отсутствует она и в Двинской уставной грамоте Василия Дмитриевича 1397 г. и Белозерской уставной грамоте 1488 г., выданных сразу после присоединения этих земель к Московскому государству исключительно от имени великого князя как суверена и единственного законодателя, пожаловавшего «бояр своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинские земли»

⁸⁸ ГВНП. № 1–7, 9–11, 13–20, 22–23. С. 9–43.

⁸⁹ Там же № 1, 7. С. 10, 18.

⁹⁰ Там же. № 4, 9, 10, 11, 14, 15, 18, 19. С. 14, 19, 21, 24, 28, 29, 34, 36.

⁹¹ Там же. № 16, 22–23, 26–27. С. 31, 39–43, 45–51.

⁹² Там же. № 17. С. 32–33.

⁹³ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 23. С. 48–50.

⁹⁴ Там же. № 10. С. 18–19.

и «своих людей и белозерцов — горожан, и становых людей, и волостных, и всех белозерцов» и обещавшего их обидчикам «быти ту от мене, от великого князя, в казни».⁹⁵

Зато мы видим эту формулу и в договорах с греками, и в церковных уставах, и в большинстве последующих великокняжеских юридических памятников. За исключением договоров X в., гарантами которых выступали как христиане, так и язычники, во всех остальных случаях формула ответственности имеет исключительно христианское наполнение. Причём, по наблюдению С. С. Пашина, в шести пользующихся доверием публичных и частных актах домонгольской Руси включена угроза «небесными карами не только от Бога, но и от святых патронов адресатов пожалования (дарения)».⁹⁶ Такая угроза есть и в других памятниках указанного времени — например, согласно Уставу новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г., его нарушитель, «князь ли, или ин кто сильных новгородец, а будет Богу противен и святей Софии», а в жалованных грамотах 1125–1155 гг. новгородским монастырям от великих князей Мстислава Владимировича и Изяслава Мстиславича кара ожидалась от св. Георгия или св. Пантелеймона.⁹⁷ Впрочем, в отдельных случаях правитель мог усилить защиту угрозой штрафных санкций, как в жалованной грамоте великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю на землю на Волоке 1337–1339 г. («то судить ему Богъ и святыи Георгии въ страшное свое пришествие, а князю великому дасть сто рубля»), либо заменить её наказанием от самого князя, как в Двинской уставной грамоте («быти ту от мене, от великого князя, в казни») и в уставной грамоте киевского князя Александра Владимировича церкви св. Софии в Киеве и митрополиту киевскому и всея Руси Исидору 1441 г. («приволениемъ нашим будем его казнью казнити великою»)⁹⁸

Кроме того, начиная со Смоленских уставных грамот 1136–1150 гг. в данной формуле почти постоянно можно обнаружить один интересный элемент. Если прежде памятники демонстрируют лишь представления о прямой зависимости благоволения и наказания Божия всей стране от способности правителя обеспечить в ней праведное управление, и об опасности гнева Божия для нарушителей,⁹⁹ то в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. после традиционного предупреждения «Да сего (н)е посуживай никто же по моих днех, ни князь, ни людие», сказано, что нарушивший положения грамоты будет отвечать перед Богородицей, на князе же греха нет.¹⁰⁰ Устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых также содержит указание князя, что «аще же управить епископ сия управления наша, блажен будеть и небесному царствию наследник будеть, а не урядить, а мы то с своей души сводим... 23. А та вся дела приказах святей Софии и всему Новугороду моим мужам и 10-ти сочьским. Вы блюдите, а не възблюдете, и вы сами за то ответ дадите в день страшнаго суда пред лицом царя славы».¹⁰¹ То есть в этих актах подчёркивается, что правитель снимает с себя ответственность за души тех, кто не выполняет его предписаний, данных по воле Божией и утверждённых по согласованию с самими исполнителями.

⁹⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 181–182, 192, 195.

⁹⁶ Пашин С. С. Червонорусские параллели к статьям Русской Правды о роте // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5. СПб., 2016. С. 131.

⁹⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 225; ГВНП. № 79–82. С. 139–141.

⁹⁸ ГВНП. № 86. С. 143; Памятники русского права. Т. 2. С. 100; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 181.

⁹⁹ Повесть временных лет. С. 62, 66, 204, 226–229; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 225.

¹⁰⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 213.

¹⁰¹ Там же. С. 252.



При этом интересно, что в грамотах Ивана Грозного, в частности, данных посадским людям Соли Переяславской 11 августа 1555 г., переяславским рыболовам 15 августа 1555 г., волостным крестьянам Устюжского уезда 15 октября 1555 г., за правый суд и управу меж крестьянами «по нашему уложению, по Судебнику и по уставной грамотѣ, безволочитно и беспосулно... и впередь толко намъ и землѣ управа ихъ будетъ любя», предусматривалось предоставление льгот выборным старостам и целовальникам — «и мы съ ихъ дворовъ, и съ вытей, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ», за неправосудие же полагалось уголовное наказание вплоть до смертной казни «безъ отпросу».¹⁰² Таким образом, власть не рассчитывала только на сознательность или страх перед возможностью небесной кары тех, на кого возлагала ответственность за реализацию закона, но вводила и вполне земные средства наказания и поощрения.

Существенно, что в целом ряде правовых документов XVI столетия указано, что делегирование полномочий, а вместе с ними и ответственности местным выборным лицам произошло в результате недовольства населения тем, как назначенные государем наместники справляются с судебными и административно-хозяйственными функциями. В. М. Клеандрова отмечает, что реагируя на челобитные дворян, посадских людей, черносошных крестьян, великий князь, а затем и царь посредством губных и земских грамот жаловали им самоуправление, указывая, какие вопросы на основании этих грамот решаются иначе, чем по действующему общерусскому законодательству.¹⁰³ Указание на жалование полномочий по челобитью есть в губных и земских грамотах, выдававшихся с 1520-х годов, и в сообщении об этом Псковской Первой летописи под 1541 г. «Тоя же зиме бысть жалование государя нашего великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и до всеи своеи Руской земли... до своеи отчины милосерда, показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всем градом большим и по пригородом и по волостем, лихих людей обыскивати самым крестьяном межь себя по крестному целованию, и их казнити смертноу казнию, а не водя к намеснику и къ их тивуну лихих людей, разбоиников и татеи».¹⁰⁴ Заметим, что великому князю в тот момент было всего 11 лет, и он не мог самостоятельно управлять страной, особенно в условиях боярского самовластья, о котором сам потом неоднократно вспоминал. В этой ситуации активизация начал самоуправления позволяла сохранить хоть какой-то контроль над ситуацией на местах, что, по-видимому, и сказалось на появлении большого числа подобных правовых актов. При этом во многих из них есть важная оговорка относительно права губных властей казнить смертноу казнию, как в ст. 5 Белозерской губной грамоты 1539 г. или ст. 12 Медынской губной грамоты 1555 г. — «то есмь положил на ваших душах», хотя в ст. 3 Белозерской грамоты определена и обратная ситуация: «то есмь положил на душах наших, а вам от меня опалы в том нет».¹⁰⁵ Таким образом, даже при делегировании одних и тех же полномочий государь мог варьировать сферы ответственности перед Богом, либо принимая её на себя, либо передавая выборным лицам, видимо, в зависимости от степени своего доверия им, поскольку вовсе не желал или не мог по малолетству отвечать за грехи тех, кто мог использовать закон в личных целях. Точно также не хотел он отвечать на Страшном суде и за небрежение своими обязанностями представителей духовенства, возлагая на них ответственность за своевременное информирование государя и его

¹⁰² ААЭ. Т. 1. № 242. С. 263; Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. № 5. С. 112–113, 172–173.

¹⁰³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 208.

¹⁰⁴ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 110.

¹⁰⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 214, 222.

служителей о несоответствии тех или иных установлений божественным правилам, как это видно из сборника решений Стоглавого собора 1551 г. (гл. 5, вопрос 1), созванного как раз для устранения подобных несоответствий в государственном и церковном устройстве, чтобы никому не погибнуть «заблудившися правого пути Господня».¹⁰⁶

Важно также отметить, что предоставление права самоуправления на основе жалованной грамоты, отменявшей действующий порядок, могло сопровождаться и финансовыми обязательствами по отношению к государю. Так, по наблюдению Т. Ю. Амплеевой, в 1552 г. за разрешение «наместника и тиуна отставить... управу чинить во всяких земских делах по судебнику выборным лучшим людям, кого они, все важане и шенкурцы, посадские люди и крестьяне, излюбили», жители Важского уезда обязывались ежегодно выплачивать в княжескую казну дополнительно 1500 рублей — «наместнический окуп», все наместничьи и тиунские пошлины, но такие льготы предоставлялись только тем волостям, которые сами на этом настаивали.¹⁰⁷

Интересен порядок распространения правовых актов периода централизации государства среди их адресатов. В Белозерской уставной грамоте 1488 г. такое распространение лишь подразумевается, поскольку акт представляет собой пожалование великого князя: «пожаловал есми своих людеи и белозерцов — горожан, и становых людеи, и волостных, и всех белозерцов: хто наших намесников у них ни будет, и они ходят по сеи по нашей грамоте».¹⁰⁸ А в концовке Белозерской (1539 г.), Каргопольской (1539 г.), Устюжской (1540 г.) губных грамот он специально прописан: «А сю бы есте нашу грамоту держали у тех людей, которых учините в которой волости в головах; а с сее бы есте грамоты списав списки розсылали меж себя по волостем, не издержав ни часу»,¹⁰⁹ на что обратила внимание и В. М. Клеандрова: «заключение интересно не только тем, что требует от губных голов знания этой грамоты и применения ее, но и рассылки списков с нее по волостям».¹¹⁰ Видимо, сохранение большого количества этого вида документов обусловлено как разведением их списков до уровня местных выборных властей. Точно также и сохранение более 100 списков Стоглава связано не только с его авторитетностью у старообрядцев, но и с тем, что в соборном приговоре 11 июня 1551 г. было прямо указано давать наказ с уставной грамоты «всем попам и дияконам, и протопопам, архиморитам и игуменам».¹¹¹ А о практике выдачи выборным судьям Судебника «за дьячьєю приписью» — «по чему судити и управа межъ крестьянъ чинити», — свидетельствует, например, земская грамота 1554 г. двинянам Нижней половины.¹¹² С введением же губных учреждений появилась закреплённая затем и в Уложении 1649 г. практика выдачи наказов как источника судебных решений выборным губным старостам после их присяги в Разбойном приказе.¹¹³

В Судебнике 1497 г. (ст. 67) впервые можно обнаружить также регламентацию порядка информирования населения о действующих правовых нормах (пока лишь

¹⁰⁶ Там же. С. 268.

¹⁰⁷ Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 1. М., 2013. С. 323.

¹⁰⁸ Памятники российского права. Т. 2. С. 107.

¹⁰⁹ Памятники российского права. Т. 3. Кн. 1. С. 76–77; Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. С. 18–20.

¹¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 218.

¹¹¹ Там же. С. 379.

¹¹² Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. С. 168.

¹¹³ Там же. С. 43.



относительно лжесвидетельства и посулов судьям) — путём их «прокликания» «по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем». В Судебнике 1550 г. (ст. 99) это положение было воспроизведено с распространением также и на Тверскую землю, а в Судебнике 1589 г. (ст. 202) — в варианте 1497 г. с добавлением «и по сборным церквам и по выставочным».¹¹⁴ Решения законодательного порядка, принимавшиеся в период Смуты, в том числе и акт земского собора первого Ополчения от 30 июля 1611 г., доводились до населения посредством рассылки грамот.

Принятие законодательных документов Смутного времени осуществлялось «по боярскому и всей Земли... приговору», поскольку теперь управлял всем не государь, а избранные «всею Землею по сему все Земли приговору» бояре.¹¹⁵ Но и в первые годы после восстановления царской власти роль «всей Земли» в принятии нормативных актов оставалась очень велика, в том числе и потому, что реализация многих решений была связана с дополнительным финансовым бременем для всего населения. Это видно и из первых установлений новой династии, таких, как грамота в Тотьму от 18 марта 1616 г. с изложением приговора собора о сборе пятой деньги «с Москвы и со всех городов всех наших великих Российских государств с посадов и с уездов...»¹¹⁶ и тем более Окружная грамота царя Михаила Федоровича в Новгород от 5 июля 1619 г., где указано, что по челобитью разных людей царь с митрополитом, архиепископами, епископами «и со всем освященным собором, и с бояры, и с окольными, и с думными людьми, и со всеми людьми Московского государства, учиня собор, о всех статьях говорили, как бы то исправить и земля устроить».¹¹⁷ Именно с необходимостью заново обустроить государство связана отмечаемая исследователями интенсификация законодательства. О. И. Чистяков подчёркивает, что из 445 указов, выпущенных с 1550 по 1649 г., лишь 80 приходится на XVI век.¹¹⁸

Уложение 1649 г. объединяет в себе все те черты, которые на протяжении столетий в большей или меньшей степени проявлялись в законотворческой деятельности власти и общества. Поводом для его разработки стал ряд челобитных царю 1637 г. и 1648 г. от дворян и торговых людей о принятии «уложенной судебной книги», «чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить». Государь, посоветовавшись с иерархами и «со всем освященным Собором» и обсудив «с своими государевыми бояры, и с окольными, и с думными людьми» отечественные и зарубежные правовые традиции, указал группе своих мужей собрать информацию и подготовить письменный доклад. Также по совету с патриархом царь указал и бояре приговорили выбрать из всех сословий всего государства «добрых и смышленных людей, чтобы его государево царьственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставить, чтобы те все великие дела, по нынешнему его государеву указу и Соборному Уложению, впредь были ни чем нерушимы». Таким образом сначала вопросы, требующие изменений в законодательстве, определялись государем совместно с духовенством, затем по указанию государя материалы для обсуждения разрабатывались назначенными государем боярами, потом царь совместно с патриархом и боярами принимали решение о проведении выборов участников обсуждения. Первые слушания проводились отдельно для властей и для выборных, причем у выборных по указу царя присутствовал один из бояр. По результатам обсуждения царь указал сделать итоговый список и подписать его иерархам «и всему освященному

¹¹⁴ Там же. С. 62, 120; Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 142.

¹¹⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 24–25, 47–48.

¹¹⁶ Там же. С. 63.

¹¹⁷ Там же. С. 68–69.

¹¹⁸ Там же. С. 257–258.

собору, и своим государевым бояром, и околничим, и думным людем, и выборным дворяном и детем боярским, и гостем, и торговым и посадъцким людем Московского государства и всех городов Росийского царства» — всего 315 подписей. Закреплённое таким способом Уложение «указал государь списати в книгу, и закрепить тое книгу дьяком Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову, а с тое книги для утверженья на Москве во все приказы и в города, напечатать многие книги, и всякия дела делать по тому Уложению».¹¹⁹

Из этого описания совершенно отчётливо видно, что власть принуждала население к участию в законодательной деятельности, инициированной отдельными его группами, и контролировала весь процесс от начала до конца. И для этого были причины, как видно из воеводской отписки из Галича в Москву от 13 декабря 1636 г., в которой сообщается о нежелании дворян и детей боярских съезжаться в Галич для выбора участников очередного собора, из-за чего выбрать удалось лишь 6 человек из 20 явившихся, и поясняется — «а больши, государь, тех 20 человек галичяня дворяня и дети боярские и беляня на выборных дворян выбору не дадут, ослушаютца».¹²⁰ А на соборе по вопросу о закреплении Азова за Россией, решение которого датировано 3 января 1642 г, пришлось сначала раздать материалы для обсуждения «разных всяких чинов выборным людем, для подлинного ведома...порознь при боярех», а затем заставить каждую из этих групп дать письменные приговоры. Всего было получено 4 письма от представителей 41 города, 1 от торговых и 1 от посадских людей. Только иерархи отказались давать конкретные предложения, указав, что этот вопрос находится в компетенции государя и его синклита.¹²¹ Бывали и такие случаи, когда государь указывал слушать законопроекты боярам и по рассмотрении лишь утверждал принятые ими решения, как в приговоре 17 января 1636 г.¹²²

Видимо, одним из следствий Смуты стало усиление внимания к доведению законов до всего населения. С 1622 г. было направлено несколько «памятей» — выписок из государевых указов из Разбойного и Челобитенного приказов в Земский.¹²³ В памяти по указу 19 августа 1634 г. указано руководителям Земского приказа «велети биричью кликати не по один день по улицам и перулкам... и о том послать з государева указу память в черные сотни и в слободы к соцким и к старостам, чтоб им государев указ был ведом».¹²⁴ В Памяти в Разбойный приказ 9 августа 1635 г. государь указывал «свой государев указ во всех приказаех записать и свои государевы грамоты ис приказов во все города, где которые города ведомы, послать... Да и биричем велеть о том в городех по многие торговые дни кликати и по торшком, чтоб однолично в городех, которые города ведомы в Розбойном приказе, тот государев указ был всем ведом... И сесь государев указ всяким людем у приказу велеть сказать и прочеть при многих людех и не одинова, чтоб сесь государев указ всем людем ведом был».¹²⁵ Использование же возможностей книгопечатания при издании Уложения 1649 г. перевело задачу распространения правовой грамотности на качественно новый уровень, поскольку купить печатное Уложение потенциально мог каждый, хотя стоило оно по тем временам очень дорого — от 3 до 5 рублей.¹²⁶

¹¹⁹ Там же. С. 83–85.

¹²⁰ Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 239–241.

¹²¹ Там же. С. 242–255.

¹²² Там же. С. 310–314.

¹²³ Там же. С. 293 и далее.

¹²⁴ Там же. С. 298.

¹²⁵ Там же. С. 290–291.

¹²⁶ Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. С. 65.

Источники и литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1836.
3. *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III: Традиции и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: АН СССР, 1949.
5. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976.
6. *Желонкина Е. А.* Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. М.: Юрлитинформ, 2015.
7. *Митрополит Иларион.* Слово о Законе и Благодати. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
8. *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001.
9. Памятники российского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права древней Руси: учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013.
10. Памятники российского права. В 35 т. Т. 2. Памятники права удельной Руси: учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013.
11. Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 1. М.: Юрлитинформ, 2013.
12. Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 2. М.: Юрлитинформ, 2014.
13. *Пашин С. С.* Червонорусские параллели к статьям Русской Правды о роте // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5. СПб., 2016. С. 128–132.
14. Повесть временных лет. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. (Лит. памятники).
15. *Почekaев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009.
16. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М.: АН СССР. 1950.
17. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941.
18. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.
19. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925. С. 321–536.
20. ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
21. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
22. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
23. ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1882.
24. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885.
25. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897.
26. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
27. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984.
28. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985.
29. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985.
30. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. Л.: Наука, 1968.
31. *Филлюшкин А. И.* Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV — середине XVI в. (к вопросу о процедуре законотворчества) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М.: Парад, 2000. С. 200–210.

32. *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX–начала XIII столетия. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1992.
33. *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991.
34. *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.



DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10031

Мининкова Л. В.

Великокняжеские репрессии в русской средневековой литературе

Длительный и сложный процесс преодоления раздробленности и политическое объединение страны предполагал острую борьбу с общественно-политическими силами, стремившимися к сохранению старины и традиции в отношениях внутри властной элиты. Не случайно поэтому репрессии против той части знатной верхушки общества, которая пыталась противостоять объединительной тенденции и стояла на пути утверждения нового политического устройства, являлись неотъемлемой частью этого процесса. Подобные явления наблюдались в разных странах Европы, в том числе и в ходе объединения русских земель вокруг Москвы.

Некоторые сведения об этой борьбе и сопровождавших ее репрессиях содержатся в литературных источниках того времени. Они стали одной из тем русской литературы эпохи позднего средневековья. Само по себе появление подобной темы свидетельствовало о ее общественном признании и о стремлении общества к ее осмыслению, а наличие в ней оценочного подхода было ее типичной чертой. Выражением такого подхода были яркие личностные характеристики действующих персонажей, а в отдельных случаях имелись признаки сюжетной линии, что является типичной чертой настоящего литературного произведения.

Тема борьбы московской великокняжеской власти с политической традицией удельного периода и репрессий ее противников из числа высшей знати и приближенных к ним людей прослеживается со времени после завершения династической войны. В это время появляются литературные тексты, отражающие события борьбы между победившим в этой войне великим князем московским и его удельными родственниками. Наиболее отчетливо и ярко эта тема проявилась в Ермолинской летописи и в Летописи Авраамки, в которых описывалась расправа Василия Темного после ареста серпуховско-боровского удельного князя Василия Ярославича с его людьми, которая произошла в 1462 г., перед самой смертью великого князя. Сюжет этого краткого повествования несложен. После ареста Василия Ярославича и заключения его в Угличе группа служивших у него людей, «дети боярские и иные дворяне», хотели «хитростью» освободить своего господина. По приказу Василия Темного они были арестованы. В двух летописях подробно описываются их мучения, которым они были подвергнуты после ареста. Особо подчеркивается, что казнь их была проведена в великий пост, что служило осуждением в адрес великого князя. Сразу же после сообщения об этих казнях рассказывается о смерти Василия Темного, с некоторыми подробностями его болезни перед смертью. Не напрямую, но явно косвенным образом обострение болезни и смерть связывается с казнями, которые были проведены за несколько дней до его смерти по его указанию.

Таким образом, политическая тенденция в этих двух летописных повествованиях с подобным сюжетом, направленная против действий Василия Темного, проявляется весьма отчетливо. Это заметно по явному сочувствию в обоих летописных сводах арестованному Василию Ярославичу, внуку героя Куликовской битвы Владимира Андреевича. К тому же это был удельный князь, с которым у великого князя был союз

в борьбе с Дмитрием Шемякой, а после гибели Шемяки — договор, заключенный в 1454 г.¹ Также с сочувствием к арестованным людям Василия Ярославича описаны их мучения, которым они подвергались по указанию великого князя. Еще одной общей чертой между описанием казни этих людей в Ермолинской летописи и в Летописи Авраамки является указание на удивление, которое она вызвала. При этом в Ермолинской летописи отмечалось, что страшно удивлены и испуганы были видевшие это московские люди. «Множество же народа, видящи сиа, отъ боляръ и от купецъ великихъ, и отъ священниковъ и отъ простыхъ людей, во мнозе быша ужасе и удивлении, и жалостно зрение, яко всехъ убо очеса бяху слезъ исполнени, яко николи же таковая ни слышаша, ниже видеша в Русскихъ князехъ бываемо»², — отмечалось в летописи. Несколько по-иному это удивление отмечено в Летописи Авраамки, где более заметны религиозные мотивы. Так, причина жестокой казни, согласно этой летописи состояла «отъ дьявольскаго наущения», в результате которого «некий человекъ... навади князю Василью Васильевичу за друголюбныя съветники». Но даже дьявол, писал летописец, «видевъ тую кровь друголюбную..., и въздрогнувъся въспоманувъ убо от оной крови огня, и сея убося злый пронырливый»³. Упоминание об ужасе москвичей в Ермолинской летописи не случайно. Летопись принадлежала купцу В. Д. Ермолину, и фрагмент ее отражал мнение о событиях зажиточных горожан. В Летописи Авраамки представлен в большей мере взгляд провинциального духовенства. В обеих летописях подчеркивается, что погибшие служилые люди пострадали за верность своему князю. На это прямо указывается в Летописи Авраамки, где отмечается, что они после ареста князя Василия Ярославича были «в печали». Они вспомнили «его любовь» и готовы были, как верные вассалы, «за друга кровь излияти»⁴.

Несомненна в этих двух летописных повествованиях такая общая черта, как осуждение Василия Темного. При этом помещение сообщения о его смерти от болезни сразу же за рассказом о расправе с серпуховско-боровскими служилыми людьми, в соответствии с логической цепью причинно-следственной связи, близко к средневековой теории казней божьих. Такая казнь могла последовать за грехи⁵, а действия Василия II описаны как явный грех. В качестве такого греха выступала описанная невиданная ранее расправа, и особенно в период великого поста. Еще одним грехом, на который указано в Летописи Авраамки, было то, что он «и отцемъ духовнымъ не велель приступати» к казненным⁶.

С другой политической позиции расправа великокняжеской власти со своими противниками из числа удельных князей прослеживается в дополнениях из официального летописания к Никоновскому летописному своду. Это относится прежде всего к рассказу о выступлении князя Андрея Ивановича и его аресте в 1537 г. В этом литературном повествовании оправдываются и обосновываются все действия правительства Елены Глинской против удельного старицкого князя. По сюжету рассказа, князь Андрей был недоволен тем, что после смерти Василия III малолетний великий князь и его мать, Елена Глинская, «не придали ему городовъ къ его отчине», которой была Старица, хотя, как указано в летописи, он вообще-то получал от великокняжеской власти «шубы, и кубкы, и кони иноходцы въ седлехъ». Его недовольство усиливали некие «лихие люди», которые говорили «на великого князя, что хочеть его князь

¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 804, 814.

² Ермолинская летопись / ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 157.

³ Летопись Авраамки / ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. 208.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 50–61.

⁶ Летопись Авраамки. С. 208.



велики поимати». Но также «лихие люди» «навадиша на князя Ондреи великому князю»⁷. На встрече князя Андрея с великим князем и его матерью ему было сказано «крепкое... слово», что ему ничего не угрожает, и он был отпущен «въ его отчину съ великимъ потешениемъ»⁸. Но подозрения у князя Андрея не исчезли. Поэтому, когда он должен был явиться по призыву великого князя «для дела Казанского», он не явился, опасаясь ареста, и сослался на болезнь. Далее рассказывается, что князь Андрей решил бежать к Новгороду и в этом городе «засести». Он писал грамоты «къ великого князя г детемъ боярьскимъ помещикомъ да и по погостомъ посылать». Обращаясь к ним, он писал, что «князь великий малъ, а держать государство бояре, и вам у кого служити? и язъ вась радъ жаловати». По этим грамотам к нему отъезжали «иные дети боярские»⁹. Против князя Андрея были двинуты значительные силы во главе с князем Иваном Овчиной Оболенским. С ним князь Андрей вступил в переговоры, и князь Овчина в ходе переговоров ему «правду далъ», и с ним вместе «на Москву поехалъ»¹⁰. Но за эти переговоры и за данную князю Андрею «правду» на князя Ивана Овчину в Москве «словесную опалу великую положили», поскольку он на это не был уполномочен. Князя Андрея же «велели поимати и въ полату посадити, и тягость на него положили». В заключение повествования говорится о казнях, которым были подвергнуты бояре старицкого князя и «дети боярские великого князя помещики Наугородцкие»¹¹, которые перешли к князю Андрею.

Подчеркивая роль, которые сыграли в выступлении старицкого князя «лихие люди», летописец проводил мысль о том, что действовал князь Андрей на основании их ложных известий. Кроме того, упоминание о стремлении его «Новъгородъ засесть» обращалось к исторической памяти читателя ко временам династической войны, когда на завершающем ее этапе князь Дмитрий Шемяка также стремился закрепиться в Новгороде. Не должны были вызывать сочувствия казненные новгородские «дети боярские» и «помещики», поскольку они были великокняжескими людьми и перешли на сторону противника великокняжеской власти. Напротив, подчеркивается, что у великого князя и у Елены Глинской «на князя на Ондрея лиха въ сердци неть никоторого»¹², и только лишь прямое выступление этого князя заставило великокняжескую власть действовать против него. Уровень этого пространного повествования как литературного произведения в составе Никоновской летописи ниже, чем у кратких повествований Ермолинской летописи и Летописи Авраамки о гибели служилых людей князя Василия Ярославича. Это заметно из того, что оно в большей степени похоже на документальное повествование и не может вызвать эмоций читателя, как это характерно для литературного произведения и как это вызывалось краткими рассказами Ермолинской летописи и Летописи Авраамки.

В этом отношении оно не может идти в сравнение с произведением князя А. М. Курбского «История о великом князе московском», написанном в 1573 г. и сочитающим в себе черты документального повествования, художественности и яркой политической публицистики. В этом произведении единого событийного сюжета нет. В нем имеет место литературная обработка авторской политической идеи, согласно которой власть Ивана IV была не только тиранической, но и несправедливой с церковной точки зрения, а появилась такая власть не только вследствие козней дьявола, но и потому, что она произошла от столь же несправедливых предков Ивана Грозного,

⁷ Патриаршая, или Никоновская летопись / ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 91.

⁸ Там же. С. 92.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Там же. С. 92.

великих князей московских. Вместе с тем он не исключал активного вмешательства дьявольских погусторонних сил. Поэтому общая политическая концепция Курбского сочетала в себе как черты средневекового представления о предопределенности исторических событий вмешательством свыше, которое могло быть как со стороны Бога, так и со стороны дьявола, и черты рационалистического, нового мышления, в котором ход истории ставился в зависимость от человека. Умелое использование Курбским художественных приемов позволяло этой теории приобрести яркое художественное оформление и поставило его «Историю» в ряд лучших произведений русской средневековой литературы.

Художественным приемом, который глубоко воздействовал на сознание и воображение читателя, было сравнение Ивана Грозного с новозаветным царем Иродом, в котором в средневековом христианском сознании воплощался образ кровавого царя. По словам Курбского, «Иоанново прелюбие» — это «Иродова лютость»¹³. В самом деле, Ирод «осквернил церковь, иерейство отнял». Так же сделал и Грозный, однако «иерейство» «не Иоанъна Крестителя, но Филиппа архиепископа». И если Ирод — это «мучитель граждан, воинъвъ разбойник <...> друговъ спустошитль», то великий князь московский — «домовых грабитель и убийца», который совершал «всѣя святоруские земли с кроmeshники твоими спустошения»¹⁴. Упоминание об опричниках-кроmeshниках было взято из живой речи. Уже современники знали, что это слово обозначало самые темные силы зла, кроmeshную тьму¹⁵, и в этой связи также представляло сильный художественный прием, делавший образ опричника как злодея хорошо понятным и осязаемым русскому читателю.

Еще одним художественным приемом Курбского было противопоставление. Оно строилось на контрасте между Грозным и одним из наиболее ярких представителей знати, выдающимся полководцем, князем М. И. Воротынским, который также погиб по злой воле царя. Для полководца и победителя крымской Орды хана Девлет Гирея в 1572 г. князь находил самые возвышенные характеристики. Он, по его словам, «славный между княжаты русскими», «муж крепки, и мужественной, в полкоустроениях зело искусны». Царя же, бежавшего в 1572 г. при приближении хана в Новгород, он характеризовал в качестве «нашего хороняки и бегуна»¹⁶, используя экспрессивное существительное «бегун» в том же смысле, как в 1480 г. архиепископ Вассиан Рыло использовал его в отношении Ивана III¹⁷, думавшего об отступлении с Угры. Помимо упоминания об убиении М. И. Воротынского, Курбский приводит целый мартиролог княжат, погибших по повелению Грозного.

Курбский обвинял Ивана Грозного в очень тяжких грехах. Помимо убийства представителей высшей знати и бегства от хана вместо защиты своей столицы, он предъявлял ему обвинение в чародействе. Для Грозного связь с чародейством и колдовством была, по мнению Курбского, не случайна. Он отмечал, что еще Василий III в заботе о наследнике, «сам старъ будучи, искалъ черовников презлых отовсюду, да помогут

¹³ Курбский А. История о великом князе московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 320.

¹⁴ Там же. С. 322.

¹⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В. О. Сочинения в 8-ми т. М., 1957. Т. 2. С. 179.

¹⁶ Курбский А. История о великом князе московском. С. 336.

¹⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках. С. 880; Рудаков В. Н. Представление о зависимости от Орды в эпоху Стояния на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: мат-лы Всерос. с междунар. участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 308-309.

ему ко плодотворению». Грозный, по его словам, родился «за помощью ихъ от прескверныхъ семян, по произволению презлому, а не по естеству, от Бога вложенному». Поэтому неудивительно было, что рожденный таким образом царь «и Нерона презлаго превзыде лютостию и различными нисповедимыми сквернами»¹⁸. Он сравнивал царя с язычниками, поклонявшимися «пред Афродитовым болваномъ блудотворения и нечистоты» и «Бахусову ... поставленному болвану»¹⁹. Упоминание новозаветного образа царя Ирода и античных образов делало текст Курбского понятным и интересным образованному русскому читателю позднего средневековья. Такие сравнения позволяли еще более поднять интерес к содержанию произведения. Они делали еще более понятными характеристики Грозного, который сравнивался с этими известными образами, служившими в европейской культуре своего рода символами и эталонами, широко используемыми в литературе. Они позволяли воспринимать как единое целое обвинения царя в связи с чародеями и колдунами, в блуде и пьянстве и в кровавых злодеяниях, подобных тому, что творил император Нерон и царь Ирод.

Вместе с тем такой литературный ряд, восходящий к античным образам, давал Курбскому возможность для более убедительного обоснования его основной мысли, согласно которой Иван Грозный не мог называться христианским государем. Он утверждал и внедрял в сознание возможного русского читателя мысль, что Грозный был не кто иной, как «мучитель прелютый», воспринявший у языческих царей, «у мучителей древних различного орудия мучений». В самом деле, разве у него, задавал князь риторический вопрос, «не скавароды ли и печи», «не клещи ли раждежные»? Разве у него «не игол ли за ногти биение и резание по составом, не претрения ли вервми наполю не токмо муж, но и женъ благородныхъ, и другие бесчисленные и неслыханные роды мукъ»? Для самого Курбского прямая преемственность между античными императорами, тиранами-язычниками, образы которых были широко представлены в средневековой европейской литературе, и царем Иваном Грозным была очевидной.

Несомненно расхождение между произведением князя Курбского и теорией благой тирании, распространенной в европейской культуре со времени Н. Макиавелли, а свое литературное выражение получившей в разных вариантах повестей о Дракуле. Художественному образу тирана Дракулы, ради справедливости и искоренения зла использовавшего террор в управлении государством²⁰, Курбский противопоставил образ царя-тирана несправедливого, террор которого вызывался его личной прихотью. Яркий и сильный образ царя-тирана Ивана Грозного, созданный Курбским, соответствовал восприятию этого царя в странах Европы, о чем свидетельствуют изображения его в качестве лютого зверя на троне или впечатляющее изображение опричных казней. В произведении Курбского содержалась сильнейшая литературная антитеза теории благой тирании.

Примерно через сотню с четвертью лет после написания князем А. М. Курбским своей «Истории о великом князе московском» в русской общественной мысли появляется теория «Петр — царь-антихрист», которую сформулировал около 1700 г. Г. Талицкий и которая была воспринята некоторой частью общества уже после гибели Талицкого. Сочинения Талицкого до нас не дошли. Едва ли Талицкий был знаком с произведением князя Курбского о великом князе московском. Но идейное сходство между этим произведением и более поздними произведениями Талицкого с теорией царя-антихриста очевидно. После появления произведения Курбского подобная

¹⁸ Курбский А. История о великом князе московском. С. 340.

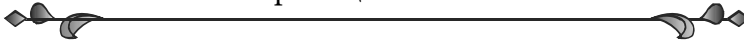
¹⁹ Там же. С. 394.

²⁰ Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 108.

теория носилась в воздухе, а русское общество было готово к ее восприятию. И несомненно, что художественная форма и литературные достоинства произведения могли способствовать утверждению этой теории в России задолго до Петра I и Г. Талицкого. Своим произведением князь А. М. Курбский как бы завершал тему княжеских репрессий, получившую в русской литературе распространение со второй половины XV в., и открывал новую тему русской литературы и общественной мысли, тему самодержавной тирании и несправедливой власти царя, действия которой расходились с христианскими законами и установлениями.

Источники и литература

1. Ермолинская летопись / ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23.
2. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2 // *Ключевский В. О.* Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2.
3. *Курбский А.* История о великом князе московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1986. С. 218-399.
4. Летопись Авраамки / ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.
5. *Мильков В. В.* Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Патриаршая, или Никоновская летопись / ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 13.
7. *Рудаков В. Н.* Представление о зависимости от Орды в эпоху Стояния на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г., Калуга) / отв. редакторы И. Н. Берговская, В. Д. Назаров. Калуга: Издатель Захаров С. И. («СерНа»), 2017. С. 307-320.
8. *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960.



DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10032

Петрушко В. И.

**Проект поставления архиепископа Дионисия Суздальского
на Киевскую митрополию
в контексте московско-литовских отношений**

Взаимоотношения между высшей государственной и церковной властями в Древней Руси в 1370-е — 1380-е гг. не слишком часто привлекают внимание историков. В некоторой мере эта тема затронута в работе Б. В. Кричевского «Митрополичья власть в средневековой Руси»¹, не будучи при этом самостоятельным предметом исследования. В большей степени указанной темы касался в своем труде «Византия и Московская Русь»² протопресвитер Иоанн Мейендорф. Однако, исследователь настолько был склонен рассматривать указанную тему сквозь призму византийско-русских церковных и политических связей, что одним ведущих из элементов обрисованной им «греко-центричной» картины церковной жизни Руси эпохи Дмитрия Донского становится «московский сепаратизм». С подобной трактовкой, которая, как представляется, в известной степени несет на себе печать юрисдикционных споров XX в., трудно согласиться.

Проблема государственно-церковных отношений в правление великого князя Дмитрия Ивановича в наибольшей степени нашла отражение в работе Г. М. Прохорова «Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе»³. Первое ее издание увидело свет в 1978 г. В предисловии ко второму изданию этой книги, вышедшему в 2000 г., автор подчеркнул «Нужды что-либо изменить в ней — за исключением поправки и добавки некоторых мелочей — я до сих пор не увидел»⁴. Между тем, далеко не со всеми выводами, содержащимися в указанной работе можно согласиться. В частности, представляется, что Г. М. Прохоров, как и прот. Иоанн Мейендорф, склонен преувеличивать политическое воздействие Византии на Древнюю Русь в указанный период и, напротив, недооценивает влияние сложных и весьма переменчивых московско-литовских отношений на церковные дела. Также приписывая великому князю Московскому стремление исходить преимущественно из интересов Великой Руси — в ущерб общерусским, исследователь не находит внятного объяснения многим действиям Дмитрия Донского. В частности, это касается решения великого князя заменить на Русской митрополии Пимена святителем Дионисием Суздальским.

* * *

После того, как была одержана победа на Куликовом поле, в Москве стало известно о том, что направленный великим князем Дмитрием Донским в Константинополь на поставление на митрополию Михаил Митяй умер, а вместо него митрополитом

¹ Кричевский Б. В. Митрополичья власть в средневековой Руси. СПб., 2003.

² Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке // Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 337-574.

³ Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000.

⁴ Там же. С. 6.

на Великую Русь патриарх Нил поставил Пимена. Его выдвижение на митрополию без ведома великого князя предприняло московское посольство в столице Византии. Как и следовало ожидать, самовольство московских посланцев и гигантские долги, в которые Пимен влез от имени Дмитрия Ивановича, чтобы раздавать взятки византийским церковным и придворным чиновникам, вызвали гнев великого князя. Он не только отказался признать Пимена митрополитом (как, впрочем, и сделанные им долги), но и пошел на прежде немыслимую меру — призвал из Литвы Киприана, чтобы тот принял на себя управление и великорусской частью Киевской митрополии⁵.

Признать митрополитом Киприана, прежде столь нелюбимого Дмитрием Ивановичем, великого князя побудили не только скандальные обстоятельства поставления Пимена. После Куликовской битвы Москва усилилась, и возможность литовско-ордынского союза при Тохтамыше уже не выглядела столь реальной, как при Мамае. Дмитрий Иванович, похоже, теперь уже не опасался, что митрополит Киприан, находясь в Москве, будет выступать как проводник влияния Литвы, где после кончины Ольгерда между его сыновьями, братьями и племянниками сложились весьма сложные отношения. В таких условиях многие литовские князья, недовольные политикой ставшего великим князем Литовским Ягайло, искали поддержки в Москве. Братья Ягайло — князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи — во главе своих дружин участвовали в Куликовской битве. Ведущим московским воеводой стал князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский — также один из главных героев Куликовской битвы⁶. Высказывалось мнение, что к появлению в Москве служилых литовских князей был причастен Киприан, что повлияло на перемену в отношении к нему Дмитрия Донского⁷.

23 мая 1381 г. митрополит Киприан торжественно въехал в Москву⁸. Уже в 1381 г. он завершил работу над Пространной редакцией жития св. митрополита Петра⁹. Этот труд был призван засвидетельствовать, что Киприан полностью разделяет характер государственно-церковных отношений, сформировавшихся на Руси трудами его предшественников — святителей Петра, Феогноста и Алексия. Митрополит Киприан своим книжным трудом фактически декларировал продолжение и развитие промосковского курса первосвятителей предшествующей эпохи. Это, безусловно, способствовало тому, что между Киприаном и Дмитрием Донским, несмотря на былую неприязнь, постепенно стали складываться вполне конструктивные отношения.

На этом фоне появление в Москве митрополита Пимена, наконец-то решившегося вернуться домой, было воспринято Дмитрием Ивановичем резко негативно. Когда осенью 1381 г. Пимен уже достиг Коломны и собирался въехать в Москву, по приказу великого князя он был задержан и взят под стражу: «Сняша с него клобук белый с главы его и розведоша около его дружину его и думци его и клиросници его, отъяша от него и ризницу его, и приставиша к нему некоего боярина именем Ивана сына Григориева Чюровича, нарицаемого Драницу». Вскоре Пимен был отправлен «в изгнание и в заточение»¹⁰.

Первое пребывание митрополита Киприана в Москве оказалось непродолжительным — на отношениях великого князя и митрополита вскоре вновь драматически

⁵ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 199, 206.

⁶ Этот не имевший собственного удела князь, скорее всего, принадлежал к числу измелъчавших потомков Даниила Галицкого или Гедимины Литовского.

⁷ См.: *Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987. С. 124, 128-129.

⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 199, 206; Т. 35. М., 1980. С. 50.

⁹ *Прохоров Г. М.* Житие митрополита Петра // СККДР Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 163-166.

¹⁰ *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 454-455.



отразилось обострение русско-ордынских отношений, в результате которого итоги Куликовской битвы, по сути, были сведены на нет. Летом 1382 г. вновь объединивший Орду под своей властью Тохтамыш начал поход на Москву. Дмитрий Донской, не имея сил для сражения с ордынцами, был вынужден покинуть Москву и уехать в Кострому, чтобы собрать войско. Великий князь был уверен, что белокаменный Кремль Москвы выстоит, — он оставил в городе свою супругу великую княгиню Евдокию Дмитриевну и детей. В Москве также оставался митрополит Киприан, на помощь которого в организации обороны города Дмитрий рассчитывал. Но в отсутствие великого князя в Москве в августе 1382 г. наступила анархия, начались массовые беспорядки¹¹. В такой ситуации великая княгиня Евдокия с детьми и митрополит Киприан решили покинуть город, оборонять который, с учетом охватившего москвичей настроения, было невозможно. Митрополит уехал туда, где ордынцы точно не могли появиться, — во враждебную Москве Тверь¹².

После взятия и сожжения Москвы Тохтамышем давний недруг Дмитрия Донского Тверской князь Михаил Александрович решил воспользоваться обстоятельствами и уже в начале осени 1382 г. тайком поехал в Орду в надежде заполучить ярлык на великое княжение Владимирское¹³. Это дало Дмитрию Ивановичу повод усмотреть в отъезде митрополита Киприана в Тверь во время осады Москвы не просто попытку спасти свою жизнь, но новую интригу против Московского князя с участием Твери и, возможно, Литвы. 7 октября 1382 г. Киприан вернулся в Москву¹⁴, но вскоре был выслан по приказу Дмитрия Донского в Литву. Киприан вернулся в Киев, после чего вновь возник «мятежь во митрополии»¹⁵. Вторичное изгнание митрополита Киприана из Москвы неожиданно возродило из политического небытия фигуру Пимена. В конце 1382 г., сразу же после отъезда Киприана в Литву, Дмитрий Донской «послалъ по Пумина по митрополита». Великокняжеские послы привели «его изъ заточения къ себе на Москву и приа его съ честию и съ любовию на митрополию»¹⁶.

Усиление Орды закономерно заставило Дмитрия Донского искать союза с Литвой. В 1383 г. при посредничестве вдовы Ольгерда — княгини Иулиании Александровны Тверской Дмитрий Иванович заключил союз с ее сыновьями — великим князем Литовским Ягайлом и его братьями Скиргайлом-Иоанном и Корибутом-Димитрием. Ягайло обязался вступить в брак с дочерью Дмитрия Ивановича, принять Православие и распространить его в Литве¹⁷.

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 207.

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 207, 210; Т. 35. С. 50.

¹³ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 425. Осенью 1382 г. Тохтамыш вызвал Дмитрия Донского в Орду, потребовав от великого князя немедленной уплаты дани. Дмитрий Иванович справедливо опасался, что в Орде его могут казнить. Поэтому сам к Тохтамышу он не поехал, а направил к нему весной 1383 г. своего 11-летнего сына и наследника Василия Дмитриевича, которого сопровождали видные московские бояре. Московское посольство привезло хану дань — 8 000 гривен серебра. Такое изъявление покорности удовлетворило Тохтамыша, и он, сочтя, что уже достаточно наказал и смирил Москву, не стал поддерживать притязания Михаила Александровича Тверского на великое княжение, оставив его за Дмитрием Донским. Его послушание хану должен был гарантировать оставленный Тохтамышем в качестве заложника в Орде Василий Дмитриевич.

¹⁴ Митрополита Киприана привезли в Москву великокняжеские бояре С. Т. Валуев и М. И. Морозов, которых направил в Тверь за митрополитом Дмитрий Иванович (ПСРЛ. Т. 25. С. 210).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 35. С. 50.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Ч. 1. Стб. 147.

¹⁷ Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 2. М., 1977. С. 34-35; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Ч. 1. С. 50-51.

Эти события совпали по времени с возвращением из Константинополя на Русь зимой 1382–1383 гг. Дионисия Суздальского. Он прибыл из Византии удостоенным от патриарха Константинопольского сана архиепископа¹⁸ и права ношения крещатой фелони: «Исправи себе архиепископию у патриарха у Нила и сущимъ по себе епископомъ в томъ пределе, в Суздали и в Новгороде и на Городци; и дасть ему патриархъ и весь вселеньский соборъ фелонь с четырьми кресты»¹⁹. Кроме того, Дионисий прибыл на Русь не только как архиепископ, но и как патриарший экзарх. После такого триумфа Дионисий уже мог не опасаться немилости со стороны Дмитрия Донского за то, что некогда он наиболее решительно оспорил попытку Дмитрия Ивановича добиться поставления на митрополию Михаила-Митяя. Впрочем, история с Митяем после Куликовской битвы и Тохтамышева нашествия, вероятно, вообще уже выглядела как событие из давно минувшего прошлого.

В качестве патриаршего экзарха архиепископ Дионисий побывал в Пскове и Великом Новгороде и лишь после этого поехал в свою Суздальско-Нижегородскую епархию²⁰. В Псков и Новгород Дионисий был направлен, прежде всего, для борьбы с еретиками стригольниками. Архиепископ Дионисий привез патриаршие послания псковичам²¹ и новгородцам²², касавшиеся проблемы борьбы с еретиками. Кроме того, экзарх пытался решить проблему введения общежительного устава в псковских монастырях, в числе которых была Снеготорская обитель. Архиепископ Дионисий на правах патриаршего экзарха обязал Снеготорскую братию соблюдать правила общежительствия под угрозой отлучения от Церкви²³. Эти меры способствовали тому, что за Дионисием закрепилась репутация одного из наиболее ярких и авторитетных иерархов Русской Церкви.

Очевидно, что великий князь Дмитрий Донской согласился на возвращение митрополита Пимена из ссылки только как на лучший вариант из худших, предпочтя его еще более нелюбимому им Киприану. Но отношение великого князя к Пимену не сильно отличалось от тех чувств, которые он питал к Киприану, особенно после того, как Дмитрий Иванович узнал от Дионисия Суздальского скандальные подробности поставления Пимена на митрополию.

Вскоре великий князь решает направить в Константинополь на поставление митрополитом вместо Пимена только что вернувшегося оттуда архиепископа Дионисия²⁴. В новой поездке в Византию его сопровождал игумен Феодор Симоновский. Архиепископ Дионисий и игумен Феодор к концу лета 1383 г. прибыли в Константинополь для обсуждения с патриархом Нилом вопроса «о управлении митрополю Русские»²⁵.

Истинная цель второй поездки святителя Дионисия Суздальского в Константинополь, судя по всему, держалась в тайне. Во всяком случае, открыто о Дионисии

¹⁸ В грамоте Константинопольского патриарха Нила о возведении Дионисия в сан архиепископа о нем говорилось как о подвижнике-аскете и знатке Священного Писания и канонов (РИБ. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1908. № 23. Стб. 199-204).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 210-211.

²⁰ Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 379.

²¹ РФА. М., 2008. № 119. С. 399-402.

²² РИБ. Т. 6. Ч. 1. Прил. № 31. Стб. 183-188. В грамоте также шла речь о пошлинах, взимаемых с церковных ставленников.

²³ Грамота архиепископа Дионисия псковскому Снеготорскому Рождества Богородицы монастырю датирована февралем 1383 г. (РФА. № 132. С. 479-481).

²⁴ См. подробнее: Булычев А. А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 87-121.

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. Стб. 148; ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

как будущем митрополите в Москве не говорили, а Пимен в это время продолжал исполнять обязанности митрополита. Так, зимой 1383–1384 гг. он совершил в Москве поставление инок Троице-Сергиева монастыря Михаила во епископа Смоленского²⁶. Поставление Михаила на Смоленскую кафедру свидетельствует о том, что Пимена признавали законным митрополитом не только на территории, непосредственно подчиненной Дмитрию Донскому, но и в других княжествах, в политическом отношении тяготевавших к Москве²⁷. Тогда же митрополит Пимен рукоположил выдающегося миссионера и просветителя коми-зырян Стефана Храпа, постриженника Ростовского монастыря св. Григория Богослова «в Затворе», во епископа Великопермского²⁸.

Поездка архиепископа Дионисия в Константинополь в 1383 г., как можно думать, была обусловлена не только и не столько неприязнью, которую великий князь Дмитрий Иванович питал к митрополиту Пимену. В гораздо большей степени ее причиной можно считать вышеупомянутое политическое соглашение, заключенное между Дмитрием Донским и Ягайло Литовским. Вероятно, великие князья Московский и Литовский достигли договоренности об одновременном устранении Пимена и Киприана и возведении на общерусский митрополичий престол нового общего ставленника, который не был бы причастен к церковным интригам предшествовавшего времени. Судя по всему, святитель Дионисий ехал в Константинополь в качестве кандидата обоих великих князей — Московского и Литовского, о чем может свидетельствовать его последующий визит в Киев в качестве новопоставленного митрополита. В этой связи следует отметить, что поставленный лишь на великорусскую часть митрополии Пимен такого традиционного первосвятительского визита в Киев по приезду на Русь не совершал.

Архиепископ Дионисий привез из Москвы в Константинополь письма, содержавшие обвинения в адрес митрополита Пимена. Феодор Симоновский сообщил патриарху о просьбе великого князя Дмитрия Ивановича низложить митрополита Пимена и поставить на его место Дионисия. В марте 1384 г. патриарх Константинопольский Нил поставил Дионисия митрополитом Киевским и всея Руси²⁹, не слишком смущаясь тем, что ранее он же возвел на митрополичью кафедру Пимена. При этом поставление Дионисия митрополитом не сопровождалось низложением Пимена и Киприана, что по вине Константинополя создавало в Русской Церкви довольно абсурдную в каноническом плане ситуацию, урегулировать которую было весьма сложно.

В конце весны 1384 г. митрополит Дионисий прибыл в Киев. В древнерусских литературных памятниках об этом святителе нередко говорят как об уроженце Киева и постриженнике Киево-Печерского монастыря³⁰. Возможно, что именно данное обстоятельство могло повлиять на то, что Дионисий стал общим кандидатом в митрополиты как великого князя Дмитрия Донского, так и Ягайло Литовского. Позднее, в 1432 г., имела место схожая ситуация, когда великий князь Литовский Свидригайло направил на поставление в Константинополь в качестве своего кандидата на Русскую митрополию Смоленского епископа Герасима, москвича по происхождению³¹. Данное обстоятельство, вероятно, по мысли великого князя Литовского, могло способствовать признанию

²⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

²⁷ Князь Юрий Смоленский был в то время союзником великого князя Дмитрия Донского.

²⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

²⁹ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 149; Т. 25. С. 211.

³⁰ В этом, однако, выражают сомнение некоторые современные исследователи (Флоря Б. Н. Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 233-237; Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С. Дионисий, свт., архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241-246).

³¹ ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 419-420.

Герасима митрополитом в великорусских епархиях. Не исключено, что выбор московского уроженца Герасима в качестве кандидата на митрополию был своего рода аллюзией на поставление общерусским митрополитом Дионисия полувеком ранее.

Если Дионисий действительно был киевлянином, то не приходится удивляться тому, что свой первый визит в качестве митрополита Киевского и всея Руси он предпринял на свою родину. Но даже если Киев не был для Дионисия родным городом, его приезд сюда можно объяснить необходимостью заявить о своих правах на Киевский митрополичий престол в качестве единого предстоятеля Русской Церкви и перенести Киприану вызов явиться в Константинополь на суд патриарха.

Однако решение Дионисия посетить Киев в итоге стоило ему не только митрополичьей кафедры, но и жизни. К этому времени резко изменились отношения между Москвой и Литвой. Реализация соглашения между Ягайло и Дмитрием Донским была чревата для Великого княжества Литовского усилением в нем московского влияния и, в конечном счете, его растворением в составе единой Руси. Литовская знать предпочла такому развитию событий другое выгодное политическое предложение — союз с Польшей, направленный как против общего врага — Тевтонского ордена, так и на расширение литовской экспансии на восток. Поскольку в Польше вымерла национальная королевская династия Пястов, престол перешел к представительнице венгерской линии Анжу-Капетингов — Ядвиге. Ягайло было предложено вступить с ней в брак и стать Польским королем, сохранив за собой и великое княжение Литовское. Разумеется, условием такого договора было принятие самим Ягайло и литовскими язычниками католицизма, а не Православия, как планировалось ранее. Литовский великий князь считал предложение поляков более заманчивым, чем союз с Москвой, который в итоге был им расторгнут.

По этой причине княживший в Киеве брат Ягайло, Владимир Ольгердович, отказался подчиниться решению патриарха Константинопольского Нила о смещении Киприана и поставлении на митрополию Дионисия. Амбициозный Киевский князь упрекнул святителя Дионисия в том, что он «пошелъ еси на митрополию въ Царьградъ» без его «повеления». Владимир Ольгердович приказал заточить митрополита Дионисия в тюрьму³², где он «такъ пребысть в заточении в нятыи и до смерти»³³. Сообщая о заточении и смерти святителя Дионисия в Киеве³⁴, Никоновская летопись отмечает, что в момент прихода Дионисия Суздальского в Киев «тогда бысть въ Киеве митрополитъ Киприанъ». В свою очередь, князь Владимир Ольгердович также заявил, что «се бо на Киеве есть митрополитъ Киприанъ, и той есть всей Руси митрополитъ; пребуди убо zde седа въ Киеве»³⁵.

Делу о низложении митрополита Пимена в Константинополе был дан ход. Для расследования выдвинутых против него обвинений в Москву прибыли два греческих митрополита Матфей и Никандр, а «с ними архиѡдякони и прочии сановници». Они нашли претензии к митрополиту Пимену обоснованными и по поручению

³² ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 149-151; Т. 25. С. 211.

³³ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

³⁴ Скончавшийся «въ нятие и въ заточении» 15 октября 1385 г. (то есть спустя полтора года после ареста; ПСРЛ. Т. 25. С. 212) митрополит Дионисий был похоронен в Антониевых (Ближних) пещерах Киево-Печерского монастыря. В сообщении Рогожского летописца (1440-е гг.) о мощах св. Дионисия в Киеве говорится, что «есть тело его и доньне цело и нетленно» (ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 151), что свидетельствует о рано начавшемся почитании Суздальского святителя. По-видимому, спустя некоторое время мощи св. Дионисия были перенесены из Киево-Печерского монастыря в Нижний Новгород (Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С. Дионисий, свт., архиеп. Суздальский. С. 241-246).

³⁵ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 85.



патриарха Нила вызвали его на суд³⁶. 9 мая 1385 г. Пимен был вынужден отправиться в Константинополь³⁷. Летом 1386 г. по приказу великого князя Дмитрия Донского туда же вновь поехал архимандрит Феодор Симоновский «о управленьи митрополии»³⁸. Феодор опять выступил в качестве обвинителя Пимена. Не исключено, что визит Симоновского архимандрита к патриарху был связан с тем, что Византию также посетил митрополит Киприан³⁹. Последнему, похоже, стало известно о проблемах Пимена, что вновь вселило в него надежду на поставление во главе всей Русской Церкви.

Интересно отметить, что летом 1386 г. также состоялась поездка в Константинополь архимандрита Нижегородского Печерского монастыря Евфросина «на поставление епископы Суздальский»⁴⁰. Поставление Суздальского архиерея не у митрополита, а непосредственно у патриарха могло иметь две причины: как отсутствие Пимена в Москве, так и отказ признавать его законным митрополитом.

Между тем, позиция великого князя Дмитрия Ивановича по вопросу о том, кого признавать Русским митрополитом, оставалась неопределенной. С одной стороны, он явно хотел избавиться от Пимена, с другой — не выказывал при этом настойчивости. Не демонстрировал он и намерения примириться с Киприаном. Но одновременно Дмитрий Донской не предлагал Константинопольскому патриарху какого-либо нового кандидата в митрополиты. Скорее всего, великому князю в то время просто было не до того, чтобы последовательно решать вопрос о новом предстоятеле Русской Церкви, так как в его отношениях с Великим княжеством Литовским наступили драматические перемены. Проект сближения с Ягайло не просто рухнул — альтернативой ему стал литовско-польский союз, угрожавший распространить власть Литовских государей на северо-восточные русские земли.

14 августа 1385 г. в замке Крево⁴¹ была заключена т. н. Кревская уния — соглашение, по которому великий князь Литовский Ягайло обязывался жениться на наследнице Польской короны Ядвиге, дочери Людовика I Анжуйского, короля Венгрии и Польши, и вступить на Польский королевский престол. Ягайло, уже бывший к этому времени православным⁴², обязался вместе со своими литовскими подданными-язычниками принять католичество. Он также обещал «навечно присоединить к Короне Польского королевства свои земли Литвы и Руси»⁴³. Исполняя Кревский договор, Ягайло вместе с родственными ему другими литовскими князьями 15 февраля 1386 г. принял католичество. Церемония состоялась в кафедральном костеле королевского Вавельского замка в Кракове. Ягайло крестился заново, приняв в католичестве имя Владислав. 18 февраля был заключен его брак с Ядвигой, а 4 марта состоялась коронация нового Польского короля⁴⁴.

В 1387 г. вслед за своим государем литовцы приняли католичество⁴⁵. В феврале 1387 г. была основана римско-католическая епископская кафедра в Вильно. Ее юрисдикция была распространена не только на литовские, но и на белорусские земли

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

³⁷ Там же. С. 212; Т. 35. С. 50.

³⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 212.

³⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 50.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 212.

⁴¹ Ныне на территории Гродненской области Белоруссии.

⁴² В православном крещении Ягайло получил имя Иаков.

⁴³ *Akta unji Polski z Litwą*. Kraków, 1932, Nr 1, s. 2.

⁴⁴ См. подробнее: *Смирнов М.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. Одесса, 1868.

⁴⁵ Сначала приняла католичество литовская знать, собравшаяся в Вильно, позднее, во время объезда страны королем, был крещен и простой народ.

Великого княжества Литовского, что сразу придало ее деятельности характер прозелитизма среди православных русинов. Король Владислав Ягайло наделил Виленский диоцез крупными земельными владениями и привилегиями: римско-католическая епархия была освобождена от выплаты налогов, получила полноту судебной власти над новокрещеными литовцами. В Литве были заложены первые католические храмы, литовские бояре-католики получили имущественные и иные привилегии (в том числе — право пользоваться гербами), а виленские горожане-католики — привилегией на Магдебургское право городского самоуправления⁴⁶.

Обращение литовцев в католицизм далеко не всеми в Великом княжестве Литовском было воспринято с одобрением. Сохранилось летописное сообщение о том, что, когда Владислав Ягайло «крести Литву в Немецькую же веру, половину своего города Вильны, а два Литвина его большие крестисяа въ християнскую веру». Король «хоте ихъ крестити въ свою же веру, и не послушаша его». В ответ «король же Ягайло казни их многыми муками и смерти веде их предати»⁴⁷.

Заключение Кревской унии привело к возобновлению экспансии Литвы на восток. Весной 1386 г. литовцы разбили союзного Дмитрию Донскому Смоленского князя Святослава Ивановича. Князь Святослав погиб в сражении, и его место уже в качестве вассала великого князя Литовского занял Юрий Святославич⁴⁸. Сепаратистские настроения вспыхнули и в Великом Новгороде, жители которого установили тесные связи с Литвой. Возникла угроза перехода Новгорода под власть Владислава Ягайло. Новгородцы перестали выплачивать «княжчин» — традиционную дань великому князю Владимирскому и Московскому, полагавшуюся ему как князю Новгородскому. Новгородские ушкуйники разорили Кострому, Нижний Новгород и другие поволжские города.

Новгородский сепаратизм плавно перетек из политической сферы в церковную. В 1385 г. в Великом Новгороде состоялось вече, на котором было принято решение более не признавать верховного суда митрополита и не подавать ему апелляций на суд Новгородского владыки. высшей инстанцией церковного суда в Великом Новгороде был объявлен суд архиепископа Новгородского⁴⁹. Это соглашение было оформлено особой грамотой, скрепленной коллективной присягой новгородцев⁵⁰. Первые неудачные попытки устранить зависимость новгородской архиепископской кафедры от митрополита предпринимались еще в середине XIV в. Но лишь теперь, воспользовавшись смутными временами Русской митрополии, новгородцам удалось добиться успеха в этом вопросе.

В 1386 г. великий князь Дмитрий Донской совершил поход на Великий Новгород, в котором также участвовали войска союзных князей: Нижегородского, Городецкого, Ростовского, Ярославского, Стародубского⁵¹. Перепуганные новгородцы поспешили удовлетворить все требования великого князя⁵². Московский князь сумел сохранить положение безусловного лидера Северо-Восточной Руси. Дмитрий Иванович подтвердил это, объявив великое княжение Владимирское наследственным владением

⁴⁶ Флоря Б. Н. Владислав (Ягайло) // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 91-95.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 213.

⁴⁸ Там же. С. 213-214.

⁴⁹ Архиепископ должен был вершить суд вместе с 4 новгородскими боярами и 4 «житыми людьми».

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 342.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 212-213.

⁵² Новгородцы выплатили Дмитрию Ивановичу Донскому не только положенные «княжчины», но и компенсацию за ущерб, нанесенный его поволжским землям — 8 тысяч гривен серебра.

Московского княжеского дома. Если прежде ярлык на великое княжение даровал кому-либо из русских князей ордынский хан, то теперь Дмитрий Донской в своем завещании объявлял о передаче великого княжения своему старшему сыну Василию уже как своей наследственной вотчины⁵³.

Необходимость сосредоточиться на решении столь важных политических проблем не позволяла великому князю Дмитрию Донскому заняться решением вопроса о митрополите. В Константинополе же не торопились разбирать дело Пимена, которое могло вскрыть весьма неприглядные факты коррупции в патриархии. В конце мая 1387 г. в столице Византии все-таки состоялся церковный Собор по делу Пимена, проходивший под председательством патриарха Нила, который некогда сам же и совершил поставление Пимена на митрополию. На Собор был также вызван и митрополит Киприан. Какого-либо определенного решения Собор, как и следовало ожидать, не принял — как повод для этого греки использовали досрочный отъезд Киприана из Константинополя. Митрополита Киприана обязали в течение года вернуться в византийскую столицу, чтобы продолжить разбирательство. Одновременно Киприану было предписано, чтобы он «никоим образом не совершал ничего святительского в Великой Руси и не ходил туда»⁵⁴.

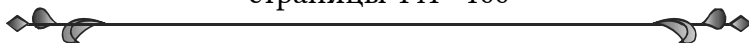
Источники и литература

1. *Akta unji Polski z Litwą*. Kraków, 1932.
2. Булычев А. А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 87-121.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.. М.; Л., 1950. № 12. С. 33-37.
4. Кричевский Б. В. Митрополичья власть в средневековой Руси. СПб., 2003.
5. Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке // Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 337-574.
6. Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.
7. Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 2. М., 1977.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 11. М., 2000.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000. Ч. 1.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 17. СПб., 1907.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
15. Присёлков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.
16. Прохоров Г. М. Житие митрополита Петра // СККДР Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 163–166.
17. Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000.

⁵³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.. М.; Л., 1950. № 12. С. 33-37.

⁵⁴ РИБ. Т. 6. Ч. 1. Прил. № 32. Стб. 189-192.

18. Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1908.
19. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008.
20. *Смирнов М.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. Одесса, 1868.
21. *Флоря Б. Н.* Владислав (Ягайло) // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 91-95.
22. *Флоря Б. Н.* Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 233-237.
23. *Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С.* Дионисий, свт., архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241-246.
24. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Ч. 1.
25. *Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987.



DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10033

Буланин Д. М.

**К изучению механизмов
«второго южнославянского влияния»
на русскую письменность**

Есть общие темы, по которым напрашиваются новые решения или хотя бы аргументированные гипотезы, но к которым нелегко подступить. Взяться за подобную тему иногда помогает частный казус. Такова тема «Второго южнославянского влияния». А предлогом для того, чтобы вернуться к обсуждению проблемы, вынесенной в заглавие работы и многократно муссировавшейся в историографии, послужила одна-единственная рукопись — РНБ, собр. Погодина, № 989. Рукопись эта, содержащая перевод шестнадцати слов Григория Богослова (литургическая коллекция) с сопроводительными статьями, в свою очередь, неоднократно привлекала внимание исследователей, прежде всего из-за находящегося в ней на л. 340 об.-343 об. пространного колофона. Колофон написан от лица переписчика — Олешки Палкина (Павлова), личности, довольно известной в истории Кирилло-Белозерского монастыря, причем окончание его работы над рассматриваемой книгой датировано 1479 г. Поскольку однако Погодинский кодекс не является автографом Олешки¹, по-видимому, мы имеем дело с копией колофона из той рукописи, которую он действительно переписал и которая послужила антиграфом для дошедшего до нас памятника. Нужно полагать, что при этом находившийся в оригинале год окончания работы Олешки был заменен копиистом Погодинской рукописи на 1479 г. В своей писцовой записи Олешка подробно рассказывает о предыстории того сборника шестнадцати слов, который он только что переписал (антиграф Погодинской рукописи): из его рассказа следует, что кодекс 1479 г. является последним звеном в целой цепочке рукописей, восходящих в конечном итоге к сборнику, привезенному «от Сербские земли» неким Кассианом Румянцевым. Если верить этой истории, прибывшая из дальних краев книга вызвала бурный восторг у всех заглядывавших в нее иноков, но непривычный языковой извод приводил их в замешательство. Никто не решался еще раз переписать фолиант, вмещающий бездну премудрости. Наконец, нашлись два старца, переселившиеся из Троице-Сергиева монастыря в Кириллов, которые, возложив надежду на Бога, «неудобь разумное исправиша и изъясниша»; они же, вероятно, изъяли из текста толкования Никиты Иракийского, сопровождавшие первые восемь слов сборника в сербском оригинале. Результатами их работы и воспользовался Олешка при изготовлении собственного списка сборника.

Колофон Олешки неизменно пользуется спросом у специалистов, которые могут из него извлечь, а отчасти уже извлекли, единственные в своем роде сведения, относящиеся к разным аспектам русской книжной культуры XV в.² Здесь, например, отыскались реминисценции из ряда архаических памятников славянской литературной

¹ Список его автографов см.: Шибавв М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодициологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 141-158.

² См., со ссылками на предшествующую литературу, по указателю в кн.: Romanchuk R. *Byzantine Hermeneutics and Pedagogy in the Russian North: Monks and Masters at the Kirillo-Belozerskii Monastery, 1397-1501*. Toronto; Buffalo; London, 2007, p. 409.

традиции. Здесь, по мнению одного из комментаторов (И. Шевченко), встречаются выражения, связывающие текст колофона с классикой греческой патристики, и присутствует, как считает ученый комментатор, даже терминологический гапак. Здесь использован довольно репрезентативный набор устойчивых образов-клише, применявшихся в их записях иными деятелями книгописной школы Кириллова монастыря, а также полюбившихся Олешке Палкину лично. Они повторяются в колофонах, которые имеются в других рукописях с его именем и переписанных его почерком. Здесь, наконец, назван поименно примерно десяток иерархов и простых иноков, подвизавшихся в разных обителях Северо-Восточной Руси, о которых из прочих источников нам известно очень мало или не известно ничего. Но самое главное — писцовая запись Олешки служит одним из редких эксплицитных указаний на то, как шел процесс Второго южнославянского влияния. В самом деле, колофон однозначно констатирует, что протограф Погодинского сборника был вывезен с Балкан, что он сразу привлек внимание русских начетчиков, хотя его сербская орфография тормозила распространение памятника, но что в итоге, после неких манипуляций с текстом, он благополучно прижился на новой почве. Мои разыскания по рецепции славянской письменностью толкований Никиты Ираклийского на литургический сборник слов Григория Богослова придают дополнительную значимость Погодинскому кодексу как источнику, в том числе находящемуся в кодексе и пересказанному только что колофону³. Дело в том, что рассматриваемая рукопись (точнее — ее протограф) отражает определенный этап в восприятии южными и восточными славянами сборника шестнадцати слов Григория Богослова с толкованиями («третья восточнославянская редакция»). Более того, по ряду признаков протографический сербский список Кассиана Румянцева стоит во главе почти всей последующей рукописной традиции сборника у восточных славян, поскольку его «третья редакция» вытеснила на периферию местной письменности значительно более раннюю «вторую редакцию». Иными словами, у нас есть текстологическое подтверждение тому, что мы вычитали в колофоне Олешки об одном-единственном прародителе для всех младших поколений восточнославянской традиции. Сама по себе твердо установленная генеалогия патристического сборника устойчивого содержания на начальном этапе его развития, притом одного из самых популярных сборников, — исключительно редкий случай в доступном нам корпусе древней славянской письменности вообще и в наборе памятников, пришедших на Русь по ходу Второго южнославянского влияния, в частности.

Держа в уме рассказ Олешки и обогатившись новыми сведениями о переходе с Балкан на Русь последней по времени южнославянской редакции сборника шестнадцати слов, сопровождаемых толкованиями Никиты Ираклийского («третья южнославянская редакция»), мы можем соотнести судьбу отдельной рукописи и представленной в ней редакции с тем, что мы знаем о сложном комплексе материальных и духовных процессов, посредством которых реализовалось Второе южнославянское влияние на русскую культуру. В частности, в этом запутанном и многоплановом явлении можно выделить и обсудить, по меньшей мере, три вопроса, прямо или косвенно отразившихся в истории Погодинского манускрипта. Первый вопрос — о типичности того способа проникновения к нам балканских книжных новинок, который имел место в случае с книгой Кассиана Румянцева. Второй вопрос — о способах графической и орфографической адаптации трансплантированных на новое место памятников южнославянской письменности. Третий вопрос — о последующей участи

³ Буланин Д. М. Мифологические толкования к словам Григория Богослова и «Шестоднев» Иоанна Экзарха // ТОДРЛ. Т. 66 (в печати).



внедрившихся в русский книжный репертуар новых переводов и новых редакций, а также об их репродуктивном потенциале. Откликаясь на каждый из трех вопросов (как, впрочем, и в отношении остальных проблем развития русской средневековой культуры), рекомендуется не смешивать объективно разворачивавшиеся события с тем, как их субъективно интерпретировали участники этих событий. Поскольку поставленные вопросы требуют подробного критического анализа, в настоящей работе мы сосредоточимся на первом — о реальных фактах, умоглядных построениях и произвольных догадках, иллюстрирующих восприятие восточными славянами памятников балканской литературной культуры. Второй вопрос мы затронем лишь в меру необходимости, а обсуждение третьего отложим до лучших времен.

По интересующему нас предмету в научной литературе, со времен хрестоматийного исследования А. И. Соболевского⁴, обращают внимание на три фактора. Южнославянская книжность воздействовала на древнерусскую или а) через «живых носителей» иноземного литературного и языкового регламента, или б) при посредничестве южнославянских кодексов, которые приносили с Балкан на Русь и которые здесь служили образцами для изготовления собственных копий, или в) как результат сотрудничества восточнославянских и южнославянских книжников в православных центрах наднационального уровня — в Константинополе и в монастырях Афона. Увы, разочарование ожидает всякого, кто обратится к источникам, долженствующим подтвердить значимость перечисленных факторов, ибо они явно не соответствуют масштабам того явления, которое принято называть Вторым южнославянским влиянием.

В самом деле, ущербность контингента «живых носителей» признавал уже Соболевский. Обычно называются три имени — митрополит Киприан, Григорий Цамблак и Пахомий Логофет. Из них полностью соответствует прикрепленному к нему ярлыку и своей подлинной роли один Киприан, который не только самолично переписал в 1387 г. в Константинополе «Лествицу», неукоснительно соблюдая нормы среднеболгарской орфографии (РГБ, собр. МДА фонд., № 152)⁵, но и потом энергично участвовал в распространении литературного опыта Балкан. Благодаря колоссальному авторитету митрополита, его труды прочно ассоциировались у современников и потомков с «исправлением книжным» в широком смысле этого слова (см. запись в Цветной Триоди ГИМ, собр. Успенского собора, № 7 перг.). Не приходится удивляться, что, помимо подлинных книжных мероприятий с его участием (оригинальные сочинения, переводы, заказ рукописей), именем Киприана стали маркировать памятники и книги, к появлению которых он не имел отношения. О пребывании Цамблака в Москве нет достоверных сведений, так что о распространении в русской письменности XV в. его творений, включая «собрание сочинений» («Книга Григорий Цамблак»), должно говорить на равных правах с другими текстами южнославянского происхождения. О заслугах Пахомия Логофета, касающихся переноса в русскую литературу южнославянских стандартов по всему спектру агиографических жанров, не может быть двух мнений. Но он прибыл в Новгород только в конце 1430-х гг., так что его активность уже выходит за границы занимающего нас процесса. Сомнения закрадываются и по другому поводу — об исходной орфографической системе писателя,

⁴ Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV-XV веках // Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 1-37 (СОРЯС. Т. 74. № 1).

⁵ Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // Тырновска книжовна школа. Т. 2: Ученици и последователи на Евтимий Тырновски (Втори Международен симпозиум. Велико Тырново, 20-23 май 1976). София, 1980. С. 282-292.

которая, думается, может быть отчасти реконструирована на основании многочисленных его автографов⁶. Жаль, что с этой точки зрения они не привлекли внимания лингвистов. Достойна, например, обсуждения эволюция, какую проделали его навыки письма в промежутке между рукописями, копированными Пахомием с разрывом в пятнадцать лет, — в начале 1440-х гг. (РГБ, собр. Троице Сергиева мон., № 180) и в конце 1450-х гг. (РГБ, собр. МДА, № 23). Если в первой писец старается держаться ресавской орфографии (составители описания даже называют манускрипт сербским), то во второй существенно больше элементов тырновской, на которую ориентировалась остальная московская письменность. Но вот что существенно: уже в первой из названных рукописей проскальзывают русизмы (например, гласные перед плавными), как если бы природный русак взялся писать по-сербски. Учитывая условность тогдашних этнонимов (особенно на Афоне), мы не можем исключить, что именно так обстояло дело с Пахомием Сербом.

Не отличается богатством набор южнославянских кодексов (или хотя бы их частей), которые, выполнив в XV в. свою функцию проводников южнославянского влияния, сохранились до сегодняшнего дня. Попытку составить перечень тех из них, которые несут следы своего пребывания на Руси в пределах до конца XVI в., предпринял А. А. Турилов, который насчитал в этом разряде четырнадцать болгарских кодексов (включая упомянутую «Лествицу» Киприана) и четыре сербских⁷. В действительности, указанные цифры обманчивы, давая, по ряду причин, завышенные результаты или, как то часто бывает с численными показателями, скрывая истинное положение вещей. В частности, если говорить о болгарских рукописях перечня, то в кодексе РГБ, собр. Троице-Сергиева мон., № 744 (№ 7 по Турилову) болгарским является только конечный фрагмент книги, причем требуется еще доказать, что с предшествующей русской частью он соединился на раннем этапе истории, а в кодексе ГИМ, Синодальное собр., № 949 (№ 10 по Турилову) подтверждающие раннее бытование рукописи на Руси вставки датируются XVI в., тем самым исключая этот номер из числа фактов, связанных со Вторым южнославянским влиянием. Но, пожалуй, самое главное — бедность номенклатуры рукописных книг в перечне Турилова, жалкой даже на фоне их малого числа в целом, так что в итоге еще более скудной оказывается эта ничтожная часть от внушительного массива текстов, который фактически был усвоен на востоке славянского мира в результате Второго южнославянского влияния. Многозначительные повторения одних и тех же памятников, какие отыскиваются в перечне, свидетельствуют, что сохранность книг была не всегда делом случая, а сохранившиеся книги иллюстрируют не столько процесс идущего с юга влияния, сколько запрос читателей на определенные названия. Мы видим тут три списка «Лествицы» и три списка Поучений аввы Дорофея. Характерно для славянской письменности и соединение двух произведений под одним переплетом в РНБ, собр. Погодина, № 1054 (№ 1 по Турилову). По поводу этих двух позволю себе высказать предположение, что перед нами (особенно в случае с «Лествицей») не просто очержденные факты универсального явления — обмена новыми редакциями между одной и другой славянскими книжными традициями. Похоже, что это книги и тексты, переписка и чтение которых несли какую-то дополнительную ритуальную нагрузку. Как известно, манипуляции с книгами приравнивались

⁶ Их уточненный перечень см.: Житие Сергия Радонежского: Пространная редакция / Подгот. А. В. Духаниной. М.; Брюссель, 2015. С. 593-597 (Patrologia Slavica. Вып. 3).

⁷ Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура конца XIV-XV в. и «Второе южнославянское влияние» // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 539, примеч. 28.



в то время к молитве, и «Лествица» с ее «степенной» структурой особенно подходила на такую роль (ср. «лестовку»). Этим и объясняется потребность монастырей в большом количестве копий с данных памятников, что, в свою очередь, явилось предпосылкой, обеспечившей сохранность множества списков, среди которых оказались, по закону больших чисел, и принесенные из-за моря⁸. В древнейшей инвентарной описи книг Кирилло-Белозерского монастыря XV в., не считая рукописи, предназначенной для уставных чтений («Лествица соборная»), значится еще шесть списков произведения, из которых в трех оно соседствует с Поучениями аввы Дорофея. Примечательно, что одна из рукописей, включающая оба произведения, принадлежала самому преподобному Кириллу («Кирилова»), а другая была вывезена из Симонова монастыря («Симановская»), следовательно, тоже входила в старший пласт монастырской библиотеки⁹. В Иосифо-Волоколамском монастыре по описи 1545 г. числилось двенадцать списков «Лествицы», из святоотеческого наследия там больше было только копий с Книги Исаака Сирина (тринадцать)¹⁰. Кстати, последняя тоже налицо в перечне Турилова (РГБ, собр. Троице-Сергиева мон., № 172, по Турилову № 8), наверное, она — еще один кандидат в разряд памятников «повышенного спроса».

Все без исключения ученые, кто обращался к феномену Второго южнославянского влияния, акцентировали внимание на особенной роли, сыгранной в обновлении книжного фонда восточных славян монастырскими центрами Константинополя и Афона. Неприятность заключается в том, что, как и в предыдущих случаях, тезис этот зиждется на очень ограниченном наборе документальных свидетельств. Почти все они учтены в статье Г. И. Вздорнова, которая завершается описанием русских и южнославянских рукописей XIV — начала XV в., переписанных в Константинополе и на Афоне и доставленных оттуда на Русь¹¹. Описание включает семнадцать номеров, в число которых входят как целые книги, так и отдельные произведения, принимаются в расчет (под общим номером, иногда выборочно) даже списки, снятые с оригиналов константинопольского или афонского происхождения. Количественные данные и здесь нуждаются в пояснениях и корректировке. Прежде всего, нужно понимать, что те из кодексов Вздорнова, которые выдерживают южнославянскую орфографию и дожили до нашего времени, вошли уже в разобранный выше перечень (таковы № 3 и 14 по Вздорнову — «Лествица» Киприана и Евангелие тетр ГИМ,

⁸ Митрополит Киприан рекомендовал читать авву Дорофея во время монастырской трапезы (РИБ. СПб., 1908. Т. 6. 2-е изд. Стб. 259-260). «Лествица» цитируется в Житии Сергия Радонежского (БЛДР. Т. 6: XIV — середина XV века. СПб., 1999. С. 306).

⁹ *Никольский Н. К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. С. 9 (Изд. ОЛДП. № 113). Отождествление Симоновской книги с болгарской рукописью РНБ, собр. Погодина, № 1054 нуждается в специальных доказательствах (ср.: *Шибачев М. А.* Рукописи... С. 40).

¹⁰ *Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г.* / Публ. Р. П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 31.

¹¹ *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV-XV вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 171-198. Ср.: *Турилов А. А.* Забытые русские святогорцы — Калинин и «филадельф»: (Страничка истории русского книгописания на Афоне в конце XIV — начале XV в.) // МОСХОВИА: Проблемы византийской и новогреческой филологии. Вып. 1: (К 60-летию Б. Л. Фонкича). М., 2001. С. 431-437. Ср. также «Чин, како подобает пети двенадцать псалмов», принесенный со Святой горы архимандритом Досифеем, о личности которого, правда, нет единого мнения (*Прохоров Г. М.* Досифей // СККДР. Вып. 2: (Вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 1: А-К. Л., 1988. С. 198).

собр. Воскресенского мон., № 1 бум.). Позволим себе еще несколько комментариев по списку Вздорнова. То, что Новый Завет митрополит Алексей (№ 1) переписал в Константинополе, все-таки остается не поддающимся проверке преданием. Если список «Диоптры» 1388 г. ГИМ, собр. Чудова мон., № 15 (№ 4 по Вздорнову) действительно был изготовлен в Константинополе, помещенные в описании вслед за ним списки того же произведения 1418 и 1426 гг. не имеют никакого отношения к византийской столице. Отождествление с известным писцом Евсевием-Ефремом того «убогого Еусевия», чья запись, датированная 1420 г., скопирована в более поздней Четвѣй Минее РГБ, собр. Троице-Сергиева мон., № 669 (№ 8 по Вздорнову), представляется довольно убедительным. Однако запись находится в середине кодекса (л. 124), причем помещена она на нижнем поле и отбита от текста Жития Симеона Дивногорца, который заканчивается в верхней части данного листа. Поэтому атрибуцию Евсевию-Ефрему как переписчику даже этой статьи, не говоря уже о прочих разделах сборника, нельзя считать надежной. Аналогичная картина со Словом постническим Максима Исповедника, которое, как следует из приписки к произведению, воспроизводимой в позднейших копиях, по заказу того же Евсевия-Ефрема перевел Иаков Доброписец (№ 12). Приписка касается одной лишь статьи, некорректно усваивать копиисту на этом основании изготовление целого сборника¹². К оригиналу Афанасия Русина допустимо возводить лишь первую половину сборника РГБ, собр. Троице-Сергиева мон., № 746 (№ 15), без завершающего рукопись Жития Афанасия Афонского¹³. Кроме прочего, дошедшие до нас сведения о рукописях и отдельных произведениях, попавших на Русь из Константинополя и с Афона, весьма однобоко иллюстрируют содержание южнославянского влияния. Ибо тут налицо знакомая уже нам монотонность номенклатуры, которая довольно скромна для генерального вывода о нормативном значении константинопольских и афонских книжных образцов. Достаточно сказать, что три номера в описании Вздорнова занимает «Лествица» (№ 3, 9, 10), факт, лишний раз подкрепляющий мою мысль о каких-то ее внелитературных функциях. Замечательно в этой связи, что в 1478 г., т. е. в период, выходящий за хронологические рамки описания Вздорнова, и четверть века спустя после падения Константинополя, находившийся там русский священноинок Ювеналий очередной раз переписывает «Лествицу» (ГИМ, собр. Хлудова, № 58). Ясно, кажется, что он выполнял урок своего духовного отца или данный им обет, или просто не желал оставаться без дела, но никак не ставил перед собой задачу перенести на родину новый перевод.

Сказанное, думается мне, стирает и без того почти неразличимые следы, какие остались от процессов инфильтрации южнославянских книжных новин XIV — начала XV в. в восточнославянскую письменность. Добавлю, в качестве своеобразного *ultima ratio*, что мы не располагаем ни одной парой памятников, из которых русский был бы прямой копией с болгарского или сербского¹⁴. Если сравнить корпус русских книг середины XV в. с тем книжным фондом, какой был накоплен на Руси к концу XIV в. и сохранился до наших дней, отличия будут разительными. Изменилось все — объем книжной продукции, репертуар, география книжных центров, орфография рукописей, искусственно препарированная и максимально удаленная от разговорного языка, одновременно освобожденная от локальных особенностей и относительно унифицированная. Изменились почерки, художественное оформление кодексов

¹² См. еще о Евсевии-Ефреме: ПЭ. М., 2008. Т. 17. С. 277 (автор — А. А. Турилов).

¹³ Буланин Д. М. Житие Афанасия Афонского // СКЖДР. Вып. 2: (Вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012. С. 640.

¹⁴ По наблюдениям новейшего специалиста, тверские «Лествицы» 1402 и 1404 гг. не списывались непосредственно с «Лествицы» Киприана, как прежде предполагалось (Попова Т. Г. Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности. Саарбрюкен, 2011. С. 196-197).



и даже материал для письма (бумага вместо пергамента). Если бы в книжной культуре за истекшие пятьдесят лет, помимо находящихся на поверхности и рассмотренных выше фактов, не протекало каких-то подспудных процессов, — тогда случившееся могло бы показаться чудом. Не приходится удивляться тому, что неосязаемость этих процессов стимулировала рождение в среде лингвистов спорных, а иногда и фантастических теорий. Не приходится удивляться и тому, что, в связи с мизерностью современных известий о феномене Второго южнославянского влияния, в историографии делались попытки отрицать само его существование (Л. П. Жуковская). Полагаю, что такая нигилистическая позиция входит в противоречие с внутренними и внешними чертами рукописных памятников XV в., разительные отличия которых от манускриптов предыдущего столетия трудно игнорировать. Более того, полагаю, что все три разобранных фактора, признаваемых тремя главными способами влияния, и правда, сыграли ту роль, которая за ними закреплена в историографии¹⁵. Тем не менее, редко нарушаемое молчание источников о конкретных случаях контакта двух традиций само по себе является историческим фактом, нуждающимся в объяснении. Попробуем в связи с этим перепроверить убедительность некоторых бытующих в науке постулатов, касающихся Второго южнославянского влияния.

В авторитетных работах не один раз подвергался критике сам термин «Второе южнославянское влияние», употреблением которого ставится под сомнение самостоятельность решений, принимаемых воспринимающей стороной при усвоении разных атрибутов чужой культуры¹⁶. Поскольку при этом, идет ли речь о пассивном восприятии или об активном выборе, но интенсивное взаимодействие русской литературы с балканскими безусловно признается, перечислим еще раз нововведения, которые ведущими учеными соотносятся с соответствующими явлениями на Балканах. Резюмируя их наблюдения, М. Г. Гальченко сводит нововведения к пяти пунктам: 1) увеличение корпуса текстов за счет новых переводов (и новых редакций); 2) изменения в составе употребляющихся в древнерусских рукописях графем, орфографии и языке; 3) распространение младшего полуустава; 4) изменения в оформлении восточнославянских рукописей; 5) стилистические новации¹⁷. Главными естественно являются первые два пункта, что и подчеркивается специалистами, причем еще А. И. Соболевский решительно заявлял, что «замена одних начертаний букв другими и одной орфографии другой не имеет ценности»¹⁸. Заявление, с которым, как будто, никто не спорит¹⁹, нужно понимать в том смысле, что побудительной причиной для обращения русских начетчиков к балканскому книжному фонду явилось не стремление

¹⁵ Пожалуй, я бы поостерегся лишь чересчур педалировать тезис о широком участии в процессе Константинополя и Афона. Применительно к Афону сдерживающим моментом должно служить обилие поздних и вымышленных сведений о его роли в истории русской религиозной культуры (Буланин Д. М. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // СКЖДР. Вып. 2. Ч. 3. С. 427-634).

¹⁶ Успенский Б. А. История русского литературного языка: (XI-XVII вв.). München, 1987. С. 184 (Sagners Slavistische Sammlung. Bd 12); Живов В. М. История языка русской письменности. В 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 822-823, 835.

¹⁷ Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской письменности: (Графико-орфографические признаки Второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV-первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 325-326 (Труды Центрального музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. 1).

¹⁸ Соболевский А. И. Южнославянское влияние... С. 13.

¹⁹ Ср., правда: Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние... С. 342.

имитировать манеру южнославянских школ письма, а необходимость расширить собственный ассортимент книг.

Не вызывают особых разногласий и причины, побуждавшие наших деятелей книжной культуры к такому расширению. Конечная причина — монашеское возрождение XIV в., которое началось на Балканах, а до нас докатилось не ранее эпохи Сергия Радонежского и его учеников. Поскольку же существование на Руси в предыдущие столетия крупных и институционализированных монашеских общин, особенно таких, которые были бы оторваны от мира, вызывает серьезные сомнения, правильнее, с учетом русской специфики, говорить не о возрождении, а о рождении. Процесс, где бы он ни начался на деле²⁰, получил мощный импульс благодаря престижу Троице-Сергиева монастыря, хотя причины, побуждавшие людей в те именно годы уходить от суеты света, применительно к русскому контексту, все еще нуждаются в адекватной интерпретации. Развивался процесс стремительно, так что в течение нескольких десятилетий новоучрежденные монастыри выросли по всей территории Северо-Восточной Руси. Как кажется, эти обители жили по скитскому уставу, что соответствовало и их местоположению — в глухих лесах («пустынях»). Правда, в литературе распространено мнение, что русские монастыри уже с XIV в. один за другим переходили к киновиальному устройству, и это мнение подкрепляется даже довольно спорными социологическими доводами — будто в общежительных монастырях находила опору идея централизации светской власти²¹. На самом деле, скорее всего строгая дисциплина общежительного монастыря ограничивалась у нас и тогда, и еще много лет спустя лишь некоторыми устными распоряжениями настоятеля. Не углубляясь в аргументацию, отмечу только, что есть серьезные основания считать первым на Руси типиком дисциплинарного характера, положенным на бумагу, Устав (Духовную грамоту) Иосифа Волоцкого²².

Но даже если не настаивать на существовании строгой киновиальной дисциплины, якобы насажденной в плеяде выросших по «медвежьим углам» Руси монастырях, жизнь в обители требовала неустанных трудов по переписке книг, их чтению или пению. Сообразно этой потребности уже в конце XIV в. и особенно в первые годы XV в. резко возрастает количество находившихся в обороте рукописей. Среди них немалое уже число приходилось на новые южнославянские переводы и редакции. Сложность заключается в том, что среди этих русских списков есть две неравные доли: в большинстве своем (хотя общее их число невелико) это рукописи, писцы которых не признают южнославянские орфографические нормы, внося перемены относительно своего антиграфа в соответствии с принятыми на Руси написаниями²³, но есть и чрезвычайно редкие примеры рукописей с выдержанной болгарской орфографией²⁴. Как получилось, что последние вытеснили из обращения первые, и сколько было в действительности этих первых, где, помимо орфографии, удерживаются традиционные для Древней Руси уставные и старшие полууставные почерки? Обычно в литературе констатируется хронологический разрыв между начальными поступлениями в русскую письменность новых памятников с юга и переходом на искусственные орфографические правила, а также подчеркивается, что этот переход был сознательным решением реципиента. «В противном случае, — пишет Турилов, — ничто не мешало писцам первой четверти XV в. продолжать традицию русификации списков, успешно

²⁰ Ср. соображения по этому поводу: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М., 1998. С. 38.

²¹ *Живов В. М.* История... Т. 2. С. 829, примеч. 440.

²² *Буланин Д. М.* Афон... С. 581. Ср.: *Синицына Н. В.* Русское монашество и монастыри: X-XVII вв. // ПЭ. (Вводный том): Русская православная церковь. М., 2000. С. 307.

²³ Перечень их см.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура... С. 542, примеч. 29.

²⁴ *Гальченко М. Г.* Второе южнославянское влияние... С. 328.



осуществляемую старшим поколением книгописцев»²⁵. Оба тезиса справедливы, но оба нуждаются в комментариях.

Акцентируя внимание на опоздании, какое имело место при усвоении южнославянской орфографии (что само по себе несомненно), или демонстрируя, как то делает Гальченко, растянутость этого процесса во времени (что тоже верно), мы невольно открываем трансформацию русской орфографии от первопричины этого феномена. Ясно, между тем, что графико-орфографические новации были составной частью монашеского возрождения (или рождения), которое и поставило лицом к лицу русскую и южнославянскую религиозные культуры и которое открыло заслоны для устремившегося с юга книжного потока. Задержка в рецепции орфографии переносимых на Русь текстов и книг нуждается в отдельном объяснении. Быть может, она вызвана трудностями, обусловленными непривычным для первопроходцев дистанцированием новой модификации церковно-славянского языка от разговорного. Но такая задержка не отменяет того непреложного факта, что встреча двух культур достигла своей кульминации в конце XIV в., в то время как в первые десятилетия XV в. мы наблюдаем лишь отголоски этой встречи — смена орфографии является одним из таких отголосков²⁶. Подтверждений много, причем все симптомы говорят о том, что главенствующей была ориентация на болгарские образцы. В рассмотренном выше (по данным Турилова) перечне балканских рукописей, влившихся в наш книжный фонд и сохранившихся по сию пору, болгарских существенно больше, чем сербских, но среди тех и других нет памятников моложе XIV в. Там, где это может быть определено, оригинальные и переводные творения, воспринятые на Руси в результате Второго южнославянского влияния, — почти все болгарские, а значит, появились на свет не позже XIV в. Графико-орфографическая система, пускай с ретардацией, утвердившаяся на Руси в XV в., основана на нормах тырновской школы, следовательно, тоже обращена к XIV в. Вывод о том, что главные события, связанные с влиянием, пришлось на конец XIV в. и что главным донором была болгарская литература, можно сделать и от противного: еще Соболевский заметил, что сербские переводы первой половины XV в., а их немало, не были у нас восприняты²⁷. Он же весьма проницательно заметил, что сербские рукописи «затрудняли наших переписчиков», хотя препоной для их усвоения, я думаю, служили не языковые трудности, а репутация сербского извода церковно-славянского языка как «испорченного». Репутация эта сложилась рано, как явствует из того, что сербский извод каждой книги всегда у нас специально помечается. Из четырех сербских номеров в перечне Турилова три отыскиваются в ранних описях книг с пометой «сербский»²⁸; напротив, ни один номер из болгарской части того же перечня не оставил следов в подобных описях.

²⁵ Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура... С. 524.

²⁶ Компактную группу текстов южнославянского (преимущественно сербского) происхождения, пришедшую к нам в конце XV — начале XVI в., надлежит рассматривать как отдельный этап в славяно-русских связях (Турилов А. А. 1) Восточнославянская книжная культура... С. 529-530; 2) Южнославянские переводы XIV-XV вв. и корпус переводных текстов на Руси: (К 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского) // Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 557-558). К этой группе мы еще вернемся.

²⁷ Соболевский А. И. Южнославянское влияние... С. 11. Хотя в новейших исследованиях рисуется значительно более сложная картина и по отдельным нюансам мнение Соболевского оказывается несостоятельным, общее заключение его остается в силе. См.: Турилов А. А. К вопросу о сербском компоненте во «Втором южнославянском влиянии» // Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 596-611.

²⁸ Никольский Н. К. Описание... С. 7 («Соборник сербской»); Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 31 («Лествица в полдесть, сербская словеть»), 32 («Иоасаф сербский старой»).

Считается, что распространение нового церковно-славянского правописания началось на Руси через полученные с юга новые переводы и редакции. Вопрос лишь встает о существовании здесь причинно-следственной связи: начало ли использоваться такое правописание, потому что переводы и редакции были новыми, или просто напротив именно эти переводы и редакции понадобились тогда восточным славянам, а потому они раньше других подверглись орфографической обработке? Гальченко вносит немаловажное уточнение, отмечая, что первыми восприняли реформированное правописание произведения аскетического содержания, именно те, к которым был повышенный интерес в множившихся тут и там монастырях²⁹. Все сходится на том, что на первом месте стоял в данный исторический момент запрос на духовную литературу, удовлетворяющую изменившимся религиозным потребностям. Замена же «одной орфографии другой», если переиначить цитированное выражение Соболевского, имела «ценность» постольку, поскольку она составляла органический элемент прививаемых к обособившемуся стволу русской церковной жизни балканских монастырских идеалов. Поскольку, между прочим, средневековая философия языка подразумевала тождество обозначаемого и обозначающего. В этом и только в этом я вижу осмысленность тех преобразований, которые полностью изменили языковую ситуацию в Древней Руси. Что касается памятников, пришедших от южных славян, но русифицированных в старших списках по традиционной модели, полагаю, что перед нами обычная в критические моменты неравномерность сдвига разных уровней какой-то системы (в нашем случае такой системой является сложившаяся до конца XIV в. совокупность всех памятников древнерусской письменности со всеми их атрибутами). Но и здесь возникает вопрос, являются ли русифицированные списки маргинальными относительно общих закономерностей процесса, неудачными пробами усвоения новых южнославянских текстов, или это сохраненные для нас игрой случая остатки первого и самостоятельного этапа Второго южнославянского влияния, который был отменен на следующем этапе как аномалия. Ибо прошло какое-то время (по мнению Гальченко — десять лет, по мнению Турилова — четверть века³⁰), и равновесие восстановилось: форма (новая орфография) была, наконец, приведена в соответствие с содержанием. Правда, на усвоенных тогда с юга памятниках, как мы вскоре убедимся, распространение новой орфографии не закончилось.

Сейчас хотелось бы обратить внимание на некоторые научные построения, бездоказательно постулирующие идеологическую подоплеку у процесса внедрения тырновской орфографии в русскую письменную культуру. Хотя Б. А. Успенский начинает раздел своей книги, посвященный Второму южнославянскому влиянию, с констатации того, что скудость документальных свидетельств компенсируется в ученых трудах многочисленными мифами³¹, он не остался в стороне от новой волны мифотворчества по поводу изучаемого феномена. Высказывается мнение об особом авторитете болгарской и сербской книжной традиции в глазах русских начетчиков, озабоченных будто бы созданием стандартизированного славянского языка; полагают, что это был один из инструментов, долженствующих помочь сплочению православной ойкумены перед лицом турецкой угрозы³². Говорится о межнациональном

²⁹ Гальченко М. Г. Лисицкие датированные рукописи конца XIV первой половины XV в. и проблема Второго южнославянского влияния // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. С. 165.

³⁰ Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние... С. 333; Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура... С. 524.

³¹ Успенский Б. А. История... С. 181. Ср.: Живов В. М. История... Т. 2. С. 822-823.

³² Успенский Б. А. История... С. 184-190; Живов В. М. История... Т. 2. С. 832-836.



значении среднеболгарского извода церковно-славянского языка³³. Рукописный материал не дает повода ни для одного из перечисленных выводов. Мало того, что случаи непосредственных контактов с книжными авторитетами, на которые указывают лингвисты, крайне скудны, русские переписчики XV в. не обнаружили к таким авторитетам особого пиетета, какой, казалось бы, им следовало проявить. Мы можем судить об этом по немногим доступным нам для изучения южнославянским кодексам из тех, что попали на Русь до XVI в. (см. выше). Никаких высказываний о южнославянском генезисе новых искусственных правил правописания в русских источниках не отыскивается, а конфликт с «традиционными букварями» представляет собой изобретение В. М. Живова, потому что букварей в то время не было и в помине³⁴. Не случайно, чтобы подтвердить целенаправленное отталкивание начетчиков XV в. от разговорного языка, ученому приходится искать иллюстрации в контроверзах русских книжников следующих столетий³⁵. В связи с узаконением в качестве норматива ориентированного на тырновскую орфографию церковно-славянского языка природные болгарские рукописи по-видимому не всегда обособлялись монастырскими книгохранителями от восточнославянских. Сербские же рукописи вообще вызвали недоумение и даже раздражение, едва ли не первым сигналом которого служит колофон Олешки Палкина в известном нам Погодинском сборнике. Ибо читателей его, как следует из колофона, воодушевляло содержание книги, но удручало ее языковое оформление. Если предполагать осознанное расподобление русскими книжниками разговорного языка и принятого за норму языка письменности южных славян, неприятие у нас ресавской орфографии невозможно объяснить.

Между тем, стремление идеологизировать реформу русской орфографии иногда побуждает исследователей, интерпретирующих действия копиистов, сделать, в подкрепление своей схемы, новые рискованные шаги. На русскую действительность бездоказательно проецируются балканские эксперименты и споры о языке XIV-XV вв. Именно: русским книгописцам приписывают рассуждения в духе «Сказания о писменех» Константина Костенечского, как известно, стремившегося очистить язык кирилло-мефодиевской эпохи от позднейшей «порчи». Еще большее насилие над материалом производится при попытке буквальной интерпретации этикетных заявлений и запретов, читающихся в писцовых записях. Развивая свою мысль о том, что русские реформаторы орфографии, укоренявшие в собственном узусе различия между разговорным языком и книжным, предостерегали будущих переписчиков от каких-либо вольностей при передаче оригинала, Живов ссылается на приписку к «Службнику» митрополита Киприана: «Аще ли же кто восхошет сия книги преписывати, сматряй не приложити или отложити едино некое слово, или тычку едину, или крючкы...», и т. д. Исследователь противопоставляет этот призыв традиционным просьбам писцов исправлять за ними ошибки. Ясно, однако, что обращения в первом и во втором случае относятся к разным объектам: предельная аккуратность требуется при работе с конфессионально непогрешимым предметом — идеальным первооригиналом текста, в то время как копии не застрахованы от ошибок, каковые суть неизбежные реквизиты слабого и грешного человека. Они, разумеется, требуют корректировки. Думаю, что не следует преувеличивать и грекофильские настроения, будто бы набравшие силу в интересующую нас эпоху, во всяком случае, аналогия с итацизмами как критерием безграмотности едва ли напоминает отношение новой генерации русских писцов к работам их

³³ Успенский Б. А. История... С. 185.

³⁴ Живов В. М. История... Т. 2. С. 839.

³⁵ Там же. С. 821-887.

предшественников до начала южнославянского влияния. Ибо несопоставимы, конечно, критерии грамотности в Византии и Древней Руси.

Смею думать, что подобные теории неоправданно экстраполируют греческие и южнославянские явления на древнерусский культурный ландшафт рубежа XIV-XV вв., когда развернулся процесс Второго южнославянского влияния и когда перед реципиентом стоял вопрос о выборе образцов. Если уже, вслед за Живовым, вообще примерять к работе русских книжников идеи «Сказания о писменех» (хотя это явно противозаконная операция), едва ли стоит подгонять под его «русоцентрическую» концепцию генезиса славянского языка подлинные факты восточнославянской орфографии. Тогдашние обозначения языков и процедур, проделываемых с языками (включая перевод)³⁶, весьма далеки от эмпирической реальности. Уместно здесь напомнить о существовании довольно обширной группы памятников, преимущественно южнославянского происхождения, в выходных сведениях которых прямо заявляется, что они переведены на «русский» язык³⁷. Понятно, что речь идет не о языковой реальности, а о репутации. Авторитет книги имел на Руси колоссальное значение для ее собственной судьбы и для судьбы заключенных в ней текстов. Но, во всяком случае, в изучаемую эпоху он определялся не языковым изводом в чистом виде (ср., впрочем, критическое отношение к сербской орфографии), а авторитетом автора, переписчика, сакральностью места, где была создана книга. О каких-то «правилах» (как теперь считают, это были «Тактикон» и «Пандекты» Никона Черногорца), вывезенных Саввой Тверским с Афона, русские канонисты помнили два века спустя³⁸. Реноме Киприана санкционировало безупречность помеченных его именем книг, а изготовление копий со святогорских «Лествиц» (одна из них — Евсевия-Ефрема), хранившихся в Волоколамском монастыре, специально оговаривается в описи, видимо, как гарантия исправности этих копий³⁹. Вообще, на мой взгляд, для того, чтобы инициировать на Руси в XV в. глобальный переход к новой орфографии, не было нужды в большом количестве образцов, достаточно было образцов авторитетных.

Полагаю, что мнение о закреплённом сводом правил особом статусе южнославянских языковых изводов и оформленных по их орфографическим нормам памятников окончательно дезавуируется переносом реформированной графико-орфографической системы с корпуса памятников, поступивших на Русь в результате Второго южнославянского влияния, на тот репертуар текстов, который унаследован был от предыдущих веков развития древнерусской книжности. Если бы, как того хочет Живов, к русской письменности XV в. применима была болгарская модель языковой динамики и если бы русские начетчики целенаправленно воплощали в жизнь рецепты «Сказания о писменех», «испорченную» литературу прежних столетий надлежало бы отправить

³⁶ См.: Goldblatt H. *Orthography and Orthodoxy: Constantine Kostenečki's Treatise on the Letters (Skazanie iz'javljénno o písmenex)*. Firenze, 1987. P. 33-35 (Studia Historica et Philologica. Vol. 16).

³⁷ *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние... С. 36-37 (Приложение VII). К контекстам, собранным здесь, следует добавить запись о переводе Слова постнического Максима Исповедника упоминавшимся уже Иаковом Доброписцем «от греческа языка на русский».

³⁸ Буланин Д. М. Афон... С. 453.

³⁹ Описание книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 31. Характерно для той эпохи, когда составлялась опись, что упоминающуюся выше сербскую «Лествица», принадлежавшую тому же монастырю, считали неисправной и даже запрещали давать на прочтение (в XVII в.). С этой сохранившейся до наших дней «Лествицы» (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского мон., № 463) копий не делалось. В итоге представленная в рукописи № 463 редакция перевода вообще не отразилась в русских списках — их не известно ни одного (Саенко Л. П. К истории славянского перевода текста Лествицы Иоанна Синайского // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1980. Т. 4. Кн. 4. С. 19-24; Попова Т. Г. Лествица... С. 170-172, 179-180).



в утиль, т. е. воспользоваться опытом тырновской книжной справы. Вместо такой решительной расправы с прошлым, наши книжники, свыкшиеся в конце концов с искусственным правописанием на тырновской основе, применили его ко всему массиву текстов, будь то сочинения и переводы, находившиеся в обращении на Руси до начала Второго южнославянского влияния, или их собственные литературные упражнения в разных жанрах, сочинявшиеся на протяжении всего XV в. Это их решение, каковы бы ни были его причины, имело непреходящее значение для сохранения с трудом обозримого множества литературных памятников предшествующих столетий, как собственно древнерусских, так и возникших на более раннем этапе развития славянских литератур — великоморавских, болгарских, чешских⁴⁰. На русской почве имела место в XV в., по выражению Турилова, «гибридизация» всего корпуса текстов, накопившегося у нас за первые четыре века бытования у восточных славян кириллической письменности, с тем корпусом, которым прежний багаж пополнился за счет Второго южнославянского влияния. Инструментом «гибридизации» послужил письменный язык, противопоставленный разговорному, главным образом, на уровне орфографии, и ориентированный на болгарские модели, узаконенные болгарской книжной справой. А результатом «гибридизации» явилось то, что XV в. стал первым в истории русской литературной культуры периодом, репрезентативным для суждений о ее репертуаре, оригинальном, как и переводном, начиная с самых истоков этой культуры, т. е. с момента присоединения Руси к семье христианских народов. Определение XV в. как первого репрезентативного столетия равноценно признанию неполноценности того корпуса текстов, который дошел до нас в русских рукописях XI–XIV вв.⁴¹ Это положение нуждается в пояснениях.

Старший период древнерусской литературы немислимо было бы реконструировать, опираясь на фонд рукописей в пределах до конца XIV в. Достаточно сказать, что в списках не ранее XV в. дошел до нас полный текст Слова митрополита Илариона, а также Память и похвала князю Владимиру, Ипатьевская летопись, послания митрополита Никифора, и многое-многое другое. Но особенно сильно впечатление производит набор древнейших славянских переводов, в том числе выполненных в «золотой век» болгарской литературы, которые, иногда частично отразившись в ранних текстах и компиляциях, а иногда нигде больше не оставив следа, неожиданно в полном виде всплывают в русских списках XV–XVI вв. Таковы, если брать только крупные произведения, слова против ариан Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского, «Богословие» Иоанна Дамаскина («Небеса») в переводе Иоанна Экзарха, «Андрианты» Иоанна Златоуста, Римский патерик, «Христианская топография» Козмы Индикоплова, «Хронографическая Александрия», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Физиолог», не говоря уже о внушительном списке отдельных житийных, гомилетических и учительных сочинений⁴². Список

⁴⁰ Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв.: (Заметки к оценке явления) // Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 199–219. Ср. еще размышления на эту тему: Буланин Д. М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.)». СПб., 2010. С. 61–72.

⁴¹ Исчерпывающие сведения о корпусе см.: Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014.

⁴² Некоторые исследователи делят древние переводы на болгарские и восточнославянские. Применительно к рассматриваемой сейчас эпохе это спорное деление не имеет значения. Подробно см.: Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М., 2011.

этот, даже если бы мы перечислили все заглавия, — в любом случае оказался бы неполным, потому что датировка и локализация древних славянских переводов остается еще самым неразработанным разделом медиевистики. Возникают недоуменные вопросы: где же находились все эти тексты на протяжении нескольких веков? что побудило извлечь их из небытия начетчиков XV в.? Куда пропали оригиналы переводов, с которых они снимали копии? Пытаясь разобраться с этой непростой задачей, Турилов в упомянутой работе критикует некоторые проскальзывавшие на сей предмет идеи, например, о том, что Второе южнославянское влияние способствовало переходу на восток славянского мира не только новых переводов и редакций, но и древнейших памятников болгарской книжности (оригинальных и переводных). Гипотеза отвергается по ряду причин. Помимо прочего, такому предположению противоречит то обстоятельство, что в письменности Второго болгарского царства произошла замена древнего литературного пласта новым. Значит, в XV в. Болгария не могла быть поставщиком древнеболгарских текстов. «Памятники болгарской литературы древнейшего периода еще в домонгольское время прочно вошли в состав древнерусской книжности, и именно по этой причине широко распространились в возрожденной традиции Московской Руси — вывод банальный, но его трудно оспорить», — таков вердикт исследователя.

Заключение несомненно верное, но не разъясняющее некоторые детали. Едва ли, например, безусловно присутствующее в литературе и в культуре XV в. стремление осмыслить прошлое своей страны и своего народа (в этом причина обращения к киевскому наследию)⁴³, заметное даже на фоне поднявшейся тогда новой волны интереса к истории человечества в целом, может объяснить желание книгописцев снять копии с архаических переводов патристики или византийских житий. По-видимому, здесь действовали те же побудительные причины, которые вызвали Второе южнославянское влияние. То есть потребность в книгах со стороны учрежденных и продолжающих учреждаться монастырей. На те же самые запросы русская письменность откликнулась не только переносом новых переводов и редакций, в изобилии генерировавшихся тогда на Балканах, но и переоформлением по правилам новой орфографии уже существовавших архаических текстов. Это и есть «гибридизация», в результате которой в рукописях, в одинаковом графико-орфографическом облике, часто обращались на равных правах старые и новые переводы тех же самых произведений.

Остается решить вопрос, что представляли собой оригиналы древних текстов и что случилось с этими оригиналами после того, как они послужили исходным материалом для переписчиков, работавших по новым орфографическим правилам. Коль скоро мы приняли общее заключение Турилова, есть все основания считать, что антиграфы памятников, сохранившихся в списках не ранее XV в., были русскими, а не южнославянскими. Но поскольку они несомненно использовали традиционную для Руси графико-орфографическую систему, принятую до конца XIV в., с присущими ей особенностями, они уже не представляли в глазах наших предков, перешедших на новые правила, большой ценности, хранились не столь бережно, как копии, находившиеся в эксплуатации. Надо, конечно, понимать, что древность книг, в отвлечении от их конфессиональной значимости, не являлась тогда абсолютным достоинством. Не говоря уже об относительности понятий о древности. Констатировав дискриминацию «неправильных», хотя и более древних книг-антиграфов, не будем пускаться в дальнейшие догадки по поводу обстоятельств их гибели, скорее всего, непреднамеренной.

⁴³ Говоря о реставрационных тенденциях в русской культуре, Турилов ссылается на работы А. Д. Седельникова и Д. С. Лихачева (*Седельников А. Д. Несколько проблем по изучению древней русской литературы: Методологические наблюдения // Slavica. 1929-1930. Vol. 8. С. 503-525; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 113-120*).



Сам факт гибели не вызывает сомнений, ибо иным путем не объяснить чудесную реанимацию трудов Константина Преславского или Иоанна Экзарха в рукописях XV в. без осязаемых промежуточных звеньев, воспроизводящих тексты пятисотлетней давности. Однако сделаем для себя некоторые выводы. Дошедший до нас корпус древнерусских рукописей XI–XIV вв. с включенными в них текстами составляет малую часть от той книжной массы, какая на самом деле находилась в обращении в первые столетия русской письменности. Само по себе такое утверждение было бы трюизмом, если бы мы не могли его конкретизировать следующим образом: структура этого корпуса древнейших книг заведомо дефектна в тех отделах, где старые русские списки брались за основу при копировании какого-то текста по реформированным правилам орфографии. Потому что новоизготовленные копии естественным образом вытесняли из обихода старые, признававшиеся «испорченными». Эти последние могли сохраниться только по счастливой случайности. Несложно предположить, что чаще всего подобная замена происходила в монастырях, бывших на тот период главными хранителями книжных ценностей.

Разобравшись с результатами триумфального шествия реформированной орфографии, вернемся к начальному периоду ее усвоения. И здесь я позволю себя сформулировать гипотезу, которую дальнейшие исследования могут подтвердить или опровергнуть. Как мне представляется, ничтожность документальных свидетельств о Втором южнославянском влиянии в значительной степени объясняется тем, что свидетельства эти касаются последнего всплеска процесса, который начался значительно раньше, нежели обычно предполагается. Существование упоминавшейся уже группы русских кодексов конца XIV — начала XV в., в которых представлены новые болгарские переводы с русифицированной орфографией, позволяет думать, что через этот этап русификации прошло большинство произведений, полученных на Руси в результате Второго южнославянского влияния. Моя гипотеза, передвигающая высшую точку взаимодействия двух культур на последние десятилетия XIV в., хорошо согласуется с тем, что с этим именно столетием связан по всем параметрам транслировавшийся корпус памятников. Наличие же второго этапа, когда перенесенный корпус памятников обрел удовлетворяющую строгим конфессиональным критериям и соответствовавшую авторитетным образцам орфографическую обработку, позволяет ответить на вопрос, почему кодексы с русифицированной орфографией сохранились столь выборочно. Положение вещей здесь, думается мне, аналогично тому, что мы видели в отношении старых списков из старого репертуара древнерусской письменности, независимо от происхождения составляющих частей этого репертуара (восточнославянский раздел и болгарский с писаниями времен Первого царства — главные составляющие). Как мы помним, при появлении копий, отвечавших языковым требованиям новой эпохи, эти старые списки вытеснялись из обихода. То же имело место с русифицированными списками, переписанными с новых балканских переводов и редакций: появление на втором этапе влияния тех же переводов и редакций в надлежащем оформлении отодвигало ранние «неправильные» копии на второй план. Судьба большинства из них была тем самым предрешена.

Как было сказано, перенос орфографии с оригиналов, хотя и происходил с опозданием, иногда очень значительным, не мог в итоге не свершиться, потому что орфография не была автономным компонентом книги как сакрального предмета. Вместе с тем (об этом тоже говорилось), нет необходимости предполагать, что для запуска орфографической реформы необходимо было иметь многочисленные прескриптивные прописи. Полагаю, что процесс мог начаться по распоряжению авторитетного иерарха, вроде митрополита Киприана, а образцами для подражания вполне могли служить многочисленные «Лествицы», в том числе копированные с константинопольского

списка Киприана 1387 г. О том, что развитие реформы могло протекать таким именно образом, свидетельствует известная рукопись БАН, собр. Тимофеева, № 9, содержащая тверскую «Лествицу» 1402 г., с записью, где говорится, будто кодекс представляет собой апограф с «Лествицы» Киприана. Хотя сейчас установлено, что эти сведения недостоверны, и хотя рукопись № 9 входит в разряд русифицированных, запись о ее доставке в Тверь священноиноком Прохором служит иллюстрацией того, каков мог быть сам механизм реформы. В текстологии древнерусской литературы известны и другие примеры, когда свободное развитие нормативных памятников сдерживается необходимостью постоянно оглядываться на некий авторитетный стандарт, сверяться с шаблоном. Таков случай со «Степенной книгой»: ее списки, признававшиеся эталонными, хранились в монастырях, которые служили идеологической опорой действующей власти (Троицкий, Чудов)⁴⁴. При подобном маневре, в частности, сам собой возводился барьер против распространения нежелательных элементов, касалось ли дело орфографических приемов или идеологической диверсии. В рассматриваемую эпоху нежелательным элементом была традиционная русская и подвергнутая остракизму сербская орфография (снова вспомним колофон Олешки Палкина). О том, что наводит порядок в орфографии не означало в то время следовать некоей общей лингвистической инструкции (как это мыслится Б. А. Успенским и В. М. Живовым), что выправка письма происходила на средневековый манер — через подражание образцу (образцам), говорят случаи «превышения нормы», когда некоторые писцы чрезмерно болгаризируют правописание, например, возрождают «юс большой»⁴⁵. О том же говорят примеры относительно раннего распространения новых орфографических норм на издавна известные на Руси тексты, например, на нравоучительные статьи из русских редакций Пролога⁴⁶.

Предложенное мной смещение назад главных хронологических вех Второго южнославянского влияния служит, думаю мне, лишь одним из объяснений того, почему современные источники столь скупо освещают обсуждаемый феномен. Есть тому и другие причины, например, наши гипертрофированные представления об объеме воспринятых тогда на Руси новых балканских памятников. Для оценки этого объема обыкновенно прибегают к соответствующему списку, приложенному к цитированной работе Соболевского⁴⁷. Внося поправки и одновременно дополняя этот список, Турилов тут же предлагает параллельный перечень той литературной продукции южных славян, которая прошла мимо внимания их собратьев на востоке. Сюда входят отдельные произведения и целые книги, сборники устойчивого состава, разные переводы с одного оригинала, так что в итоге количество пропущенного едва ли сильно уступает количеству полученного в результате влияния⁴⁸. Из-за того, что большинство переводов, как пропущенных, так и полученных, остаются неизученными, у нас нет возможности дополнить количественные пропорции развернутыми сопоставлениями

⁴⁴ Буланин Д. М. Судьба «Степенной книги» в русской литературе и историографии XVI-XVIII веков // Русская литература. 2012. № 4. С. 223.

⁴⁵ Наиболее выразительный пример — книги, переписанные известным иеромонахом Серапионом (Левшина Ж. Л. «Болгаризированное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и Второе южнославянское влияние // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 39-47).

⁴⁶ Турилов А. А. Восточнославянская книжная культура... С. 548, примеч. 62.

⁴⁷ Соболевский А. И. Южнославянское влияние... С. 15-23 (Приложение I).

⁴⁸ Турилов А. А. Южнославянские переводы XIV-XV вв. ... С. 556-662. С другой стороны, Турилов перечисляет группу небольших по объему текстов, которые считаются южнославянскими переводами, но которые сохранились только в русских списках (Там же. С. 559). Южнославянское происхождение некоторых из них нуждается в серьезных доказательствах.



отдельных текстов, имеющих одновременно в южнославянских и в русских списках. Тем не менее, есть несколько случаев, иллюстрирующих провалы именно в восточнославянской традиции. Первый — это «Паралипомен», сокращенная переработка Хроники Иоанна Зонары, которой противостоит полный перевод произведения, известный только в южнославянских списках (пример не без натяжки, потому что «Паралипомен» пришел в русскую литературу с более поздней волной южнославянского влияния)⁴⁹. Второй — «третья редакция» сборника шестнадцати слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, с которой мы начали свой рассказ. Если в южнославянских списках распространялся современный перевод толкований ко всем шестнадцати словам («третья южнославянская редакция»), на Русь в протографическом кодексе Кассиана Румянцева попали толкования только к первым восьми словам. В целом нельзя не признать справедливость вывода исследователя: «Применительно к южнославянскому переводному наследию XIV–XV вв. восточнославянская традиция выглядит одной из равноправных младших ветвей (и при этом не самой богатой среди них и наиболее «усредненной»), наряду с общебалканской ресавской и славяно-румынской (в валашском и молдавском вариантах)»⁵⁰.

Продолжим наши размышления о «незримости» процесса южнославянского влияния. Есть еще одна примечательная черта, которой отмечено взаимодействие двух литературных традиций в пору Второго южнославянского влияния, но которая характерна и для других эпизодов, когда книжные богатства переносились из одной части славянского мира в другую. Как давно уже было отмечено в историографии⁵¹, переносились памятники общехристианского содержания («литература-посредница», в терминологии Д. С. Лихачева), лишенные местной специфики, и такое положение вещей делало обыкновенно ненужными подробные сведения об источнике происхождения отдельно взятого сочинения, перевода или целой книги. Эти книги были в большей степени безадресными, нежели литературная продукция местного производства, даже принимая в расчет, что последняя тоже была склонна к абстрагированию⁵². Безуспешные розыски следов, какие бы оставило движение книжного корпуса с юга на восток, велись уже и продолжают вестись в отношении того, что теперь принято называть «Первым южнославянским влиянием»⁵³. То есть о процессе рецепции только что просвещенной крещением Русью памятников славянской письменности, преимущественно болгарской эпохи «золотого века», какие были написаны и переведены со времен создания алфавита первоучителями Кириллом и Мефодием. Внушительное количество этих памятников, за малым исключением переводных, резко дисгармонировало с ненарушимым молчанием источников о средствах их получения восточными славянами, сея сомнения и неверие в смущенных сердцах славистов. Единственная книга за XI–XIII вв., о пересылке которой на Русь есть современное известие, — это запрошенная митрополитом Кириллом у болгарского деспота Святослава Сербская Кормчая. О проникновении к восточным славянам других текстов, добытых едва ли не контрабандой, долгое время ученые вынуждены были строить

⁴⁹ О судьбе Хроники у южных славян см.: Турилов А. А. Заметки о славянской рукописной традиции Хроники Иоанна Зонары // *Летописи и хроники: Новые исследования*. 2015-2016 гг. М.; СПб., 2017. С. 3-11.

⁵⁰ Турилов А. А. Южнославянские переводы XIV-XV вв. ... С. 558-559.

⁵¹ См., например: Лихачев Д. С. Развитие... С. 35-39; История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб.; Köln; Weimar; Wien, 1995. С. 19 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd. 13/73) (автор — Д. М. Буланин).

⁵² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 102-111.

⁵³ Ср. о термине: Успенский Б. А. История... С. 21.

разные остроумные предположения. Сейчас, когда историки научились подходить к культуре прошлых столетий с ее собственными мерками, эта тайна представляется не столь уже таинственной. Нет никакого сомнения, что все письменное наследие предшествующей эпохи рассматривалось представителями *Slavia Orthodoxa* как общее достояние всех православных славян. Видеть в Первом южнославянском влиянии единовременный и кем-то регулируемый процесс означает приписать нашим предкам модернизированное представление о книге, как главном вместилище отвлеченных человеческих знаний, пускай даже сугубо религиозных, — знаний, которые подлежали методичному и целенаправленному овладению. Подобных мыслей у новопросвещенных жителей Киевской Руси, разумеется, не зарождалось, а в связи с неприятием школ как социального института не было и инстанции, которая могла бы пропагандировать такие абстрактные идеи⁵⁴. Болгарским книжным памятникам не приходилось изыскивать никаких особых путей, чтобы попасть на территорию Руси, поскольку они оказались там единственным законным способом — в результате распространения сферы их действия. Они приносились или переписывались русскими грамотеями по мере возникновения надобности, будучи составными частями их собственной книжной культуры. Другое дело — что надобность возникла не сразу, так что и актуализация общеславянской «литературы-посредницы» растянулась на долгое время и ощущалась на широких просторах Восточноевропейской равнины неравномерно. Для совершения треб в Десятиной церкви — первой из построенных князем Владимиром — не могло возникнуть желание у ее служителей, да и не было никакой потребности — заводить такое непонятное для едва принявших крещение язычников учреждение, как библиотека. Довольно было нескольких служебных кодексов. Позднее, при князе Ярославе, когда ясно обозначились эмулятивные по отношению к Византии тенденции (имитация Константинополя на Днепре)⁵⁵, специально для княжеского дворца или дворцовой церкви могло быть изготовлено несколько роскошных кодексов, вроде Изборника 1073 г. Быть может, именно о них идет речь в пресловутой летописной статье 1037 г.⁵⁶ При этом нет даже нужды заключать отсюда, что эти кодексы предназначались для чтения, а не для украшения интерьера в качестве артефактов, воспроизводящих византийскую обстановку.

Однако свято место пусто не бывает. Историки прежней школы склонны были опрокидывать политическую историю, препарированную по социологическим лекалам XIX–XX вв., на историю культуры. Коль скоро в XI в. Первое болгарское царство перестало существовать, и коль скоро, с другой стороны, тогда именно Киевская Русь приобщалась к традициям христианской культуры, с легкостью делался вывод, что болгарские книжные богатства перекочевали из одной страны в другую. И дальше: коль скоро, по сообщению летописи, собранные Ярославом писцы «прекладаше от грек на словенское писмо», дело ясное: киевские библиотефилов занялись приумножением доставшихся им богатств. В 1897 г. появился первый вариант статьи А. И. Соболевского «Особенности русских переводов домонгольского периода», в 1910 г. статья была переиздана в дополненном виде⁵⁷. Этой статье, где автор, главным образом опираясь на показания лексики, пытался отделить древние киевские

⁵⁴ Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. С. 265–272 (*Slavistische Beiträge*. Bd 278).

⁵⁵ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000. С. 304–315.

⁵⁶ Последнее по времени обсуждение летописной статьи см.: Живов В. М. История... Т. 1. С. 91–93.

⁵⁷ Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды IX археологического съезда в Вильне. М., 1897. Т. 2. С. 53–61; То же // Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 134–147



переводы от болгарских, суждено было сыграть фатальную роль в дальнейших разысканиях по данному вопросу. Хотя до сих пор никто не нашел строгих критериев для дифференциации древнейшего свода славянских переводов на обособленные части по национальному признаку (потому что сама мысль о национальном обособлении была вполне чужда средневековой культуре), баталии об объеме киевского переводного наследия, нередко подогретые откровенно политическими мотивами, уже более ста лет сотрясают палеославиистику. Но историографическое мифотворчество, игнорирующее культурную дистанцию, ухитрилось сочинить авантюрные теории, смелость которых оставляет далеко позади малодостоверные списки киевских переводов, составленные Соболевским и его преемниками. Толчком к мифотворчеству послужило наличие среди древнейших русских книг трех парадных фолиантов с миниатюрами, изображающими владетельных особ, как небезосновательно считается, восходящих к болгарским оригиналам (помимо упомянутого Изборника 1073 г., это рукописи «Учительного Евангелия» Константина Преславского и «Слова об Антихристе» (сопровожаемого другими текстами) Ипполита Римского). На следующем этапе развития легенды утверждается, что оригиналы трех рукописей принадлежали библиотеке болгарских царей. Далее возникает законный вопрос, каким образом оригиналы оказались в руках киевских князей. На сей предмет существует много версий: согласно одной, книги привезла из Константинополя княгиня Ольга, согласно другой — они были взяты в качестве трофея князем Святославом. Иные полагают, что библиотека была захвачена византийцами и отдана князю Владимиру в качестве приданого при его браке с Анной, иные — что книги достались киевлянам, участвовавшим в окончательном разгроме Болгарии, и проч.⁵⁸. Такого рода теории пренебрегают тем, что неграмотный язычник Святослав едва ли польстился бы на такое добро, и тем, что на другой день после принятия крещения Владимир, наверное, был бы крайне раздосадован таким подарком, и тем, наконец, что книги, мягко говоря, никогда не были самой желанной добычей на войне, и проч. Но миф живет уже своей жизнью: учитывая, что болгарские оригиналы ни одной из трех книг не сохранились (хотя не сохранились аниграфы и десятки других древнейших книг!), А. А. Алексеев делает глубокомысленный вывод, что все три должны были погибнуть на Руси при одном и том же катаклизме⁵⁹. Впрочем, пора, наверное, оставить мифы в покое и вернуться к более прозаическим материям.

Итак, существование общеславянской «литературы-посредницы» предопределило то, что феномен Первого южнославянского влияния предстает перед нами только в виде конечного результата, в то время как конкретное развитие этого феномена, скорее всего, останется для нас навсегда скрытым. Если мы обратимся теперь к следующему по времени этапу взаимодействия русской и южнославянской письменности, который отмечен явлением, получившим, кажется, впервые под пером Х. Микласа название «Первого восточнославянского влияния»⁶⁰,

(СОРЯС. Т. 88. № 3). Ср. современное переиздание работы в кн.: *Соболевский А. И. История русского литературного языка*. Л., 1980. С. 134-147.

⁵⁸ Краткий перечень подобных занимательных историй, со ссылками на литературу, см.: Thomson F. J. *The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma*. *Harvard Ukrainian Studies*, 1988/1989, Vol. 12/13: Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine, pp. 237-238; *Живов В. М. История...* Т. 1. С. 93.

⁵⁹ Этот сиквел Алексеева известен мне в пересказе Турилова (*Турилов А. А. Болгарские литературные памятники...* С. 201).

⁶⁰ Miklas H. *Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluss auf die südslavische Literatur*. *Symposium Methodianum: Beiträge des Internationale Tagung*

мы увидим картину, во многом сходную с тем, что мы наблюдали при обсуждении обстоятельств Первого южнославянского влияния. Первое восточнославянское влияние как реальный факт обмена текстами между родственными литературами был обстоятельно описан, с многочисленными примерами, М. Н. Сперанским⁶¹, Потом об этом писал в цитированной работе Миклас. Собранные ими материалы существенно дополнены в последнее время Туриловым⁶². Хронология влияния примитивным образом выводится из ключевых политических событий (возрождение болгарской и сербской государственности, с одной стороны, татарское нашествие, с другой стороны), так что нуждается еще в осмыслении. Не ставя перед собой цели анализировать привлеченные к разработке конкретные памятники, позволю себе все же заметить, что Первое восточнославянское влияние опознается, сравнительно с тем, что мы наблюдали в предыдущие столетия в Киевской Руси, как явление значительно менее контрастное. Тому есть объективные причины: если восточнославянская письменность, особенно на начальном этапе своего развития, представляла собой *tabula rasa*, то письменная традиция на Балканах существовала с IX в. (византийское завоевание Болгарии не означало перерыва этой традиции), поэтому русские тексты приходили на удобренную почву и различить их в общей массе совсем нелегко. Соответственно, наиболее надежными примерами Первого восточнославянского влияния являются найденные в южнославянских списках оригинальные киевские тексты (сочинения митрополита Илариона, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, и др.). Могут быть случаи, когда древние славянские переводы, рано перешедшие на Русь, возвращались оттуда на Балканы с русскими добавками или многократно кочевали в том и другом направлении (такова ситуация с Прологом). Наиболее слабым звеном в перечне фактов влияния остаются, конечно, переводы, которые начал привлекать в данном контексте уже Сперанский (миграция перевода «Пчелы» и др.). Поскольку локализация переводов остается у нас на уровне предположений, включение их в факты Первого восточнославянского влияния оказывается предположением второго уровня. Для нас сейчас Первое восточнославянское влияние интересно как новая иллюстрация идеи культурной общности, которая не угасала в представлениях единоверных славян, и которая успела уже столь полно проявиться при Первом южнославянском влиянии. Как и в том случае, это все были произведения общехристианской тематики, входившие в значительно пополненную за прошедшие годы «литературу-посредницу». Не приходится удивляться, что не осталось ровным счетом никаких свидетельств о движении памятников письменности в обратном направлении — с востока на юг, ведь эти памятники представляли собой по-прежнему общеславянское достояние⁶³.

in Regensburg zum Gedänken an den 1100. Todestag des hl. Method, Neuried, 1988, S. 437-471 (Selecta Slavica. Bd 13).

⁶¹ Сперанский М. Н. 1) К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур: (Русские памятники письменности на юге славянства) // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 7-54; 2) Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV-XVI вв. // Там же. С. 55-103.

⁶² Турилов А. А. 1) Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII-XIV вв.: (Проблемы и перспективы изучения) // Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 239-261; 2) Из истории русско-южнославянских книжных связей XII-XIII вв.: Новое и забытое // Там же. С. 262-285. Исчерпывающую библиографию см.: ПЭ. М., 2007. Т. 16. С. 162-171 (автор — А. А. Турилов).

⁶³ По поводу отсутствия прямых исторических свидетельств Первого восточнославянского влияния особенно горько сетует Турилов (Турилов А. А. Памятники древнерусской литературы и письменности... С. 239).



Наше затянувшееся отступление вглубь веков от обсуждаемой темы — Второго южнославянского влияния отнюдь не произвольно. Напомню, что поводом для отступления послужило обсуждение причин «незримости» процессов Второго южнославянского влияния, о котором мы в значительной степени судим по его плодам, не имея почти никаких сведений о средствах транспортировки текстов. Одной из важных причин, обусловивших такую «незримость», несомненно является, как и на предыдущих стадиях развития литературы (Первое южнославянское влияние, Первое восточнославянское влияние), удержавшееся в культуре сознание общности письменного наследия всех православных славян. На восток славянского мира, как и при прежних встречах двух традиций, переходила классика христианской литературы, обмен и теперь совершался в рамках «литературы-посредницы». Именно поэтому (помимо других рассмотренных выше причин) книжники рубежа XIV–XV вв. чаще всего не считали нужным оставлять сведения о происхождении отдельно взятого текста или книги. Стойкость сложившейся веками культурной парадигмы в изучаемую эпоху — отчетливо выраженного сознания этно-конфессионального родства — поистине достойна удивления. Ибо эта парадигма сохраняет свой вес, несмотря на явное безразличие тогдашних русских источников (летописей) к перипетиям политической истории южнославянских государств, включая катастрофические для балканских стран итоги XIV в., вопреки нарастанию диспаритета в объеме литературного фонда местного значения, наконец, невзирая на задержки и загвоздки, возникавшие при переносе в новую среду разработанных болгарами и сербами нормализованных систем орфографии.

Как мне представляется, можно даже вывести формулу обратной связи, а именно: как отсутствие сведений о процессе взаимодействия родственных литературных культур есть следствие их общности, по крайней мере, в сознании носителей этих культур, так точно и появление относительно вразумительных и адресных данных об обстоятельствах, или хотя бы о предназначении каждого акта книжного обмена есть симптом того, что литературное развитие у разных представителей в семье единоверных славян пошло своим индивидуальным путем. В этом отношении полезно сравнить однотипную, как мы видели, ситуацию в хронологических пределах до середины XV в. с фактами межславянского взаимодействия более позднего времени. На первом месте в ряду этих фактов стоит, конечно, упомянутая выше компактная группа сербских текстов исторического или псевдоисторического содержания, которая отчасти привлекалась к работе в русских исторических компиляциях, утверждавших достоинство возвышающегося Московского царства, отчасти же сопутствовала осмыслению исторического прошлого всего человечества, которым отмечено развитие русской культуры конца XV — XVI вв. Речь идет, прежде всего, о сборнике Ферапонта Обухова РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского мон., № 655, содержащем, наряду с житиями Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского и Илариона Мегленского, переводы «Паралипомена» Зонары и фрагментов из «Сербской Александрии». Хотя сборник № 655 уже никто не считает сербским, отдельные его части сохранили явные следы сербского антиграфа (антиграфов), другие, как видно, русифицировались непосредственно переписчиком рукописи⁶⁴. Все перечисленные тексты активно использовались при создании Русского Хронографа. Еще одним важнейшим источником Хронографа явилась Хроника Константина Манассии в болгарском переводе. Хотя список Хроники, с которым работали составители русского свода, утрачен, есть веские основания предполагать, что на каком-то раннем этапе развития русский извод перевода был сверен

⁶⁴ Турилов А. А. К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в. // Турилов А. А. Межславянские культурные связи... С. 584-595.

по сербскому. Исследовательница перевода не исключает даже, что архетип русского извода был переписан сербом⁶⁵. Между прочим, в утраченный список перевода был вставлен особый рассказ о Троянской войне «Притча о кралех» — сербский по происхождению. Еще в XV в. в русскую письменность перешла «Сербская Александрия», поздняя версия романа об Александре Македонском псевдо-Каллисфена. Хотя архетип русской редакции произведения не сохранился, ближайшие к нему списки (в том числе список Ефросина Белозерского), все восходящие к одному протографу, демонстрируют серьезные отличия от фрагментов в сборнике Ферапонта Обухова. Можно поэтому думать, что «Сербская Александрия» поступала в московскую письменность дважды в отличных друг от друга вариантах. Обращение к «Сербской Александрии» составителей все того же Хронографа — давно установленный факт, остается выяснить, каким из вариантов (или тем и другим одновременно?) они пользовались. Наконец, источником Хронографа послужило также Житие Саввы Сербского, доставка его в Москву старцем Исайей в 1517 г. отмечена летописью как особенно знаменательное событие. В конце XV в. появляется в русской письменности еще один исторический текст, пришедший к нам по проторенной дороге с юга на северо-восток — «Повесть о Дракуле». Во второй половине XV–XVI вв., почти всегда через сербов, оживляются связи Москвы с Афоном, что нашло отражение и в двух псевдоисторических циклах афонских легенд, и в нескольких рассказах об афонских святынях⁶⁶.

На первый взгляд, перечисленные факты можно, пожалуй, собрать под одной шапкой очередного южнославянского влияния. Такое решение было бы принципиально ошибочно, потому что культурно-историческое содержание этой встречи разных литературных традиций коренным образом отличается от того, что мы отмечали при обсуждении Первого южнославянского влияния, Первого восточнославянского влияния и, наконец, Второго южнославянского влияния. То были исключительно духовные процессы, не имевшие никакой опоры в государственной политике. Теперь все изменилось. Представленные только что факты следует включить в более широкую панораму московско-сербских идеологических контактов, которыми ознаменовалось развитие русской культуры с конца XV в. вплоть до середины XVI в. Эти контакты имели для Москвы первостепенное значение, потому что она воспринимала себя как единственную законную наследницу павшей Византийской империи и конструировала, с помощью гетерогенных компонентов, свою собственную модель священного царства с имперским прицелом. Сербские образцы играли в этой конструкции чрезвычайно ответственную роль⁶⁷. Иными словами, заимствование сербских текстов и псевдоисторических легенд включало в занимающий нас сейчас поздний период русско-славянских связей ясно ощущаемую политическую тенденцию. Закономерно, что и содержание заимствованных сочинений явно выходит за рамки «литературы-посредницы», через которую в предыдущие эпохи передавался от одних славян другим корпус памятников общехристианского содержания. Теперь мы видим совсем другое — обращение вполне обособленной русской культуры, ориентированной на идеологию возвышающегося государства и в целом самодостаточной, к скромным, по мнению Москвы, книжным сбережениям, какими можно было иногда, после тщательной проверки на их конфессиональную доброкачественность, разжиться у единоверных, но утративших свою государственность братьев-славян. Каждый взятый у них текст, как и каждая из стекавшихся теперь в Москву с Балкан

⁶⁵ Салмина М. А. Русский извод Хроники Константина Манассии // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988. С. 50-58.

⁶⁶ Все афонские следы в литературе эпохи подробно анализируются в работе: Буландин Д. М. Афон... С. 428-763.

⁶⁷ Перечень этих образцов см.: Там же. С. 480-494.



христианских реликвий, всегда почти снабжен индивидуальной характеристикой, своей «въездной визой». Нужно ли повторять, что эта ситуация не имеет ничего общего с неосязаемым перемещением крупного блока памятников в годы Второго южнославянского влияния, которое является начальным и конечным пунктом наших рассуждений?

Источники и литература

1. БЛДР. Т. 6: XIV — середина XV века. СПб.: Наука, 1999.
2. Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München: Verlag Otto Sagner, 1991 (Slavistische Beiträge. Bd 278).
3. Буланин Д. М. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в.: (Из истории образа по памятникам, учтенным в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», а также пропущенным при его подготовке) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 427–763.
4. Буланин Д. М. Житие Афанасия Афонского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 635–645.
5. Буланин Д. М. Мифологические толкования к словам Григория Богослова и «Шестоднев» Иоанна Экзарха // ТОДРЛ. Т. 66 (в печати).
6. Буланин Д. М. Судьба «Степенной книги» в русской литературе и историографии XVI–XVIII веков // Русская литература. 2012. № 4. С. 219–224.
7. Буланин Д. М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.)». СПб.: Дмитрий Буланин, 2010.
8. Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1968. Т. 23. С. 171–198.
9. Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской письменности: (Графико-орфографические признаки Второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб.: Алетейя, 2001. С. 325–382 (Труды Центрального музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. 1).
10. Гальченко М. Г. Лисицкие датированные рукописи конца XIV — первой половины XV в. и проблема Второго южнославянского влияния // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб.: Алетейя, 2001. С. 147–166 (Труды Центрального музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. 1).
11. Живов В. М. История языка русской письменности. В 2 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 1–2.
12. Житие Сергия Радонежского: Пространная редакция / Подгот. А. В. Духаниной. М.; Брюссель: Conference Sainte Trinité; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2015 (Patrologia Slavica. Вып. 3).
13. История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб.; Köln; Weimar; Wien: Дмитрий Буланин; Böhlau Verlag, 1995 (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd 13/73).

14. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

15. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты. М.: Языки русской культуры, 1998.

16. Князевская О. А., Чешко Е. В. Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Търновского // Търновска книжовна школа. Т. 2: Ученици и последователи на Евтимий Търновски (Втори Международен симпозиум. Велико Търново, 20-23 май 1976). София: Издателство на Българска Академия на науките, 1980. С. 282-292.

17. Левшина Ж. Л. «Болгаризированное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и Второе южнославянское влияние // Очерки феодальной России. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. Вып. 16. С. 39-47.

18. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979.

19. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973.

20. Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897 (Изд. ОЛДП. № 113).

21. Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. / Публ. Р. П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л.: Наука, 1991. С. 24-41.

22. Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011.

23. Попова Т. Г. Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности. Саарбрюкен, 2011.

24. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. 16.

25. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17.

26. Прохоров Г. М. Досифей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1: А-К. Л.: Наука, 1988. С. 198.

27. РИБ. СПб., 1908. Т. 6. 2-е изд.

28. Саенко Л. П. К истории славянского перевода текста Лествицы Иоанна Синайского // Palaeobulgarica=Старобългаристика. 1980. Т. 4. Кн. 4. С. 19-24.

29. Салмина М. А. Русский извод Хроники Константина Манассии // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София: Издательство Болгарской Академии наук, 1988. С. 50-58.

30. Седельников А. Д. Несколько проблем по изучению древней русской литературы: Методологические наблюдения // Slavica. 1929-1930. Vol. 8. С. 503-525, 728-740.

31. Сеницына Н. В. Русское монашество и монастыри: X–XVII вв. // Православная энциклопедия. (Вводный том): Русская православная церковь. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 305-324.

32. Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980.

33. Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Труды IX археологического съезда в Вильне. М., 1897. Т. 2. С. 53-61.

34. Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 134-147 (СОРЯС. Т. 88. № 3).

35. Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках // Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 1-37 (СОРЯС. Т. 74. № 1).

36. *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур: (Русские памятники письменности на юге славянства) // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 7-54.
37. *Сперанский М. Н.* Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV–XVI вв. // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 55-103.
38. *Турилов А. А.* Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв.: (Заметки к оценке явления) // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 199-219.
39. *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV – XV в. и «Второе южнославянское влияние» // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 519-555.
40. *Турилов А. А.* Забытые русские святогорцы – Калинин и «филадельф»: (Страничка истории русского книгописания на Афоне в конце XIV – начале XV в.) // МОСХОВИА: Проблемы византийской и новогреческой филологии. Вып. 1: (К 60-летию Б. Л. Фонкича). М.: Индрик, 2001. С. 431-437.
41. *Турилов А. А.* Заметки о славянской рукописной традиции Хроники Иоанна Зонары // *Летописи и хроники: Новые исследования.* 2015-2016 гг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. С. 3-11.
42. *Турилов А. А.* Из истории русско-южнославянских книжных связей XII–XIII вв.: Новое и забытое // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 262-285.
43. *Турилов А. А.* К вопросу о сербском компоненте во «Втором южнославянском влиянии» // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 596-611.
44. *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII–XIV вв.: (Проблемы и перспективы изучения) // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 239-261.
45. *Турилов А. А.* Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси: (К 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского) // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 556-583.
46. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка: (XI–XVII вв.). München: Verla Otto Sagner, 1987 (Sagners Slavistische Sammlung. Bd 12).
47. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750–1200. Пер. с англ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
48. *Шубаев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодинологическое исследование. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013.
49. Goldblatt H. *Orthography and Orthodoxy: Constantine Kostenečki's Treatise on the Letters (Skazanie izbavljenno o pismenex).* Firenze: Le Lettere, 1987 (Studia Historica et Philologica. Vol. 16).
50. Miklas H. Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluss auf die südslavische Literature. *Symposium Methodianum: Beiträge des*

Internationale Tagung in Regensburg zum Gedänken an den 1100. Todestag des hl. Method, Neuried: Hieronymus Verlag, 1988, S. 437-471 (Selecta Slavica. Bd 13).

51. Romanchuk R. *Byzantine Hermeneutics and Pedagogy in the Russian North: Monks and Masters at the Kirillo-Belozerskii Monastery, 1397-1501*. Toronto; Buffalo; London, University of Toronto Press, 2007.

52. Thomson F. J. The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma. *Harvard Ukrainian Studies*, 1988/1989, Vol. 12/13: Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine, pp. 214-261.

**Преподобный Иосиф Волоцкий
в отношении к власти великого князя и митрополита
в конце XV — начале XVI вв.**

Ересь жидовствующих относится к числу феноменов в области духовной жизни Московской Руси, которые неизменно привлекают внимание исследователей¹. Именно появление этой ереси породило богословские споры, всплеск полемической литературы и выдвинуло на историческую авансцену выдающегося богослова и писателя Иосифа Волоцкого². Согласно утвердившемуся в науке мнению Иосиф Волоцкий вступил на поприще антиеретической борьбы, откликнувшись на призыв архиепископа Геннадия, и в 1490-х годах стал «ударной силой воинствующих церковников»³. Как соотносятся историографические мнения со сведениями источников?

Версия о раннем вступлении Иосифа в полемику с еретиками излагается в его житии, принадлежащем перу епископа Саввы Крутицкого⁴: В Житии Иосифа, составленном Львом Филологом, сообщается о том, что Иосиф был призван на борьбу с ересью на церковном соборе против еретиков, но при этом сербский агиограф объединил в одну статью информацию о двух соборах на еретиков: соборе 1490 г. и соборе 1504 г.⁵ В «Надгробном слове» племянник преподобного Досифей Топорков описывает вступление Иосифа в борьбу с еретиками следующим образом: «нача обличати богоборную ересь, и писание посылати к самодержцьемъ и ко архиереемъ и къ большимъ от боярскаго совета и ко всемъ хрестияномъ: уча не приимати богоборныя

¹ Аналитический обзор историографии см.: Алексеев А. И. Жидовствующие // ПЭ. Т. XIX. М., 2008. С. 185–194; Алексеев А. И. Ересь жидовствующих в России в 1470–1510-х годах: в поисках европейских аналогов // Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России. Санкт-Петербургский институт истории РАН. Труды. Вып. 3 (19). СПб., 2017. С. 107–164.

² Биографические работы о преп. Иосифе Волоцком см.: Алексеев А. И. Иосиф (Санин), прп. // ПЭ. Т. XXV. М., 2010. С. 559–577; Алексеев А. И. Иосиф Волоцкий. М., 2014.

³ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 223. И. Панов не был столь категоричен, когда писал: «Можно заключить, что деятельность Иосифа против еретиков началась весьма рано, почти одновременно с деятельностью против них Геннадия, хотя определенно и нельзя указать времени ее начала» (Панов И. Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877, февраль. С. 265).

⁴ «И возвестиша архиепископ сие зло игумену Иосифу, и просит помощи, дабы, рече, зло сие еретичество не вошло во умножение неразумных человек. И сиа слыша отец Иосиф зело оскорбися, и вельми болезнуя о православней вере от всего живота своего: разны бо телесным разстоянием съ архиепископом, а духом въ единстве, о православной вере страдати не токмо наказанием и писанием, но и на муки себе вдати за православную хрестову веру уготовиша. И нача отец Иосиф ово наказанием, ово же писанием спомогати архиепископу, и о сем зело скорбаше, дабы не вошло сие еретическое злое учение в неразумныя человеки царския палаты, не зная божественных правил: ведаше бо отец Иосиф от божественнаго писания, яко от неразумных человек, от вельмож царскихъ, и православныя цари от еретическаго учения отступиша православныя хрестиянскаи веры, и о сем явлено известно в его списании на новгородския еретики» (Житие преп. Иосифа, игумена Волоколамского, составленное Саввою епископом Крутицким // Чтения в Московском ОЛДП. М., 1865. Кн. 2. С. 34).

⁵ Белокуров С. А. Житие Иосифа // ЧОИДР. 1903. Кн. III. С. 34.

ереси, но и ставится на них и обличати ихъ и в заточение посылати: и елика они злочестиа семена сеяху, он же своим писанием истерзаше. Написа же и книгу на них, богоборное ихъ веление обличая: писа же и къ новгородскому архиепископу Генадью, и воздвиже его на ревность Божию, и бысть яко Илия на них, ревностию дыхая по Христе Бозе Вседержителе»⁶. «Надгробное слово» и оба жития Иосифа были написаны в середине XVI в. и не могут претендовать на точное изображение событий более чем полувековой давности⁷.

Наши главные источники: антиеретические послания Иосифа Волоцкого и основополагающий труд, получивший в позднейшей традиции наименование «Просветитель», не имеют точных дат создания и датируются только на основании косвенных признаков. Согласно традиционной точке зрения 5 антиеретических посланий Иосифа Волоцкого (Послание архимандриту Вассиану о Троице, Послание епископу Нифонту, Послание брату Вассиану Санину, Послание архимандриту Евфимию и Послание архимандриту Андронниковскому Митрофану)⁸ помещаются в довольно широком хронологическом диапазоне 1470-х — 1504 гг.⁹

Первым антиеретическим сочинением Иосифа Волоцкого считается «Послание архимандриту Вассиану о Троице»¹⁰. Первые исследователи этого памятника Н. А. Булгаков и И. Хрущов датировали Послание временем до 1478 г.¹¹. Исследователи обратили внимание, что Иосиф именуется себя «глупым и ненаученным, во учимом чину живущим», адресата же называет «освященным главой», «господином пастырем». На этом основании был сделан вывод, что Иосиф в момент написания Послания не был еще игуменом, которым стал после смерти Пафнутия Боровского 1 мая 1477 г.¹². Архимандрит Вассиан был отождествлен с архимандритом Тверского Отроча монастыря Вассианом Стригиным-Оболенским, который 6 декабря 1477 г. стал Тверским епископом¹³. Предложенная датировка, то есть период от 1 мая до 6 декабря 1477 г., была усвоена всей последующей историографической традицией¹⁴.

Датируя «Послание о Троице» 1477 годом, приходим к неизбежному выводу о том, что первым обнаружил новгородскую ересь архимандрит из пределов Тверского княжества, обратившийся за разъяснениями богословских вопросов к монаху Пафнутьеву Боровского монастыря, который в церковно-административном отношении подчинялся Коломенской епархии. Далее следует, что монах Иосиф Волоцкий стал первым обличителем ереси, выступившим против еретического учения за 10 лет

⁶ Надгробное слово // Чтения в Московском ОЛДП. М., 1865. Кн. 2. С. 173.

⁷ См.: Дмитриева Р. П. Досифей Топорков // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 202; Лурье Я. С. Житие Иосифа Волоцкого // СККДР. С. 273–276.

⁸ Послания Иосифа Волоцкого (далее — ПИВ). Подг. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. Послание архимандриту Вассиану о Троице — ПИВ. С. 139–144; Послание епископу Нифонту — Там же. С. 160–168; Послание брату Вассиану Санину — Там же. С. 173–175; Послание архимандриту Андронниковскому Митрофану — Там же. С. 175–178. Послание архимандриту Евфимию опубликовано: Кобрин В. В. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки ОР ГБЛ. Вып. 28. М., 1966. С. 236–239.

⁹ Обзор мнений относительно датировки посланий см.: Плигузов А. И. О хронологии посланий Иосифа Волоцкого // РФА. М., 1992. С. 1043–1061.

¹⁰ См.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М.; Л., 1960. С. 214; Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 434.

¹¹ Булгаков Н. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865. С. 149; Хрущов И. Исследования о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868. С. 144–145.

¹² См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 309–310.

¹³ См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 323.

¹⁴ См.: Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. С. 434; Плигузов А. И. О хронологии посланий. С. 1046–1047.



до его официального обнаружения архиепископом Геннадием Новгородским. Нарастающая абсурдность подобных утверждений наводит на мысль об ошибочности исходной посылки. Коль скоро в качестве обоснования для датировки используются такие шаткие аргументы как произвольное отождествление адресата Послания о Троице с архимандритом Вассианом Стригиным-Оболенским и употребление Иосифом самоуничижительных риторических формул, следует искать главные аргументы для решения вопроса о времени написания «Послания о Троице» на пути текстологического сравнения Послания и «Просветителя».

Основным источником о ереси жидовствующих является обширная «Книга на еретиков», которая в историографической традиции именуется как «Просветитель». Из сотни известных списков «Просветителя» принято выделять две основные редакции: Краткую (в составе 11 слов) и Пространную (15 или 16 «слов») ¹⁵. По мнению Я. С. Лурье «Просветитель» в первоначальной Краткой редакции в объеме 11 «слов» был составлен не ранее 1502 г. ¹⁶ Согласно выводам А. И. Плигузова первоначальная редакция «Просветителя» появилась в 1492–1494 гг. и включала в себя 10 «слов» ¹⁷.

В своих работах на основании исследования текстологической истории «Просветителя» и посланий Иосифа Волоцкого я полностью пересмотрел традиционную точку зрения и представил аргументы, которые свидетельствуют о том, что и текст «Сказания о новоявившейся ереси», и антиеретические послания Иосифа Волоцкого необходимо датировать 1502–1504 гг. ¹⁸. Что же касается «Послания о Троице», то сравнительный анализ этого текста и «Просветителя» позволил обнаружить, что между Посланием и 1-м «словом» есть 4 параллельных чтения, между Посланием и 4-м «словом» одно общее чтение, между Посланием и 5-м «словом» таких чтений 11, кроме того, можно говорить о близости двух мест Послания с фрагментами 6-го и 7-го слов ¹⁹. При этом в «словах» «Просветителя» все общие с Посланием цитаты более полны, находятся в едином контексте и вовсе не выглядят механическими вставками ²⁰. Разумеется, то обстоятельство, что тексты Послания и «Просветителя» вышли

¹⁵ См.: Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. С. 95–126. По мнению Я. С. Лурье Краткая редакция составлена в 1502–1504 гг., а Пространная около 1511 г.

¹⁶ Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий. С. 435.

¹⁷ Плигузов А. И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. С. 134–136.

¹⁸ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. С. 267–272; Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 425–441; Алексеев А. И. О вступлении Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М., 2015. С. 148–157; Алексеев А. И. О времени вступления Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Духовная культура Средневековой Руси. М., 2016. С. 184–211.

¹⁹ См.: Алексеев А. И. О «Просветителе» и посланиях Иосифа Волоцкого // Вестник церковной истории. № 2 (10). 2008. С. 145–149. Кратко см.: Алексеев А. И. О первенстве Пространной редакции «Просветителя» Иосифа Волоцкого // Religion und Integration im Moskauer Russland. Konzepte, Potentiale und Grenzen 14–17 Jahrhundert. Hsg. von L. Steindorff. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 76. Wiesbaden, 2010. S. 297–320; Алексеев А. И. О новых результатах исследования «Просветителя» и посланий преподобного Иосифа Волоцкого // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Вып. III. М., 2013. С. 17–29.

²⁰ См.: «Если у двух памятников оказался общий текст, то более первичным должен быть признан тот памятник, стилистическая система которого органично согласуется со стилистическими особенностями выделенного текста» (Бородкин Л. И., Милов А. В., Морозова Л. Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней

из под пера одного автора теоретически позволяет допускать любой характер зависимости. Если настаивать на справедливости традиционной точки зрения, то придется допустить такой характер работы Иосифа Волоцкого, при котором из разных мест небольшого по сравнению со «словами» «Просветителя» Послания о Троице выбираются четыре цитаты и вписываются в различные места 1-го «слова», следом один фрагмент включается в текст четвертого «слова» и значительно расширяется, затем 11 фрагментов выбираются и вписываются в различные места текста 5-го «слова» (почти каждый раз дополняясь!), наконец, еще по одному фрагменту включаются в состав 6-го и 7-го слов. Вышеописанный способ работы путем использования мелких выписок из текста Послания для составления масштабной канонической компиляции, какой является «Просветитель», выглядит в высшей степени искусственным и невероятным. Напротив, гораздо логичнее допустить, что при написании Послания о Троице Иосиф постарался включить в него подходящие для доказательств истинности догмата о Святой Троице цитаты из 1-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го «слов» своего трактата. Именно текстологические аргументы дают веские основания для того, чтобы пересмотреть вопрос о дате и адресате «Послания о Троице».

Результаты сравнительного текстологического анализа «Послания о Троице» и Послания брату Вассиану свидетельствуют о том, что адресатом обоих посланий является один человек²¹. Это родной брат волоцкого игумена Вассиан Санин, который в 1502 г. занял пост архимандрита Симонова монастыря.

Мои выводы относительно текстологической и творческой истории «Просветителя» и посланий Иосифа Волоцкого базируются на пересмотре взаимоотношений между текстами Краткой и Пространной редакций «Просветителя». Мне удалось привести доказательства в пользу того, что первоначальная редакция памятника представлена в списках из собрания Государственного исторического музея²², а Краткая редакция в рукописи, написанной Нилом Сорским и Нилом Полевым, является результатом переработки первой редакции²³. Также было пересмотрено мнение о текстологической зависимости «Просветителя» от антиеретических посланий Иосифа Волоцкого и установлено, что именно послания написаны с использованием текста «Просветителя»²⁴. Помимо того, что мои выводы были получены на основании многолетнего изучения рукописной традиции сочинений Иосифа Волоцкого, они устранили неразрешимые противоречия в схеме традиционной историографии.

Позволим себе обозначить эти противоречия, которых наши предшественники предпочитали не замечать. Во-первых, каким образом игумен из монастыря в пределах удельного Волоцкого княжества сумел получить информацию о еретичестве (а также о развратном образе жизни, включая содомию!) митрополита Зосимы? Иосифов монастырь принадлежал к Новгородской епархии, а архиепископ Геннадий первым возвысил свой голос против новгородских еретиков. Обратившись к посланиям архиепископа Геннадия, мы, однако, обнаружим, что в них фигурируют еретики, изблеченные в Новгороде, упоминаются в числе еретиков настоятели кремлевских соборов Алексей и Денис, и даже великокняжеский дьяк Федор Курицын²⁵. Никаких

Руси // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 330).

²¹ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. С. 242.

²² ГИМ. Епархиальное собрание № 340, № 339.

²³ РНБ. Соловецкое собрание № 326/346.

²⁴ Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. С. 309–310.

²⁵ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. (Далее — Источники). М.; Л., 1955. С. 318, 375, 377, 381.



сведений и даже намеков о причастности к ереси митрополита Зосимы в посланиях владыки Геннадия нет. Другим возможным информатором Иосифа Волоцкого называют его брата Вассиана, поскольку именно на него он ссылается в послании епископу Нифонту Суздальскому. Но вплоть до 1502 г. нет никаких сведений, о том, что Вассиан Санин покидал Волоцкий монастырь, в котором подвизался вместе с братом. Между тем, судя по тем обвинениям, которые Волоцкий игумен бросал в адрес митрополита Зосимы, у него в распоряжении должны были находиться вполне надежные и достоверные доказательства, изобличившие главу русской церкви в еретичестве и тайных пороках. Откуда же о таких тщательно скрываемых пороках мог узнать Волоцкий игумен?

Случалось, мои оппоненты отвечали: Иосиф ничего не знал, он просто оклеветал Зосиму. Но в каких целях, и каковы были его мотивы? Ведь канонические правила предусматривали весьма серьезное наказание за подобные клеветы на высшего иерарха²⁶. Из этого проистекает и второе противоречие традиционной историографии: почему волоцкий игумен, публично выступая против действующего митрополита, не подвергся гонениям²⁷? В Послании епископу Нифонту Суздальскому Волоцкий игумен пишет, что престолу святителей и чудотворцев Петра и Алексея «ныне седит скверный злобесный волк, оболкийся в пастырскую одежду, иже чином святитель, а произволением Июда предатель и причастник бесом»²⁸. В том же послании митрополит именуется «змием пагубным», «антихристовым предтечей, иже антихриста ждеть», «сын погибельный», «сатаниным сосудом и диаволовым»²⁹. Глава русской церкви обвиняется в «содомской скверне», пропаганде «жидовства», отступничестве от Христа, «хулении» Богородицы и Христа, иконоборчестве и отрицании Евангелия, апостольских и святоотеческих писаний, неверии во Второе пришествие Христа и воскресение мертвых³⁰. В послании архимандриту Евфимию³¹, которое также датируют периодом пребывания Зосимы на митрополичьей кафедре, Иосиф Волоцкий называет митрополита «сквернителем», «лукавым змием», «вторым Арием», «сатаниным угодником» и «сатаниным первенцем»³². В Послании брату Вассиану Санину Иосиф

²⁶ Выступление с обвинениями против своего епископа влекло для клириков, мирян и монахов извержение из клира и отлучение от Церкви. Укажем здесь 31, 39, 55 правила святых апостол, а также 10 правило Карфагенского собора, 13-е и 15-е правила Константинопольского Двухкратного собора. Все указанные правила содержались в кормчих русской редакции. Укажем их в Новгородской Синодальной кормчей: ГИМ. Синод. 132. ЛЛ. 38 об., 41, 45, 145 об., 249 об. Например, 13-е правило Константинопольского Двухкратного собора гласило: «Аще который пресвитерь или дяконъ яко же се мняся сведый своего епископа съгрешьша преже суда уведения всехъ епископъ сбора отступиться от общения его и не поминаетъ имене его въ служдбе, да извержется и вся священническая чести да будетъ лишень... мниси же и мирьстии человеци да отлучаться дондеже обратяться».

²⁷ Р. Г. Скрынников видел объяснение в личных качествах Зосимы: «Если бы Зосима обладал решительным характером, он мог бы подвергнуть гонениям своих противников, сместить епископов» (*Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.* Новосибирск, 1991. С. 151). Представляется, что ссылки на характер не могут объяснить причины безнаказанности Иосифа Волоцкого. Любой иерарх, подвергшись таким чудовищным обвинениям, был обязан принять меры к возмутителю спокойствия. Эти меры были в арсенале главы русской церкви, который являлся ставленником великого князя, но почему-то ни одна санкция не была задействована.

²⁸ ПИВ. С. 160–161.

²⁹ Там же. С. 161–162.

³⁰ Там же. С. 161.

³¹ *Кобрин В. Б. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки ОР ГБЛ. Вып. 28. М., 1966. С. 227–239.*

³² *Кобрин В. Б. Послание Иосифа Волоцкого. С. 236, 238, 239.*

уподобляет еретика-митрополита, осквернившего святительский престол, «дикому вепрю»³³. В том, что адресатом всех этих обвинений был именно Зосима сомневаться не приходится — в «Сказании о новоявившейся ереси», которое является начальной частью «Просветителя», митрополит-еретик назван Зосимой с приложением всех перечисленных и нескольких новых поносительных эпитетов, среди которых: «съсуд злобе», «главня съдомьскаго огня», «огню геоньскому пища», «Манента злейший», «змий тмоглавый», «диаволов вепрь», «Арие новый»³⁴.

Известно, что спор с митрополитом Ионою стоил учителю Иосифа Пафнутию Боровскому заточения в темнице³⁵. Конфликт Геннадия Гонзова в бытность архимандритом Чудова монастыря с митрополитом Геронтием закончился для Геннадия заключением в митрополичьем подвале, даже несмотря на заступничество великого князя³⁶. Заметим, что предметом этих споров были сравнительно небольшие различия в понимании богослужебных уставов, и ни один из пострадавших в этих спорах не отвергал святительскую власть, не обвинял митрополита в таких чудовищных преступлениях как отступничество. Здесь можно было бы сказать, что великий князь Иван III проводил по отношению к главе русской церкви собственную политику, он даже вынашивал планы смещения со святительской кафедры митрополита Геронтия. Но как раз Зосима и был ставленником великого князя и, по всей видимости, оказал великому князю очень важные услуги³⁷. В свою очередь, вплоть до 1502–1504 гг. отношения между Иваном III и волоцким игуменом вовсе нельзя назвать близкими и доверительными. Таким образом, сторонникам традиционной датировки «Просветителя» и антиеретических посланий Иосифа Волоцкого следовало бы задаться вопросом: почему он решился адресовать действующему митрополиту тягчайшие обвинения и почему остался ненаказанным, не имея поддержки со стороны великого князя.

И. Е. Дронов в своей статье, опубликованной в 2016 г., обратил свой пафос против моих выводов относительно текстологической и творческой истории «Книги на еретиков» и посланий Иосифа Волоцкого³⁸. Доцент Тимирязевской академии вынес суровый и категоричный приговор: «Подобная картина, прямо вытекающая из концепции А. И. Алексеева, по нашему мнению, не только оскорбительна для памяти Преподобного Иосифа, но и противоречит данным источников, основываясь исключительно на догадках, произвольных предположениях и допущениях, никак не доказанных гипотезах, домыслах и спекуляциях»³⁹. В чем же усматривает Дронов «оскорбление памяти преподобного Иосифа»? Неужели текстологические аргументы невозможно отличить от произвольных предположений, домыслов и спекуляций?

Ознакомившись с моей монографией о религиозных движениях на Руси (судя по всему, в высшей степени поверхностно), он сделал весьма эмоциональный

³³ ПИВ. С. 173.

³⁴ Источники. С. 471, 472, 473.

³⁵ Новейшую попытку проанализировать ситуацию с заточением Пафнутия Боровского см.: *Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. СПб., 2009. С. 193–201.*

³⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 314–315.

³⁷ Арест удельного князя Андрея Углицкого не мог быть произведен без митрополита. См.: «Можно только догадываться о том, какие крепкие клятвы и поручительства должен был получить Андрей, чтобы добровольно сунуть голову в петлю. Вероятно здесь не обошлось без гарантий духовных лиц и прежде всего — митрополита Зосимы» (*Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 597*).

³⁸ *Дронов И. Е. Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? Домыслы и догадки как исторический источник // Высшее образование для XXI века. Доклады и материалы XIII междунар. науч. конф. 2016. С. 28–38.*

³⁹ *Дронов И. Е. Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? С. 32.*



и, как увидим далее, совершенно ошибочный вывод о том, что «пока ревнители православия во главе с Геннадием Новгородским мужественно и самоотверженно выступили на борьбу с могущественными еретиками, покровительствуемыми великокняжескими дьяками, самим самодержцем Иваном III и митрополитом Зосимой, пока они, рискуя карьерой, свободой, и даже жизнью, боролись против поругания православных святынь, Преподобный Иосиф сидел, как мышка, в своей тихой и покойной обители, выжидая, чья возьмет»⁴⁰.

Обращение к фактам позволяет обнаружить совсем другую картину. Архиепископ Геннадий и летописные источники не связывали отставку Зосимы с обвинениями в еретичестве⁴¹. Именно архиепископ Геннадий обнаружил ересь в 1487 г. и добился осуждения еретиков на Церковном соборе 1490 г. Нам известно также, что автором антиеретического трактата в 1488 г. стал киевский митрополит Спиридон-Савва⁴², проживавший в стенах Фералонтова монастыря. Оба продолжали свою деятельность и после 1490 г., но никаких антиеретических сочинений из-под пера иерархов более не выходило. Единственное основание для утверждений о том, что «ревнители православия» вели борьбу против действующего митрополита Зосимы и обвиняли его в причастности к ереси, это послания Иосифа Волоцкого, которые исследователи относили к периоду 1490–1494 гг.

В Послании Нифонту находят выражения, которые традиционно понимались как обличения в адрес митрополита-еретика, сопровождающиеся призывами противостоят Зосиме, невзирая на все опасности. Все эти выражения кажутся уместными лишь в отношении митрополита Зосимы в 1490–1494 гг., когда он занимал митрополичий престол⁴³. Пересмотрев на основании текстологических аргументов датировку антиеретических посланий Иосифа Волоцкого, я отнес последние ко времени не ранее 1502 г. Я писал: «Вполне вероятно, что Иосиф Волоцкий начал работу над текстом «Просветителя» еще в годы, когда митрополичий престол занимал Зосима. Но следует признать, что эта работа велась вполне уединенно и не сопровождалась публичными обвинениями в адрес митрополита»⁴⁴.

Вспомним, что ни в одном из «слов» «Просветителя» нет имени Зосимы, оно присутствует лишь в «Сказании о новоявившейся ереси», которое было написано после составления основной части трактата⁴⁵. Последним же антиеретическим

⁴⁰ Дронов И. Е. Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? С. 31–32.

⁴¹ РИБ. Т. 6. СПб., 1908. № 121. Стб. 834–835; ПСРЛ. Т. 26. М., 2000. С. 289; Т. 30. М., 1965. С. 138; Т. 24. М., 2000. С. 213; Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 342; Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 368, 568.

⁴² О Спиридоне-Савве, как об авторе антиеретического трактата см.: Алексеев А. И. «Спиридон рекомый, Савва глаголемый» (заметки о сочинения Киевского митрополита Спиридона) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 5–16.

⁴³ ПИВ. С. 424, прим. 3. Я. С. Лурье считал необходимым заметить: «Формы настоящего времени, встречающиеся в “Сказании” рядом с формами прошедшего, никак не могут свидетельствовать о том, что в рассказе идет речь о событиях, происходивших в момент его написания». Совершенно справедливо исследователь констатировал: «Настоящее время употребляется Иосифом Волоцким как средство для усиления выразительности его рассказа» (Источники. С. 443).

⁴⁴ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси. С. 436. См. также: Алексеев А. И. Источники по истории религиозных движений на Руси в конце XV — начале XVI вв.: новый взгляд // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого / отв. ред. А. А. Алексеев; ред. колл.: Ф. В. Панченко, В. Г. Поковырова, В. А. Ромодановская. СПб., 2017. С. 349–356; Алексеев А. И. Отставка митрополита Зосимы и антиеретические послания Иосифа Волоцкого // «Вертоград многоцветный». Сборник статей к 80-летию Б. Н. Флори. М., 2018. С. 355–368.

⁴⁵ Подробно см.: Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. С. 219–234.

посланием архиепископа Геннадия является послание собору епископов, написанное в 1490 г. Откуда же г-н Дронов заимствовал материал для противопоставления активной антиеретической позиции архиепископа Геннадия и «ревнителей православия» пассивности Иосифа Волоцкого? Разве он располагает фактами, свидетельствующими о какой-либо антиеретической борьбе в период между 1490-м и 1504 гг.? Сохраняли свое высокое положение при дворе великого князя дьяки Иван и Федор Курицыны, бывший митрополит Зосима с почетом проживал в стенах Троице-Сергиева монастыря, а затем в Кирилло-Белозерском монастыре⁴⁶, вторым лицом Новгородской архиепископии был архимандрит Юрьевский Кассиан, сожженный в 1504 г. по обвинению в еретичестве. Но, главное, официальным наследником престола и соправителем Ивана III до 1502 г. был Дмитрий-внук, а его мать была признанной покровительницей еретиков. В нашем распоряжении нет ни одного документа, из которого следует, что какая-либо антиеретическая борьба кем-либо велась после церковного собора 1490 г. и до весны 1502 г.

Это обстоятельство ничуть не смущает г-на Дронова, он вообще не из тех, кто привык смущаться. С поразительной лихостью он отмечает приводимые мною текстологические аргументы, свидетельствующие в пользу первичности «Просветителя» перед посланиями⁴⁷. В своих работах я методами текстологии привел веские доказательства в пользу того, что антиеретические послания Иосифа написаны с использованием текста «Просветителя». В частности, было показано, что Послание архимандриту Вассиану о Троице текстологически зависит от 1-го, 5-го, 6-го и 7-го «слов» «Просветителя» и написано не ранее весны 1502 г.; Источниками Послания Иосифа Волоцкого епископу Нифонту Суздальскому послужили тексты «Сказания о новоявившейся ереси» и 12-го, 13-го и 14-го «слов» из состава «Просветителя», послание написано в период между весной 1502 и летом 1504 гг.; Послание архимандриту Митрофану Андронниковскому обнаруживает зависимость от 12-го, 13-го, 14-го «слов» из состава «Просветителя» и написано после Пасхи 1504 г.⁴⁸

Рассмотрением текстологических аргументов и их опровержением г-н Дронов себя не затруднил. Он вообще (с высоты своих знаний!?) называет текстологические методы исследования «методой». Игнорируя мои аргументы, вместо того, чтобы попытаться их опровергнуть, г-н Дронов заявляет, что «содержание памятников категорически противоречит реалиям 1502–1504 гг.».

Неизвестно на каком основании он полагает, что в этот период «Зосима и все влиятельные еретики уже лишились своей власти и сами пребывали в тюрьмах и ссылках»⁴⁹. Если бы это было действительно так, то преподобному Иосифу и впрямь не было резону тревожить своими посещениями Ивана III и рассылать послания влиятельным иерархам. Между тем, из послания Митрофану Андронниковскому

⁴⁶ Митрополит Зосима умер не ранее 1510 г. в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере, см.: *Алексеев А. И.* Зосима // ПЭ. Т. XX. М., 2009. С. 355–360.

⁴⁷ «Как же доказывает Алексеев первичность “Просветителя”? А, собственно говоря, никак. Он просто постулирует это и строит дальнейшие умозаключения на этом постулате. Единственный “аргумент”, который он приводит, — это большая (как ему кажется) “полнота” цитат в схожих местах “Просветителя” и посланий... Однако никаких оснований для датировки текстов так называемая «полнота» цитат не дает, что вынужден был признать даже Я. С. Лурье, отдавший в свое время дань этой “методке”» (*Дронов И. Е.* Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? С. 32–33).

⁴⁸ См. подробно: *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480-х — 1510-х гг. С. 235–241, 262–272, 273–283; *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси. С. 318–323, 341–350, 350–359.

⁴⁹ *Дронов И. Е.* Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? С. 34.



следует, что именно в 1502–1504 гг. Волоцкий игумен не менее 3-х раз удостоился личных приемов у московского самодержца. Переговоры, которые наедине вели в дворцовых покоях Кремля великий князь Иван III и игумен Иосиф Волоцкий носили конфиденциальный характер и отличались напряженностью. Послание Митрофану было написано после Пасхи и до церковного собора декабря 1504 года, после которого состоялись казни еретиков⁵⁰. Иван III перед лицом неопровержимых улик согласился на то, чтобы церковным собором 1490 г. были осуждены новгородские священнослужители, но при этом соборного осуждения избежали и дьяк Федор Курицын и другие еретики. Требовалось экстраординарное событие, чтобы великий князь удостоил Волоцкого игумена признанием в ереси не только своего дьяка, но и своей невестки Елены Стефановны. По-видимому, Иван III призвал Иосифа после того, как сделал окончательный выбор престолонаследника в пользу княжича Василия. Серия встреч Иосифа Волоцкого и государя всея Руси произошла по инициативе великого князя и знаменовала собой отказ от покровительства «жидовствующим» и стремление примириться с православной партией в лице ее идеолога⁵¹. В понедельник 11 апреля 1502 г. «князь велики Иван положил опалу на внука своего великаго князя Дмитрея и на его мать Елену, и от того дни не велел их поминати в октеньях и в литиях, ни нарицати великим князем, посади их за приставы»⁵².

Мы знаем, что именно в 1502 г. родной брат Волоцкого игумена Вассиан Санин становится архимандритом Симонова монастыря, который был фактически придворным великокняжеским монастырем. Это назначение нельзя признать случайным, оно стало результатом договоренности между Иосифом Волоцким и Иваном III о начале розыска еретиков. Именно в этом монастыре, который долгое время был оплотом Зосимы и его сторонников, Вассиан и получил сведения о еретичестве бывшего митрополита и о его развратном образе жизни. На основании этих данных Иосиф Волоцкий и составил «Сказание о новоявившейся ереси», в котором Зосима стал главным ересиархом, корнем зла, оттеснив на задний план священников Алексея, Дениса и Федора Курицына, против учения которых и написана большая часть «слов» «Просветителя».

Но даже после падения высокопоставленных покровителей ереси приходилось убеждать православных иерархов в том, что поддержка обвинений в адрес бывшего митрополита не угрожает им самим. В каноническом общении с Зосимой находились многие, если не все из числа высшей иерархии. Согласно 10-му, 11-му, 45-му, 70-му апостольским правилам, 12 правилу апостола Павла извержению из сана и отлучению подлежали все, кто молился, служил и праздновал или постился вместе с еретиками⁵³.

⁵⁰ ПИВ. С. 256. Комментарий Я. С. Лурье.

⁵¹ Алексеев А. И. Дискредитация соправителя: Иван III, Дмитрий-внук и ересь жидовствующих // Материалы Второй Междунар. науч. конф. «Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века (Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй)» М., 2009. С. 10–12.

⁵² Иоасафовская летопись. М.; Л., 1957. С. 144; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 367; Т. 8. М., 2002. С. 242; Т. 12. М., 2000. С. 255.

⁵³ На все эти правила ссылается архиепископ Геннадий в своих посланиях митрополиту Зосиме и собору епископов (Источники. С. 375 – 376, 381). Укажем эти правила по Кормчим XV в. 10 апостольское правило: «Правило 10. Толк. Аще кто молиться съ еретики въ церкви или в дому съ отлученным от церкви, сам также отлучен будет». Пр. 11. Толк. Аще кто молиться рекше, аще презвитер служит въ церкви съ презвитером его же епископ изверже от сана извержен будет сам с таковым. (РНБ. Q. II. 49. Л. 8 об. Кормчая начала XV в.). 70-е апостольское правило: «Рече бо аще который епископ или прозвитор или диакон или всяк священнического чину постится со юдеи или празднует с ними или примет от них праздника их честь, рекше опресноки или ино что таковых да извержется, мирский же человек да отлучится».

По этой причине поддержка обвинений Иосифа Волоцкого была чревата серьезной чисткой рядов, преимущественно, столичного духовенства. Не случайно, главной темой послания к епископу Нифонту и 12-го «слова» Просветителя является опровержение представления о том, что даже избалованный в еретичестве иерарх обладает святительской властью и его проклятие может быть действенным.

В организации широкого преследования еретиков не были заинтересованы ни великий князь, имевший среди еретиков своих приближенных, ни церковные иерархи, находившиеся в общении с Зосимой, ни представители влиятельных монашеских корпораций Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей, в которых прожил Зосима после своей отставки. Отметим, что список «Просветителя» переписанный руками старца Нила Сорского и Нила Полева не включал в себя 12-е и 13-е «слова», хотя они, несомненно, были в списке трактата, доставленном на Белоозеро⁵⁴. По этой причине призывы Иосифа Волоцкого к борьбе с бывшим митрополитом, о еретичестве которого он имел надежные сведения, были актуальны в 1502–1504 гг. Напротив, следует признать совершенно нереалистичной ситуацию 1490–1494 г., в которой игумен монастыря из Волоцкого княжества каким-то невероятным образом получает сведения о еретичестве действующего митрополита и публично адресует ему чудовищные обвинения, оставаясь безнаказанным.

Мне случалось при изложении своей концепции текстологической и творческой истории «Просветителя» и посланий Иосифа Волоцкого критиковать предшественников и самому получать критические замечания, позволяющие скорректировать тот или иной вывод. Каждый раз я был благодарен своим предшественникам за то, что благодаря их усилиям удалось продвинуться дальше в сложном исследовании, благодарен и критикам, которые вынуждали совершенствовать достигнутые результаты. В статье г-на Дронова критика была огульной, мои аргументы были либо проигнорированы, либо отвергнуты без попытки их опровергнуть. Огульной критикой г-н Дронов не ограничился, договорившись до того, что в моей монографии «мы имеем дело не с подлинной наукой, а с искусственным симулякром»⁵⁵.

Г-н Дронов специализируется на изучении консервативной публицистики последней четверти XIX в., если очертить шире, то предметом его интересов является эпоха Александра III. Упомянутая мною статья — его единственный опус, в которой он обращается к эпохе, отстоящей от его интересов на 400 лет. Для подобных «прыжков» в совсем другую эпоху необходимо внимательно изучить литературу вопроса, знать основные источники и владеть методикой их исследования. Ничего этого г-н Дронов не демонстрирует, напротив, его опыт свидетельствует о полном неумении читать научную литературу и исследовать источники. При этом он брезгливо именует текстологические методы изучения текстов «методой», не постигнутые его умом аргументы «дьявольскими усилиями», а результаты труда ученых, посвятивших долгие

(РНБ. Сол. 477/496 кон. XV в. Л. 322 об.). 12-е правило апостола Павла: «Еленьским баснем последующе и жидовским обычаем, аще не отступят того, да извергуться». (РНБ. Ф. II. 119. Л. 149). Укажем также особую подборку этих правил в «собрании титлов» в составе кормчей: «Грань 13 Глава 15. О правоверных приемлющих благословения от еретик ли иудеи ли празднующих ли постящихся съ \\ иудеи и яко недостойт в субботу упражняться и о молящихся в монастырех еретических апостол святых 65, 70 правила; собора Лаодикийского канон 29, 32». (РНБ. Ф. II. 80. Л. 24).

⁵⁴ В древнейшем виде «Сказания о новоявившейся ереси», представленного списками РНБ. Соловецкое собрание № 326/346 и Софийское собрание № 1462, соответственно на листах 60–60 об. и 22 содержатся аннотации 12-го и 13-го «слов», подробнее см. *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого. С. 218.

⁵⁵ *Дронов И. Е.* Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? С. 37.



годы исследованию текстов, «искусным симулякром». Что же, как говорили древние: «Ignorata non est argumentum». Ознакомление со сложной системой аргументации, выстроенной на текстологических аргументах, требует от читателя значительного труда и сосредоточенности. Еще более тяжел этот труд для читателя неподготовленного, не владеющего навыками и приемами исследовательской работы. Если такой читатель преисполнен амбициями, и, столкнувшись с изложением предметов, превышающих его понимание, легко впадает в раздражение, то тут-то мы и имеем при-скорбный случай г-на Дронова. Стоит ли говорить насколько подобное поведение выходит за границы научной и общепринятой этики.

Источники и литература

1. *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. СПб.: Альянс-Архео, 2009.
2. *Алексеев А. И.* О «Просветителе» и посланиях Иосифа Волоцкого // Вестник церковной истории. № 2 (10). 2008. С. 121–220.
3. *Алексеев А. И.* Жидовствующие // Православная энциклопедия. Т. XIX. М.: Изд-во Православная энциклопедия, 2008. С. 185–194.
4. *Алексеев А. И.* Зосима // Православная энциклопедия. Т. XX. М.: Изд-во Православная энциклопедия, 2009. С. 355–360.
5. *Алексеев А. И.* Дискредитация соправителя: Иван III, Дмитрий-внук и ересь жидовствующих // Материалы Второй Международной научной конференции «Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века (Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй)» М., 2009. С. 10–12.
6. *Алексеев А. И.* Иосиф (Санин), прп. // Православная энциклопедия. Т. XXV. М.: Изд-во Православная энциклопедия, 2010. С. 559–577.
7. *Алексеев А. И.* О первенстве Пространной редакции «Просветителя» Иосифа Волоцкого // Religion and Integration im Moskauer Russland. Konzepte, Potentiale und Grenzen 14–17 Jahrhundert. Herausgegeben von L. Steindorff. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Herausgegeben vom Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin von Holm Sundhausen und Gertrud Pickhan. B. 76. Wiesbaden, 2010. S. 297–320.
8. *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб.: Изд-во Российская национальная библиотека, 2010.
9. *Алексеев А. И.* «Спиридон рекомый, Савва глаголемый» (заметки о сочинения Киевского митрополита Спиридона) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 5–16.
10. *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012.
11. *Алексеев А. И.* О новых результатах исследования «Просветителя» и посланий преподобного Иосифа Волоцкого // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Выпуск III. М.: Изд-во «Лето», 2013. С. 17–29.
12. *Алексеев А. И.* Иосиф Волоцкий. М.: Молодая гвардия, 2014.
13. *Алексеев А. И.* О вступлении Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М.: Индрик, 2015. С. 148–157.
14. *Алексеев А. И.* Духовная культура Средневековой Руси. М.: Индрик, 2016.
15. *Алексеев А. И.* Ересь жидовствующих в России в 1470–1510-х годах: в поисках европейских аналогов // Европейская Реформация и ее возможные аналоги в России.

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Труды. Выпуск 3 (19). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 107–164.

16. Алексеев А. И. Отставка митрополита Зосимы и антиеретические послания Иосифа Волоцкого // «Вертоград многоцветный». Сборник статей к 80-летию Б. Н. Флори. М.: Индрик, 2018. С. 355–368.

17. Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000.

18. Бородкин Л. И., Милов А. В., Морозова Л. Е. К вопросу о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М.: Наука, 1977. С. 235–280.

19. Булгаков Н. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865.

20. Государственный исторический музей (ГИМ). Епархиальное собрание. № 340, № 339.

21. Государственный исторический музей (ГИМ). Синодальное собрание № 132.

22. Дмитриева Р. П. Досифей Топорков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 202.

23. Дронов И. Е. Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? Домыслы и догадки как исторический источник // Высшее образование для XXI века доклады и материалы XIII международной научной конференции. 2016. С. 28–38.

24. Житие преп. Иосифа, игумена Волоколамского, составленное Саввою епископом Крутицким / Подг. К. Невоструев // Чтения в Московском ОЛДП. М., 1865. Кн. 2.

25. Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным / Изд. С. А. Белокуров // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1903. Кн. III. С. 13–47.

26. Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М.: Наука, 1982.

27. Иоасафовская летопись / Подг. А. А. Зимин. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.

28. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.

29. Кобрин В. Б. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки ОР ГБЛ. Вып. 28. М.: Библиотека им. В. И. Ленина, 1966. С. 236–239.

30. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

31. Лурье Я. С. Житие Иосифа Волоцкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 273–276.

32. Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 434.

33. Надгробное слово // Чтения в Московском ОЛДП. М., 1865. Кн. 2. С. 173.

34. Панов И. Ересь жидовствующих // Журнал министерства народного просвещения. 1877. № 2. Февраль. С. 253–295.

35. Плигузов А. И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. С. 90–139.

36. Плигузов А. И. О хронологии посланий Иосифа Волоцкого // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М.: Роскомархив, 1992. С. 1043–1061.

37. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001.

38. Полное собрание русских летописей. Т. 8. М.: Языки русской культуры, 2002.

39. Полное собрание русских летописей. Т. 12. М.: Языки русской культуры, 2000.

40. Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913.

41. Полное собрание русских летописей. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000.

42. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.: Языки русской культуры

43. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.: Языки русской культуры, 2000.

44. Полное собрание русских летописей. Т. 30. М.: Наука, 1965.

45. Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А. А. Зиминой и Я. С. Лурье. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

46. РНБ. Основное собрание рукописной книги. Ф. П. 80.
47. РНБ. Основное собрание рукописной книги. Ф. П. 119.
48. РНБ. Соловецкое собрание № 326/346.
49. РНБ. Соловецкое собрание № 477\496.
50. РНБ. Софийское собрание № 1462.
51. Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1908.
52. *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск: Наука, 1991.
53. *Хрущов И.* Исследования о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868.

**Тема праведного суда в сочинениях
церковного публициста XVI в. Зиновия Отенского**

В период формирования Русского централизованного государства в конце XV — первой половины XVI вв. реформа судебной системы была одной из главнейших.

Если до этого суд высшей инстанции осуществлял великий князь с помощью Боярской думы, а на местах он находился в руках наместников и волостелей, то в ходе реформ судебный процесс стал постепенно переходить к представителям царской администрации, т. е. дьякам и подьячим, и контролироваться такими органами власти, как приказы. В итоге судебная деятельность оказалась в ведении не конкретных лиц, наделенных властью и осознающих свою ответственность за судьбы простых людей, а в руках обычных делопроизводителей, своеобразных клерков, которые быстро осознали, какую материальную выгоду могут получать от своих новых обязанностей. Получая мзду от одной из сторон, истца или ответчика, они выносили решения в ее пользу. При этом, будучи представителями государственной администрации, никакой ответственности за свои злоупотребления не несли.

Эти новые особенности в судопроизводстве, судя по всему, стали очевидны для образованных церковных публицистов, и они выступили с их критикой. В их числе были преп. Максим Грек, Ермолай-Еразм, Зиновий Отенский, а также светские лица — Федор Карпов, Иван Пересветов и др. Особенно интересны в этом отношении публицистические сочинения Максима Грека «Главы поучительные начальствующим правоверно» и «Слово к начальствующим на земли». В них писатель прославлял гармонию между светскими и духовными властями. Он полагал, что властители должны прислушиваться к советам духовных старцев и следовать их наставлениям¹. Русский писатель и публицист Ермолай-Еразм во многих своих сочинениях («Главы о увещании утешительном царем, аще хочещи и вельмож», «Поучение к своей душе», «Слово о рассуждении любви и правде» и др.) критиковал судебную деятельность царских чиновников и пропагандировал идеи гуманности, милосердия и христианской любви к низшим слоям русского общества, главным образом к крестьянам².

Но если большинство данных авторов писали об абстрактных судьях — сребролюбцах и лихоимцах, то новгородский монах Зиновий Отенский обратился с поучительным посланием к конкретному государеву дьяку Я. В. Шишкину, посланному в 30-е гг. XVI в. в Новгород для управления городом и осуществления судебной деятельности. В этом особая ценность его произведения и для современников, и для историков³.

О монахе Зиновии известно, что он являлся учеником Максима Грека и вместе с ним был подвергнут репрессиям за выступление в середине 20-х гг. XVI в. против второго брака государя Василия III. Но если учитель был сослан в известные монастыри:

¹ Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915; Симицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977 и др.

² Зимин А. А. Пересветов и его современники. М. 1958; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958.

³ Клибанов А. И., Корецкий В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 17. С. 201-224.



сначала Иосифо-Волоколамский, потом — тверской Отроч и, наконец, — Троице-Сергиев, то Зиновия отправили в небольшой отдаленный новгородский Отенский монастырь. Здесь он пробыл до конца своих дней⁴.

О деятельности дьяка Я. Шишкина известно из летописей и актового материала. Он сначала активно боролся с городскими пожарами, занимался строительством и ремонтом городских укреплений и церквей, затем стал ограничивать иммунитет новгородского духовенства, частично секуляризировал монастырские и церковные земли, ущемляя этим интересы местного духовенства⁵. К этому времени, видимо и относится «Послание дьяку» Зиновия Отенского. Начинается оно с благодарности Зиновия дьяку за то, что тот наставлял его «к свету благоразумия», насыщал «телесными и духовными пищаами»⁶. Из этих вступительных фраз становится ясно, что Я. Шишкин считал себя покровителем и своеобразным учителем ссыльного монаха и неоднократно обращался к нему с поучительными речами. Несомненно, что в глубине души это вызывало возмущение у Зиновия, получившего духовное образование у афонского энциклопедиста Максима Грека, прибывшего на Русь из Греции для исправления русских богослужебных книг. Видимо, по этой причине Зиновий решил сам дать дьяку необходимые наставления, касающиеся его судебной деятельности.

Прежде всего, в своем послании отенский монах указал Шишкину на необходимость появляться в судебной палате рано утром, поскольку без него никакие дела не делаются. Для простых людей, ищущих защиту в суде от обидчиков, трудно было надолго покидать свой дом, отвлекаться от ремесла и хозяйственных дел. В чужом месте истцы были вынуждены тратить много денег на еду, на ночлег. Все это становилось для них «истомным», и получалось, что судебная волокита их буквально разоряла⁷.

Зиновий указал Шишкину на то, что тот слишком увлекался чтением божественных книг, любил вести беседы с духовными лицами, но при этом пренебрегал своими прямыми обязанностями — вершить праведный суд. «А на судиях Господь Бог иного не ищет ничего, точю суда праведного»⁸. В «Послании» Отенский монах привел несколько цитат из Священного писания о том, что Господь не хочет от судей молитв, соблюдения поста, участия в церковной службе, уединения, но требует «суда, правды и милости». Устами пророков Зиновий говорил следующее: «Поста вашего и праздников не хочу, и приношения ваша ненавидит душа моя. Если протянете ко мне свои руки, то отверну от вас свое лицо, если умножите молитвы, то не услышу вас. Вершите суд, защищайте обидимых, заступайтесь за вдовиц, и тогда черные ваши грехи станут белее снега»⁹. Наставления Зиновия дьяку Шишкину свидетельствовали о том, что он считал внешнюю обрядовую сторону веры второстепенной, а главным, по его мнению, для каждого человека было честно и быстро исполнять свои прямые обязанности, в данном случае судебные¹⁰.

Отенский монах полагал, что судебные споры можно разрешать с помощью самых различных способов: и путем привлечения свидетелей, и в ходе обысков и допросов виновных, и с помощью крестного целования. Главное, чтобы судебные разбирательства не затягивались, а вынесенное решение было справедливым. Основная

⁴ Калугин Ф. Зиновий, инок отенский, и его богословско-полемические произведения. СПб., 1894.

⁵ ПСРЛ. Т. 20. М., 2005. С. 411.

⁶ Морозова Л. Е. Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990. С. 276.

⁷ Там же. С. 277.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 278.

¹⁰ Там же. С. 278-279.

задача судей, по его мнению, — помогать и защищать обидимых и наказывать их обидчиков. За это Бог будет «всячески награждать и любить судей-праведников»¹¹. Зиновий прекрасно знал, что в суд обращались за защитой не влиятельные, богатые и высокопоставленные лица, а бедные и униженные вдовы, сироты и бедняки. К ним судьям следовало относиться особенно внимательно, поскольку помочь им было больше некому. К тому же их дела следовало решать особенно быстро, чтобы из-за волокиты они окончательно не обнищали.

Однако многие судьи не желали вникать в положение бедняков, поскольку «сытый голодного не понимает». Для них затягивание дела могло приносить дополнительные доходы. Кроме того, они часто заставляли судящиеся стороны мириться, ущемляя этим интересы обиженного человека. Такое разрешение судебной тяжбы Зиновий резко критиковал. Ведь от этого выигрывал виновный, а истец не добивался справедливости¹². Хотя отенский монах и полагал, что судьи должны были защищать слабых людей, но при этом он утверждал, что они обязаны быть справедливыми ко всем одинаково: «Суд милости не имать. Несть суду ни роду, ни племени, ни друга, поскольку он — божий»¹³. В итоге в «Послании» делается вывод о том, что Бог наградит только праведных судей, честно исполнявших свой долг, а лихоимцев, волокитчиков и мздоимцев не спасут от наказания ни молитвы, ни покаяния, ни посты, ни жертвования в храмы и монастыри. Все это Бог с возмущением отвергнет¹⁴.

Зиновий четко проводил грань между духовными делами и светскими и подчеркивал, что каждый человек должен заниматься своим делом, которому он обучался и которое он хорошо знает. Пристрастие Шишкина к «духовному любомудрию» и исполнению церковных обрядов он резко критиковал, поскольку это мешало дьяку исполнять свое главное предназначение — вершить праведный суд¹⁵.

Склонность судей к волоките Зиновий объяснял не только желанием получить дополнительное вознаграждение, но и тем, что им были неизвестны тяготы истцов: «Судия в дому своем во всяком покое наслаждается, ествы и пития, без печали в своем довольном богатстве и спит довольно... Бедный истец, пришед в чуже место, дом свой и семью и промыслом своим оставив, проедается, управы ищущи. Всегда не доел, не выспался»¹⁶.

Эти же мысли Зиновий Отенский выразил в своем главном произведении — богословском трактате «Истины показание», дошедшем до нас в виде рукописи, написанной самим писателем¹⁷.

Отенский монах отрицательно относился к церковной обрядности, если она была направлена только на искупление грехов и не сопровождалась воплощением в жизнь судьями евангельских идеалов и не являлась следованием ими божьим заповедям. Поэтому некоторые советские исследователи оценили эти взгляды Зиновия как реакционные, считая, что он выступал апологетом феодально-кастовых притязаний церкви на ведение судопроизводства. По их мнению, он считал, что божий суд должен заменить светский¹⁸.

На наш взгляд, данная характеристика неверна. Зиновий Отенский ни в одном из своих произведений не утверждал, что церковный суд должен заменить светский

¹¹ Там же. С. 279.

¹² Там же. С. 280-281.

¹³ Там же. С. 282.

¹⁴ Там же. С. 314.

¹⁵ Там же. С. 278.

¹⁶ Там же. С. 280.

¹⁷ РНБ. 0.1. № 63.

¹⁸ Клибанов А. И., Корецкий В. И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. С. 214.



при рассмотрении гражданских вопросов. Он лишь ратовал за то, что светские судьи судили быстро, справедливо, одинаково относились к бедному и богатому, правому и виноватому. Крестное целование рассматривалось им как единственный способ разрешения судебной тяжбы только в том случае, если не было надежных послухов, убедительных доказательств или улик¹⁹. С особой критикой относился отенский монах к судьям-волокиничкам, из-за которых страдали в первую очередь «изобиженные». Ответчикам же затягивание дела было выгодно. Они полагали, что из-за длительности судебного процесса истцы могли сами отказаться от обвинений, поскольку уставали долго жить вне дома и боялись нанести урон своим промыслам²⁰.

Несомненно, главная цель критики Зиновием судей была направлена на защиту тех, кто искал в суде защиту своих интересов от более сильных обидчиков. Ими, вероятнее всего, были низшие слои новгородского общества — ремесленники, крестьяне, наемные работники. Ведь «сильные мира сего» и сами могли себя защитить с помощью родственников, знакомых и даже наемников. Отенский монах справедливо считал, что понятия «суда» и «правды» являются синонимами. Без правды не могло быть праведного суда. Источником же настоящей правды, по его мнению, был только Бог. Он давал судьям нужные заповеди и наставления, а тем лишь необходимо было честно им следовать²¹. По мнению советских исследователей, взгляды Зиновия были архаичными и не соответствовали реалиям XVI в., когда происходило интенсивное формирование Русского централизованного государства. Под «правдой» в актовых материалах стала пониматься совокупность правовых норм, изложенных в Судебниках²². Между тем, критика нерадивости и несправедливости решений новгородских судей, защита интересов беднейших слоев общества характеризует Зиновия как личность прогрессивную и гуманистически настроенную. При этом все его взгляды и убеждения были основаны на глубокой в вере в Бога, олицетворяющего собой высшую судебную инстанцию для всего человечества, а, значит, правду и справедливость. Зиновий считал, что в Священном Писании содержатся все необходимые наставления для судей, позволяющие выносить справедливые судебные решения. Для этого не требовалось ни знание римского права, ни древнерусских судебников, нужно было лишь понимать основы божьего суда, построенного на божественных заповедях. Но при этом отенский монах предостерегал судей от излишнего увлечения «божественным любомудрием», отвлекающим их от основного дела — судопроизводства. Любые наставления и даже критику в свой адрес судьи могли получить от святых старцев и духовных мужей. К ним им всегда следовало обращаться за советом, чтобы не допускать ошибок в судопроизводстве и не выносить несправедливых решений.

Таким образом, Зиновий Отенский утверждал, что именно церковные деятели должны были быть духовными наставниками царских судей, а божьи заповеди являлись мерилами справедливости выносимых ими решений.

¹⁹ Морозова Л. Е. Сочинения Зиновия Отенского. С. 281-282.

²⁰ Там же. С. 283.

²¹ Там же. С. 284.

²² Черепнин Л. В. Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине «Правда») // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 211-212.

Источники и литература

1. *Зимин А. А.* Пересветов и его современники. М., 1958.
2. *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915.
3. *Калугин Ф.* Зиновий, инок отенский, и его богословско-poleмические произведения. СПб., 1894.
4. *Клибанов А. И., Корецкий В. И.* Послание Зиновия Отенского Я. В. Шишкину // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 17.
5. *Лихачев Л. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958.
6. *Морозова Л. Е.* Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990.
7. ПСРЛ. Т. 20. М., 2005.
8. *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977.
9. *Черепнин Л. В.* Из наблюдений над лексикой древнерусских актов (к вопросу о термине «правда») // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10036

Подберёзкин Ф. Д.

**Священники латинского обряда в Новгороде (XV — начало XVI веков):
основные вехи духовной карьеры**

Со второй четверти XV века начинается упадок немецкой конторы («*Petershof*») в Новгороде, связанный с общим кризисом ганзейской торговли на Балтике¹. Падение торговли сказалось на состоянии латинской церкви «Петрова двора», а также доходах её настоятелей, которых присылали из Любека, Висбю и ливонских городов. Финансовые трудности обусловили оживленную переписку, которую вели между собой купцы «Петрова двора», ганзейские города и сами священники. Благодаря этой переписке, опубликованной в многотомных изданиях «*Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch*», «*Hanserecesse*»², а также *Новгородской скре*³ мы располагаем некоторыми сведениями о жизни и работе многих представителей латинского духовенства в Новгороде в XV веке. Отдельные аспекты данной тематики уже обсуждались в работе российской исследовательницы Елены Александровны Рыбиной, посвященной иноземным дворам в Новгороде⁴. В настоящей статье анализируются все известные нам сведения о латинских священниках в Новгороде вплоть до закрытия ганзейской конторы Иваном III в 1494 году. Таким образом, мы попытаемся выяснить, в каких условиях жили латинские священники Новгорода в XV веке.

Отношение пастыря к своему труду

По прибытии на службу в церковь «Петрова двора» священнику было необходимо легитимировать себя перед паствой. Для этого у него имелась положительная рекомендация города, пославшего его. Так в августе 1429 года священник Генрих Патберг («*Hinrik Patberg*»), привез с собой в Новгород рекомендацию Любека⁵.

Отправляясь на Русь, латинский священник мог столкнуться с опасностями морского пути. По прибытии в приход и в процессе служения клирики часто испытывали недоплаты со стороны немецких купцов. Это, однако, не мешало некоторым из них хорошо исполнять свои обязанности. 28 октября 1406 года старейшины и купцы «Петрова двора» написали Ревелю письмо, где просили городские власти заплатить священнику Дидерику Магеру («*Diderik Magher*») за хорошую работу, т. к. в их казне не было денег⁶. Ввиду отсутствия многих купцов, священнику Генриху Патбергу приходилось финансировать ремонт церкви за счет собственного жалованья⁷.

¹ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XIII вв. М., 1986. С. 65.

² Акты двух изданий часто дублируются; мы сосредоточимся преимущественно на актах *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch* (LUB).

³ Мы цитируем 4 редакцию скре (1371) издания Вольфганга Шлютера: *Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert*. Hrsg. von Dr. W. Schlüter. Dorpat, 1911.

⁴ Рыбина Е. А. Иноземные дворы... С. 58, 64, 66–68.

⁵ LUB. Bd. 8. Hrsg. von H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1884. Nr. 57.

⁶ LUB. Bd. 4. Hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, 1859. Nr. 1708.

⁷ «zo beclaget zik her Hinrik Padberch, de prester, de hir nu is, dat he sik vusteret hebbe dewile he van hir was, unde ock en heved he de tiid, de he hir was unde gewest hevet, geyn genût gehad, wante de copman by syner tiid hir nicht vele gevaren en hevet» (LUB. Bd. 8. Nr. 428).

В то же время священник не отказывался от зарплаты, если в случае вынужденных обстоятельств не мог служить в церкви. 16 марта 1427 года купцы из Новгорода писали Дерпту о некоем священнике Генрихе («*Hinrik*»)⁸, который был болен; авторы письма отмечали, что Генрих уже давно «пересидел» свой срок еще со «дня трех святых королей» (т. е., 6 января 1427 года, более трёх месяцев). Примечательно, что письмо было написано в воскресенье — т. е., в тот день, когда больной священник должен был проводить несколько служб⁹.

Ценным источником по самопрезентации латинского духовенства в Новгороде является жалоба священника Бернхарда Бракеля («*Bernd Brakel*») Ревелю по поводу уменьшения зарплаты от 17 января 1440 года. Бракель называет свою работу «служением» («*denst*»). Священник пишет, что приехал в Новгород по «старому обычаю своих предшественников»¹⁰. Он проехал «страшный длинный путь» к месту назначения. По мнению клирика, он должен был получать заработок в том объеме, который был установлен властями Любека и платился до недавнего времени. Как отмечает сам Бракель, отправляясь в дальний путь по месту назначения, он еще не слышал о предполагаемом уменьшении своей зарплаты¹¹. Следовательно, вопрос о зарплате в новом приходе был для священника ключевым¹².

В письме используются обычные для лексики священнослужителя отсылки к воле Божией («*dorch Ghod*», «*dorch Ghodes willen*»), христианское приветствие («*in Christo valete*»), этическая формула «ваш священник» («*cappellanus vester in omnibus*»). Таким образом, пастырь подчеркивает собственную значимость в деле спасения купцов «Петрова двора» как посредника и молитвенника¹³.

Жалобы Бернхарда Бракеля вызвали споры по поводу зарплаты священника между Висбю и Любеком, которые настаивали на сохранении прежних объемов выплат, и ливонскими городами, поддержавшими немецких купцов в Новгороде в решении снизить зарплату. Вопрос обсуждался около 3 лет (1440–1443) и коснулся преемника Бракеля Иоганна Гельреманна (1442, *Ghelreman*). В итоге верх одержали купцы «Петрова двора» — зарплата была уменьшена¹⁴.

Для людей средневековья в целом и для священников «Петрова двора» в частности не существовало четкого разделения светских и духовных компетенций. Уже после закрытия ганзейской конторы в Новгороде (1494) бывший священник («*prester des kopmans*») Иоганн Греве («*Johan Greve*») участвовал в переговорах

⁸ Немецко-балтийский историк Леонид Арбузов старший полагал, что Генрих 1427 года и Генрих Падберг, упоминаемый с 1429 года могли быть одним лицом (Arbusow L. *Livlands Geistlichkeit vom Ende des 12. bis ins 16. Jahrhundert. Dritter Nachtrag. Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik* 1911, 1912 und 1913. Mitau, 1914. S. 314). На наш взгляд, Генрих 1427 и Генрих Падберг — разные люди, так как последний был отрекомендован купцам «Петрова двора» 4 августа 1429 года.

⁹ LUB. Bd. 7. Hrsg. von H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1881. Nr. 582.

¹⁰ «dat ik komen byn to Nowgharden na older wnheynt myner voervarnen, preestere ghewezen synt to Nowgharden» (LUB. Bd. 9. Hrsg. von H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1889. Nr. 556).

¹¹ Перест того же письма: *Hanserecense*. Abt. 2. Bd. 2. Bearb. von G. Frhr. von der Ropp. Leipzig, 1878. Nr. 327.

¹² Такое понимание полностью соответствует христианской традиции. Св. ап. Павел по меньшей мере дважды цитировал ветхозаветное правило «не заграждай рта у вола молотящего» в своих посланиях (1 Кор. 9:9, 1 Тим. 5:18).

¹³ «deme almechtighen Ghode to denende in dessen hilghen vasten unde vor ju to byddende» (LUB. Bd. 9. Nr. 556).

¹⁴ Там же, Nr. 556, 557, 562, § 6, 8; Nr. 565, 753, 792, 801, 840, 856, 858, 867, 936.



ганзейских городов с представителями великого князя московского Ивана III в 1497 году¹⁵.

Примечательный документ был составлен в 1449 году от имени брата Ордена францисканцев «Владислава из Венгрии» («*Wladislaus de Hungaria*»), находившегося в Новгороде¹⁶. В акте перечисляются имена 8 немецких купцов, которые попросили Владислава освятить кладбище при церкви св. Петра и Павла. Брат Владислав сделал это бесплатно 30 мая 1449 года. Вероятнее всего документ был составлен несколько месяцев спустя — в конце года¹⁷. За неимением других источников, трудно делать какие-либо предположения о причинах издания документа братом Владиславом в конце 1449 года. Если акт был составлен не сразу после проведения освящения, то к составлению оного спустя некоторое время могли побудить какие-то чрезвычайные обстоятельства. Можно полагать, что монаха могли обвинить в нарушении полагавшихся его ордену нищенских обязательств. В таком случае документ послужил бы декларацией благочестия последователя св. Франциска.

Читая жалобы латинских священников «Петрова двора» на недоплаты со стороны немецких купцов, может сложиться неверное впечатление об алчности клириков в новгородском приходе. Понижение зарплаты священника было скорее чрезвычайной мерой мерой купцов конторы в условиях упадка торговли; в то же время приехавшие в Новгород священники могли расценивать недоплаты как намеренную несправедливость и требовать разрешения вопроса путем правомерных жалоб. При этом священники иногда выполняли свои обязанности бесплатно либо финансировали ремонт церкви из собственных средств, что свидетельствует о благочестии латинских клириков в Новгороде¹⁸. Служение в Новгороде для духовенства ганзейских городов было данью «старому обычаю»; при этом священники осознавали свою высокую ответственность за паству перед Богом и людьми — об этом свидетельствует участие духовенства в переговорах городов с Иваном III в 90-х годах XV века.

Отношение купцов к пастырю

С расходами за проезд в новгородский приход священнику часто помогали сами купцы «Петрова двора»¹⁹. После приезда клирик мог выбрать себе жилье одного из купеческих сообществ. Согласно правилу новгородской скры, купцы обязывались его принять и создать для него наилучшие условия проживания; за это «Петров двор» давал сообществу специальную плату²⁰.

¹⁵ LUB. Abt. 1. Bd. 1. Hrsg. von L. Arbusow. Riga, Moskau, 1900. Nr. 526. Русские священники также участвовали в переговорах с немцами. См.: Goetz L. K. *Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters*. Hamburg, 1916. S. 16, 30.

¹⁶ Леонид Арбузов считает Владислава священником церкви св. Петра (*Arbusow L. Livlands Geistlichkeit...* S. 314), однако в своем собственном акте Владислав прямо не говорит об этом (LUB. Bd. 10. Hrsg. von P. Schwartz. Riga, Moskau, 1896. Nr. 671).

¹⁷ Там же, см. примечание.

¹⁸ Для сравнения: в 1436 году в одной из наиболее посещаемых церквей в Париже 22 дня не было мессы по причине того, что епископ Жак дю Шателье отказывался служить, пока двое попрошаек, которые подрались и «осквернили» церковь, не вернут определенную сумму денег. Его преемник Дени дю Мулен не проводил похоронные службы на кладбище, т. к. требовал за это большую сумму, чем «могла позволить себе Церковь» (*Huizinga J. Herbst des Mittelalters. Studien über Lebens- und Geistesformen des 14. Und 15. Jahrhunderts in Frankreich und in den Niederlanden*. Stuttgart, 2016. S. 43-44).

¹⁹ *Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert*. S. 54-56, 160.

²⁰ Там же, S. 161.

Купцы внимательно относились к новому священнику — он должен был иметь хорошую репутацию до приезда в Новгород, а также приобрести популярность у своих новых прихожан. Необходимость иметь хорошую репутацию объясняется еще и тем, что священнику иногда могли поручать хранить ключи от церкви, где хранились товары, что свидетельствовало о высоком кредите доверия²¹.

Люди «Петрова двора» признавали свою коллективную ответственность за зарплату своего священника. В случае невозможности заплатить в полной мере они посылали специальные письма в ганзейские города с просьбой доплатить клирику — как это было в случае с Дидериком Магером в 1406 году, работу которого они оценили положительно²². 10 апреля 1431 года представители «Петрова двора» писали в Дерпт, чтобы им не посылали нового священника, т. к. настоящий клирик еще не получил достаточного дохода за свою работу²³. Такие оценки свидетельствуют, что купцы имели точные сведения о всех доходах священника по месту службы. Начиная с 40-х годов XV века клирик новгородского прихода получал определенную сумму в 5 рублей серебром («*Stück Silber*»), пушнину и по полрубля («*1/2 Stück*») на транспортные расходы²⁴.

Спустя 12 дней после жалобы священника Бернхарда Бракеля Ревелю о снижении своей зарплаты, 29 января 1440 года купцы написали письмо в тот же город со своей версией конфликта. В письме раскрываются некоторые особенности коммуникации купцов со священником. Так, когда потребовалось объяснить по поводу зарплаты, первые послали к Бернхарду 2 подмастерьев («*gesellen*») с вопросом, хочет ли он служить за ту же зарплату, что и его предшественник священник Гервин²⁵. Таким образом, общение с духовным лицом проходило не обязательно лицом к лицу, а в том числе через посредников. В споре купцов со священником Бракелем Любек в конце 1441 года назначил полномочным посредником в Новгород также духовное лицо — некоего священника Германа Зингера («*Hermen Singer*»), который должен был позаботиться о выплате необходимых сумм обиженной стороне²⁶.

Примечательно, что купцы не оказывали никакого давления на «проблемных» священников Бернхарда Бракеля и Иоганна Гельремманна — они свободно составляли письменные жалобы и отсылали их ганзейским городам, в то время как купцы из Новгорода отправляли письма тем же адресатам со своим видением происходящего. В своем письме 6 августа 1441 года первые просили Любек как высшую инстанцию «наставить» священника, чтобы он более не жаловался на купцов²⁷.

Некоторые высказывания и действия ганзейских купцов позволяют делать выводы об их отношении к служению священника в целом. В письме Дерпту о больном священнике Генрихе в 1427 году купцы высказывали страх по поводу того, что новый священник из Готланда не придет по причине непогоды на море²⁸. Новый священник Генрих Патберг, приехавший в приход летом 1429 года, нуждался

²¹ Там же, S. 130.

²² LUB. Bd. 4. Nr. 1708.

²³ LUB. Bd. 8. Nr. 428.

²⁴ LUB. Bd. 9. Nr. 566.

²⁵ «und sanden 2 gesellen an ene und leyten ene vraghen, offte hey op datsulve lön wolde deynen als her Gerwyn syn vorvår» (Там же, Nr. 557).

²⁶ Там же, Nr. 792. В ответ купцы 2 января 1442 года составили письмо Дерпту с приложением копий письма из Любека с просьбой поддержать их позицию (Там же, Nr. 801).

²⁷ «Hirumme, gy leven heren, doet wol unde underwysset her Bernde, dat he den kopman nicht mer ene beswere» (Там же, Nr. 753).

²⁸ «wente wii uns zere bevruchten, dat hir geyn prester van Godlande en kome, alset nu tor seaward steid» (LUB. Bd. 7. Nr. 582).

в специальном представлении своей пастве²⁹. На переговорах в Нарве зимой 1498 года ливонские представители специально указали русской стороне на «осквернение церкви» и пленение священника, произошедшие во время закрытия Иваном III «Петрова двора» в 1494 году³⁰. Все перечисленные факты, как и просьба к брату Владиславу в 1449 году освятить кладбище, свидетельствуют о высокой потребности купцов в услугах профессионального духовенства. В то же время купцов, вероятно, не занимал личный аспект — например, здоровье священника их мало заботило; важно было насколько добросовестно и регулярно он исполняет свои обязанности.

Итак, необходимым условием для принятия священника на новый приход в Новгороде была безупречная репутация. Церковь в «Петровом дворе» использовалась не только для богослужений, но и была складом для товаров — следовательно, священник *volens volens* был вовлечен как в торговые дела купцов, так и в русско-ганзейские отношения (священник Иоганн Грехе даже угодил в русский плен). Отметим, что купцы высоко ценили труд священника. Это выражалось, с одной стороны, в выгодном обеспечении клирика жильем и оплатой транспортных расходов, с другой стороны — потребности в регулярном совершении литургии и других церковных мероприятий (например, освящении могил). Одним из обвинительных пунктов со стороны немцев после закрытия «Петрова двора» было осквернение латинской церкви в Новгороде. Таким образом, можно говорить о высоком уровне религиозности в купеческой среде Ганзы того времени.

Новгородский приход — «теплое местечко?»

Был ли приход в церкви «Петрова двора» привлекательным местом служения? Как и любая другая вакансия средневековья и современности, здесь были свои бонусы и трудности.

«Страшный путь» по морю на Русь, в особенности из отдаленных немецких городов, был опасен не только морскими разбойниками, но представлял серьёзную угрозу для здоровья. Мы не знаем, почему и чем священник Генрих болел так долго, что пересидел собственный срок; однако можно утверждать, что трудности балтийского морского переезда, климата Новгородской земли могли легче переноситься часто путешествовавшими купцами, нежели священниками, которые были менее мобильны. Немаловажным было то обстоятельство, что пастырю оплачивали транспортные расходы.

Плюсом была возможность выбирать любое понравившееся жилье, к тому же купеческая контора покрывала расходы на проживание.

То обстоятельство, что Бернд Бракель, решая отправиться в Новгород, ссылаясь на свое «незнание» об изменении зарплаты в приходе, говорит в пользу свободного выбора священника. Иными словами, ганзейские города «отрекомендовывали» в Новгород своих священников, но не заставляли их ехать туда.

²⁹ Об этом Любек просит Дерпт и Ревель в письме 4 августа 1429: «Begere wii unde bidden juwe ersamheide vruntliken mit aller andacht, dat gii umme unsen willen darumme vorder an den copmane up dem erbenomeden hove to Naugarden vor dessen prester, se ene also to annamende unde to holdende sine tiid, willent verscriven unde gii eme darinne vorderlik unde behulpen willent wesen» (LUB. Bd. 8. Nr. 57).

³⁰ «und de kerken enthwyet, prester und haveszknechte vorweldiget... und in fengnisse geworpen» (LUB. Abt. 1. Bd. 1. Nr. 647). Новейший взгляд на причины закрытия «Петрова двора» в монографии Марины Борисовны Бессудновой: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. С. 228-257.

Насколько высокой была установленная с 40-х годов XV века зарплата в 5 новгородских серебряных рублей? За неимением других материалов, попробуем исходить из реалий конца XV века. 1 новгородский рубль был более чем в 2 раза дороже московского рубля и равнялся 216 деньгам. Например, коробья пшеницы в Новгородской земле стоили 14 денег³¹. В пределах одного рубля священник мог покрыть расходы на морское путешествие туда и обратно. На наш взгляд, даже получая вдвое меньшую зарплату с 30-40-х годов XV века, священник довольствовался весьма высоким жалованьем, которого хватало не только на питание и одежду. Если священник Генрих Падберг в 1427 году жаловался на то, что расточил много своих средств ввиду отсутствия купцов и получения регулярного дохода, то это может указывать на то, что у него была возможность откладывать деньги.

Серьезным «минусом» была прямая зависимость зарплаты от состояния кассы «Петрова двора». Несмотря на то, что сумма была фиксированной, у купцов иногда просто не было денег, чтобы заплатить законную зарплату священника. Однако оживленная переписка между ганзейскими городами, купцами конторы в Новгороде и священником свидетельствует о том, что клирик имел шансы изменить свое положение в условиях высокой правовой культуры ганзейского купечества.

Еще одним отрицательным обстоятельством была зависимость торговли от политических обстоятельств. Контора и церковь часто находились под риском закрытия, а священник таким образом под риском потерять работу. В конце концов это и случилось со священником Иоганном Грeve, попавшим «под горячую руку» Ивана III.

Заключение: священник и его паства

Посылка священников из ганзейских городов, маршрут путешествия, приезд и представление пастве, срок служения и зарплата клирика были частью старинной традиции, изменения которой вызвали бы серьезные конфликты между городами. Материал ливонского делопроизводства XV века периода стагнации ганзейской торговли позволяет оценить последствия такого решения, как уменьшение зарплаты священника; в то же время деловая переписка этого времени раскрывает некоторые подробности из жизни священника конторы.

Латинские священники в церкви «Петрова двора» служили определенный срок, затем на их место посылались другие клирики. Такая «текучка» не способствовала складыванию долгосрочных доверительных отношений между священником и купцами-прихожанами. Иначе говоря, у купцов не было духовника. Для первых священник был наёмным рабочим, которому хорошо платили за духовную службу. Осознавая условность своего положения, священник заручался рекомендациями, стремился сохранить положительную репутацию в немецкой общине Новгорода, где он был единственным в своем роде.

Пастырь мог рассчитывать на достойную, хоть и нерегулярную зарплату, выгодные условия проживания, правовую защищенность. Важно, что он жил в непосредственной близости со своими прихожанами — в одном из купеческих домов. Часто клирику приходилось выполнять административные функции, особенно, когда контора становилась «горячей точкой» Ганзы во время русско-ливонских конфликтов.

Потребность в духовном служении объясняется набожностью купцов «Петрова двора», которые следили за регулярностью богослужений, состоянием священника,

³¹ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. VIII. Статьи. М., 1990. С. 81-82.

совершением церковных ритуалов, порядком во время литургии³². Совершение совместных богослужений и специальных служб, помимо чисто религиозных причин, имело большое значение для укрепления корпоративного чувства немецких купцов в Новгороде. В этой связи священник играл ключевую роль связующего звена немецкой общины, окруженной «схизматиками».

Источники и литература

1. Arbusow L. Livlands Geistlichkeit vom Ende des 12. bis ins 16. Jahrhundert. Dritter Nachtrag. *Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik 1911, 1912 und 1913*. Mitau, 1914.
2. *Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert*. Hrsg. von Dr. W. Schlüter. Dorpat, 1911.
3. Goetz L. K. *Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters*. Hamburg, 1916.
4. *Hanserecesse*. Abt. 2. Bd. 2. Bearb. von G. Frhr. von der Ropp. Leipzig, 1878.
5. Huizinga J. *Herbst des Mittelalters. Studien über Lebens- und Geistesformen des 14. Und 15. Jahrhunderts in Frankreich und in den Niederlanden*. Stuttgart, Reclam, 2016.
6. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Abt. 1. Bd. 1. Hrsg. von L. Arbusow. Riga, Moskau, 1900.
7. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Bd. 10. Hrsg. von P. Schwartz. Riga, Moskau, 1896.
8. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Bd. 4. Hrsg. von F. G. von Bunge. Reval, 1859.
9. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Bd. 7. Hrsg. von H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1881.
10. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Bd. 8. Hrsg. von H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1884.
11. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*. Bd. 9. Hrsg. von H. Hildebrand. Riga, Moskau, 1889.
12. Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М.: Квадрига, 2015;
13. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. VIII. Статьи. М.: Мысль, 1990;
14. Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XIII вв. М.: Изд-во Московского университета, 1986.

³² Запрещалось шуметь и выходить из церкви во время богослужений (*Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen...* S. 132, 133).

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10037

Костромин К., прот.

Прославление священномученика Исидора в XVI веке

Вопрос о прославлении/канонизации святых приобретает актуальность и даже дискутируется в науке в связи с ростом интереса к историческому символизму, отражавшему как официальную идеологию или частное мировоззрение, так и внутренние психологические установки, которыми были движимы деятели прошлого¹. Прославление/канонизация святого является одним из наиболее знаковых событий, фиксация и определение параметров и характеристик которого может дать целый пласт полезных сведений и представлений об изучаемой эпохе. Философско-религиоведческое и культурологическое объяснение феномена канонизации обсуждается в научной литературе, однако в стороне остаются иные стороны его бытования — историографический и контекстовый. Первый из них предполагает постановку вопроса о рождении в общественном сознании и научной литературе терминов «канонизация» и «прославление» и о содержании этих понятий, нестатических во времени, изменчивых вслед за пользующей их эпохой. Хотя статья посвящена прославлению конкретного святого — священномученика Исидора Юрьевского — крайне трудно прийти к каким-то выводам, не сделав предварительный методологический экскурс.

Традиционный взгляд на канонизацию предполагал монархическое (в широком смысле этого понятия²) волеизъявление на признание святости того или иного деятеля прошлого, жизнь которого так или иначе связана с церковью. Под «монархическим волеизъявлением» я подразумеваю волево решение власть предержащего лица *совершить акт* признания святости, т. е. он предполагает один источник волеизъявления — руководство, и совершение его в форме краткого символического акта. Историки XIX века — В. Васильев, Е. Е. Голубинский³ и другие — не сомневались в этом, изучая изменение лишь форм этого волеизъявления — от совместного признания святости властью, народом и священноначалием, выражавшемся в акте местной канонизации, совершавшейся местным архиереем, к соборному акту, на котором

¹ Например: Прилуцкий А. М. Семиотика новейшего агиологического мифа и формирование неканонических культов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология, религиоведение. 2018. Т. 23. С. 102-109; Юрьева Т. В. Канонизация святых русской церкви как культурологическая проблема // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 140-148; Дамаскин (Орловский), игум. К вопросу о критериях канонизации святых Русской Православной Церкви: агиография и литература // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34). С. 6-14; Якеменко Б. Г. О канонизации и деканонизации (канонизация и народное почитание святых — проблема контрапункта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 3. С. 33-46; Ищенко А. С. Почитание Владимира Мономаха в церковной литературе // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 4. СПб.; Казань, 2015. С. 100-111; Чурина И. О. Канонизация и почитание местных святых в истории церкви // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3 (13). С. 156-165 и др.

² Ср. понятие «монархический епископат» (см.: Вальер П. Соборы как выявление Церкви // Церковь, государство, религия в России и за рубежом. 2016. № 1 (36). С. 15.

³ Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 6-11; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 12, 22-23, 40-42.

монаршая воля — митрополита и/или царя (власть митрополита фактически была тоже монархической по сути, распространяясь только на церковный организм, достигнув высшей степени абсолютизма в начале и середине XVII века) — становилась всеобщей через акт соборной канонизации в присутствии большинства епархиальных архиереев, своим присутствием «венчавших» акт канонизации и солидаризировавшихся с ним. Конечно, подобный взгляд на канонизацию был в большей степени отражением привычных отношений власти и общества, свойственных имперскому сознанию «петербургской империи», нежели тенденций, свойственных изучаемым эпохам⁴. Данное несоответствие подчеркивалось применением терминологии, более свойственной схоластическому сознанию, нежели принципу историзма: термин «канонизация» актуализировал представления более ранних эпох для «синодального» сознания, поскольку не был известен в более ранние эпохи⁵, одновременно выявляя «кабинетный» тип полученного знания.

Позднее был «воскрешен» еще один термин — «прославление», который был заметно более исторически верным, однако противопоставление «прославления» как процесса и «канонизации» как акта (иногда эти термины употребляются как синонимы⁶) не дало ответа на все вопросы, хотя и заметно продвинуло представления об особенностях признания святости в разные эпохи⁷. Так, историки вынуждены были прямо или косвенно признать, что не располагают сведениями о более или менее точном времени признания святости (т. е. канонизации) св. Бориса и Глеба⁸, св. равноапостольных князя Владимира и княгини Ольги⁹. Однако так или иначе общая парадигма решения данного вопроса оставалась прежней — искали источник волеизъявления и пытались «нащупать» дату прославления. Первая канонизация, как закрепилось

⁴ Костромин К., прот. Монополизм и церковно-историческая наука: к постановке вопроса // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 181-188.

⁵ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 12; Ткачев Е. В. Канонизация // ПЭ. Т. 30. М., 2012. С. 269-270.

⁶ Андроник (Трубачев), игум. Канонизация святых в Русской Православной Церкви <https://azbyka.ru/kanonizaciya-svyatux-v-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 25.12.2018)

⁷ Термин «прославление» имел прямое отношение к признанию святости, но в иной, теоцентричной логической системе: прославляет не человек, а Бог. См., например, выражения: «Сих памяти причтуче... празднуим, их же прославил Бог премногою благодатию и чудесы»; «Прослави же zde Бог великого князя Александра...»; «Преславно бо Господь прослави вернаго раба своего князя Михаила...» (Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 221) или «Во церковь на молбы собирающема с чистотою и с любовию достойно святого праздник прославим...» (Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 20. С. 222). Сам термин в соответствующем значении употреблен впервые, вероятно, Симеоном Полоцким: «Никто же прежде смерти ублажается прославлением небесным вечным» (Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 20. С. 222); «Какое прославляются [святые] ныне, яко ж Церковь Божия вопиет» (Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 20. С. 223).

⁸ Алешковский М. Х. Русские глеборисовские энколпионы 1072-1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104-125; Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI-XVI в.). М., 1986. С. 13-34; Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (2), 2000. С. 28-50.

⁹ Считается, что княгиня Ольга была прославлена не ранее середины XIII века (Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // Древняя Русь: во времени, в личности, в идеях. Альманах, вып. 6. СПб.; Казань, 2016. С. 267), хотя история начала ее почитания восходит, видимо, XI веку, что не дает права утверждать, что «многочисленные факты зарождения и развития почитания кнг. Ольги... так и не увенчались официальной канонизацией» (Ткачев Е. В. Канонизация. С. 299). В течение того же времени сложилось почитание и св. князя Владимира (Ткачев Е. В. Канонизация. С. 299-300).

в историографии, в форме акта была произведена св. митрополитом всея Руси Макарием в 1547 году и была повторена в 1549 году, став нормой для последующих эпох.

В последние годы прежняя парадигма была заметно изменена. Не декларируя принципиального отказа от традиционных терминов и понятий, в статьях об эпохе митрополита Макария стал появляться новый принцип, в центре которого поставлен тезис — признание святости не есть ее «присуждение». Это утверждение привело к размыванию представления о властном волеизъявлении как условии признания святости и отражает движение от представлений о канонизации как акте к идее прославления как признания уже явленной святости. Осознание того, что святость не зависит от признающих ее (или не признающих), а даруется Богом, привело к тому, что канонизацию как акт стали рассматривать как современное (с конца XIX века) явление, что поставило перед исследователями два вопроса: как в таком случае интерпретировать соборы 1547 и 1549 годов и последующие «канонизации» и когда произошел переход от «прославления» к «канонизации», если эта вежа сдвинулась с привычной середины XVI века на более поздний срок. Ответ на второй вопрос еще не дан, а вот новая интерпретация канонизаций эпохи Ивана Грозного постепенно сформировалась. Любопытно, что постановка вопроса заставила историков вновь определять источниковую базу знаний об этих соборах и последующей эпохи, в то время как обращение к этой теме с конца XIX века и вплоть до конца 1980-х годов применения источниковой базы как будто не требовала.

В 1998 году архимандрит Макарий (Веретенников) обратил внимание на то, что источниковая база деяний собора 1547 года неровна, а относительно собора 1549 года она вообще фактически отсутствует¹⁰. Правда, историка это не смутило: поскольку метод его работы — собирание фактов, он нашел, чем восполнить источниковый пробел. По-новому на проблему смог взглянуть диакон Александр Мусин, отметивший, что «„духовная арифметика“, примененная В. Ключевским и Е. Голубинским..., не выдерживает критики», а сами соборы «создали не столько новую практику канонизации святых, сколько прецедент, который будет использован в будущем»¹¹. Несколькими позднее была издана расширенная версия статьи 2000 года, где имелся и научный аппарат. В ней выводы исследователя стали более отчетливыми и далеко идущими. Он обратил внимание на мотивацию решения собора 1547 года — Бог прославил русскую землю новыми чудотворцами, но «не бе им доднесь соборного пения»¹². В связи с этим, «очевидно, до определенного момента в истории русской церкви свидетельства источников об обретении останков усопшего подвижника, существование жития, гимнографических и иконографических произведений, посвященных ему, и упоминание его имени в месяцесловах могут рассматриваться как необходимые и достаточные указания на свершившуюся канонизацию, которая включает в себя как предшествующую традицию народного почитания, так и соответствующую санкцию местного епископа»¹³, поэтому «характер соборов 1547-1549 гг.

¹⁰ Макарий (Веретенников), архим. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // Русская художественная культура XV-XVI веков. М., 1998. С. 8-9.

¹¹ Мусин А. Е. «Новые чудотворцы» и проблема авторитета в культуре XVI века // Русское искусство позднего средневековья XVI век. Тезисы докладов международной конференции (Москва, 12-14 января 2000 г.). СПб., 2000. С. 22, 25.

¹² Мусин А. Е. Соборы св. митрополита Макария 1547-1549 гг.: Факт истории или факт историографии? // Сообщения Ростовского музея. Вып. 13. Ростов, 2013. С. 74-86. <https://www.rostmuseum.ru/museum/biblioteka/soobshcheniya-rostovskogo-muzeya/vypusk-xiii-rostov-2003/politicheskaya-i-sotsialno-ekonomicheskaya-istoriya-rossii/a-e-musin-s-peterburg-sobory-sv-mitropolita-makariya-1547-1549-160-gg-fakt-istorii-ili-fakt-istoriografii-c-74/> (дата обращения: 25.12.2018)

¹³ Там же.

необходимо охарактеризовать не как “канонизационный”, а как “литургический”¹⁴. «Учреждение соборного пения новым русским чудотворцам после 1547 г. уже не требовало соборного решения, а происходило постепенно, по мере продолжения агиографических и гимнографических трудов...»¹⁵. Выводы историка были в целом приняты, хотя скорее как историографический факт¹⁶.

В целом соглашаясь с выводами о. Александра, должен заметить, что полученные им выводы необходимо, во-первых, проверить на материалах истории русской гимнографии, которая изучена пока только пунктирно¹⁷, а во-вторых, уточнить. При этом нужно также принимать во внимание и еще один вывод историка, что «список святых 1547 г. практически идеально совпадает с маршрутом царских богомолий и походов 1543-1552 гг»¹⁸. Можно обратить внимание на то, что в ряде случаев царские богомолья предшествовали прославлению на соборе 1547 года, т. е. были своего рода «инспекционными поездками» по выявлению новых чудотворцев на местах, а в некоторых случаях прославление совершалось в опережение приезда царского поезда.

Сделанные ученым выводы могут иметь инверсивную версию (написание служб и житий как свидетельства об утверждении памяти святых в Москве): если после 1547 года можно выявить факт создания жития и службы, а также планы царя совершить туда поездку или даже сам по себе факт приезда царя в указанную местность, то можно говорить о попытке общерусского прославления святого. Данный метод может заметно пополнить список прославленных святых в эпоху Ивана Грозного, причем такие выводы будут достаточно надежными. Даже Е. Е. Голубинский, которому, как отмечал о. Александр, был свойственен «механистический» подход к решению вопроса о канонизациях и, как я отметил выше, он также распространял «монархический» принцип на эпохи, которым он не свойственен, описав соборы 1547 и 1549 годов как «канонизационные», определил целую группу святых, которые, по его мнению, были прославлены в лике святых после 1549 года в годы правления Ивана Грозного, но без соборных определений¹⁹. Тем более этот список можно дополнять или, по крайней мере, уточнять.

В качестве наиболее надежного примера следует привести пример почитания священномученика Исидора Юрьевского. Житие священномученика Исидора было написано псковским агиографом Василием-Варлаамом не раньше 1558 и не позднее 1563 года, когда скончался митрополит Макарий, т. е. уже после соборов 1547 и 1549 годов²⁰. Одновременно им была создана и служба, которая известна в списках XVII века²¹. Создание службы самим Василием-Варлаамом текстологически еще не доказано, однако близкое сюжетное и стилистическое сходство их дает основание для такого утверждения. Житие и служба были написаны непосредственно перед началом

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Ткачев Е. В.* Канонизация. С. 306.

¹⁷ *Спаский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М., 2008.

¹⁸ *Мусин А. Е.* Соборы св. митрополита Макария 1547-1549 гг.

¹⁹ *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. С. 109-159.

²⁰ *Охотникова В. И.* Некоторые проблемы биографии и творчества Василия-Варлаама, псковского агиографа XVI в. // Псков. 1999. № 10. С. 3-4; *Соколова Л. В.* Житие Исидора Юрьевского // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. М., 1988. Л., 1988. С. 284.

²¹ *Костромин К., прот.* 1) «Страдание священномученика Исидора» как исторический источник и литературный памятник конца XV — середины XVI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei. Альманах, вып. 8. / Под ред. д. и. н. П. И. Гайдено. СПб.; Казань, 2017. С. 156-157; 2) Антилатинская полемика в древнерусском богослужении // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei. Научный журнал. 2018. Вып. 1 (9). С. 303-304, 308-320.

Ливонской войны, в рамках которой планировалось вторжение на территорию Ливонии через Дерпт (Юрьев): святого, связанного с этим городом, и описал Василий-Варлаам²². Т. е. планирование триумфального въезда Ивана Грозного в покоренную Ливонию, подобно тому, как он когда-то въехал в Казань, предварялось церковной подготовкой этого события (Иван Грозный до Ливонии так и не доехал), что в целом соответствует выводам о. Александра Мусина.

Житие было создано после окончания работы над Великими Минеями Четвыми митрополита Макария, прямо накануне его кончины, так что вставить житие священномученика Исидора туда оказалось уже некому, хотя, надо полагать, уже к этому моменту существовали как распространенная, так и краткая, проложная редакции жития²³. В посвященном ему житии подробной редакции Исидор называется «ново-явленным мучеником и исповедником»²⁴, «Исидором Новым»²⁵ или, в краткой редакции, «прозвитером новопострадавшим за Христа»²⁶, т. е. он был терминологически обозначен также, как и все те святые, службы которым были уставлены на соборе 1547 года. Дата мучения Исидора — 1472 год — соответствует временному диапазону, к которому относились новопрославленные святые, причем большинство их приходится именно на XV век.

С прославлением возникла, пожалуй, только одна, но существенная проблема. Одним из критериев, которым должны были соответствовать святые, получавшие теперь высшую московскую церковную санкцию и приказ начать литургическое почитание, было наличие мощей и чудотворений от них. Именно их погребения посещал царь Иван во время своих богомолий перед и непосредственно после соборов 1547 и 1549 годов. Только в наши дни, в связи с канонизацией большого числа новомучеников, чьи мощи не сохранились, этот критерий объявлен несущественным²⁷. Однако, мощей священномученика Исидора и «иже с ним седмидесят и дву мученику» в Юрьеве не было. Причиной, вероятнее всего, была реформация, которая буквально смела храмы тех религиозных групп, которые не присоединились к протестной группе лютеран. Про сожжение нескольких православных храмов, в том числе в Дерпте, сохранились смутные известия²⁸. Обычно эту причину называют и в объяснение отсутствия мощей и могил святых юрьевских мучеников. В связи с тем, что Русская Церковь не знала массовых казней и практически вообще мученического подвига (немногочисленные погибшие от рук своих собратьев или татарских ханов князья почитались как благоверные князья), прецедент со смертью русских

²² *Рогов А. И.* «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 313-328.

²³ *Фетисов И. И.* К литературной истории повести о мученике Исидоре Юрьевском // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. (СОРЯС АН СССР. Т. 101. № 3). Л., 1928. С. 218-221; *Костромин К., прот.* «Страдание священномученика Исидора» как исторический источник... С. 154-158.

²⁴ *Костромин К., прот.* Антилагинская полемика в древнерусском богослужении. С. 308.

²⁵ *Рогов А. И.* «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник. С. 322, 327.

²⁶ СПбИИРАН, Собр. Лихачева, № 294, Сборник, сер. XVII в. Л. 49 об.

²⁷ *Сазонов Д., прот.* 1) Надо ли менять критерии канонизации репрессированного духовенства и как именно? http://www.e-vestnik.ru/analytics/kriterii_kanonizatsii_novomuchenikov_9853/?m=print (дата обращения 9.12.2018); 2) Критерии канонизации репрессированного духовенства применительно к открытию и осмыслению источников <http://monasterium.ru/monashestvo/2013-06-03-11-29-20/kriterii-kanonizatsii-repressirovannogo-dukhovenstva-primenitelno-k-otkrytiu-i-osmysleniyu-istochnikov/> (дата обращения 9.12.2018).

²⁸ *Селарт А.* Реформация в Ливонии и Ливонская война (1558-1582) // Балтийский вопрос в конце XV-XVI в.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М.: Квадрига, 2010. С. 432-444.

в Ливонии трудно было принять в рамках распространенных представлений о святости (редким исключением стало московское прославление виленских мучеников на соборе 1549 года, причем они однажды уже были прославлены Константинопольским патриархом²⁹).

Кроме того, была и еще одна трудность — объяснение смерти «новых мучеников Христовых». Смерть от рук католиков не очень вяжется с представлением о смерти за Христа. Но именно так интерпретировал святость Исидора и его прихожан Василий-Варлаам в Житии и службе, называя латинян «богомерзкими» и «безбожными». Однако позиция митрополита Макария в международной переписке, в том числе с литовскими властями и епископатом, а также с эмиссарами Римского папы, не отличается нетерпимостью к католикам. Напротив, глава Русской Церкви склонялся если не к компромиссам, то к необходимости диалога, считая этот диалог «межхристианским»³⁰. Вообще, нужно отметить, что полемика против латинян, развивавшаяся очень неспешно и до середины XV века бывшая вообще, скорее, «кабинетным» делом, только после середины XVI века стала представлять собой заметное явление³¹. В качестве еще одного примера (а наиболее широко известна публицистика второй половины XV — XVI веков) назову включение антилатинских пассажей в богослужебные последования русским святым (иных текстов, которые могли бы содержать такого рода полемику, не было). Сама по себе антикатолическая тематика появилась в богослужебных текстах не раньше начала XVI века, но служба Исидору представляет собой на этом фоне нечто из ряда вон выходящее. Нет других примеров столь жесткой и интенсивно развитой полемики, как в этой службе³². Причем, ее появление приходится именно на время наиболее интенсивной эксплуатации антилатинской темы в древнерусской гимнографии. Вскоре, к концу XVI века, значение антилатинской пропаганды в богослужении сходит «на нет», как в XII веке иссякло творчество в жанре антилатинской полемики.

Роль антилатинской риторики в построении идеологии Московского царства Ивана Грозного, да и вообще в контексте развития идеологии «Москва — Третий Рим» еще не может считаться до конца изученной³³. Она, очевидно, имела важную государствообразующую идеологическую роль. При этом не изучена поздняя антилатинская полемика как таковая. То, что прославление «нового мученика Исидора» совершалось в рамках становления идеологии «Москва — Третий Рим», не подлежит сомнению, однако не вполне понятно, каким образом предполагалось применять антилатинскую направленность памятников, посвященных Исидору, если учесть,

²⁹ Флоря Б.Н., Шлевис Г., Зеленина Я.Э. Антоний, Иоанн и Евстафий // ПЭ. Т. 2. М., 2001. С. 666-668.

³⁰ Макарий (Веретенников), архим. 1) Митрополит Московский Макарий в переписке с Виленскими епископами // Макарий (Веретенников), архим. Эпоха митрополита Макария. События и люди. Можайск, 2014. С. 83-103; 2) Митрополит Макарий и Рим // Макарий (Веретенников), архим. Эпоха митрополита Макария. С. 104-111; 3) Инославные иерархи на Руси при Иоанне Грозном // Макарий (Веретенников), архим. Эпоха митрополита Макария. С. 120-129; Макарий (Веретенников), архим. Жизнь и труды святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. С. 189-193.

³¹ Делекторский Ф. Флорентийская уния (по древнерусским сказаниям) и вопрос о соединении церквей в древней Руси // Странник. Т. 3. Сентябрь-декабрь. СПб., 1893. С. 248; Синицына Н.В. Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского Патриархата // Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. ст. / Под ред. А.И. Клибанова. М., 1990. С. 127-130. (1448-1589 гг.) С. 128-130.

³² Костромин К., прот. Антилатинская полемика в древнерусском богослужении. С. 298-320.

³³ Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 77-114 ссл.

что составление имело связь с вторжением русских войск в Ливонию. В Ливонии уже прошла реформация, и антилатинская тема в связи с событиями в Прибалтике была более не актуальна, по крайней мере в приграничных регионах Новгорода и Пскова, а также Причудья, если не считать данные произведения попыткой оказать косвенное влияние на власти Ливонии, присоединившиеся к реформации, и продемонстрировать им определенную солидарность в их отношении к католикам. Если это так, то мотив и его реализация, не считая элементарной сложности этого мотива, могли иметь массу побочных эффектов, не полезных для политики в целом. Однако это уже отдельная научная проблема.

Впоследствии память о священномученике Исидоре стерлась. Когда и почему это произошло, доподлинно и точно сказать трудно, вопрос еще не исследован. Общий взгляд на ситуацию позволяет утверждать, что произошло это либо в связи со старообрядческим расколом и «деканонизацией» некоторых святых, память которых оказалась «скомпрометирована» приверженностью к элементам старины (а связь жития преп. Евросина и Серапиона Псковских со страданием священномученика Исидора очевидна), либо с «движением на запад», начавшимся при Алексее Михайловиче, войной в Польше и сменой культурных парадигм, в рамках которой антилатинская полемика в духе противопоставления католицизма старым русским культурным традициям больше не отвечала задачам времени. Память о священномученике восстанавливалась медленно³⁴, и только в 1897 году он был официально, как бы «заново», канонизирован. Впрочем, он оказался к концу XIX века настолько прочно забыт, что многим казалось, что Исидор был впервые прославлен только в 1897 году³⁵, хотя еще в 1831 году митр. Евгений (Болховитинов) писал о них как о почитаемых в псковском крае святых³⁶.

На наш взгляд, исторические данные середины XVI века убедительно говорят в пользу мнения, что первое прославление имело место в годы правления царя Ивана Грозного.

Источники и литература

1. СПБИИРАН, Собр. Лихачева, № 294, Сборник, сер. XVII в. Л. 49 об.
2. Алешковский М. Х. Русские глеборисовские энколпионы 1072-1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 104-125.
3. Андроник (Трубачев), игум. Канонизация святых в Русской Православной Церкви <https://azbyka.ru/kanonizaciya-svyatux-v-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 25.12.2018)
4. Вальер П. Соборы как выявление Церкви // Церковь, государство, религия в России и за рубежом. 2016. № 1 (36). С. 10-50.

³⁴ Андроник (Трубачев), игум. Канонизация святых в Русской Православной Церкви; Ткачев Е. В. Канонизация. С. 313. См.: Костромин К. А. Исидор и Иоанн — православные священники г. Тарту во второй половине XV века // Провинциальное духовенство дореволюционной России. Сб. науч. тр. междунар. заоч. конф. Вып. 3 / Научно исследовательский центр церковной истории и православной культуры им. В. В. Болотова. Тверской государственный университет. Тверь, 2008. С. 295-304.

³⁵ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 326, 574; Кузьмин А. В. Исидор, свмч., и 72 (73) мученика // ПЭ. Т. 27. М., 2011. С. 205.

³⁶ Евгений [Болховитинов], митр. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. 3, содержащая историю псковской церковной иерархии. Киев, 1831. С. 77.

5. Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893.
6. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903.
7. Дамаскин (Орловский), игум. К вопросу о критериях канонизации святых Русской Православной Церкви: агиография и литература // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34). С. 6-14.
8. Делекторский Ф. Флорентийская уния (по древнерусским сказаниям) и вопрос о соединении церквей в древней Руси // Странник. Т. 3. Сентябрь-декабрь. СПб., 1893.
9. Евгений [Болховитинов], митр. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. 3, содержащая историю псковской церковной иерархии. Киев, 1831.
10. Ищенко А. С. Почитание Владимира Мономаха в церковной литературе // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 4. СПб.; Казань, 2015. С. 100-111.
11. Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 6: Наследие святого Кирилла Туровского. История, культура и мысль Древней Руси. СПб.; Казань, 2016. С. 267-271.
12. Костромин К., прот. Антилатинская полемика в древнерусском богослужении // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei. Научный журнал. 2018. Вып. 1 (9). С. 298-320.
13. Костромин К. А. Исидор и Иоанн — православные священники г. Тарту во второй половине XV века // Провинциальное духовенство дореволюционной России. Сб. науч. тр. междунар. заоч. конф. Вып. 3 / Научно исследовательский центр церковной истории и православной культуры им. В. В. Болотова. Тверской государственный университет. Тверь, 2008. С. 295-304.
14. Костромин К., прот. Монополизм и церковно-историческая наука: к постановке вопроса // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 181-188.
15. Костромин К., прот. «Страдание священномученика Исидора» как исторический источник и литературный памятник конца XV — середины XVI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiorwsia: en cronw, en proswpw, en eidei. Альманах, вып. 8. / Под ред. д. и. н. П. И. Гайденко. СПб.; Казань, 2017. С. 149-163.
16. Кузьмин А. В. Исидор, свмч., и 72 (73) мученика // Православная энциклопедия. Т. 27. М., 2011. С. 205.
17. Макарий (Веретенников), архим. Жизнь и труды святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. С. 189-193.
18. Макарий (Веретенников), архим. Инославные иерархи на Руси при Иоанне Грозном // Макарий (Веретенников), архим. Эпоха митрополита Макария. События и люди. Можайск, 2014. С. 120-129.
19. Макарий (Веретенников), архим. Макарьевские соборы 1547 и 1549 годов и их значение // Русская художественная культура XV–XVI веков / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования, Т. XI. М., 1998. С. 5-22.
20. Макарий (Веретенников), архим. Митрополит Макарий и Рим // Макарий (Веретенников), архим. Эпоха митрополита Макария. События и люди. Можайск, 2014. С. 104-111.
21. Макарий (Веретенников), архим. Митрополит Московский Макарий в переписке с Виленскими епископами // Макарий (Веретенников), архим. Эпоха митрополита Макария. События и люди. Можайск, 2014. С. 83-103.
22. Мусин А. Е. «Новые чудотворцы» и проблема авторитета в культуре XVI века // Русское искусство позднего средневековья XVI век. Тезисы докладов международной конференции (Москва, 12-14 января 2000 г.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 21-25.
23. Мусин А. Е. Соборы св. митрополита Макария 1547-1549 гг.: Факт истории или факт историографии? // Сообщения Ростовского музея. Вып. 13. Ростов, 2013. С. 74-86. <https://>

www.rostmuseum.ru/museum/biblioteka/soobshcheniya-rostovskogo-muzeya/vypusk-xiii-rostov-2003/politicheskaya-i-sotsialno-ekonomicheskaya-istoriya-rossii/a-e-musin-s-peterburg-sobory-sv-mitropolita-makariya-1547-1549-160-gg-fakt-istorii-ili-fakt-istoriografii-c-74/ (дата обращения: 25.12.2018)

24. *Охотникова В. И.* Некоторые проблемы биографии и творчества Василия-Варлаама, псковского агиографа XVI в. // Псков. 1999. № 10. С. 3-4.

25. *Прилуцкий А. М.* Семиотика новейшего агиологического мифа и формирование неканонических культов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология, религиоведение. 2018. Т. 23. С. 102-109.

26. *Рогов А. И.* «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 313-328.

27. *Сазонов Д., прот.* Критерии канонизации репрессированного духовенства применительно к открытию и осмыслению источников <http://monasterium.ru/monashestvo/2013-06-03-11-29-20/kriterii-kanonizatsii-repressirovannogo-dukhovenstva-primenitelno-k-otkrytiyu-i-osmysleniyu-istochnikov/> (дата обращения 9.12.2018).

28. *Сазонов Д., прот.* Надо ли менять критерии канонизации репрессированного духовенства и как именно? http://www.e-vestnik.ru/analytics/kriterii_kanonizatsii_novomuchenikov_9853/?m=print (дата обращения 9.12.2018)

29. *Селарт А.* Реформация в Ливонии и Ливонская война (1558-1582) // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сб. науч. статей / Отв. ред. А. И. Филюшкин. М.: Квадрига, 2010. С. 432-444.

30. *Синицына Н. В.* Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского Патриархата // Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. ст. / Под ред. А. И. Клибанова. М.: Наука, 1990. С. 126-151.

31. *Синицына Н. В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998.

32. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М.: Наука, 1995.

33. *Соколова Л. В.* Житие Исидора Юрьевского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. М., 1988. Л., 1988. С. 284-285.

34. *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2008.

35. *Ткачев Е. В.* Канонизация // Православная энциклопедия. Т. 30. М., 2012. С. 269-359.

36. *Ужанков А. Н.* Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (2), 2000. С. 28-50.

37. *Фетисов И. И.* К литературной истории повести о мученике Исидоре Юрьевском // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. (СОРЯС АН СССР. Т. 101. № 3). Л., 1928. С. 218-221.

38. *Флоря Б. Н., Шлевис Г., Зеленина Я. Э.* Антоний, Иоанн и Евстафий // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 666-668.

39. *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI в.). М., 1986.

40. *Чурина И. О.* Канонизация и почитание местных святых в истории церкви // Ленинградский юридический журнал. 2008. 156-165.

41. *Юрьева Т. В.* Канонизация святых русской церкви как культурологическая проблема // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 140-148.

42. *Якеменко Б. Г.* О канонизации и деканонизации (канонизация и народное почитание святых — проблема контрапункта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. 33-46.

**Оставление митрополитом Афанасием
первосвятительской кафедры 19 мая 1566 г.**

«Ибо царство и церковь находятся
в тесном союзе и общении между собою,
и невозможно отделить их друг от друга»

**I. Уход Афанасия: «немоощ веляя»,
отставка или политический демарш?**

Фигура митрополита Афанасия, возглавлявшего Русскую церковь в переломный момент русской истории (1564–1566), в значительной степени обойдена вниманием исследователей. Во многом это связано, очевидно, с яркими образами его предшественника (свт. Макария) и преемника (свт. Филиппа), затмившими своим величием неприметного московского архипастыря. На сегодняшний день не существует более-менее полной биографии Афанасия. Его жизни и деятельности на митрополичьей кафедре посвящены лишь отдельные немногочисленные статьи и главы исследований, не раскрывающие в должной мере его значение в истории Московской Руси¹. Вместе с тем, «сохранившиеся материалы о Всероссийском митрополите Афанасии свидетельствуют, что это была личность в высшей степени незаурядная и примечательная»².

И действительно, участник важнейших событий церковно-политической жизни 1550-х гг., духовник Ивана IV Грозного, принявший в 1562 г. постриг в кремлевском Чудовом монастыре, Афанасий 24 февраля 1564 г. встает во главе Русской церкви³. Представляется, что кандидатура Афанасия являлась оптимальной как для царя Ивана, всецело доверявшего своему бывшему духовному отцу, так и для Освященного собора: несмотря на свой недавний постриг, Афанасий был известен в церковной

¹ См. напр.: *Макарий (Веретенников), архим.* 1) Всероссийский митрополит Афанасий (1564–1566) // Богословские труды. Сб. 25. М., 1984. С. 247–257; 2) Афанасий // ПЭ. Т. 3. М., 2002. С. 708; 3) Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. С. 104–125; 4) Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М., 2016. С. 1108–1133; *Покровский Н. Н.* Афанасий (в миру Андрей) // СКЖДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 73–79; *Хорошкевич А. Л.* Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // *Иптемогиам*. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 282–291; *Шапошник В. В.* 1) Митрополит Афанасий и опричнина // Исследования по русской истории. Сб. ст. к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 242–255; 2) Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2006. С. 257–277; *Усачев А. С.* 1) Благовещенский протопоп Андрей и Летописец начала царства // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2011. № 3. С. 115–116; 2) Начало возвышения Андрея-Афанасия и церковно-политическая ситуация в России первой половины XVI века // *Вестник РГУ*. 2012. № 4. С. 20–31; *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 345–352.

² *Макарий (Веретенников), архим.* Из истории русской иерархии XVI века. С. 124.

³ Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 380.

среде как ученик преподобного Даниила Переяславского, ближайший сподвижник митрополита Макария, с юности связанный с церковью. На митрополичьей кафедре Грозному, безусловно, нужен был доверенный человек, должный стать сторонником политики царя, поддерживавший все его начинания. Но Иван IV ни в коем случае не поставил бы во главе Русской церкви святителя, не обладавшего авторитетом в глазах церковных иерархов, а потому всецело зависевшего от царской воли.

Царь Иван приложил немало усилий, чтобы, во-первых, поднять авторитет нового первосвятителя в глазах духовенства, во-вторых, привлечь Афанасия на свою сторону, и если не сделать союзником, то уж во всяком случае гарантировать невмешательство митрополита в царскую политику. Весной-летом 1564 г. на поместном соборе принимается «Приговор о белом клобуке», дарующий митрополиту право ношения белого клобука и пользования красным воском⁴, митрополичий дом получает ряд льгот⁵, начинается подготовка к канонизации новопреставленного митрополита Макария⁶.

Не приходится говорить об обострении конфликта между царем и митрополитом и в первые месяцы опричнины. Гнев Грозного обрушился не на все церковное руководство, а лишь на иерархов, решившихся выразить открытый протест в отношении царской политики⁷. У митрополичьего дома не были отняты финансовые и судебные привилегии, дарованные Грозным в предыдущие годы. Да и ссориться с главой Русской церкви до поры до времени у царя не было причин.

19 мая 1566 г. Афанасий в отсутствие царя, занимавшегося объездом южных приграничных городов, самовольно покинул митрополичью кафедру и ушел в место своего пострига — кремлевский Чудов монастырь⁸. Чем же был вызван столь неожиданный для Грозного поступок первосвятителя?

⁴ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 173. С. 331–333.

⁵ АФЗХ. Ч. 3. М., 1961. № 11. С. 29–30; № 1–2. С. 359–363; № 4. С. 365–366.

⁶ По сообщению игумена Никитского монастыря Вассиана, уже в июле 1564 г. в Успенском соборе московского Кремля находилась икона Макария, вошедшего в пантеон местночтимых святых. Очевидно, именно эта икона упоминается в описи Успенского собора нач. XVII в. (*Тихомиров М. Н.* Новый материал об Иване Грозном // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 255; *Описи московского Успенского собора* // РИБ. Т. 3. СПб., 1876. № 5. Стб. 314).

⁷ Вероятно, именно это обстоятельство стало причиной смены Крутицкого епископа Матвея, являвшегося правой рукой Афанасия. Не лишено оснований предположение об участии Матвея в оппозиционном выступлении лета 1564 г. По крайней мере, в этот период (1 сент. 1563 — 31 авг. 1564 гг.), очевидно, ожидавший опалу владыка дал огромный вклад в родной Кирилло-Белозерский монастырь, в январе 1565 г. ездил в Александровскую слободу в числе других иерархов «сами о себе бити челом» (РНБ. Ф. 351. Кир.-Бел. № 87/1325. Л. 54; *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. Т. 1. СПб., 1851. С. 58; *Никоновская летопись* / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 393). Не вполне ясным представляется время опалы Матвея. Датирование ее 1564-м г., встречающееся в списках Строева и работе митр. Макария (Булгакова) (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1034; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 356), никак не согласуется с поездкой епископа в Александровскую слободу в январе 1565 г. В. В. Шапошник единственно возможным временем смещения архиерея называет январь 1565 г., ничем не подкрепляя свою догадку (*Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 406). Однако не исключено, что опала епископа произошла несколько позднее, например, в феврале 1565 г. и была вызвана его недовольством опричными порядками, в частности бессудными февральскими казнями. Страдать Афанасия, за три месяца до того благословившего установление в стране самодержавного режима, молча вынесшего первую волну казней, не пытавшегося выступить против царского террора, было бессмысленно.

⁸ *Никоновская летопись* / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 401.



Власти сейчас же объявили, что Афанасий покинул митрополию «за немощь велию»⁹, «своею волею, за немощь»¹⁰, «для болезни»¹¹, то есть по причине тяжелого недуга. Официальная трактовка проникла и за границу, исходя из чего князь-эмигрант А. М. Курбский выдвинул предположение о возможной смерти митрополита¹² (очевидно, основываясь на «Истории...» Курбского, утвердительно писал о кончине Афанасия в 1566 г. выдающийся русский историк Г. П. Федотов)¹³.

Версия о тяжелой болезни архипастыря получила безусловную поддержку Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, митр. Макария (Булгакова), П. В. Знаменского, С. Б. Веселовского, а в наши дни и Б. Н. Флоры¹⁴. Уход Афанасия в Чудов монастырь в канун праздника обретения мощей митр. Алексия (20 мая) даже позволил С. Н. Богатыреву трактовать поступок первосвятителя как стремление к получению исцеления от «великой немощи» через церковное покаяние¹⁵. Более осторожно высказался современный исследователь русской книжности XVI столетия А. С. Усачев, заметив, что преклонный возраст митрополита (60–70 лет¹⁶) мог явиться причиной ухудшения его здоровья, послужившего, «во всяком случае, одной из причин его ухода с кафедры». К следующему 1567 г. приурочивает историк и кончину Афанасия, опираясь при этом лишь на скудость информации о жизни бывшего митрополита¹⁷.

Впрочем, подобные рассуждения едва ли выдерживают критику. В июле 1567 г., более чем через год после описываемых событий, Афанасий по приказанию государя «поновлял» икону Владимирской Божией Матери и, возможно, даже выполнил ее список¹⁸. Трудоемкие работы по реставрации великой святыни русского православия, несомненно, не могли быть поручены немощному чудовскому иноку. Да и косвенные свидетельства позднейшей литературной и редакторской

⁹ Там же.

¹⁰ Псковская 3-я летопись. Строевский список / Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 248.

¹¹ Сборник РИО. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. (1560–1571 гг.). СПб., 1892. № 16. С. 364.

¹² Курбский А. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 172.

¹³ Федотов Г. П. Святые Древней Руси // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8. М., 2000. С. 96.

¹⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821. С. 92; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 6. СПб., 1896. Стб. 170; Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 163; Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1880. С. 129; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 116; Флоры Б. Н. Иван Грозный. М., 2002. С. 206.

¹⁵ Bogatyrev S. The resignation of Metropolitan Afanasii in 1566, *Canadian-American Slavic Studies*, 2015, vol. 49, № 2–3, pp. 174–192.

¹⁶ На наш взгляд, к моменту ухода с митрополичьей кафедры Афанасию было никак не менее 65 лет. В 1530 г. Андрей-Афанасий был уже возведен в сан пресвитера (Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 622, 625; Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чуда его. М., 1908. С. 52). Согласно каноническим правилам, одним из требований для поставления в священники являлось достижение претендентом 30-летнего возраста, следовательно, Андрей-Афанасий, вероятно, родился не позднее 1500 г. (Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877. С. 329; Стоглав. СПб., 2014. С. 231).

¹⁷ По мнению историка, «данное обстоятельство, в свою очередь, косвенно свидетельствует о его кончине вскоре после «поновления» им Владимирской иконы Богоматери в июле 1567 г.» (Усачев А. С. Митрополит Афанасий и Псалтирь 1568 г. // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 26).

¹⁸ Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 408; Щенникова Л. А. Местночтимая икона «Богоматерь Владимирская» из Иосифо-Волоколамского монастыря и ее заказчик // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века. Сб. статей памяти Виктора Михайловича Сорокатого. М., 2008. С. 185.

деятельности Афанасия позволяют усомниться в его «великой немощи». Так, по весьма вероятному предположению Б. М. Клосса, Афанасий мог участвовать в создании Лицевого летописного свода, работа над которым была начата летом 1568 г.¹⁹ Согласно убедительным доводам А. В. Сиренова, на протяжении 60-х — начала 70-х гг. XVI в. бывший митрополит продолжал работать над черновиком Степенной книги, упомянув в нем, в частности, митрополита Антония, занимавшего первосвятительскую кафедру в 1572–1581 гг.²⁰

В. Б. Кобрин, признавая искусственность официальной версии, считал, что Афанасий покинул митрополию, так как «не хотел себя компрометировать связью с опричниной»²¹. Та же формула встречается в работе современного церковного историка В. И. Петрушко²². Но это никак не согласуется с тем фактом, что именно митрополит в январе 1565 г. фактически благословил царя править «как ему, государю, годно» и вполне лояльно возглавлял церковное руководство в период первых опричных репрессий.

Наибольшее распространение в историографии получила версия об обострившемся конфликте между царем и первоиерархом, трактовка которого, впрочем, вызывает не меньшие споры. Наиболее резкой является точка зрения М. Н. Тихомирова, считавшего, что Афанасий сложил с себя сан по требованию грозного царя²³. В наши дни версия Тихомирова получила поддержку И. В. Курукина и А. А. Булычева, объясняющих данный шаг Грозного тем, что царь, оставшийся в какой-то степени под влиянием Афанасия, не мог игнорировать заступничество своего бывшего духовного отца за опальных²⁴.

Однако представляется далеко не случайным, что уход митрополита в монастырь совпал с отъездом Ивана IV на крымскую границу²⁵. Скорый приезд государя в столицу (28 мая) и его поездка на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, предпринятая на третий день после возвращения²⁶, дают основания полагать, что для Грозного поступок Афанасия явился полной неожиданностью. Кроме того, в конце мая в Москву из Литвы прибыло посольство от короля Сигизмунда для обсуждения возможных условий перемирия²⁷. В этой ситуации уход митрополита как проявление серьезного конфликта между царем и церковью мог пойти московской дипломатии исключительно во вред. Тонкий политик, Иван IV едва ли выбрал бы столь неудачное время для отставки первоиерарха.

Сведения о *самовольном* уходе Афанасия в Чудов монастырь содержат как минимум два независимых источника: Житие митрополита Филиппа и приписки

¹⁹ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 245, 263.

²⁰ Сиренов А. В. 1) Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 408–409; 2) Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 119–120.

²¹ Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 73–74.

²² Петрушко В. И. История Русской Церкви: с древнейших времен до установления патриаршества. М., 2013. С. 337.

²³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 95.

²⁴ Курукин И. В., Булычев А. А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 243–244.

²⁵ Инспекционная поездка Грозного продлилась около месяца и включала в себя как осмотр приграничных городов, выбор места для строительства новых крепостей, так и посещение приграничных монастырей (Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 401–402; Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 353; Леонид (Кавелин), иером. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии [Вкладная книга Успенского Шаровкина монастыря] // ЧОИДР. 1863. Кн. 1. М., 1863. С. 22).

²⁶ Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 401–402.

²⁷ Там же. С. 402.



к краткому вологодскому летописному сборнику кон. XVI в. Так, в Житии особо подчеркивается, что Афанасий «остави сам епископство»²⁸. Избежавший царской цензуры вологодский летописец под 7074 годом записал: «Афанасей митрополит оставил митрополию и соидежити к Михайлову Чюду»²⁹. Провинциальный хронист неслучайно использовал глагол «оставил» — несколькими строками ниже он заметил, что «митрополита Филиппа с митрополией свели с безчестием». «Сводили», по справедливому замечанию летописца, и предшественников Макария — Даниила (1539 г.) и Иоасафа (1542 г.). Аналогичное сообщение встречаем в позднем Титовском иконописном подлиннике: «Афонасий... остави сам паству свою»³⁰. Любопытно, что не располагавший точными данными о судьбе Афанасия А. М. Курбский на основании ходивших в Литве слухов также допускал возможность добровольного ухода архипастыря: «По умертвии митрополита московского Афонасия, или по ишествию его волею от престола...»³¹. Недвусмысленный намек на несанкционированные действия митрополита содержатся и в тексте Приговора об избрании на митрополичий престол Филиппа (Кольчова), обещавшего «за опришнину и за царьской домовою обиход митропольи не отставливати»³².

Итак, факт самовольного оставления Афанасием митрополичьей кафедры без санкции царя не подлежит сомнению. Существует множество предположений об истинных причинах, побудивших митрополита удалиться в монастырь. Ряд исследователей так или иначе связывали конфликт царя и первосвященника, толкнувший последнего на столь рискованный шаг, с установлением опричного режима³³. А. А. Зимин назвал причиной поступка Афанасия его недовольство опричными репрессиями, которые обрушились на близких к нему политических деятелей³⁴. Поддержал А. А. Зимина В. И. Буганов, связавший, правда, начало конфликта Ивана IV и Афанасия с гонениями на членов Избранной рады³⁵. Непонятно в этой связи, чем бы В. И. Буганов объяснил возведение на митрополичью кафедру изначально, по его мнению, оппозиционного государю церковника. Об уходе Афанасия в связи с ожидавшимся «углублением опричнины» писал В. И. Корецкий³⁶. Существует и весьма экзотическая версия, высказанная А. Л. Хорошкевич, объяснявшая отставку митрополита его вмешательством в русско-литовские отношения³⁷. Впрочем,

²⁸ Житие митрополита Филиппа. Тулуповская редакция // Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 178.

²⁹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 229.

³⁰ Лобакова И. А. Описание канонизированных и неканонизированных новгородских владык и московских митрополитов в иконописном подлиннике первой четверти XVIII в. // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. С. 238. Не исключена текстологическая связь подлинника с Житием митрополита Филиппа.

³¹ Курбский А. История о делах великого князя московского. С. 172.

³² СГД. Ч. 1. М., 1813. № 184. С. 558.

³³ См. напр.: Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 106; Борисов Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 148; Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 3. М., 2000. С. 58.

³⁴ Зимин А. А. 1) Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 11. М., 1963. С. 279; 2) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 240.

³⁵ Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М., 1991. С. 92.

³⁶ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 19.

³⁷ Хорошкевич А. Л. Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный. С. 282–291.

ошибочность построений исследовательницы убедительно доказана в работе новейшего историка³⁸.

Любопытна точка зрения В. В. Шапошника, связывающего оставление Афанасием митрополии с началом строительства новой царской резиденции вне стен Кремля. По мнению исследователя, Афанасий исходил из представления о том, что царь и митрополит должны находиться рядом, переезд же Грозного на новый двор препятствовал первоиерарху «выполнять свои пастырские обязанности и «советовать» с государем». Включая месторасположение царской резиденции в понятие «домовой обиход», историк тем самым объясняет обязательство, взятое со следующего митрополита Филиппа (Кольчева), не покидать кафедры из-за опричнины и царского домового обихода. В. В. Шапошник полагает, что уход Афанасия с кафедры не связан напрямую с недовольством репрессивной политикой, ведь как раз весной 1566 г. террор прекратился, а «власти предприняли шаги для успокоения ситуации в стране»³⁹.

Представляется, что исследователь верно уловил один из основных мотивов, двигавших русским митрополитом, не заметив при этом главного: *непосредственной причиной оставления Афанасием митрополичьего престола стало не одно лишь строительство нового опричного дворца — к этому шагу святителя подталкивал весь комплекс мероприятий, проводимых царем Иваном в отношении Русской церкви в 1565 — пер. пол. 1566 гг.*

Еще в июле 1564 г. на страницах первого послания Курбскому Грозный изложил новую концепцию взаимоотношений государства и церкви. Опираясь на ветхозаветные предания, монарх выступал за своеобразное разграничение компетенций властей: светская власть должна всецело принадлежать царю, а духовная — церковным иерархам. В реализации такой «богоугодной» модели Иван IV видел единственно возможный способ сохранения крепости Московского государства⁴⁰. Протестное выступление возмущенных «беззаконной» казнью Д. Ф. Овчины-Оболенского бояр, состоявшееся летом 1564 г. и по стечению обстоятельств возглавленное Афанасием⁴¹, окончательно убедило царя в собственной правоте: русского митрополита надлежало отстранить от непосредственного участия в политической жизни страны. Шесть месяцев спустя грянула опричная гроза. Согласно одному из главных пунктов указа об опричнине, митрополит терял старинное право печалования и прямого совета с царем⁴². Высказанная в послании Курбскому идея обретала все более зримые черты. Наглядным воплощением царского детища стало не только упомянутое В. В. Шапошником строительство «особного» дворца, оторванного от кремлевской митрополичьей резиденции, но и возведение новой опричной «столицы» в далекой Вологде⁴³, там, куда,

³⁸ Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России... С. 272–275.

³⁹ Там же. С. 275–277; См. также: Шапошник В. В. 1) Митрополит Афанасий и опричина. С. 251–252; 2) Иван Грозный. СПб., 2015. С. 170.

⁴⁰ Первое послание Грозного. 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 21. См. также царскую сентенцию, отпущенную некоторое время спустя в адрес благовещенского священника Сильвестра (Царственная книга / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 524).

⁴¹ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 17–18; Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 97; Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 246–247.

⁴² Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 394–395; Александров-Невская летопись / ПСРЛ. Т. 29. С. 344–345.

⁴³ Любопытно, что начало строительства опричного кремля в Вологде совпало по срокам с основанием нового царского дворца за Неглинной и скорейшим уходом митрополита Афанасия в Чудов монастырь: 28 апреля, конец апреля / начало мая и 19 мая 1566 г. соответственно



казалось, митрополиту уж точно не суждено было добраться со своими печалованиями и «душеспасительными» советами...

В теоретическом плане новая практика, обоснование которой царь Иван обнаружил в текстах Ветхого Завета, всецело соответствовала византийской идее «симфонии», предполагавшей как раз четкое разграничение полномочий светской и духовной властей с невмешательством в дела друг друга⁴⁴. Здравая мысль православных богословов была, однако же, превратно истолкована Грозным: сделав ставку на тотальное разделение государственного и церковного, царь отшел в сторону главный постулат греческого (а к тому времени — уже и русского) учения о «симфонии» — царство и церковь должны иметь полное равенство в правах, осуществлять «взаимное содействие и помощь»⁴⁵.

Царское нововведение вступало в острое противоречие с русскими средневековыми представлениями о неделимости власти, основанными, с одной стороны, на архаическом, привычном русскому сознанию принципе «одиначества» (иначе — политического и духовного единства всех участников жизни древнерусского общинного / городского социума)⁴⁶, с другой — принципами, освященными церковной византийской традицией. Еще на исходе XIV столетия Константинопольский патриарх Антоний в своем послании великому князю Московскому Василию I заметил, что «царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга»⁴⁷. Позднее мысль Антония повторил другой греческий первосвященитель — Иеремия II, наотрез отказавшийся занять патриаршую кафедру во Владимире под тем предлогом, что «патриархи бывают при государе всегда; а то, что за патриаршество, что жити не при государе, тому статца никак невозможно»⁴⁸. Русская княжая

(Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 401; Новая историческая летопись // Вологодские губернские ведомости. 1857. Часть неофициальная. № 6. С. 29–30).

⁴⁴ Пенская Т. М. От монархии к диархии: византийская теория «симфонии» светской и духовной властей // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2006. № 2. С. 288–289; Толчев И. А. Некоторые теоретические аспекты взаимоотношений государства и Церкви в русской истории // Проблемы истории, филологии и культуры. 2008. № 22. С. 172–180.

⁴⁵ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006. С. 210. См. также: Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские суды в Византии. СПб., 2003. С. 21.

⁴⁶ «Одиначество» предполагало нераздельность всех форм власти в условиях политической действительности веховой Руси. Подобное единство выступало антиподом столь свойственному славянскому языческому сознанию духу противоречий (усобиц), способствуя успешному функционированию института народоправства русских земель-волостей. С отмиранием вехового строя одиначество не исчезло; оно продолжало существовать в рамках нового Московского государства. О феномене русского «одиначества» см.: Петров А. В. 1) От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вехового уклада). СПб., 2003; 2) Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 71–83; 3) Православие, «одиначество», самодержавие (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры) // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 178–185. В годы правления Ивана IV в соответствии с принципом «одиначества» выстраивалась работа не только земских и церковных соборов, но и Боярской думы (Шмидт С. О. О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 220–221).

⁴⁷ Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу // РИБ. Т. 6. СПб., 1880. № 40. Стб. 274.

⁴⁸ Цит. по: Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912. С. 294.

власть, равно как и Русская церковь, вполне усвоили византийскую идею, основной смысл которой был столь четко и лаконично выражен суровым Цареградским владыкой. Уже митрополит Варлаам, разгневанный своевољством великого князя Василия III, бросил ему в лицо историческую фразу: «Раз ты присвояешь всю власть себе, я не могу отправлять своей должности!»⁴⁹

Вне всякого сомнения, подобная схема взаимодействия государства и церкви с успехом работала и в первую половину правления Грозного. В 1551 г. молодой Иван IV на заседании Стоглавого собора обратился к церковным иерархам со следующими словами: «И прибегах ко Святей Соборней Апостольстей Церкви, ... и Божия великия ради милости получих от вас мир и благословение, ... и по вашему благому совету, Богу помогающе нам, начах *устроить вкупе* и управлять Богом врученное ми царство...»⁵⁰. Провозглашенное на Соборе самим государем безусловное единство царства и священства явилось одной из важнейших основ политической жизни Московского государства периода реформ 1550-х гг. Одномоментное крушение политических идеалов, фактическое отстранение церкви от участия в строительстве Святорусского царства явилось для Афанасия страшным ударом.

Весенняя «оттепель» 1566 г. ограничивалась лишь частичной политической амнистией: возобновились назначения в Боярскую думу, Владимиру Старицкому было возвращено его подворье в Кремле, в апреле вернулся из ссылки Михаил Воротынский, за которого просил митрополит; тогда же было принято решение о прощении «казанских ссыльных»⁵¹. Об отмене опричнины речи не шло. Царь по-прежнему сохранял тотальный контроль над запуганной и расколотой Думой, не позволял церковному руководству вмешиваться в его «опричный обиход» и хоть как-то тем самым влиять на правительственную политику. Что же оставалось делать в подобной ситуации главе Русской церкви? Несколькими месяцами ранее, зимой 1565/66 гг., видный член земской думы князь П. М. Щенятев выступил против диктатуры опричнины, сложив с себя боярский сан и самовольно удалившись в монастырь⁵². Один из предшественников Афанасия на Всероссийской митрополии святитель Геронтий в 1482 г. успешно использовал этот прием в своей «распре» с Иваном III⁵³. Возможно, поступок князя Щенятева, равно как примеры Геронтия и восставшего против всевластия Василия III первосвятителя Варлаама, подсказали митрополиту выход из сложившейся ситуации. Утратив надежду на восстановление доопричных порядков, Афанасий покинул митрополичью кафедру.

⁴⁹ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. М., 2008. С. 149.

⁵⁰ Стоглав. СПб., 2014. С. 13.

⁵¹ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 272–274.

⁵² Там же. С. 289–290. Едва ли влиятельный боярин и воевода покинул мир, опасаясь царской опалы: несмотря на свою «неблагонадежность» в глазах Ивана IV (в приписках на полях Синодального тома Щенятев был выставлен горячим сторонником В. А. Старицкого), князь продолжал занимать высокие посты в земской Думе и армейском командовании. Не исключено, что протест Щенятева был обусловлен опалой его родни (кн. П. А. и Г. А. Куракины), отправленной по приказу Грозного в знаменитую «казанскую ссылку». Тройродный брат Петра Щенятева И. А. Куракин еще на заре опричнины был насильно пострижен в монахи. Политическая подоплека протеста земского боярина подтверждается внесением в тексты поручных грамот весны-лета 1566 г. отсутствовавшего ранее обязательства «в чернцы не постричься» (Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 238; Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 395–396; Скрынников Р. Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 233; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1982. С. 204–207; СГД. Ч. 1. № 194, 195. С. 559–560).

⁵³ Львовская летопись / ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 348.

II. Свидетельство митрополита Филиппа

Несмотря на чрезвычайную скудость и фрагментарность источников, к счастью, в распоряжении исследователей есть и иные документальные свидетельства, проливающие свет на майские события 1566 г.

Глухие отзвуки протеста высшей церковной иерархии против размежевания власти царя и первосвященника донес до наших дней текст Приговора об избрании на митрополию Филиппа (Колычева). Текст Приговора выделяет два условия вступления на митрополичью кафедру, выдвинутые соловецким игуменом: «И игумен Филипп о том говорил, чтобы царь и великий князь отставил опришнину... и соединил бы во едино, как прежде того было»⁵⁴.

Если к первому пункту («отставлению опришнины») особых вопросов не возникает ввиду его прозрачности, то смысл второго пункта на первый взгляд кажется весьма туманным. Так что же требовал «соединить воедино» преемник Афанасия?

Традиционным ответом, прочно укоренившимся в историографии, является воссоединение царства, то есть слияние земского и опричного аппаратов управления, земской и опричной территории⁵⁵. Так ли это? Ответ дает дальнейшая формулировка Приговора, передающая уже собственно царские условия: «Игумен Филипп ... в опришнину и в царской домовой обиход не вступался, ... а советовал бы с царем и великим князем, как прежнии митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем, и з дедом его великим князем Иваном»⁵⁶.

Как видим, ответ Грозного по аналогии с прощением святителя Филиппа также состоит из двух пунктов-условий. Первым пунктом царь Иван отклоняет требование Филиппа отменить опричные порядки, вторым же — позволяет вновь «советовать» с государем⁵⁷.

«Челобитье» игумена Филиппа

«чтобы царь и великий князь отставил
опришнину...»

«...и соединил бы во едино, как прежде
того было»

Ответ Ивана IV

«игумен Филипп ... в опришнину и в
царской домовой обиход не вступался...»

«...а советовал бы с царем и великим
князем, как прежнии митрополиты
советовали с отцем его великим князем
Васильем, и з дедом его великим князем
Иваном»

⁵⁴ СГГД. Ч. 1. № 184. С. 557.

⁵⁵ См. напр.: Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 116; Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 342.; 2) Церковь и государство на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 294; Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 207.

⁵⁶ СГГД. Ч. 1. № 184. С. 557.

⁵⁷ Впервые этот факт был отмечен В. А. Колобковым, не решившимся, правда, связать положения Приговора с содержащейся в текстах Ивана IV идеей размежевания царской и святительской властей, а следовательно, и с новой опричной концепцией церковно-государственных отношений. К сожалению, любопытнейшее наблюдение Колобкова оказалось вне поля зрения современных исследователей (Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: опричина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 110–111).

Уступка, сделанная Иваном IV Соловецкому игумену, была явным отступлением от царской политики полного размежевания царской и первосвятительской властей, своеобразной капитуляцией царя перед земщиной и поддержавшим ее церковным руководством. Вступая в полемику с Грозным, игумен Филипп требовал «соединить воедино» расколотив в январе 1565 г. единую власть — непременный, лежащий в основе вековой традиции, признанный церковью компонент русской политической действительности.

Мог ли Филипп выступать за «воссоединение государства»? Новейший исследователь В. А. Колобков, проследив становление опричного административного аппарата, пришел к следующему выводу: «Выделение особого удела при безоговорочном сохранении верховной власти в руках самого Ивана IV не затрагивало государственной целостности страны. ...Появление «царского домового обихода» имело мало общего с представлением о разделении государства в период опричнины»⁵⁸. Настоящее «разделение земли» по мнению историка произошло не ранее 1568 г., т. е. не ранее, чем через полтора года после первого антиопричного выступления Филиппа.

Итак, Филипп ратовал именно за воссоединение властей, в чем, вероятно, повторил требование митрополита Афанасия.

III. После оставления митрополии: монастырская благодать

Несмотря на склонность к скорой расправе, Грозный не решился покарать стропитового первоиерарха. Вероятно, царь продолжал испытывать уважение и сыновнюю любовь к своему бывшему духовнику, с которым он был близко знаком около двух десятков лет, в лице которого видел достойного преемника преосвященного Макария. Да и усугублять конфликт с церковью, со всем освященным собором не входило в планы Ивана IV. Опричнина привела к серьезному конфликту с высшим церковным руководством. Однако позиции царя отнюдь не были столь прочны, как может показаться на первый взгляд.

Гнев царя никоим образом не затронул Афанасия. Напротив, даже после его демонстративного оставления митрополичьей кафедры Грозный сохранил к нему былое расположение, в июле 1567 г. доверив святителю «поновление» одной из величайших русских церковных святынь — Владимирской иконы Божией Матери⁵⁹. В этом смысле история Афанасия являет собой совершенно уникальный пример удивительной на первый взгляд терпимости царя, обыкновенно безжалостно расправлявшегося с любым человеком, вставшим на его пути. Царь прислушался к назидательным увещаниям архипастыря в ходе выступления оппозиции летом 1564 г., пытался опереться на его авторитет во время рискованного отъезда в Александровскую слободу, не ополчился на него после открытого протеста, выразившегося в уходе с митрополии. Подобное отношение, основанное прежде всего на глубочайшем доверии и уважении, помимо Афанасия, Грозный выказывал разве что к святителю Макарию.

В последние годы жизни Афанасий, продолжавший свои работы историка-агиографа и в Чудовом монастыре, составил т. н. Пространный Хронограф, не дошедший до наших дней, но нашедший отражение в позднейшем Хронографе редакции 1599 г., содержащий в том числе повесть о преставлении митрополита Макария и житие преподобного Даниила Переяславского⁶⁰. Бывший митрополит, отрешившись

⁵⁸ Там же. С. 146, 159.

⁵⁹ Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 408.

⁶⁰ Макарий (Веретенников), архим. Московские митрополиты XVI века. М., 2010. С. 212.

от политики и обрета относительный покой в стенах Чудова монастыря, скончался в обители, очевидно, около 1575 г., когда его имя оказалось вписанным в Троицкий синодик⁶¹.

На сегодняшний момент не удалось выявить ни одного вклада царя Ивана Грозного по душе Андрея-Афанасия, который позволил бы уточнить дату кончины Все-российского архипастыря. Вкладная книга Чудова монастыря не сохранилась или же пока не известна исследователям. Возможно, к определенным результатам в дальнейшем смогут привести археологические изыскания, предпринятые Институтом археологии РАН на территории разрушенной в годы советской власти кремлевской обители: в числе прочего исследователям удалось обнаружить порядка 100 погребений средневекового монастырского некрополя⁶². Как знать, не окажется ли одно из них принадлежащим Московскому митрополиту?..

Источники и литература

1. РГБ. Ф. 304. Троицкое собр. Оп. III. № 25 (Синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г.).
2. РНБ. Ф. 351. Кир.-Бел. № 87/1325 (Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря 2-й ред., 1620-е гг.).
3. Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3. М., 1961.
5. Александро-Невская летопись / ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.
6. *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988.
7. *Буганов В. И., Богданов А. П.* Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М., 1991.
8. *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.
9. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
10. *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997.
11. *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. М., 2008.
12. Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. СПб., 1880.
13. *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012.
14. *Зимин А. А.* Митрополит Филипп и опричина // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 11. М., 1963.
15. *Зимин А. А.* Опричина Ивана Грозного. М., 1964.
16. *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
17. *Знаменский П. В.* Руководство к русской церковной истории. Казань, 1880.
18. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821.
19. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
20. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913.
21. *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989.
22. *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: опричина Ивана Грозного. СПб., 2004.

⁶¹ РГБ. Ф. 304. Троицкое собр. Оп. III. № 25. Л. 12 об.

⁶² *Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю.* Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 246. С. 14.

23. *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.
24. *Курбский А.* История о делах великого князя московского. М., 2015.
25. *Курукин И.В., Булычев А.А.* Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010.
26. *Леонид (Кавелин), иером.* Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863. Кн. 1. М., 1863.
27. *Лобакова И.А.* Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.
28. *Лобакова И.А.* Описание канонизированных и неканонизированных новгородских владык и московских митрополитов в иконописном подлиннике первой четверти XVIII в. // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011.
29. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910.
30. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1, 2. М., 1996.
31. *Макарий (Веретенников), архим.* Всероссийский митрополит Афанасий (1564–1566) // Богословские труды. Сб. 25. М., 1984. С. 247–257.
32. *Макарий (Веретенников), архим.* Афанасий // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2002. С. 708.
33. *Макарий (Веретенников), архим.* Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006.
34. *Макарий (Веретенников), архим.* Московские митрополиты XVI века. М., 2010.
35. *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М., 2016.
36. *Макаров Н.А., Энгватова А.В., Коваль В.Ю.* Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014–2016 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 246.
37. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904.
38. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906.
39. Новая историческая летопись // Вологодские губернские ведомости. 1857. Часть неофициальная. № 6.
40. Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934.
41. Описи московского Успенского собора // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1876.
42. *Пенская Т.М.* От монархии к диархии: византийская теория «симфонии» светской и духовной властей // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2006. № 2.
43. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
44. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
45. *Петров А.В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечегов уклада). СПб., 2003.
46. *Петров А.В.* Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011.
47. *Петров А.В.* Православие, «одиначество», самодержавие (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры) // Христианское чтение. 2017. № 6.
48. *Петрушко В.И.* История Русской Церкви: с древнейших времен до установления патриаршества. М., 2013.
49. *Покровский Н.Н.* Афанасий (вмиру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 73–79.
50. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877.
51. Псковская 3-я летопись. Строевский список // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

52. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1982.
53. Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969.
54. Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. Т. 1. СПб., 1851.
55. Сборник Русского исторического общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. (1560–1571 гг.). СПб., 1892.
56. Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007.
57. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.
58. Скрынников Р. Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961.
59. Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 342.
60. Скрынников Р. Г. Церковь и государство на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.
61. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
62. Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чуде его. М., 1908.
63. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813.
64. Соколов И. И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии. СПб., 2003.
65. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Т. 6. СПб., 1896.
66. Стоглав. СПб., 2014.
67. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
68. Тихомиров М. Н. Новый материал об Иване Грозном // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М.; Л., 1958.
69. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
70. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.
71. Толчев И. А. Некоторые теоретические аспекты взаимоотношений государства и Церкви в русской истории // Проблемы истории, филологии и культуры. 2008. № 22.
72. Усачев А. С. Благовещенский протопоп Андрей и Летописец начала царства // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 3. С. 115–116.
73. Усачев А. С. Начало возвышения Андрея-Афанасия и церковно-политическая ситуация в России первой половины XVI века // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 20–31.
74. Усачев А. С. Митрополит Афанасий и Псалтирь 1568 г. // Вестник архивиста. 2013. № 3.
75. Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 3. М., 2000.
76. Федотов Г. П. Святые Древней Руси // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8. М., 2000.
77. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2002.
78. Хорошкевич А. Л. Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 282–291.
79. Царственная книга // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906.

80. Шапошник В. В. Митрополит Афанасий и опричнина // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 242–255.

81. Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2006.

82. Шапошник В. В. Иван Грозный. СПб., 2015.

83. Шмидт С. О. О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века // Шмидт С. О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.

84. Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912.

85. Щенникова Л. А. Местночтимая икона «Богоматерь Владимирская» из Иосифо-Волоколамского монастыря и ее заказчик // Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века. Сб. статей памяти Виктора Михайловича Сорокатого. М., 2008.

86. Bogatyrev S. The resignation of Metropolitan Afanasii in 1566. *Canadian-American Slavic Studies*, 2015, vol. 49, № 2–3.

Сокращения

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
- ГБЛ — Государственная библиотека им. Ленина (см. РГБ)
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- НА ІА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РИО — Российское историческое общество
- РНБ — Российская Национальная Библиотека
- РФА — Русский феодальный архив
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел
- СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
- СОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы
- ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских
- LUB — Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch

Аннотации

Дворниченко А. Ю.

Dvornichenko A. Yu.

**Города-государства Древней Руси: старые истины,
«новые подходы» и некоторые перспективы изучения**

**Cities-States of Ancient Russia: Old Truths,
“New Approaches” and Some Perspectives for Study**

Аннотация: Тема городов-государств как на Руси, так и шире, в общеисторическом контексте уже стала признанной в мировой исторической науке. Автор статьи, неоднократно писавший на ту тему, вновь обращается к ней, чтобы подвести некоторые промежуточные итоги, к которым подводит современная историография проблемы. В статье затронуты и историографические аспекты, в том числе новому анализу подвергнуты некоторые новые работы отечественных и зарубежных историков, а также намечены некоторые новые ракурсы рассмотрения проблемы, в том числе дополнительные аспекты соотношения понятий «коммуна» и «община».

Abstract: The topic of city-states both in Russia, and broader, in a general historical context, has already been recognized in historical science worldwide. The author of the article, who has repeatedly written on this topic, once again turns to it to sum up some intermediate results implied by modern historiography. The article also touches upon the historiographic aspects, including some new works by Russian and foreign historians, as well as some new perspectives for addressing the problem, including additional aspects of the relationship between the concepts of commune and community.

Ключевые слова: Древняя Русь, города-государства, историография, коммуна, политогенез, государство, община, политика

Keywords: Ancient Russia, City-States, Historiography, Commune, Political Genesis, State, Community, Polity



Котышев Д. М.

Kotyshev D. M.

**Русская земля в среднем Поднепровье:
от потестарных структур к раннему государству**

**Russian Land in the Mid-Dnieper Region:
from Potestary Structures to Early State**

Аннотация: На пространстве юга Восточной Европы с начала X в. Набирает силу процесс формирования восточнославянской государственности. Первичные импульсы политогенеза были связаны с проникновением в Среднее Поднепровье скандинавской руси, которая подчинила себе окрестные «славинии», превратив племена полян, древлян и уличей в своих данников. К середине X в. Система славяно-русских даннических отношений пережила серьезный кризис, для преодоления которого княгиней Ольгой было решено воспользоваться исконно славянским институтом полюдья для упорядочения сбора дани. В итоге сложилась потестарно-редистрибутивная система, использующая трансевропейские торговые пути для обогащения правящей элиты. Со второй половины X в. Существующие потестарные структуры начинают трансформироваться в раннегосударственные; а существующие механизмы получения и перераспределения прибавочного продукта позволяют аккумулировать значительные средства для решения государственных задач. Зарождение ранней государственности в Среднем Поднепровье прослеживается по следующим признакам — возникновение столицы

как административно-политического и сакрального центра, появление новых локальных центров власти, складывание новой территориально-политической структуры и оформление государственных границ. Указанные явления происходят во время правления Владимира Святославича; при нем политическая структура, возникшая в эпоху Олега и Игоря под названием «Русская земля», превращается в раннее государство, которое можно условно именовать «державой Владимира». Эта «держава», имеющая двухчастную структуру, состоящую из среднеднепровского центра и подчиненной ему периферии, стала основой восточнославянской/древнерусской государственности.

Abstract: The formation of East Slavic statehood was coming into power across the south of Eastern Europe in early X century. Primary impulses of the political genesis were caused by Scandinavian Rus, who penetrated into the Mid-Dnieper region, subdued the local Slavic tribes of the Polans, the Drevlians and the Ulichy and laid them under tribute. By mid-X century the tributary system was passing through a crisis, which was overcome by Princess Olga by introducing the traditionally Slavic system of the poliudie to regulate the gathering of tribute. This resulted into the formation of a potestary-redistributive system using Trans-European trade routes to enrich the ruling elite. Since the 2nd half of X century the existing potestary structures began to transform into early states, while the existing mechanisms of obtaining and redistributing the surplus product enabled accumulation of significant means to solve state problems. The rise of the early statehood in the Mid-Dnieper region is traced by the following marks: the appearance of the capital as an administrative, political and sacral centre; the uprising of new local centres of power; the formation of a new territorial and political structure and the shaping of the state borders. These phenomena took place during the rule of Vladimir Svyatoslavich; in his times the polity structure, which had risen in the epoch of Oleg and Igor and was known as “Russian Land”, turned into an early state that can be figuratively named as “Vladimir’s Power”. This “Power”, which had a two-segment structure comprising the Mid-Dnieper centre and the subordinate periphery, became the foundation of the East Slavic / Ancient Russian statehood.

Ключевые слова: «Русская земля», Среднее Поднепровье, раннее государство, сегментарная полития, вожество, Змиевы валы, Владимир Святославич, Константин Багрянородный, путь из варяг в греки

Keywords: Russian Land, Mid-Dnieper region, early state, segmentary polity, chiefhood, Serpent’s Wall, Vladimir Svyatoslavich, Constantine VII Porphyrogenetos, route from the Varangians to the Greeks

Петров Н. И.

Petrov N. I.

Микулица из «Повести об убиении Андрея Боголюбского»

Mikulitza from the Tale about the Murder of Andrey Bogolyubsky

Аннотация: В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» обнаруживается необычная для священника диминутивная форма имени «попа Микулы» — Микулица. Сведения источников о «попе Микуле» как о священнике, подчиняющемся непосредственно Андрею Боголюбскому, позволяют сопоставить статус этого человека с положением «личных» клириков Святослава Ольговича, фиксируемых уникальным известием о его венчании в 1136 г. в Новгороде. Гибель князя лишает Микулу патрона, определявшего его социальное благополучие. Это состояние церковно-политического «сиротства» и выражает форма Микулица.

Abstract: The Tale about the murder of Andrey Bogolyubsky contains the diminutive form of the priest Mikula’s name (Mikulitza), which is quite unusual for a clergyman. The sources describe this person as the priest, who obeyed to Andrey Bogolyubsky directly. Thus it is possible to compare his status with social position of “personal” priests

of Svyatoslav Ol'govich — they are mentioned in the unique information about his wedding in Novgorod in 1136. Murder of the prince deprived the priest Mikula of his patron, who determined his social wellbeing. This status of church and political “orphanhood” was expressed in the diminutive form Mikulitza.

Ключевые слова: древнерусский именованье, диминутивные суффиксы личных имен, Микулица, Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы, Повесть об убиении Андрея Боголюбского

Keywords: medieval Russian onomasticon, diminutive suffixes of personal names, Mikulitza, tale about the miracles of the Theotokos of Vladimir, tale about the murder of Andrey Bogolyubsky

Кузнецов А. А.

Kuznetsov A. A.

**Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо
и иерархи Православной церкви на Руси**

**Vladimir Vsevolod the Big Nest
and the hierarchs of the Orthodox Church in Rus'**

Аннотация: Статья посвящена отношениям владимирского князя Всеволода (Дмитрия) Юрьевича Большое Гнездо (1176–1212) с митрополитами Киевскими и разными епископами в русских княжествах. Источники позволяют исследовать действия князя Всеволода Юрьевича применительно к ростовскому, черниговскому, рязанскому, переяславскому и новгородскому епископам. Дана характеристика политической стратегии владимирского князя Всеволода Юрьевича в связи с фактором Православной церкви в русских княжествах.

Abstract: The article is devoted to the relations of Vladimir Prince Vsevolod (Dmitry) Yurievich The big Nest (1176–1212) with the metropolitans of Kiev and various bishops in the Russian principalities. Sources allow to investigate the actions of Prince Vsevolod Yurievich in relation to Rostov, Chernigov, Ryazan, Pereyaslav and Novgorod bishops. The characteristic of the political strategy of Vladimir Prince Vsevolod Yurievich in connection with the factor of the Orthodox Church in the Russian principalities is given.

Ключевые слова: Владимирский князь, Всеволод Большое Гнездо, митрополит, ростовский епископ, черниговский епископ, рязанский епископ, политическая стратегия

Keywords: Vladimir Prince, Vsevolod the big Nest, Metropolitan, Bishop of Rostov, Bishop of Chernigov, Bishop of Ryazan, political strategy

Гайденко П. И.

Gaydenko P. I.

**О некоторых причинах и обстоятельствах выхода
или ухода иноков из монастырей в Древней Руси (XI–XIII вв.)**

**On Some Causes and Circumstances
of Monks Leaving Monasteries in Ancient Russia (11th–13th Centuries)**

Аннотация: Исследования последних лет показали, что история древнерусского иночества, как и история иных древнерусских социальных и религиозных институтов исполнена загадок, стереотипов и историографических штампов. Представленная вниманию читателей статья посвящена некоторым сторонам жизни древнерусского монашества. Её основное внимание уделено рассмотрению обстоятельств, толкавших монахов на выход за стены монастырей или даже вынуждавших насельников к полному оставлению обителей. Необходимо принять во внимание то, что в условиях

средневековья полный уход человека из монастыря грозил калугеру не только ostracismом во внутрицерковной среде, но и сулил различные опасности. Церковная мораль осуждала даже временный выход чернеца за стены обители. Поэтому понимание обстоятельств и мотивов, в результате которых монах отправлялся в паломничество, в иную обитель или был готов вновь встретить мир, из которого он ушёл, позволит разобраться в особенностях монашеского и церковного сознания эпохи раннего русского средневековья. Более того, это представляет возможность понять то, почему среди иноков в Древней Руси на всём её протяжении присутствовал феномен странничества.

Источники позволяют заключить, что древнерусское монашество не было закрыто. Оно продолжало активно взаимодействовать с городским обществом, в котором она черпала человеческие и материальные ресурсы для своего существования. Помимо повседневных нужд на иноков влияли политические и социальные процессы, а принимавшиеся иноками решения испытывали на себе влияние присутствовавших в обители настроений и нравов.

Понимая необъятность затрагиваемой проблемы, автор посчитал более правильным ограничиться акцентированием внимания на наиболее значимых причинах, приводивших инока к необходимости переступить порог своего монастыря навстречу «миру».

Abstract: Studies of recent years have shown that the history of ancient Russian monasticism, like the history of other ancient Russian social and religious institutions, is full of mysteries, stereotypes, and historiographic cliches. This article is devoted to some aspects of the life of ancient Russian monasticism. The author focuses on considering the circumstances that pushed monks to leave the walls of the monasteries or even forced inhabitants to completely abandon the monasteries. It is necessary to take into account that in the conditions of the Middle Ages, the complete departure of a person from a monastery meant not only his ostracism in the internal church environment, but also various dangers in the world. Ecclesiastical morality even condemned a monk's temporary stay outside the walls of the monastery. Therefore, an understanding of the circumstances and motives as a result of which a monk went on pilgrimage, to a different abode or was ready again to meet the world that he had left, will allow us to understand the features of the monastic and church consciousness of the early Russian Middle Ages. Moreover, it is an opportunity to understand why among the monks in Ancient Russia the whole pilgrimage phenomenon was present throughout its length.

Sources allow us to conclude that Old Russian monasticism was not closed. It continued to actively interact with the urban society, from which it drew human and material resources for its existence. In addition to everyday needs, the monks were influenced by political and social processes, and the decisions made by the monks were influenced by the moods and morals that were present in the monastery.

Understanding the immensity of the problem concerned, the author considered it more correct to limit the focus on the most significant reasons that led a monk to the necessity of crossing the threshold of his monastery towards “the world”.

Ключевые слова: история Древней Руси, Киевская Русь, История Русской церкви, история древнерусского монашества, каноническое право в Древней Руси, история церковной повседневности, церковно-государственные отношения в Древней Руси, древнерусские монастыри, Киево-Печерский Патерик, странствующее иночество

Keywords: history of Ancient Russia, Kievan Rus, History of the Russian Church, history of ancient Russian monasticism, canon law in Ancient Russia, history of church daily life, church-state relations in Ancient Russia, ancient Russian monasteries, Kiev Caves Patericon, itinerant monasticism



Фомина Т. Ю.

Fomina T. Yu.

**Епископские центры на Руси (X-XIII вв.):
дооктябрьская историография**
**Bishop Centers in Russia (10th-13th Centuries):
Pre-October Historiography**

Аннотация: Статья посвящена анализу научной литературы дооктябрьского периода, где рассматривались проблемы ранней истории древнерусских епископских центров и особенности архиерейского управления X–XIII вв. В работах В. Н. Татищева, еп. Амвросия (Орнатского), П. М. Строева, Н. Н. Дурново, Е. Е. Голубинского предпринималась попытка определить время и обстоятельства возникновения древнерусских епископских центров, проанализировать деятельность правивших архиереев. Значительная часть сочинений носила описательный характер и систематизировала сведения исторических источников и церковных преданий. Вопросы реализации канонической власти епископата и особенности функционирования церковного права на Руси поднимались в исследованиях П. П. Соколова, А. П. Голубцова, В. Ф. Владимирского-Буданова, А. С. Павлова, В. И. Сергеевича. В исследованиях XVIII – начала XX вв. практически отсутствовал проблемный характер изложения материала, что связано с сформировавшейся традицией описания церковной истории, уровнем научного знания и методикой исторического исследования, особенностями религиозного сознания того времени, наличием государственной и церковной цензурной политики.

Abstract: The article is devoted to analysis of scientific literature pre-revolutionary period, which addressed issues in the early history of the ancient Episcopal centres, and especially of the bishops' control of the 10-13 centuries. In the works of V. N. Tatishcheva, Ambrose (Ornatsky), P. M. Stroev, N. N. Durnovo, E. E. Golubinski, an attempt was made to determine the time and circumstances of origin of the old Russian Bishop's centers, to analyze the activity of the ruling bishops. A significant portion of the writings were descriptive in nature and classified information, historical sources and religious traditions. The issues of realization of the canonical authority of the episcopate and the peculiarities of the functioning of Church law in Russia were raised in the studies of P. P. Sokolov, A. P. Golubtsov, V. F. Vladimir-Budanov, A. S. Pavlov, V. I. Sergeyevich. In the studies of the 18 – early 20 centuries there is practically no problematic nature of the presentation of the material, which is due to the formed tradition of describing Church history, the level of scientific knowledge and methods of historical research, the peculiarities of religious consciousness of the time, the presence of state and Church censorship policy.

Ключевые слова: Древняя Русь, историография XVIII – начала XX вв., русские епископии X–XIII вв., архиереи

Keywords: Ancient Rus, the historiography of the 18 – beginning of 20 centuries and Russian diocese of the 10-13 centuries, the bishops



Пономарев Д. А., свящ.

Ponomarev D., priest

**Малые монастыри Русского Севера:
к постановке проблемы**
**Small Monasteries of the Russian North:
toward a Formulation of the Problem**

Аннотация: Проблема малого монастыря – относительно новая и не до конца поставленная научная проблема, хотя она затрагивалась в многочисленных работах историков XIX – начала XXI веков. В статье приводится общий проблемный обзор

высказывавшихся мнений, концепций и оценок малых монастырей. Завершается статья выдвиганием ряда положений, которые получены в результате изучения историографии, и которые необходимо развивать в дальнейшем. Они касаются сроков начала монастырской колонизации и особенностей, формы организации монашеской жизни и вопроса землевладения.

Abstract: The problem of a small monastery is a relatively new question for historical science, although it was touched upon in the numerous works of historians of the 19th and early 21st centuries. The article provides a general overview of the opinions expressed, concepts and assessments of small monasteries. The article ends by stating a number of provisions that are formulated as a result of the study of historiography, and which need to be developed in the future. They concern the dates of the beginning of the monastic colonization and peculiarities, the form of organization of monastic life and the question of land tenure.

Ключевые слова: Древняя Русь, монастырь, история Русской церкви, малый монастырь, общежитие, скит, землевладение, колонизация

Keywords: Ancient Russia, monastery, history of the Russian Church, small monastery, dormitory, skete, land ownership, colonization

Почекаев Р. Ю.

Pochekaev R. Yu.

**Суд над Михаилом Тверским в 1318 г.:
опыт реконструкции процесса
Trial of Mikhail of Tver in 1318:
attempt of re-construction of court procedure**

Аннотация: В статье анализируется с историко-правовой точки зрения суд над Михаилом Тверским в Золотой Орде в 1318 г., описанный в «Повести о Михаиле Тверском» («Житии Михаила Ярославича»). Автор предпринимает попытку реконструировать саму процедуру суда, т. е. ордынский судебный процесс. Помимо древнерусских летописных сочинений анализируются также другие источники, касающиеся суда и процесса в Золотой Орде и других тюрко-монгольских государствах, позволяющие провести сравнение и (в необходимых случаях) восполнить пробелы при анализе различных этапов данного судебного разбирательства. Также автор пытается выявить специфику рассматриваемого процесса в связи с тем, что суд происходил не над подданным золотоордынского хана, а над правителем вассального государства (место проведения, состав суда, соотношение ордынских и русских участников процесса и пр.).

Abstract: The article is an analysis of court procedure in the Golden Horde on a base of trial of prince Mikhail of Tver in 1318 according to hagiographic biography of this ruler (“Zhitie Mikhaila Yaroslavicha” or “Tale of Mikhail of Tver”). Using historical-legal approach and comparative analysis of sources on the court in the Golden Horde and other Turkic-Mongol states author attempts to re-construct the court procedure, uncovers its specific features connected with prosecution not subject of khan but vassal ruler.

Ключевые слова: Средневековая Русь, Золотая Орда, Михаил Тверской, хан Узбек, право Золотой Орды, уголовный процесс, вассалитет

Keywords: Medieval Rus', Golden Horde, Mikhail of Tver, Uzbek Khan, law of the Golden Horde, court procedure, vassalage

**Отечественные традиции законотворчества
от Закона Русского до Уложения 1649 г.**

**Domestic Traditions of Lawmaking
from the Russian Law to the Code of 1649**

Аннотация: В статье представлены результаты сравнительного анализа свидетельств источников о практике инициирования, обсуждения, утверждения, распространения и популяризации правовых документов в Русском государстве с момента его образования до принятия Уложения царя Алексея Михайловича. На фактическом материале показан традиционно соборный характер отечественной законотворческой деятельности. Рассмотрены варианты сотрудничества княжеской и церковной власти, представителей знати и земства. Обращено внимание на роль христианства не только в рецепции византийского права, но и в развитии представлений о личной ответственности за соблюдение действующих правовых норм и за последствия их реализации.

Abstract: The article presents the results of a comparative analysis of the evidence of sources on the practice of initiation, discussion, approval, distribution and promotion of legal documents in the Russian state from the moment of its formation to the adoption of the law of Tsar Alexei Mikhailovich. The actual material shows the traditional conciliar nature of the domestic legislative activity. Discussed options for cooperation princely and ecclesiastical authority, representatives of the nobility and of the community. The role of Christianity not only in the reception of Byzantine law, but also in the development of ideas about personal responsibility for the observance of existing legal norms and the consequences of their implementation is noted.

Ключевые слова: история государства и права России, Древняя Русь, Средневековая Русь, законотворчество, правовые акты, отечественные традиции, соборность, гаранты закона, личная ответственность, памятники русского права, Устав Владимира, Устав Ярослава, Устав Всеволода, Правда Русская, Смоленские грамоты, Двинская грамота, Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, Судебник, Уложение

Keywords: History of Russian State and Law, Old Russia, Medieval Russia, Law Making, Legal Acts, Domestic Traditions, Conciliarity, Guarantors of the Law, Personal Responsibility, Monuments of Russian Law, Treaty, the Church statutes of Vladimir, the Church statutes of Yaroslav, the Statutes of Vsevolod, Pravda Russkaya, Smolensk Charters, Dvina Charter, Pskov judicial Charter, Novgorod judicial Charter, Belozerskaya charter, the Code



Мининкова Л. В.

Mininkova L. W.

**Великокняжеские репрессии в русской средневековой литературе
Grand-Ducal repressions in Russian medieval literature**

Аннотация: Репрессии против части знатной верхушки русского общества, которая стояла на пути нового политического устройства страны, являлись неотъемлемой частью объединительного процесса на Руси. Они стали одной из тем русской литературы эпохи позднего средневековья. Начало этой темы заметно при освещении борьбы между Василием Темным и его удельными родственниками после завершения династической войны. Выступление в 1537 г. старецкого князя Андрея Ивановича и его арест, а также казнь старецких детей боярских и новгородских дворян стали темой повести в Никоновской летописи. Особенно резко эта тема была поставлена князем А. М. Курбским в «Истории о великом князе московском». Используя понятные читателю образы Священного Писания, князь создал образ царя-тирана и грешника,

который не может быть христианским государем. В начале XVIII в. подобное представление о царе станет предпосылкой возникновения идеи царя-антихриста.

Abstract: Repressions against a part of the noble elite of Russian society, which stood in the way of the new political system of the country, were an integral part of the unification process in Rus'. They became one of the themes of Russian literature of the late middle ages. The beginning of this topic is noticeable in the coverage of the struggle between Vasily the Dark and his relatives after the dynastic war. Speech in 1537, the Staritsky Prince Andrei Ivanovich and his arrest, as well as the execution of the children of the old boyars and Novgorod nobles became the theme of the story in the Nikon chronicle. Especially sharply this theme was put by Prince A. M. Kurbsky in "the History of the great Prince of Moscow". Using the images of the Holy Scripture understandable to the reader, the Prince created the image of a tyrant king and a sinner who cannot be a Christian king. In the beginning of XVIII century this idea of the king will become a prerequisite for the emergence of the idea of the king-the Antichrist.

Ключевые слова: великокняжеская власть, объединение русских земель, русская средневековая литература, князь А. М. Курбский, «История о великом князе московском»

Keywords: Grand Duke's power, unification of Russian lands, Russian medieval literature, Prince A. M. Kurbsky, "The story of the Grand Duke of Moscow"

Петрушко В. И.

Petrushko V. I.

Проект поставления архиепископа Дионисия Суздальского на Киевскую митрополию в контексте московско-литовских отношений

The Project of Appointing Archbishop Dionysius of Suzdal to the Kiev Metropolis in the Context of Moscow-Lithuanian Relations

Аннотация: Взаимоотношения между высшей государственной и церковной властями в Древней Руси в 1370-е — 1380-е гг. имеет сравнительно небольшую историографию, в которой выделяются «греко-центричная» модель церковной жизни Руси протопресвитера Иоанна Мейендорфа и «промосковский» взгляд Г. М. Прохорова. Автор статьи не может полностью согласиться с трактовкой событий данными историками и предлагает свое объяснение ряду сюжетов, в том числе касающихся проекта поставления архиепископа Дионисия Суздальского на Киевскую митрополию.

Abstract: The relationship between the highest state and church authorities in ancient Russia in the 1370's—1380's has a relatively small historiography, marked by the "Greek-centric" model of church life of Russia due to Protopresbyter John Meyendorff and the "pro-Moscow" outlook of G. M. Prokhorov. The author of the article cannot fully agree with the interpretation of events by these historians and offers his explanation to a number of subjects, including those concerning the project of appointing Archbishop Dionysius of Suzdal to the Kiev Metropolitanate.

Ключевые слова: Древняя Русь, Великое княжество Литовское, история Русской церкви, Дмитрий Донской, митрополит Киприан, митрополит Пимен, Дионисий Суздальский

Keywords: Ancient Russia, Grand Duchy of Lithuania, history of the Russian Church, Dmitry Donskoy, Metropolitan Cyprian, Metropolitan Poemen, Dionysius of Suzdal

К изучению механизмов «второго южнославянского влияния»
на русскую письменность

To the Study of the Mechanisms the “Second South Slavic Influence”
on Russian Writing

Аннотация: Каковы причины того, что процесс «Второго южнославянского влияния» в значительной степени остается для нас скрытым, и мы вынуждены о нем судить преимущественно по результатам? Автор акцентирует внимание на трех аспектах феномена, обусловивших эту парадоксальную ситуацию. Во-первых, высказывается предположение, что встреча двух культурных традиций достигла своей кульминации еще в конце XIV — самом начале XV в., то есть значительно раньше, чем обычно предполагается. Причем влияние прошло через два этапа: на начальном этапе все заимствованные с Балкан памятники подверглись графико-орфографической русификации, а позднее этот же корпус перенесенных текстов был переведен на узаконенную к тому времени на Руси искусственную орфографию. В результате русифицированные кодексы оказались вытеснены на периферию книжного обихода. Во-вторых, в научной литературе влияние обыкновенно рисуется в гипертрофированных масштабах. Между тем, оставшихся не воспринятыми восточными славянами текстов ничуть не меньше, чем усвоенных, а те, что были усвоены, иногда представляют собой редуцированные или даже ущербные варианты южнославянских памятников. В-третьих, эпоха Второго южнославянского влияния является завершающим аккордом в многовековом развитии у православных славян «литературы-посредницы», которая комплектовалась их совместными трудами и включала преимущественно тексты отвлеченного христианского содержания. Переносившиеся памятники редко содержат сведения о своем происхождении, потому что они понимались как общее достояние, не воспринимались как национально окрашенные, нуждающиеся в специальной маркировке.

Abstract: How can it be explained that the process of the “Second South Slavic Influence” remains largely hidden for us, and we are forced to speculate about the influence taking into account its results only? The author focuses on three aspects of the phenomenon that conditioned this paradox situation. First, it is suggested that the meeting of the two cultural traditions reached its culmination in the late 14th — early 15th centuries, that is, much earlier than it is usually supposed. It is important that the influence passed through two stages: at the initial stage all the monuments borrowed from the Balkans were subjected to graphic and spelling russification, and later the same corpus of the transferred texts was rewritten with the help of the artificial spelling legalized by that time in Russia. As a result, russified codices have been pushed to the periphery of the book culture. Secondly, in the scientific literature, the scale of the influence is usually largely exaggerated. As a matter of fact, the number of the texts that have not been borrowed by the Eastern Slavs are no less than the number of the texts assimilated, and those that have been assimilated sometimes represent reduced or even damaged versions of South Slavic monuments. Thirdly, the period of the “Second South Slavic Influence” is the last point in the long way development of the Orthodox Slavic “mediator literature,” which was completed by their common works and included mainly texts of abstract Christian content. The transferred monuments rarely contain information about their origin, because they were understood as a common property, not perceived as nationally marked, requiring special labeling.

Ключевые слова: протограф, перевод, редакция, балканский, болгарский, сербский, извод, влияние, кульминация, орфография, общая база, индивидуальное развитие

Keywords: prototext, translation, version, Balkan, Bulgarian, Serbian, variant, influence, climax, orthography, common base, individual development



**Преподобный Иосиф Волоцкий в отношении к власти великого князя
и митрополита в конце XV — начале XVI вв.**

**Venerable Joseph Volotskyin relation to the power of the Grand Duke
and Metropolitan in the late 15 — early 16 centuries**

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об отношении преподобного Иосифа Волоцкого к власти митрополита и великого князя в период после Церковного собора 1490 г. Результаты сравнительного текстологического анализа антиеретических посланий Иосифа Волоцкого и «Книги на еретиков», получившей в поздней традиции наименование «Просветитель», позволяют пересмотреть традиционную точку зрения, согласно которой Иосиф Волоцкий публично выступил против митрополита Зосимы в 1490–1494 гг. Представлены доказательства в пользу того, что в период 1490–1502 гг. публичная полемика с ересью жидовствующих не велась, а ее начало в виде антиеретических посланий Иосифа Волоцкого следует отнести к 1502 г. Именно тогда династический кризис в семье Ивана III разрешился в пользу сына от Софьи Палеолог Василия, а покровительствовавшая ереси великая княгиня Елена Стефановна и ее сын Дмитрий были отправлены в заточение. Доказательно опровергнуты датировка антиеретических посланий Иосифа Волоцкого 1490–1494 гг., обоснованы новые даты и адресаты посланий. Пересмотрен вопрос об обстоятельствах отставки митрополита Зосимы.

Abstract: The article examines the problem of the attitude of St. Joseph Volotsky to the power of the Metropolitan and Grand Duke in the period after the Church Sobor of 1490. The results of a comparative textual analysis of the antiheretic Epistles of Joseph Volotsky and The Book against heretics, which in later tradition received the name The Enlightener, allow us to reconsider the traditional point of view according to which Joseph Volotsky publicly opposed Metropolitan Zosima in 1490-1494. The evidence is presented in favor of the fact that in the period 1490 — 1502 public polemic against the Heresy of the Judaizers was not conducted, and its beginning in the form of antiheretic Epistles of Joseph Volotsky should be attributed to 1502. It was then that the dynastic crisis in the family of Ivan III was resolved in favor of Vasili, the son of Sophia Paleologue, and the patroness of heresy Grand Duchess Elena Stefanovna and her son Dmitry were sent to prison. The date of the antiheretic Epistles of Joseph Volotsky as 1490 — 1494 is disproved, new dates and addressees of the Epistles are grounded. The issue of the circumstances of the resignation of Metropolitan Zosima were revised.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, ересь жидовствующих, Иван III, митрополит Зосима

Keywords: Joseph Volotsky, the Heresy of the Judaizers, Ivan III, Metropolitan Zosima

Морозова Л. Е.

Morozova L. E.

**Тема Праведного Суда в сочинениях церковного публициста XVI в.
Зиновия Отенского**

**The Theme of the Righteous Court in the Church Author of the 16 Century
Zinovy Otensky Writings**

Аннотация: Статья посвящена анализу «Послания дьяку Я. В. Шишкину» монаха Зиновия Отенского, ссыльного ученика известного писателя Максима Грека. Зиновий выступает с критикой увлечения Шишкина обрядовой стороной веры в ущерб своей основной деятельности — справедливого разбора судебных дел. По мнению монаха,

при вынесении судебных решений государев дьяк должен опираться на божьи заповеди.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the “Epistle to the Deacon Y. V. Shishkin” by the monk Zinovy Otensky, an exiled disciple of the famous writer Maxim the Greek. Zinovy criticizes Shishkin’s passion for the ritual side of faith, to the detriment of his main activity — a fair examination of court cases. According to the monk, when making judgments, the sovereign of the deacon must rely on God’s commandments.

Ключевые слова: Реформы судопроизводства в XVI в., послание новгородского монаха Зиновия Отенского, справедливое судопроизводство, божьи заповеди

Keywords: Reforms of legal proceedings in the XVI century, the message of the Novgorodian monk Zinovy Otensky, fair trial, God’s commandments

Подберёзкин Ф. Д.

Podberezkin P. D.

Священники латинского обряда в Новгороде (XV — начало XVI веков): основные вехи духовной карьеры

Latin Priests in Novgorod (15 — early 16 Centuries): the main Milestones of the Spiritual Career

Аннотация: Упадок ганзейской торговли в XV веке стал причиной падения доходов купцов «Петрова двора» — ганзейской конторы в Новгороде. В результате купцы уменьшили зарплату латинского священника конторы. Данный вопрос активно обсуждался в переписке немецких и ливонских городов, немецких купцов в Новгороде и самих священников. Благодаря этим материалам можно судить о некоторых особенностях карьеры латинских клириков в новгородском приходе, условиях их жизни и работы. Все этапы служения священника представляли собой древнюю традицию. Священник получал хорошую зарплату и бесплатное жильё, однако не имел тесных личных контактов со своей паствой. Его положение было ненадежно, так как он не приглашался на определенный срок и полностью зависел от благосостояния купцов. Кроме этого, «Петров двор» и его церковь могли закрываться из-за конфликта с русскими. Следует отметить высокую набожность немецких купцов в Новгороде и их потребность в духовных службах. Служение священника имело не только религиозные цели, но и способствовало установлению корпоративных связей в немецкой общине Новгорода.

Abstract: The decline of Hanseatic trade in XV century has further depressed the income of the Hanseatic office in Novgorod («Petershof»). As a result the merchants reduced the salary of the Latin priests of the office. This issue was discussed extensively in correspondence between German and Livonian towns, German merchants in Novgorod and the priest. This material makes it possible for us to know about some of the specific features related to the career of the Latin priest in Novgorod, his life and work. All stages of the priest’s service were a part of ancient tradition. Priest was well paid and accommodated free of charge, but he did not have a personal contacts with his parish. He used to live in a precarious circumstances, since he was invited for a fixed term of office and was fully depend on the income of merchants. Moreover, the «Petershof» could be closed due to the conflict with Russians. We can stress out the high piety of the merchants in Novgorod and their need to have spiritual ministry. The service of priest was not just religious — it also contributed to the establishment of corporate links in a German community of Novgorod.

Ключевые слова: Ганза, «Петров двор», Новгород, латинский священник, зарплата, карьера, церковь

Keywords: Hansa, «Petershof», Novgorod, Latin priest, salary, career, church

Костромин К. А., прот.

Kostromin K., archpriest

Прославление священномученика Исидора в XVI веке The Glorification of the Martyr Isidor in the 16th Century

Аннотация: Вопрос о прославлении/канонизации святых приобретает актуальность и даже дискутируется в науке в связи с ростом интереса к историческому символизму, отражавшему как официальную идеологию или частное мировоззрение, так и внутренние психологические установки, которыми были движимы деятели прошлого. Хотя статья посвящена вопросу о прославлении конкретного святого — священномученика Исидора Юрьевского, в ней содержится методологический экскурс, а также обзор событий, связанных с прославлением святых в середине XVI века, уточняющий положения, выдвинутые в новейшей историографии. Именно в контексте нового подхода к церковным соборам середины и второй половины XVI века можно сделать вывод о том, что священномученик Исидор Юрьевский был прославлен в XVI веке.

Abstract: The question of the glorification / canonization of saints is becoming topical and even debated in science in connection with the growing interest in historical symbolism, reflecting both the official ideology or private worldview, as well as the internal psychological attitudes that were driven by figures of the past. Although the article is devoted to the issue of the glorification of a particular saint, the martyr Isidor of Yur'ev, it contains a methodological excursion, as well as an overview of the events associated with the glorification of saints in the mid-sixteenth century, clarifying the points advanced in modern historiography. It is in the context of the new approach to church councils of the middle and second half of the sixteenth century that one can conclude that the holy martyr Isidore of Yur'ev was glorified in the sixteenth century.

Ключевые слова: Древняя Русь, история Русской церкви, Исидор Юрьевский, канонизация, прославление, митрополит Макарий, Василий-Варлаам

Keywords: Ancient Russia, history of the Russian Church, Isidore of Yur'ev, canonization, glorification, Metropolitan Macarius, Vasily-Varlaam

Белов Н. В.

Belov N. V.

Оставление митрополитом Афанасием первосвятительской кафедры 19 мая 1566 г. The Abandonation by the Metropolitan Athanasius the Primacy Chair on May 19, 1566

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства ухода Всероссийского митрополита Афанасия в Чудов монастырь 19 мая 1566 г. В историографии поступок Афанасия получил различные трактовки: тяжкая болезнь, выступление против опричных мероприятий царя Ивана IV, политическая опала. По мнению автора главной причиной оставления Афанасием митрополичьей кафедры стало разделение царской и церковной властей, осуществленное Грозным в ходе опричной «реформы».

Abstract: The article discusses the circumstances of the departure of Metropolitan Afanasii in the Chudov monastery on May 19, 1566. In the historiography of the act of Afanasii has received various interpretations: serious illness, statement against the oprichnina of Tsar Ivan IV, the political disgrace. According to the author, the main reason for leaving Afanasii Metropolitan pulpit became a division of Royal and Church authorities carried out Ivan the Terrible during the oprichnina «reform».

Ключевые слова: митрополит Афанасий, Иван IV Грозный, опричнина, Чудов монастырь, церковно-государственные отношения

Keywords: Metropolitan Afanasii, Ivan IV the Terrible, Oprichnina, Chudov monastery, Church-state relations

Сведения об авторах

Алексеев Алексей Иванович

доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки

E-mail: a.alexeev@nlr.ru

Белов Никита Васильевич

студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

Буланин Дмитрий Михайлович

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

Гайденко Павел Иванович

доктор исторических наук, доцент

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

Грузнова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, заведующий отделом по взаимодействию с НЭБ Российской национальной библиотеки

E-mail: egruznova@yandex.ru

Дворниченко Андрей Юрьевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

Костромин Константин Александрович

протоиерей, кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии

E-mail: k.a.kostromin@mail.ru

Котышев Дмитрий Михайлович

кандидат исторических наук, доцент, педагог дополнительного образования МБОУ «Лицей № 13» г. Троицка Челябинской области

E-mail: grizli973@mail.ru

Кузнецов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологи предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

E-mail: nalbuz@mail.ru

Мининкова Людмила Владимировна

доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета

E-mail: lyudmila_mininkova@mail.ru

Морозова Людмила Евгеньевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН
E-mail: morozova_lud@mail.ru

Петров Николай Игоревич

кандидат исторических наук, доцент Петербургского института иудаики
E-mail: npetrovspb@yandex.ru

Петрушко Владислав Игоревич

доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
E-mail: vp@sedmitza.ru

Подберёзкин Филипп Дмитриевич

аспирант исторического факультета Белорусского государственного университета
E-mail: hetmanpolny@yandex.ru

Пономарев Дмитрий Анатольевич

священник храма Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице Санкт-Петербурга подворья Антониево-Дымского мужского монастыря Тихвинской епархии, кандидат богословия, докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. Кирилла и Мефодия
E-mail: blagoveschenie@mail.ru

Почкаев Роман Юлианович

кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: rorot@mail.ru

Фомина Татьяна Юрьевна

кандидат исторических наук
E-mail: stal73@yandex.ru

Алфавитный указатель авторов «Палеоросии» за последние 5 лет

Авторы

(с номерами выпусков альманаха, а затем журнала Палеоросия)

<i>Августин (Никитин), архим. (Санкт-Петербург)</i>	2, 3
<i>Айвазян К. В. (Ереван)</i>	9
<i>Александр (Федоров), архим. (Санкт-Петербург)</i>	9
<i>Алексеев А. И. (Санкт-Петербург)</i>	7, 10
<i>Алексеев Ю. Г. (Санкт-Петербург)</i>	5
<i>Баранкова Г. С. (Москва)</i>	6, 9
<i>Беззаконов С. Н. (Новошахтинск)</i>	8
<i>Белецкий С. В. (Санкт-Петербург)</i>	7
<i>Беликова Т. В. (Ставрополь)</i>	5
<i>Белов Н. В. (Санкт-Петербург)</i>	8, 10
<i>Белоусов М. С. (Санкт-Петербург)</i>	5, 7
<i>Бенцианов М. М. (Екатеринбург)</i>	7
<i>Березкин А. В. (Санкт-Петербург)</i>	5
<i>Бондарь С. В. (Киев)</i>	1, 4, 6
<i>Брачев В. С. (Санкт-Петербург)</i>	5, 7
<i>Буланин Д. М. (Санкт-Петербург)</i>	10
<i>Вагнер Г. К. (Москва)</i>	9
<i>Василик В. В., протоиерей (Санкт-Петербург)</i>	3
<i>Вдовина О. Я. (Киев)</i>	6
<i>Веселов Ф. Н. (Санкт-Петербург)</i>	5
<i>Виноградов М. А. (Москва)</i>	8
<i>Высочков Л. В. (Санкт-Петербург)</i>	7
<i>Гайденок П. И. (Казань)</i>	1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10
<i>Галимов Т. Р. (Казань)</i>	4, 6, 8
<i>Гераськин Ю. В. (Рязань)</i>	8
<i>Гладков А. К. (Москва)</i>	5
<i>Головко А. Б. (Каменец-Подольск)</i>	5
<i>Городецкий Г. А. (Санкт-Петербург)</i>	9
<i>Громов М. Н. (Москва)</i>	6
<i>Грузнова Е. Б. (Санкт-Петербург)</i>	5, 10
<i>Грыневич В., иером. (Люблин)</i>	9
<i>Гумилев Л. Н. (Ленинград)</i>	9
<i>Дворниченко А. Ю. (Санкт-Петербург)</i>	3, 5, 10
<i>Дегтярёв А. Я. (Москва)</i>	5
<i>Дербин Е. Н. (Ижевск)</i>	5, 7
<i>Джиоева А. Р. (Санкт-Петербург)</i>	5
<i>Джурова А. (София)</i>	9
<i>Долгов В. В. (Ижевск)</i>	5
<i>Евдокимова Е. А. (Санкт-Петербург)</i>	2
<i>Жервэ Н. Н. (Санкт-Петербург)</i>	1
<i>Жуковская Т. Н. (Санкт-Петербург)</i>	7

Зиборов В. К. (Санкт-Петербург)	5
Иншаков О. В. (Волгоград)	5
Ищенко А. С. (Новочеркасск)	4, 6, 7, 8, 9
Калинина Е. Ю. (Санкт-Петербург)	4
Карпов А. В. (Санкт-Петербург)	8
Кашеваров А. Н. (Санкт-Петербург)	2, 3
Кедун И. С. (Нежин)	6
Келер С. (Берлин)	9
Кибинь А. С. (Санкт-Петербург)	7
Кириленко С. А. (Нежин)	6, 8
Кириллин В. М. (Москва)	3
Кирпичников А. Н. (Санкт-Петербург)	5
Козловский В. С. (Ижевск)	5
Колесов В. В. (Санкт-Петербург)	6
Конюхов К. Р. (Москва)	9
Копировский А. М. (Москва)	9
Корзинин А. Л. (Санкт-Петербург)	7, 8, 9
Королев А. С. (Москва)	9
Костромин К. А., прот. (Санкт-Петербург)	1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10
Кострюков А. А. (Москва)	2
Котляров Д. А. (Ижевск)	5
Котышев Д. М. (Троицк)	5, 10
Кривоноженко А. Ф. (Петрозаводск)	5
Кривошеев Ю. В. (Санкт-Петербург)	5, 7
Кузнецов А. А. (Нижний Новгород)	10
Лебедева Г. Е. (Санкт-Петербург)	5
Литвина А. Ф. (Москва)	1
Лихачева О. П. (Ленинград)	9
Луняк Е. Н. (Нежин)	4, 5, 7
Лушиников А. А. (Пенза)	6, 8
Ляховицкий Е. А. (Санкт-Петербург)	3, 5, 7
Мазырин А., свящ. (Москва)	2
Майоров А. В. (Санкт-Петербург)	5
Макеева И. И. (Москва)	6
Матыцин К. С. (Барнаул)	8, 9
Махлак К. А. (Санкт-Петербург)	2
Мещенина А. А. (Санкт-Петербург)	5, 7
Мильков В. В. (Москва)	1, 6, 8, 9
Мининкова Л. В. (Ростов-на-Дону)	4, 10
Михельсон Т. Н. (Ленинград)	9
Морозова Л. Е. (Москва)	7, 8, 9, 10
Моторин А. В. (Великий Новгород)	2
Мюллер Л. (Тюбинген)	4
Наливайко Р. А. (Санкт-Петербург)	2
Никитина А. В. (Санкт-Петербург)	8
Никодим (Хмыров), иером. (Санкт-Петербург)	3
Павлов А. П. (Санкт-Петербург)	5, 7
Панова В. И. (Воронеж)	8

Пархоменко А. Г. (Нежин)	6
Пашин С. С. (Тюмень)	5, 7
Петров А. В. (Санкт-Петербург)	2, 3, 5
Петров И. В. (Санкт-Петербург)	2
Петров Н. И. (Санкт-Петербург)	1, 3, 4, 6, 8, 10
Петрушко В. И. (Москва)	2, 10
Подберёзкин Ф. Д. (Минск)	8, 10
Подобедова О. И. (Москва)	9
Пономарев Д., свящ. (Санкт-Петербург)	10
Почекаев Р. Ю. (Санкт-Петербург)	6, 8, 10
Приймак Н. И. (Санкт-Петербург)	5
Пузанов В. В. (Ижевск)	7
Пузанов Д. В. (Ижевск)	7
Пянкевич В. Л. (Санкт-Петербург)	7
Ранне А., прот. (Великий Новгород)	6
Ребенок В. В. (Нежин)	6
Романова А. А. (Санкт-Петербург)	7
Ростовцев Е. А. (Санкт-Петербург)	7
Савицкий С. Г., свящ. (Санкт-Петербург)	8
Симонов Р. А. (Москва)	6, 8, 9
Симонова А. А. (Москва)	1
Сиренов А. В. (Санкт-Петербург)	5, 7
Соколов Р. А. (Санкт-Петербург)	5, 7
Соколов Ю. А. (Санкт-Петербург)	1, 4
Сосницкий Д. А. (Санкт-Петербург)	7
Стариков Ю. С. (Москва)	1
Сухова Н. Ю. (Москва)	2, 3
Терешкина Д. Б. (Великий Новгород)	1
Тот Ю. В. (Санкт-Петербург)	7
Тюменцев И. О. (Волгоград)	7, 8
Успенский Н. Д. (Ленинград)	4
Успенский Ф. Б. (Москва)	1
Филюшкин А. И. (Санкт-Петербург)	5, 7
Флоринский М. Ф. (Санкт-Петербург)	7
Фомина Т. Ю. (Набережные Челны)	3, 6, 8, 10
Хайдаров Т. Ф. (Казань)	8
Халявин Н. В. (Ижевск)	5
Чебаненко С. Б. (Санкт-Петербург)	4, 8
Чибисов Б. И. (Тверь)	1, 6, 8
Шапошник В. В. (Санкт-Петербург)	2, 5, 7
Шкаровский М. В. (Санкт-Петербург)	2, 3
Шорохов В. А. (Санкт-Петербург)	5
Шпаковский М. В. (Москва)	6, 8

Перечень статей, опубликованных в «Палеороссии» за последние 5 лет, с индексами DOI

Выпуск 1

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: матримониальные стратегии и легенды власти

Гайденок П. И. Смерть древнерусских архиереев (X — середина XII вв.): обстоятельства и закономерности
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00001

Костромин К. А. Происхождение и функция древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00002

Симонова А. А. Основание Успенской церкви Киево-Печерского монастыря. Западные параллели
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00003

Чибисов Б. И. Термин «латиняне» в византийских и древнерусских письменных источниках (до начала XIII в.)
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00004

Петров Н. И. Культ св. Николая Чудотворца в юго-западной Руси XI–XIII в.
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00005

Стариков Ю. С. Учение о монашестве в сочинениях митр. Московского Даниила
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00006

Терешкина Д. Б. «Егда душа от тѣла нуждею разлучается, ужасна тайна всѣмъ и страшна» (Смерть в синодике Новоезерского монастыря)
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00007

Соколов Ю. А. Династия Романовых в контексте проблематики российской истории Нового времени
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00008

Жервэ Н. Н. Усердный ревнитель просвещения (о митр. Евгении Болховитинове)
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00009

Мильков В. В. С. В. Бондарь как исследователь религиозно-философской мысли Древней Руси
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00010

Бондарь С. Антропологические воззрения св. Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке
DOI: 10.24411/9999-0702-2014-00011

Выпуск 2

Петрушко В. И. Преподобный Сергей Радонежский и его влияние на развитие русского монашества в конце XIV — начале XV вв.
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00001

Костромин К., свящ. Преподобный Сергей Радонежский и рождение московской литературной традиции

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00027

Наливайко Р. А. Русско-ордынские отношения XIII–XV вв. в «Анналах Польши» Яна Длугоша

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00028

Петров А. В. Новгородские юродивые Николай Кочанов и Федор и их «распря»

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00029

Шапошник В. В. Митрополит Даниил в придворной борьбе 30-х годов XVI века

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00030

Сухова Н. Ю. Преподобный Сергей и его обитель в исследованиях преподавателей и студентов Московской духовной академии (1840–1910-е гг.)

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00031

Шкаровский М. В. Храмы преподобного Сергея Радонежского в Санкт-Петербурге

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00032

Кашеваров А. Н. Судьба мощей преподобного Сергея Радонежского в контексте «мощейной эпопеи» советской власти

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00033

Кострюков А. А. Влияние русского монашества на церковную жизнь Болгарии в 1920–1940-е гг.

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00034

Мазырин А., свящ. «Подвиг св. Сергея Радонежского и дело митрополита Сергея»: к вопросу об оправданности сопоставления

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00035

Петров И. В. Сергей Радонежский и русские святые в восприятии оккупационной прессы в 1941–1944 гг.

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00036

Августин (Никитин), архим. Преподобный Сергей Радонежский и св. Франциск Ассизский в отечественной мысли XIX–XX веков.

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00037

Махлак К. А. Духовный путь преподобного Сергея в контексте иосифлянства и нестяжательства

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00038

Евдокимова Е. А. Личность преподобного Сергея Радонежского в прозе Бориса Зайцева

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00039

Моторин А. В. Преподобный Сергей Радонежский и развитие духовных начал русской государственности

DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00040

Выпуск 3

Петров А. В. Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманнского вопроса
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00001

Фомина Т. Ю. Русские епископии эпохи Владимира Святославича
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00002

Костромин К. А., прот. Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI в.
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00003

Дворниченко А. Ю. Крещение Руси и Литвы в контексте потестарного общества
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00004

Гайденок П. И. Несколько штрихов к портрету древнерусского монашества, или что могут рассказать церковные пенитенциарные нормы Древней Руси
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00005

Петров Н. И. Почитание св. Николая Чудотворца на Руси в контексте борисоглебского культа
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00006

Кириллин В. М. Характер личности благоверного князя Владимира Святославича в ранних древнерусских гомилиях XI–XII вв.
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00007

Василик В. В., диак. Образ святого равноапостольного Владимира как царя в древнерусской гимнографии
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00008

Ляховицкий Е. А. Царские речи в составе Стоглава и их место в композиции памятника
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00009

Августин (Никитин), архим. Князь Владимир, святой, равноапостольный... (из истории русско-скандинавских церковно-литературных связей XVII–XVIII в.)
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00010

Сухова Н. Ю. Крещение св. князя Владимира и Русской земли: научно-критическое осмысление русским «школьным» богословием (1880–1910-е г.)
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00011

Шкаровский М. В. Князь-Владимирский собор Санкт-Петербурга в 1917–1941 гг.
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00012

Никодим (Хмыров), иеродиак. Образ князя Владимира в сознании русской православной эмиграции (по материалам журнала «Церковные ведомости», 1930 год)
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00013

Кашеваров А. Н. Журнал «Русское Возрождение» — орган Комиссии по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси в русском зарубежье
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00014

Выпуск 4

Луняк Е. Н. Элементы сказочности и удивительности в произведениях французских авторов XI–XVII вв. о Южной Руси
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00015

Мининкова Л. В. Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00016

Гайденко П. И. Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков)
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00017

Калинина Е. Ю. «Суды Божии» как иррациональный компонент в средневековом праве Руси и Европы (на примере Испании). Очерк сравнительного правоведения
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00018

Чебаненко С. Б. Киевская община в межкняжеских конфликтах конца XI в.: суд веча
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00019

Петров Н. И. Агиографический контекст распространения имени Николай в домонгольской Руси
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00020

Ищенко А. С. Почитание Владимира Мономаха в церковной литературе
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00021

Соколов Ю. А. Дядя против племянника (первые страницы агонии Киевской державы)
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00022

Галимов Т. Р. Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV вв.)
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00023

Успенский Н. Д. К истории обряда святого огня, совершаемого в Великую Субботу в Иерусалиме
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00024

Мюллер Л. Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00025

Бондарь С. Антропологические воззрения св. Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке (продолжение)
DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00026

Выпуск 5

Белоусов М. С. Русский историк И. Я. Фроянов
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00001

Список трудов И. Я. Фроянова
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00058

Алексеев Ю. Г. Две кампании

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00002

Петров А. В. С. Ф. Платонов о новгородском вече

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00003

Дворниченко А. Ю. Г. В. Вернадский — исследователь Киевской Руси

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00004

Дербин Е. Н. Проблема верховной власти Древней Руси в трудах историков белградского круга русской эмиграции (1920–30-е гг.)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00005

Иншаков О. В. Русская Правда в русле развивающейся междисциплинарности современного обществознания

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00006

Дегтярёв А. Я. Русская правда краткой редакции: к истории рождения

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00007

Пашин С. С. Червонорусские параллели к статьям Русской Правды о роде

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00008

Зиборов В. К. Игумен Сильвестр и поп Василий — одно лицо

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00009

Костромин К. А. Почитание святых при св. князе Владимире по данным храмостроительства

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00010

Гайденко П. И. К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (начало)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00011

Козловский В. С. Илья Муромец и его время: историография и перспективы изучения образа былинного героя

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00012

Долгов В. В. Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива»

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00013

Филлюшкин А. И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00014

Кирпичников А. Н. Полоцк по письменным и археологическим источникам: вариант нового осмысления

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00015

Котышев Д. М. Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00016

Беликова Т. В. Межкняжеские отношения галицко-волыньских князей во второй половине XII — начале XIII вв. в терминологии источников

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00017

Головко А. Б. Половецкий фактор в политической жизни Юго-Западной Руси (вторая половина XII — первая половина XIII в.)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00018

Майоров А. В., Веселов Ф. Н. К атрибуции евфросиньевских печатей с изображением Спасителя из Новгорода и Полоцка
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00019

Сиренов А. В. Реликвии владимирских князей
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00020

Джиоева А. Р. Ткани и шитье Соловецкого монастыря XV–XVI вв.
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00021

Грузнова Е. Б. Об особенностях изучения летописного предания об апостоле Андрее
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00022

Шорохов В. А., Мещенина А. А. Поход русов на о. Эгина в 813 году: об одном из историографических мифов военного времени
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00023

Халявин Н. В. Явление волхва в Новгороде в 1071 г. в оценках отечественных историков
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00024

Брачев В. С. Великие Минеи Чети, собранные митрополитом Макарием. К истории публикации (1868–1917)
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00025

Котляров Д. А. «Вся земля Казанская» в 1521–1551 гг.
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00026

Шапошник В. В. Правительница Елена Глинская и московская элита
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00027

Ляховицкий Е. А. Кодификация решений Стоглавого собора в Стоглаве полной редакции и архиерейских наказных грамотах
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00028

Лунык Е. Н. Роль украинского казачества в русской Смуте (по свидетельствам французских авторов XVII–XVIII вв.)
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00029

Павлов А. П. Судьба землевладения рода Годуновых после Смуты
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00030

Кривошеев Ю. В., Кривоноженко А. Ф., Соколов Р. А. Преподавание исторической географии России на историческом факультете ЛГУ–СПбГУ за 100 лет
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00031

Приймак Н. И. О теоретических аспектах историографических исследований в статье С. Н. Валка «Исторический источник в русской историографии XVIII в.»
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00032

Лебедева Г. Е., Березкин А. В. Профессор Иван Иванович Соколов: историк на рубеже двух эпох
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00033

Гладков А. К. Король-пантера, Страж закона и Миротворец: образы власти в каролинской политической мысли IX века
DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00034

Выпуск 6

Проложное житие Кирилла, епископа Туровского (*древнерусский текст, перевод В. В. Колесова*)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00059

Колесов В. В. Стилистика и поэтика Кирилла Туровского

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00035

Мильков В. В. Идейное своеобразие религиозных и нравственных воззрений Кирилла Туровского

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00036

Вдовина О. Я. Символично-аллегорическая интерпретация монашества в аскетических сочинениях Кирилла Туровского

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00037

Вдовина О. Я. Человек в сочинениях Кирилла Туровского: идейные основы богословско-философских построений

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00038

Бондарь С. В. Антропологические воззрения св. Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке (окончание)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00039

Баранкова Г. С. Место «Притчи о душе и теле» Кирилла Туровского в кругу его повествовательных и риторических сочинений

«Притча о душе и теле» Кирилла Туровского (*древнерус. текст*)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00040

Макеева И. И. Четвертая редакция «Слова о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского

«Слова о снятии тела Христова с креста» Кирилла Туровского (*древнерусский текст 4-й редакции*)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00041

Молитвы Кирилла Туровского (*древнерусский текст, перевод В. В. Колесова*)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00060

Кирилла мниха канон и стихирь на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира (*древнерусский текст*)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00061

Громов М. Н. Панэтизм древнерусской мысли и культуры

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00042

Ранне А., прот. Основные смыслы Русской Правды (к 1000-летию памятника)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00043

Костромин К., прот. Фольклор и легенда — от сюжета к смыслу: к вопросу летописном сказании об апостоле Андрее

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00044

Петров Н. И. Чудо св. Николая Мирликийского о половчине и Переяславский клад 1912 г.

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00045

Лушников А. А. Происхождение сюжета об «этапах идолопоклонства» в древнерусской учительной литературе

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00046

Ищенко А. С. Владимир Мономах в Повести временных лет: к вопросу о семантике летописного образа

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00047

Симонов Р. А. Религиозно-философское значение творчества Кирика Новгородца

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00048

Гайденко П. И. К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (окончание) («Царские» монастыри домонгольской Руси)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00049

Фомина Т. Ю. Становление и развитие Северо-Восточных русских епископий (конец X–XIII вв.)

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00050

Почекаев Р. Ю. И вновь к вопросу о действии золотоордынских правовых институтов на Руси

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00051

Галимов Т. Р. Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополичьей кафедры и русской церкви во второй половине XIII — начала XIV веков

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00052

Чибисов Б. И. Дискуссии об информативных возможностях антропонимии для исследования этнической истории Древней Руси

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00053

Ребенок В. В. Поход украинского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного на Москву в 1618 г.: историографическая оценка трудов украинских историков

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00054

Шпаковский М. В. Учение протопопа Аввакума о Божественных именах и его неоплатонические корни

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00055

Кедун И. С., Пархоменко А. Г. К вопросу о древнерусских памятниках на территории города Нежина

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00056

Кириленко С. А. Вопрос о происхождении Руси в советской историографии

DOI: 10.24411/9999-0702-2016-00057

Выпуск 7

Белоусов М. С. De Vita et Scriptis Professoris Dvornichenko

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00029

Кибинь А. С. Маджак, древний герой раннеславянской истории

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00030

Пузанов В. В., Пузанов Д. В. «Кнѣзь оуже почаль полагнѣте дружин^а по кнѣзѣ». Обретение харизмы: «месть древлянам» и интронизация Святослава Игоревича
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00031

Гайдено П. И. К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества кон. X — первой трети XIII вв.
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00032

Костромин К. А. Потестарность и христианизация Древней Руси
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00033

Пашин С. С. Правда Русская и древнерусское летописание: к 250-летию первой публикации Краткой Правды
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00034

Иценко А. С. «А се уставилъ Володимеръ Всеволодичь...»: законодательная деятельность Владимира Мономаха в русской общественно-исторической мысли
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00035

Корзинин А. Л. Государев двор Ивана III
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00055

Бенцианов М. М. Ямские дѣяки и кормления. К постановке вопроса
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00036

Алексеев А. И. О «странной» клятве великого князя Ивана III и о «странной» манере вести полемику. Ответ В. Я. Петрухину
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00037

Белецкий С. В. Печати псковских владычных наместников с именем «Серапион»
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00038

Ляховицкий Е. А. Закупки бумаги и книгописание в Николо-Корельском монастыре во второй половине XVI в.
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00039

Морозова Л. Е. Брачная политика Василия III
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00040

Шапошник В. В. Правление Елены Глинской в оценке источников и исследователей
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00041

Тюменцев И. О. Памятники русской литературы и летописания первой половины XVII в. как источники по истории движения Лжедмитрия II (1607–1610 годы)
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00042

Павлов А. П. Раздачи черных и дворцовых волостей и изменения географии землевладения боярской знати в годы царствования Михаила Романова
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00043

Сиренов А. В. К изучению порядных Тихвинского Успенского монастыря XVII в.
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00044

Романова А. А. Заметки о почитании русских святых в XVII в.
DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00045

Брачев В. С. Из истории актового источниковедения XVIII века: М. М. Щербатов (1733–1790)

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00046

Мещенина А. А., Соколов Р. А. Александр Невский в творчестве М. В. Ломоносова

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00047

Луняк Е. Н. Русь-Украина и казачество в произведениях Вольтера

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00048

Высочков Л. В. Magistra vitae императора Николая I

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00049

Дербин Е. Н. Концепция верховной власти Древней Руси М. В. Шахматова и евразийство

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00050

Жуковская Т. Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00051

Кривошеев Ю. В. Крым в жизни и творчестве академика Б. Д. Грекова

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00052

Пянкевич В. Л., Тот Ю. В., Флоринский М. Ф. «Российская история с древнейших времен до падения самодержавия» А. Ю. Дворниченко: размышления об историческом пути России

Флюшкин А. И. Когда и зачем стали ставить памятники историческим персонажам Древней Руси?

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00053

Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Русское средневековье в коммерческой рекламе: постановка проблемы и перспективы исследования (вторая половина XIX – начало XXI вв.)

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00054

Выпуск 8

Гайденко П. И. Можно ли спастись в роскоши? (о быте и пределах аскетических опытов древнерусского монаха XI–XIII вв.)

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00001

Лушников А. А. «Попове и книжници». Образ священника в антиязыческой литературе Древней Руси XI–XIII вв.

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00002

Карпов А. В. «Восстание волхвов» на северо-востоке Руси (1071 г.) в российской науке XVIII – начала XX вв.

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00003

Фомина Т. Ю. Дискуссионные проблемы истории Черниговской епископии

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00004

Панова В. И. Социально-значимые аспекты в церковно-политической деятельности князей Руси XII века по материалам Ипатьевской летописи

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00005

Чебаненко С. Б. Кровавая месть или смертная казнь: об одном известии о Григории-чудотворце (последняя четверть XI века)

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00006

Почекаев Р. Ю. Изучение собрания ханских ярлыков Русской церкви: направления, проблемы, перспективы

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00007

Галимов Т. Р. Каноническо-правовое положение древнерусского монашества в первые десятилетия монгольского господства на Руси (постановка проблемы)

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00008

Гераськин Ю. В. Князь Олег Иванович Рязанский и Русская Церковь

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00009

Виноградов М. А. «Русская» вера и формирование национального самосознания у русских во второй половине XIII–XIV вв.

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00010

Подберёзкин Ф. Д. Псковская агиография как источник по истории русско-ливонских отношений XIII–XV вв.: к постановке вопроса

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00011

Костромин К. А. «Страдание священномученика Исидора» как исторический источник и литературный памятник конца XV — середины XVI вв.

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00012

Савицкий С. Г. Предыстория спора «нестяжателей» и «иосифлян»: по материалам древнерусских памятников канонического права

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00013

Кириленко С. А. Становление концепции «Русская земля» в советской историографии второй половины 1940-х — начале 1950-х гг.

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00014

Петров Н. И. Чудо как исторический факт: к постановке вопроса

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00015

Беззаконов С. Н. Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00016

Мильков В. В. Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00017

Иценко А. С. Переяславль Южный в политической структуре Древней Руси

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00018

Матыцин К. С. Проблематика отношений к астрологической книжности в средневековой Руси

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00019

Симонов Р. А. Календарно-астрологический текст белорусских татар в списке 1868 г. разъясняет некоторые славяно-русские магические традиции

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00020

Хайдаров Т. Ф. Новгородский мор «лета 6925–6928»

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00021

Никитина А. В. Тверское княжество и Ферраро–Флорентийский собор (1439г.)

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00022

Корзинин А. Л. Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 1. Думные чины

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00023

Чибисов Б. И. Этнический состав сельского населения Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин в конце XV в.

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00024

Белов Н. В. Иосиф Волоцкий и Оршанская битва 1514 г.

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00025

Морозова Л. Е. Годуновы у царского трона

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00026

Тюменцев И. О. Архив Смоленской приказной палаты Смутного времени: перспективы изучения

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00027

Шпаковский М. В. Коловорот любви. К истолкованию рисунка протопопы Аввакума из сборника Н. Н. Заволоко

DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00028

№ 1 (9)

Королев А. С. Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928–2004)

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00001

Конюхов К. Р. Смех в традиционной культуре

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00002

Мильков В. В. Религиозно-философское своеобразие концептуальных оснований Толковой Палеи

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00003

Айвазян К. В. Почитание Григория Просветителя в Древней Руси

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00004

Вагнер Г. К. Крещение Руси и новое художественное сознание

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00005

Грыневич В. «Христос победы». Память о Крещении Руси в проповедничестве митрополита Илариона

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00006

Гумилев Л. Н. Выбор веры

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00007

Джурова А. Иллюминированные русские рукописи в книгохранилищах Рима

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00008

Келер С. Житие преподобного Феодосия Печерского на немецком языке

Копировский А. М. Иконопись XX века — стилизация или поиск?

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00009

Лихачева О. П. Картотека древнерусской рукописной книжности академика Н. К. Никольского и перспективы издания памятников древнерусской литературы

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00010

Михельсон Т. Н. Тема духовного пути в росписи Ферапонтова монастыря

Подобедова О. И. Об особенностях древнерусской художественной культуры

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00011

Федоров А. Н. Храм — основа формирования среды древнерусского города

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00012

Гайденко П. И. Место мирского духовенства в числе церковных людей Древней Руси (начало)

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00013

Баранкова Г. С. К вопросу об авторстве сочинений, приписываемых Кириллу Туровскому (на материале «Почтения о подвиге иноческого жития»)

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00014

Матыцин К. С. Аэромантия и хрономантия в древнерусском тексте «Печать царя Соломона»

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00015

Ищенко А. С. Образ Юрия Долгорукого в дореволюционной историографии

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00016

Городецкий Г. А. К обсуждению религиозного контекста летописного рассказа о новгородских событиях 1418 года

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00017

Корзинин А. Л. Состав думных и дворцовых чинов в правление великого князя Ивана III. Ч. 2. Дворцовые чины

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00018

Костромин К., прот. Антилиатинская полемика в древнерусском богослужении

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00019

Морозова Л. Е. Митрополит Макарий — главный идеолог казанских походов Ивана Грозного

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00020

Симонов Р. А. Н. М. Карамзин как историк математики

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-00021

Номера DOI 10 номера Палеоросии можно посмотреть в начале интересующей статьи.

Правила оформления статей

Статьи для опубликования в журнале «Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях» высылаются на электронную почту paleorosia@mail.ru

Просьба присылать материалы в форматах doc, docx, rtf. Шрифт Times New Roman. В случае использования иноязычных шрифтов необходимо прислать файлы шрифтов и статью в формате pdf. Объем — до 2 авторских листов.

Статьи нужно оформлять в следующем виде:

Фамилия, инициалы

Название статьи (по центру страницы полужирным шрифтом)

Аннотация на русском и английском языках (не менее 3-4 фраз)

Ключевые слова на русском и английском языках (не менее 6)

Текст статьи (интервал — одинарный, шрифт — 12 кегля, абзац — 1,27 см)

Источники и литература

Список источников и литературы должен быть пронумерован и упорядочен по алфавиту. Фамилии и инициалы авторов просьба выделять курсивом. В монографиях общее количество страниц приводится только в том случае, когда есть опасность спутать используемое издание с аналогичным (при совпадении года выпуска и издательства). Для изданий после 1945 года необходимо давать название издательства.

Пример:

Иванов И.°И. Роль крестьян Крайнего Севера в развитии российской государственности XIII-XVII°в. // Вестник Шпицбергенского педагогического института. Серия: история. 2016. №7. С.°34-38.

Сидоров С.°С. Крестьянские поселения на Крайнем Севере: страницы истории. М.: Нарвал, 1997. С.°67.

В конце статьи необходимо предоставить **сведения об авторе**: фамилия, имя, отчество целиком, транслитерация фамилии и инициалов латиницей, научная степень, должность и название учреждения, электронная почта.

Пример:

Иванов Иван Иванович, Ivanov I. I.

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Заалтайского федерального университета

E-mail: ivanov@zaagu.ru

Сноски постраничные. Фамилии и инициалы авторов просьба выделять курсивом. В сносках издательства и иные дополнительные данные не указываются. Инициалы и иные буквенные значения необходимо привязывать к основным словам неразрывными пробелами. Интервал — одинарный, шрифт — 10 кегля, абзац — 0,5 см. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания. При повторной ссылке ставится фамилия и инициалы, а также название книги или статьи в сокращении. Сокращения «Указ. соч.» не используются.

Пример:

Иванов И.°И. Роль крестьян Крайнего Севера... С.°34-38.

Сидоров С.°С. Крестьянские поселения на Крайнем Севере. С.°67.

Библиографическое описание иностранных публикаций производится следующим образом:

Статьи:

Автор. Название статьи. *Название журнала* (дается курсивом), год, номер, страницы. Знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания не ставятся.

Пример:

Smith A. Communications between Elephants and People in Ancient Russia. *Indian historical journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49-53.

В монографиях курсивом дается название книги.

Пример:

Johnson R. *Prince, Saint and Knight: Dmitry Donskoy in soviet historiography*. St. Louis, 2016.

Сокращенные названия иностранных публикаций в сносках оформляется по сходным принципам, что и русскоязычные.

В качестве образца оформления можно использовать статьи выпущенных номеров альманаха «Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях».



Дорогие коллеги!

Ждем ваши статьи в научный журнал «Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях». Проект посвящён проблемам древнерусской истории: истории государственных и общественных институтов, внешнеполитических отношений древнерусского государства, истории христианства на Руси, истории в лицах, истории идей и повседневности. Статьи просим присылать на эл. адрес: paleorosia@mail.ru

Журнал издается два раза в год. Материалы рецензируются. Редакция оставляет за собой право отклонять присланные статьи. Публикация бесплатная. Автору высылается один авторский экземпляр. Журнал размещен в РИНЦ, КиберЛенинке и в научной соц.сети Academia.edu.

Приобрести издававшийся ранее альманах можно, также обратившись по адресу: paleorosia@mail.ru



Учредитель журнала:
Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

**Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях**

№ 2 (10), 2018

Научный журнал

ISSN 2618-9674

Журнал учрежден 29 марта 2018 года
(с 2014 года издавался как альманах)

Главный редактор и редактор-корректор:
кандидат исторических наук, кандидат богословия, протоиерей
Константин Александрович Костромин

Верстка: Н. Н. Пимшина.

Подписано в печать: 06.03.2019. Дата выхода в свет: 20.03.2019.

Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.

Объем журнала: 18,6 а.л. Свободная цена.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86.

Тел.: (812) 207-58-43.

Заказ № 19. Тираж 250 экз.